

A medieval manuscript illustration depicting a court scene. In the background, a large stone castle with multiple towers and spires sits atop a hill. In the foreground, a group of five people are gathered on a grassy lawn. On the left, a man in a blue robe with a gold crown pattern and a red feathered hat stands next to a man in a grey robe and a tall black hat. They are looking towards a woman in a black dress with a red shawl and a gold crown. Next to her is another woman in a blue patterned dress and a black feathered hat. On the right, a woman in a black and white dress with a blue and white patterned hat is kneeling, and a woman in a red dress is also kneeling, looking down at the ground. The scene is set in a lush green landscape with trees and a fence.

Историк и общество средневекового Запада

Памяти профессора
Нины Александровны Хачатурян

BIBLIOTHECA
medii
ævi

БИБЛИОТЕКА
СРЕДНИХ
ВЕКОВ

Редколлегия серии:

С. П. Карпов (*председатель*),
Л. И. Киселева, Г. Е. Лебедева,
П. Ю. Уваров, В. И. Уколова, С. Е. Федоров

НЕЗАВИСИМЫЙ
АЛЬЯНС

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Институт всеобщей истории РАН

Историк и общество средневекового Запада

Памяти профессора
Нины Александровны Хачатурян

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2021

УДК 94(4)"04/14"

ББК 63.3(4)4

И 901

*Печатается по решению Ученого совета
Исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
и Ученого совета Института всеобщей истории РАН*

Рецензенты:

д.и.н., проф., академик РАН С. П. Карпов
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

д.и.н., проф., член-корр. РАН П. Ю. Уваров (ИВИ РАН)

д.и.н., проф. А. Ю. Прокопьев (СПбГУ)

Редакционная коллегия:

д.и.н. М. В. Винокурова; к.и.н., доц. Т. П. Гусарова;

д.и.н., проф. О. В. Дмитриева; д.и.н., проф. А. А. Паламарчук;

д.и.н., проф. С. Е. Федоров; д.и.н. С. К. Цатурова; О. В. Савельер

Ответственные редакторы:

д.и.н., проф. С. Е. Федоров, д.и.н. С. К. Цатурова

И 901 Историк и общество средневекового Запада. Памяти профессора Нины Александровны Хачатурян / отв. ред. С. Е. Федоров, С. К. Цатурова. – СПб.: Алетейя, 2021. – 468 с., ил. – (Bibliotheca Medii Aevi).

ISBN 978-5-00165-342-4

Предлагаемая вниманию читателя монография посвящена научному наследию Нины Александровны Хачатурян (1931—2020) – доктора исторических наук, заслуженного профессора Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, крупнейшего отечественного медиевиста, ведущего российского специалиста по политической истории западноевропейского Средневековья и истории средневековой Франции, видного организатора науки, создателя школы франковедения в России, воспитавшего несколько поколений российских историков. Книга состоит из двух частей, раскрывающих с разных сторон личность историка и его взгляд на изучаемое им средневековое общество. В первой части собраны труды Н. А. Хачатурян, написанные за последние годы, а также знаковые фундаментальные работы прошлых лет. Вторая часть написана коллегами и учениками Н. А. Хачатурян и посвящена анализу ее творческого наследия в различных областях исторического знания.

УДК 94(4)"04/14"

ББК 63.3(4)4

ISBN 978-5-00165-342-4

9

7 8 5 0 0 1 6 5 3 4 2 4

@biblioclub: Издание зарегистрировано
ИД «Директ-Медиа» в российских
и международных сервисах
книгоиздательской продукции: РИНЦ
DataCite (DOI), Книжной палате РФ

© Коллектив авторов, 2021

© С. Е. Федоров, С. К. Цатурова, составление, 2021

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2021

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателя книга посвящена научному наследию Нины Александровны Хачатурян (1931–2020) – доктора исторических наук, заслуженного профессора Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, крупнейшего отечественного медиевиста, ведущего российского специалиста по политической истории западноевропейского Средневековья и истории средневековой Франции, видного организатора науки, создателя школы франковедения в России, многолетнего преподавателя Исторического факультета МГУ, воспитавшего несколько поколений российских историков.

Книга состоит из двух частей, раскрывающих с разных сторон личность историка и его взгляд на изучаемое им историческое общество. В первой части собраны труды Н. А. Хачатурян, написанные за последние годы, а также знаковые фундаментальные работы прошлых лет. Они охватывают как общетеоретические проблемы современной медиевистики, так и конкретно-исторические исследования в домене политической истории западноевропейского Средневековья, истории средневековой Франции и историографии Средних веков. Вторая часть написана коллегами и учениками Н. А. Хачатурян и посвящена анализу ее творческого наследия в различных областях исторического знания и научной коммуникации, в которые она внесла весомый вклад: история власти и государства в Средние века, современные подходы к понятию феодализма, феномен сословного представительства, двор монарха, корпоративизм и средневековый город, отечественная и мировая медиевистика, а также создание и многолетнее руководство Научной группой «Власть и общество».

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕДИЕВИСТИКИ

ХАЧАТУРЯН Н. А.

ЯВЛЕНИЕ «ПУБЛИЧНОСТЬ» В ВЫСШЕЙ ФОРМЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ – ГОСУДАРСТВЕ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Явление «публичность», номинированное безыскусной языковой формой [publicus, publicité], однозначно передающей его качество «всеобщности» (множественности), подчеркивающей альтернативу «единичному» (частному) (privatus, privé), – обрело исключительную значимость в жизни социума. Его понятие, востребованное как в обыденной, так и интеллектуальной среде, оказывается весьма значимым в контексте исторического знания, будучи связанным с предметным содержанием последнего – социальными связями и жизнью в целом человеческого социума¹. Эпистемология исторического знания сегодняшнего дня позволяет говорить о способности явления формировать специальные научные проблемы и даже направления, в частности, в медиевистике. Расширение потенциала исследовательского поиска оказывается связанным с принципиальными изменениями в философии истории.

Приведу несколько примеров:

1. В XIX веке тема «публичности» обрела глубину в направлении «социальной истории». Оно подчеркнуло предметность исторической дисциплины и укорененность политической истории – долгое время казавшейся основной формой исторической рефлексии, – в социальную среду. Направление, которое позволило, в частности, разработать в XX столетии типологию форм средневековых государств в контексте их социального развития. В условиях новой философии истории XX столетия, обогатившей историческое знание идеями системного

¹ Статья представляет собой текст доклада, прочитанного на пленарном заседании Первого Петербургского исторического форума, состоявшегося в Санкт-Петербургском государственном университете 29.10 – 3.11. 2019.

развития, свободного от лимитов «материального соблазна», социальное направление заложило убедительную базу в разработке социальной типологии политических форм средневековой государственности, в частности, в отечественной медиевистике, – базу, резервы которой еще не исчерпаны. В теме «власти», например, в качестве основного показателя явления публичности – актив в изучении «сословной монархии» определил сущностную и противоречивую структуру явления – проблему соотношения личности и власти в социуме, взятую в контексте оценки социальной зрелости общества.

2. Революционный по значимости прорыв новой философии истории XX века, наиболее убедительным образом реализованный в решении проблемы сознания – а именно – преодолевший не только свойственную позитивизму и экономизму недооценку его роли в историческом процессе, но и казавшуюся вечной альтернативу материи и сознания. Новая формула их неразрывности и взаимопроникновения в контексте интересующей нас проблемы заметно облегчила возможность решения трудной и интригующей задачи изучения роли субъективного частного фактора в историческом процессе – объективного по своей природе, но реализуемого актором процесса. В экспериментальном пространстве исторического знания XX–XXI столетий проблема «частного» начала – личности в публичном мире социума стала объектом изучения во множестве направлений – «человеческой», ментальной истории, в культурно-исторической антропологии, обеспечившей измерение политической истории в параметрах культуры и сознания. Заслуживают внимания научные разработки «частной жизни», начатые по инициативе Берлинского Института Высших Исследований в 80-е гг. XX века. Третий том пятитомной работы был создан в коллаборации с участием западноевропейских и американских ученых, в частности Ж. Дюби, Р. Шартье, Ж. Ревеля, М. Эмара и многих других². Анализ темы дан в контексте радикальных изменений в сознании социума на этапе от Ренессанса до Просвещения [отношение к браку, семье, организации домашнего пространства, к образованию, личным увлечениям (дневниковые записи), восприятию власти], – свидетельствующих о росте самопознания и автономизации индивидуального сознания, – показатели, формирующие процесс социальной зрелости

² A History of Private Life. Vol. 3. Passions of the Renaissance / Ed. by R. Chartier. Cambridge, 1989.

западноевропейского социума, в частности на уровне непривилегированных слоев социума.

Отличительным знаком (*image de marque*) исторических знаний XX–XXI столетий стал протест против схематизма (мобилизация, в частности, принципов относительности и вариативности). Любопытным примером «духа раскованности» сознания служит творчество М. Фуко³, давшего расширенное толкование категории «власти», включив в него формы частной жизни социума: власть дома и семьи, школы, зубо врачебного кабинета, поликлиники, этики, психиатрической больницы и тюрьмы, – в совокупности с политической властью государства они создают для человека, по его мнению, состояние паноптизма – поднадзорности. В контексте интересующего нас вопроса – исследование расширяет пространство изучения вопроса о положении личности в социуме.

И еще одна позиция в кратком разделе историографии темы – проект 1990-х гг., посвященный теме *L'État Moderne*⁴. Речь идет о средневековой государственности эпохи позднего Средневековья, – непосредственной предыстории государств Нового времени, реализовавших переход от патримониальных государств к публично-правовым (инициатива западноевропейских ученых, получившая поддержку отечественных ученых-историков⁵). Проект смещает центр исследований

³ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы М., 2016; Фуко М. Рождение клиники. М., 2014; Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М., 2010.

⁴ *Economic Systems and State Finance* / Ed. by R. Bonney. Oxford, 1995; *Legislation and Justice* / Ed. by A. Padoa-Schioppa. Oxford, 1997; *Power Elites and State Building* / Ed. by W. Reinhard. Oxford, 1996; *Resistance, Representation and Community* / Ed. by P. Bickel. Oxford, 1997; *The Individual in Political Theory and Practice*. Oxford, 1996; *Iconography, Propaganda and Legitimation* / Ed. by A. Ellenius. Oxford, 1999; *War and Competition between States* / Ed. by Ph. Contamine. Oxford, 2001.

⁵ Хачатурян Н.А. Феномен сословного представительства в контексте проблемы *État Moderne* // *Власть, общество, индивид в средневековой Европе* / под ред. Н.А. Хачатурян. М., 2008. С. 34-43; Федоров С.Е. Логика *L'État Moderne* // Электронный научно-образовательный журнал «История». Вып. 10 (96). Т. 11. 2020; Паламарчук А.А. Консилиаризм в теории и практике административно-правовых институтов в Англии XI–XVI вв. // Электронный научно-образовательный журнал. «История». Выпуск 10 (96). Т. 11. 2020; Федоров С.Е., Паламарчук А.А. Рассуждения о формуле власти // *Средние века*. 2020. Вып. 81 (1). С. 21-30; Цатурова С.К. Судьбы проекта *État Moderne* в России (заметки участника конференции) // *Средние века*. 2019. Т. 80 (1). С. 112-121.

в институциональную и правовую сферу жизни средневекового общества, представляющую значительный интерес данными, иллюстрирующими максимум возможного в потенциале средневековой государственности⁶.

Актив исторического знания в решении проблемы «публичности», – явления, призванного обеспечить само существование сообщества в нормах права и справедливости, позволяет оценить в качестве ее сущностного принципа – дилемму «личности и социума». На этапе преодоления «дикости» социум отменит реализацию этого понятия в контексте «права сильного». Затянутый во времени этап социального неравенства подчеркнет сильную зависимость решения этого вопроса от «зрелости общества»; конкретные особенности в развитии исторического процесса сделают это решение вариативным.

Сужая исследовательскую задачу в теме «социум и личность», – в короткой статье я позволю себе выделить только некоторые особенности ее решения в варианте средневекового западноевропейского развития.

1. Особенности дофеодального периода

Две большие этнические общности на Европейском континенте – славянская и германская, – вступили на путь цивилизационного развития на том витке исторического времени, которое в историческом знании получило условное название «Средневековье». В своей исходной точке новый этап оставил позади тяжелый период выхода из состояния дикости и упомянутые народы миновали выраженный на этом пути уклад в виде рабства, когда численность рабов превышала количество военнопленных, а реализация хозяйства требовала участия теряющих свободу соплеменников.

Причина этого явления остается не совсем ясной. Действовал ли мистический фактор Времени, отражая общий итог в развитии земной цивилизации, как целостного организма?

Присутствовал ли здесь фактор влияния, который в западноевропейском регионе обрел исключительное значение в форме синтеза –

⁶ См. также: L'État Moderne et les élites, XIIIe – XVIIIe siècles. Apports et limites de la méthode prosopographique. / Éd. par J.-P. Genet, G. Lottes. P., 1996; L'État Moderne: Genèse, bilans et perspectives / Éd. par J.-P. Genet. P., 1990; L'État moderne: le droit, l'espace et les formes de l'État / Éd. par J.-P. Genet, N. Coulet. P., 1990.

глубокого взаимодействия на всех уровнях развития народов региона с высокоразвитой Римской Империей, – синтеза, который можно считать исключительным подарком исторической судьбы для развития западноевропейской цивилизации; подарка, позволившего ей выйти на передовые рубежи в мировом историческом процессе к началу Нового времени.

В этом процессе, несомненно, имевшего место взаимодействия сторон мне хотелось бы подчеркнуть значимость субъективного компонента:

а) «практический опыт» римского социума, в котором бесспорно присутствовали осознанные попытки преодолеть «нерентабельность» (говоря современным языком) хозяйства с применением рабского труда в масштабах латифундии, – отнюдь не редкие случаи отпуска рабов на свободу – и самое любопытное, – в условиях исчезновения свободного крестьянства в качестве условия общественной структуры с рабовладельческим укладом – их трансформация не в рабов, но в колонов, предвосхищавших средневековых крестьян.

б) западноевропейский социум на длительном этапе дофеодального периода в свою очередь внес свой практический опыт, как результат субъектных усилий членов общества. Он стал результатом конкретных усилий в оформлении общественной структуры, обеспечившей единственно необходимую на том этапе прогресса форму использования мелкого производства – сохранение в руках производителя орудий труда. Неслучайно именно Средневековье завершит доиндустриальный период в истории человеческой цивилизации, обеспечив беспрецедентный прогресс в развитии производительных сил. Можно ли рассматривать пережитый опыт в качестве актива социальной зрелости западноевропейского общества? Тем более, что в рамках архаической государственности складывались нормы, которые формировали базу правовой системы дофеодального периода, укрепляя статус свободного члена общины:

- практику «возмездия» вытеснял выкуп или изгнание;
- отменяя право на применение силы, появилась новая формула принципа справедливости: *«Следует отдать государству то, что ему принадлежит, и каждому частному лицу то, что составляет его достояние»*⁷.

⁷ Хачатурян Н. А. Боден Ж. Шесть книг о государстве. Перевод и комментарии // Антология мировой правовой мысли в пяти томах. Т. 2. М., 1999. С. 688–695.

Это «достояние» какое-то время воплощала «первобытная демократия», когда решение публичных проблем реализовало мужское население – воинов социума, прибегавших при выработке решений к «голосу толпы» («*par tourbe*»). Можно допустить, что подобные изменения в социуме не могли не стимулировать историческую память, воздействуя на сознание и, следовательно, его социальный опыт. Ситуацию радикально меняет возникновение социального неравенства, результатом которого станет возникновение авторитарной власти, – отчужденной от общества, с правом принуждения и монополией на закон. Церковь освятит эту ситуацию формулой «Власть спускается с небес»; светская теория объяснит ее необходимость добровольной передачей власти со стороны социума, «поскольку социум запутался в противоречиях».

Авторитарная власть и социальное неравенство, а тем более, социальная зависимость, станут условием отстранения большей части социума от решения «государственных» дел⁸.

Конкретный итог развития западноевропейского социума подтверждает, на наш взгляд, справедливость оценки сегодняшней исторической наукой причины социальных и политических лимитов в обществе – природой общественной структуры (ее эволюцию – становление, расцвет, уход с исторической арены) – и механизм ее функционирования. Особенности этого механизма, в свою очередь, определяют «ведущие» силы общества в качестве собственников основных средств существования, связанный с этим их политико-юридический статус, а также статус тех, кто приводит этот механизм в действие, в частности, – в сфере производства.

⁸ Аристотель, называя требуемые для исторического анализа категории «общего» и «единичного», – наряду с традиционными – «сущность», «качество», «количество», «время», «действие», «отношение», – упоминает менее абстрактные, несущие оттенок субъективности, – «самонахождение» (почти самоидентификация), – «обладание», – «страдание» (!). См.: *Аристотель. Категории* // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 2. / под ред. З.Н. Микеладзе. М., 1978. С. 51–90.

2. Явление «публичности» – вторая особенность Средневековья в контексте «средневекового полицентризма»

Слабость механизма средневековой общественной структуры – как бы странно это ни звучало, – предопределила еще одну особенность в социальном развитии западноевропейского социума, включая явление «публичности», а именно – полицентризм, – диссолюцию политической государственной власти. Общественная структура в условиях мелкого производства, но при сохранении орудий труда в руках мелкого производителя, лишившегося в условиях аграрного переворота только земли, – создала двусмысленную ситуацию отношений «партнерства» и «принуждения» с собственником земли.

Слабость средневековых монархий на этапе патримониальной государственности, в условиях оформления феодальных отношений, – неизбежно завершится появлением уникальной в политической истории социума формой легитимизованного полицентризма, когда заданное принуждение ляжет на плечи индивидуальных собственников земли. Земельные владения частных лиц превращаются в сеньории (франц. *banales*), властные образования с правом принуждения, запускающего механизм общественной жизни социума. Публичные функции оказываются в руках частных лиц, автономность которых подкрепляет правовая практика иммунитета, вплоть до запрета государственным должностным лицам пересекать границы частных вотчин. Ситуация резко ограничивает наполненность явления публичности в руках монарха, подчеркивая его близость частному сектору, поскольку источником силы монарха оказывается, по преимуществу, земля – король *lieu-feux*, – только сюзерен – «первый среди равных» с крайне слабым исполнительным аппаратом (*police*) и службой, основанной на личностных связях.

Можно ли считать явление полицентризма одним из каналов формирования в обществе его социальной зрелости, накопления социального опыта и активности, хотя бы в части общества? Соблюдая принцип относительности, нельзя не заметить, что полицентризм воплощал, в первую очередь, сущностные особенности земельной собственности феодалов и масштабность связанного с этим ослабления центральной власти. Вместе с тем, нельзя не заметить, что первое по времени свидетельство проявления очень важного процесса корпора-

тивной самоидентификации в средневековом обществе, которое стало свидетельством и условием консолидации и активизации социальных сил в целом – продемонстрировали именно земельные собственники. Именно они создали вассально-сеньориальную организацию по защите своих не только экономических, но и политических интересов, – организацию, защищенную нормами права и разработанной с помощью церкви и военной практики – этикой военного сословия, получившего статус нобилитета. Есть еще одно интересное свидетельство причастности господствующей политической силы в Западной Европе к явлению «публичности» в средневековом западноевропейском обществе. Я имею в виду опыт управления частными доменами, содержание которого составили меры по реализации судебных, административных и хозяйственных функций феодалом, потребовавшие комплектования кадров, особенно на уровне крупных территориальных образований – типа бургундского и, тем более, королевских дворов⁹. Этот опыт можно рассматривать в качестве матрицы институтов *police* в процессе формирования публично-правовой государственности.

3. Опыт явления публичности в средневековом парламентаризме

Процесс сословно-корпоративного самоопределения общественных сил, получивший в регионе Западной Европы институциональную и правовую завершенность, к которому присоединилась непривилегированная часть социума, имел своим результатом оформление органов «сословного представительства» или «средневековые парламенты». Они стали самой яркой – более того, – уникальной попыткой (только в Европе на этапе Средневековья, – и в подобной форме) широкого фронта членов социума реализовать свое право на решение проблем публичной жизни¹⁰. Базой явления стал этап зрелости общественной

⁹ *Хачатурян Н.А.* Тема королевского двора в российской медиевистике: рефлексии и эксперимент // Электронный научно-образовательный журнал. «История». 2014. Т. 6 Вып. 4 (37) <http://history.jes.su/S207987840001025-6-1/>; *Хачатурян Н.А.* Королевский двор в институциональной истории западноевропейской средневековой государственности (к вопросу о преемственности в процессе развития) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 10 (96) <https://history.jes.su/s207987840011669-4-1/>

¹⁰ *Хачатурян Н.А.* Сословная монархия во Франции XIII–XV вв. М., 1989; *Цатурова С.К.* «Парламент при своем возникновении был Государственным со-

структуры, который позволил развернуть ее потенциал. В качестве объяснения приведу два аргумента:

1. Эффект развития мелкого производства в средневековой форме его реализации (производитель – собственник орудий труда), – ситуация, которая только в Средневековье обеспечила в процессе общественного разделения труда деление производства на две самостоятельные сферы (аграрную и индустриальную). Развитие собственности на орудия труда подорвало исключительность земельной формы собственности, облегчив вектор движения к созданию доменной печи – знаку рождения новой общественной структуры, ликвидирующей мелкое производство.

2. Вторым показателем стала отмена личной зависимости и, как следствие – рост в этих условиях социальной активности в среде зависимого населения. И, наконец, – процесс формирования публично-правовой формы государственности, идущей на смену патримониальной монархии, – лишившей королевскую власть ореола и статуса «величия» (*majesté*)¹¹ и напомнивший об ее обязанности «служения». Все эти новации внесли свой вклад в публичное сознание общества, выдвинувшего формулу «*Quod omnes tangit ab omnibus tractari*»¹². Средневековый социум преодолел принцип комплектования общественных органов с правом личного участия (республиканская Греция с правом всех свободных, позднее ограниченного имущественным цензом; или участие всех прямых вассалов короля в ассамблеях королевской курии или в куриях сеньоров на местах)¹³. В выборной практике средневекового

бранием»: истоки политических притязаний парламентариев (размышления о своеобразии французской монархии) // Средние века. Вып. 75. (3–4). 2014. С. 9–42; *Цатурова С.К.* Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV веков. М., 2012; *Palamarchuk A.A., Fyodorov S.E.* Parliamentary Protestations and Political Culture in Revolutionary England // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2017. № 3. 2017. P. 655–660

¹¹ *Хачатурян Н.А.* Король-sacré в пространстве взаимоотношений духовной и светской власти в средневековой Европе (морфология понятия власти) // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти / Под ред. Н.А. Хачатурян М., 2006. С. 19–28.

¹² См. подробнее: *Congar Y.* «*Quod omnes tangit ab omnibus tractari et approbati debet*» // *Revue historique de droit français et étranger*. № 35. 1958. P. 210–259; *Marongiu A.* Q.O.T., principe fondamental de la démocratie et du consentement au XIVème siècle // *Album Helen Maud Cam*. 2 vols. Louvain, 1961. Vol.2. P. 101–115.

¹³ *Хачатурян Н.А.* Суверенитет, закон и «вся община»: взаимодействие и дихотомия власти и общества // *Власть, общество, индивид в средневековой Европе* / Под ред. Н.А. Хачатурян. М., 2008. С. 5–10.

парламента оформился «публичный мандат» депутатов трех сословий, трансформировавший частный мандат, известный римскому праву: «*Quid facit per alium – facit per se*». Его «публичность» лимитировал компонент ограничений («императивный мандат») с требованием точно соблюдать инструкции выборщиков – особенность, которая обеспечит право неприкосновенности депутата, но станет препятствием для выработки тогда казавшегося убедительным свидетельством «демократичности» представительного учреждения – принципа большинства. Сословный характер выборов и ограничительные инструкции мандата, которые консервировали явления местничества, – подтверждали неспособность в условиях Средневековья преодоления явления полицентризма, несмотря на усилия центральной власти на этом пути.

Несмотря на очевидные лимиты средневековых представительных учреждений, их совещательную по преимуществу роль, – они стали предысторией парламентов Нового времени, обеспечивших практически в качестве монопольной форму республиканского устройства. Весьма любопытно, что они, – как показало время, – обозначили необходимость решения в будущем некоторых проблем. По результатам достижений буржуазных революций, установивших равенство всех членов социума перед законом, отменой сословного деления, – парламенты смогли ввести принцип большинства, который сегодня, однако, вызывает озабоченность интересами меньшинства в обществе.

В практике средневековых парламентов обращает на себя внимание озабоченность депутатов проблемой реализации их решений. Деятельность испанских кортесов, например, знает попытки создания «постоянных комиссий» в период между сессиями; французские депутаты посылают своих представителей в Королевский Совет, высвечивая проблему соотношения общественных и исполнительных органов уже на том этапе. Высокий уровень институциональной зрелости современных государств усложнит ситуацию оформлением бюрократии, получившей исключительную значимость в политической жизни общества (власть принадлежит бюрократии – в трудах известного французского социолога Бурдьё¹⁴), – обстоятельство, которое не могло не отразиться на состоянии гражданского сообщества и положении личности в социуме.

¹⁴ Бурдьё П. О государстве. Курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М., 2016; Бурдьё П. Социология социального пространства. СПб., 2005

ХАЧАТУРЯН Н. А.

ПРОБЛЕМА «МАТЕРИАЛЬНОГО СОБЛАЗНА» В ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАНИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XXI СТОЛЕТИЙ (лимиты и достижения)¹⁵

Новая попытка анализа автором статьи обозначенной им проблемы вызвана состоянием современного исторического сознания и знания¹⁶. Имею в виду трудности, которые возникли в исторической науке в близком нам по времени XX столетии, когда состоялось рождение новой философии истории с радикальной переоценкой роли сознания в историческом процессе и природе соотношения материи и духа: отечественная медиевистика с трудом преодолевала издержки «материального соблазна» – вызванного толкованием экономического фактора в лимитах позитивизма и марксизма, объявленного тогда официальной методологией. Последнее обстоятельство усилило деструктивное начало в процессе ее обновления во второй половине и особенно в конце XX в.¹⁷

¹⁵ Впервые опубликовано в: *Хачатурян Н.А. Проблема материального соблазна в историческом знании конца XIX – начала XXI столетий (лимиты и достижения) // Концепт-явление «собственность» в общественной структуре западноевропейского Средневековья / под ред. Н.А. Хачатурян. СПб., 2020. С. 30–59.*

¹⁶ Статья представляет собой дополненный в ряде позиций вариант текста в электронной публикации материалов научной конференции, посвященной теме собственности в условиях Средневековья, которая состоялась в апреле 2017 г. и была организована Отделом западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени ИВИ РАН и научной группой «Власть и общество» при кафедре истории средних веков Исторического факультета МГУ: Собственность в средневековой Западной Европе (земля–власть–право). Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Выпуск 8 (62): [Электронный ресурс] URL <https://history.jes.su/s207987840002002-1-2>.

¹⁷ *Хачатурян Н. А. Современная отечественная медиевистика в контексте мировой исторической науки // Средние века. 2001. Вып. 62. С. 195–212.*

В медиевистике процесс обновления сопровождал очевидный отход от социально-экономической истории – направления, успехи которого отличали отечественную науку, начиная со второй половины XIX столетия. Последствия очевидного диктата «официальной методологии» в известной мере предопределили «скупой» интерес отечественных медиевистов к серьезному критическому анализу марксистской философии в контексте экономической теории, переключивших свое внимание на проблемы духовной и политической истории, которые ранее оценивались в качестве «вторичных» по значимости – согласно теории «базиса и надстройки». Исследовательский поиск в этой области предпринимался по преимуществу в экспериментальном пространстве исторического знания.

В качестве редких примеров «публичного внимания» медиевистов того периода к теории марксизма можно назвать дискуссию о генезисе феодализма по книге А. Я. Гуревича в 1970 г., в которой обсуждалось смелое по тем временам, но, к сожалению, на тот момент не мотивированное в возможностях новой философии истории предложение автора противопоставить аграрному перевороту в качестве основной причины возникновения феодальной зависимости желание или необходимость части общинников обрести «покровительство», которое вело к установлению *личностных* связей с последующей возможностью оформления личной зависимости¹⁸. Личностные связи действительно стали особенностью социальных отношений средневекового общества, причина которой, как и в историческом знании XIX столетия, не была объяснена. Повторяя состояние исторического знания XIX столетия, проблема решалась в традиционном противопоставлении «материи и духа», и никому из участников собрания: ни для «пионеров обновления», с их открытой и в тех условиях смелой оппозицией марксизму; ни для умеренных сторонников «обновления марксизма»¹⁹, желавших смягчить остроту дискуссии и не допустить возвращения в научную жизнь ее политизированных форм и поэтому предлагавших «учесть оба фактора» в процессе генезиса – экономического и личностного; ни тем более для строгих «ревнителей марксистского благочестия», – осталось непонятым, что

¹⁸ Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1971; Плешкова С. Л. Об учебном пособии «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе» // Вопросы истории. 1970. № 9. С. 154–167.

¹⁹ Линия поведения, которую олицетворял руководитель кафедры академик С. Д. Сказкин.

речь шла, по существу, о *вариантах* конкретного процесса формирования зависимости. Разрыв их связи демонстрировал бинарный характер мышления участников, для которых оставалось привычным сохранение альтернативы в оценке соотношения «материи и духа» и, следовательно, незнание на тот момент (начало 1970 гг.!), несмотря на знакомство с трудами направления Анналов или с трудом принимаемое сознанием самого радикального по преодолению механицизма мышления достижения новой эпистемы в видении исторического процесса: «материальное в духовном, духовное в материальном».

Сегодня, даже на уровне бытового сознания, кажется очевидной невозможность предположения, что рядовой общинник мог «обеспечить покровительство» нуждавшемуся в нем соплеменнику: процесс формирования социальной зависимости шел на фоне «аграрного переворота».

Не получило серьезного публичного обсуждения направление структурализма, которое в западной медиевистике к середине XX в. заметно обогатило понимание марксистского принципа системного развития исторического процесса признанием в качестве организующего структуру принципа не только экономический фактор, но и фактор сознания. В отечественной медиевистике в начале 1980 гг. применение системного анализа позволило выделить структуру в сфере средневековой политической истории, точнее в реализации ее главной особенности – полицентризма²⁰.

Причина подобного равнодушия осталась неясной: могла ли купировать публичный открытый интерес статья А. И. Данилова, тогда министра просвещения Российской Федерации, в журнале «Коммунист» с осуждением попыток некоторых отечественных медиевистов принять новацию, или парадоксальность самой научной ситуации, в которой отрицалась (!) многозначность едва ли не главного достижения в философии марксизма – принципа системного развития исторического процесса²¹?

²⁰ Хачатурян Н. А. 1) Политическая и государственная история западного Средневековья в контексте структурного анализа // Средние века. 1991. Вып. 54. С. 17–22; 2) Полицентризм и структуры в политической жизни средневекового общества // Хачатурян Н. А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008. С. 8–13.

²¹ Данилов А. И. К вопросу о методологии исторической науки // Коммунист. 1969. № 5. С. 68–81.

В центре теоретических попыток обновления исторического знания в медиевистике того времени оказалась тема «фактологической истории», с ее протестной направленностью против генерализующей истории. Политизированность проблемы, подпитываемая политической ситуацией в нашей стране и Западной Европе, смягчила не столько историческая давность споров «новых эрудитов» со сторонниками интереса к философской рефлексии (казалось бы, решенных уже по научным результатам эпохи Просвещения), сколько выход, который был предложен западноевропейскими представителями направления микроистории, главным образом французской и итальянской школ (К. Гинзбург, Ж. Ревель, Р. Шартье, М. Серто), а также частью отечественных медиевистов. Их усилиями были купированы претензии микроистории на исключительность и убедительно доказана значимость факта только в контексте типологизирующей, системной истории²². Именно эта связка обеспечивает возможность обнаружить и показать субъектный компонент в объективном историческом процессе, актором которого тем не менее является человек.

Сложившаяся тогда ситуация оставляет и сегодня ощущение недоговоренности, в частности, с заметной тенденцией к «умолчанию» вклада отечественной медиевистики в историческое знание, созданного ею в лимитах официального марксизма и часто вопреки им.

Эта ситуация повторяет давние и ставшие традиционными попытки дезавуировать идею преемственного развития в историческом процессе и эпистемологии – соблазн так называемого «синдрома отречения». Соблюдение этого принципа в познании исключает претензии любой методологии, включая марксизм, на конечную истину, но не исключает факта влияния на формирование новой философии истории и возможности сохранения и обновления ее актива, в частности, в толковании такого концепт-явления, как «мода производства».

Попытки деструкции, как правило, обретая остроту в периоды кризисов в историческом знании, сегодня – в постмодернистской эпи-

²² См. материалы дискуссий в: Казус: индивидуальное и уникальное в истории. М., 1999; Историк в поиске: микро- и макроподходы к изучению прошлого. М., 1999; «Одиссей»: человек в истории: Представления о власти. М., 1995; «Одиссей». Человек в истории: Ремесло историка на исходе XX в. М., 1996; *Ретина Л. П.* 1) Новая историческая наука и социальная история. М., 1998; 2) Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории // Социальная история: ежегодник. 1997/1998. Ч. I; 1998/1999. Ч. II.

стемологии, – казалось бы, получают убедительное подтверждение. Уходя от специального анализа деструктивного начала, действительно получившего исключительные формы в постмодернизме, позволю себе только указать, что оно противоречит опыту изучения, в частности медиевистики, которая стала колыбелью современного европейского исторического знания, убедительно демонстрируя жизненность идеи преемственности развития²³.

Последнее соображение объясняет предпринятую в статье попытку анализа проблемы собственности, прежде всего в ее главной форме – земельной собственности, поскольку речь идет об аграрном доиндустриальном обществе. В силу этого обстоятельства именно она сыграла решающую роль в механизме реализации средневековой общественной структуры.

Очевидное вещное начало в главной форме средневековой собственности оправдывает восприятие этого явления в качестве «экономического» и нашу попытку восстановить и в известной мере кон-

²³ О справедливости этого принципа, включенного исторической рефлексией в эпистемологическое пространство философии истории, убедительно рассуждает Гегель в своем университетском лекционном курсе, посвященном анализу и характеристике истории в качестве научной дисциплины. Содержательная сторона курса позволяет рассматривать его в качестве первого, или, осторожнее, одного из первых, учебников по эпистемологии истории. Гегель систематизирует категории, номинирующие формы и особенности жизни общества (фиксируемая им таким образом объективная данность, стимулирующая абстрактное мышление для формирования категорий, не ломает его концепции Абсолютного Духа в качестве креатора этой данности). Он, наконец, дает классические по точности и полноте понимания определение субъектной природы исторического знания, а также формулировку сущностного содержания феномена развития, перед которой время оказывается бессильным. При этом великий философ подчеркивал особую значимость принципа преемственности именно для гуманитарных наук, в которых, по его словам, новые знания не перечеркивают до конца (!) предшествующие знания, в какой-то мере пребывающих в живой ткани последующих. Он позволяет себе резкость, употребив применительно к знанию, лишенному корней, метафору, в которой уподобил его «голому трупу», оставившему для науки неясным ни прошлое явления, ни возможное будущее. Признание Гегелем качественного скачка в толковании взаимодействия компонентов явления развития (тезис – антитезис – синтез) исключает возможность заподозрить философа в плоском «накопительстве» при толковании явления «преемственности» – довод, к которому традиционно апеллируют критики последнего. См.: *Гегель Г. В. Ф. Философия истории. Лекции по философии истории (1837) // Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Т. 8. М.; Л., 1929–1958.*

кретизировать картину функционирования экономического фактора в эпоху Средневековья — с надеждой получить ответ на понимание природы явления «общественное производство» и на причины «материального соблазна» в исторической мысли конца XIX — первой половины XX столетий. Оправданием нашей попытки станет признание автором статьи значимости принципа преемственности в историческом процессе и, следовательно, оправдание возможности обновления старых знаний в соответствии с эпистемологическим «принципом относительности».

Предложенная нами объяснительная модель решения проблемы содержит четыре основные позиции.

1. Генезис явления «собственность»

Проблема *генезиса явления «собственность»* в ее исходном и сущностном качестве средства и условия существования социума — вопрос, который важен для начальной истории любой цивилизации, представляет особый интерес в варианте средневековой западноевропейской истории.

Европейский социум в больших этнических сообществах германских и славянских народов вступил в этот этап цивилизационного процесса (с разбросом по времени), но в начальный период «новой» эры, миновав в целом — *в качестве генерализирующего* — общественное устройство, которое характеризовалось «дикими средствами» преодоления первобытной дикости, когда часть социума оказывалась в статусе «рабов». Обязаны ли европейцы этой особенностью влиянием фактора Времени, в пространстве которого действует опыт человечества в целом, но, что касается древнегерманских и галло-римских народов, их исходный этап становления общественной жизни складывался под влиянием синтеза (прямого или опосредованного) с высокоразвитой римской цивилизацией и ее относительно осознанным опытом (!) изживания рабовладельческого уклада²⁴.

²⁴ Наиболее яркие свидетельства «осознанности» этого опыта (т. е. согласованных действий членов социума) — отказ от латифундиальных форм организации производства как затратных в условиях рабского труда; медленный, но достаточно ранний процесс освобождения рабов и их испомещение на землю; постепенное исчезновение слоя свободного крестьянства, наличие которого определяло саму возможность существования рабства в качестве общественного уклада; разо-

Важность явления «собственности» в контексте заданной темы красноречиво демонстрирует его давняя и неразрывная связанность с возможностями существования человека и социума, т. е. необходимостью удовлетворения потребностей живого организма в питании, защите от непогоды и обеспечении его безопасности. Уже на исходном этапе цивилизационного развития социума, когда человек решал подобные задачи, используя главным образом дары природы – земли, леса и водоемов, – путем собирательства, охоты и рыбной ловли, – социум столкнулся с осознанием проблемы «дележа территории» и необходимостью «согласия» с соседями в варианте относительной многочисленности в концентрации его состава. Последующая история, связанная с неизбежным желанием апроприации территорий, усложнит ситуацию. Прогресс в способности человеческого социума реализовать собственную активность и творческую способность, – которая стала залогом превращения его членов в *актеров* исторического процесса, – переведет проблему «собственности» в сферу общественного производства, в котором определяться ее компоненты и «игроки» процесса – люди – орудия и объекты его труда, – а также, что очень важно, взаимоотношения между ними, постепенно лишаящиеся простоты «всеобщего равенства». Опыт «практического разума», который высоко ценил Кант, подчеркивает естественную и реальную наполненность понятия «общественное производство» и, следовательно, отнюдь не случайную значимость и на протяжении долгой истории человеческого социума – способов его реализации.

Очень медленное развитие орудий труда делало главным объектом притязаний социума землю, определив на долгое время аграрный облик общества и объясняя ее исключительную роль в многовековом периоде доиндустриального этапа в его истории.

Отвлекаясь от дискуссий относительно исходной формы собственности – коллективной или индивидуальной, – вопрос, который, по нашему мнению, не имеет однозначного решения, тем более в альтернативном контексте, будучи зависим от конкретных условий в жизни социума: его количественного состава, социальной зрелости, концентрации в местах расселения и в условиях частой смены мест обитания,

рившийся крестьянин оказывался не в положении раба, но колона, потерявшего землю, однако сохранившего в собственности орудия труда. В условиях социально-экономического неравенства и «мелкого» производства только собственность на орудия труда для производителя могла стать залогом развития.

если иметь в виду длительный период жизни германских племен «на марше», — наконец, от природных и хозяйственных условий жизни.

Следует тем не менее признать, что растущий потенциал социума в процессе производства стимулировал и делал возможным индивидуальные формы его реализации. Их следствием неизбежно становились имущественное неравенство и отношения социальной зависимости, которые должны были затронуть всю совокупность общественных связей.

Таким образом, номинация и содержание явления собственности не исчерпываются уже на этапе раннего цивилизационного развития — только экономическими данными, уводя исследователя в социальную, политическую и духовную сферы и подчеркивая заметную значимость самого явления производства и сложность во взаимодействии его сторон в процессе общественного развития.

Оценка интересующего нас явления в подобном контексте предполагает научную зрелость исторического знания, которой предшествовал весьма растянутый во времени предварительный период его развития. Изменения в подходах к анализу и меняющаяся глубина видения процесса исторического развития в целом объясняет необходимость второй позиции в модели предложенного в статье анализа.

2. Эволюция историографической традиции в оценке средневекового общества

Исходно в течение нескольких веков историческое знание носило описательный характер, отражая общественную жизнь на уровне политической истории. Экономические и социальные формы жизни обычно отражало правовое сознание, фиксируя их в юридических документах и памятниках. В сфере аграрной истории они давали только скудные описания форм земельной собственности и крестьянских держаний с платежами за их пользование; статус этих социальных групп, с мотивацией монопольного права на обретение земли только нобилитетом общества; фиксировали постепенное ослабление этого запрета для *rustici* (зависимых держателей), но опять-таки с исключением для них права обретения статуса благородства...

В контексте интересующего нас вопроса особый интерес представляет отход юристов и историков средневекового периода от описательного характера в эпистемологии, отразившие их попытки понять

«смысл вещей» («essence des choses»), которые пришлись на раннее Новое время. Они готовили, условно говоря, оформление *концепции* сеньориально-вассального и личностного характера отношений в средневековом обществе в качестве отличительной черты общественного устройства. В рисуемой картине возникновение сеньориально-вассального характера социальных связей в среде земельных собственников объяснялось потребностями военного («système de bénéfices né de besoins de la conquête») и административного («propter officium viri») характера.

В контексте философии истории концепция демонстрировала и подтверждала общую особенность в эволюции исторического сознания – исключительную роль политического фактора в качестве первой исторической рефлексии. Вместе с тем нельзя не признать, что политическая структура Средневековья оказалась в этой концепции, связанной с земельной собственностью; именно она непроизвольно, не оговаривая причинно-следственной связи, фиксировала экономическую базу статуса нобилитета для лиц, несущих военную службу. В концепции была угадана – и нельзя не признать – самая яркая из особенностей крупной земельной собственности в западноевропейском воплощении – ее сеньориально-вассальная структура. Наконец, была отмечена ее связанность с политической властью, а также последствиями этой ситуации – «expropriation politique pour cause d'utilité privé», т. е. отмечен полицентризм в реализации политической власти²⁵. Следовательно, в концепции присутствовал слабый росток будущего «социального подхода» в объяснении особенностей политического развития.

²⁵ Любопытным свидетельством эволюции правовой и исторической мысли представляет попытка создания генерального свода правового законодательства во Франции адвокатом парламента А. Луазелем в начале XVII в.: *Institutes coutumières d'Antoine Loysel*. (1606, 1637) / nouvelle édition par J. Dupin et Édouard Lefebvre de Laboulaye. Т. I–II. Р., 1846. Последнее издание 1846 г., вобрав в себя более 900 установлений, собранных А. Луазелем, существенно дополнило его начинание коротким историческим введением, глоссарием тематического содержания для двух томов, словарем правовых норм, а также отдельными поправками первоначального текста (главным образом в части апелляций к трудам средневековых юристов и местному праву). Содержание материалов и их систематизация в правовом своде Луазеля позволила авторам введения к изданию 1846 г. только суммировать в контексте обобщающего вывода картину очевидных для его создателя трех параметров политической и общественной жизни средневековой Франции в номинации «régime des fiefs».

Угаданность тогда – пусть неполная, но отразившая в первом приближении признаки средневекового общественного устройства, должна была обрести большую глубину, – уверенность, которую современная наука оправдывает действием принципа относительности – в процессе исторического развития, развития эпистемологии и феноменологии развития в целом.

Заряд оптимизма, который несет в себе этот принцип, подтверждает факт достижения историческим знанием высокой планки научной зрелости благодаря непростому, противоречивому и обремененному лимитами объективных этапов зрелости историческому сознанию. Духовную зрелость социума усложняли так называемые «тупики» человеческого сознания, которые кажутся «вечными», в частности, бинарность мышления, сопровождаемого, как правило, максимализмом в выборе собственной позиции.

Редкие радикальные обретения в философии исторического знания обрели качество очевидного принципиального изменения в XIX в., позволив считать его началом превращения исторической дисциплины в науку. Наиболее важными из завоеваний исторического сознания следует признать победу светской концепции исторического процесса, которую определила идея органического развития мира. Историческая мысль объяснила специфику органической природы исторического процесса, увидев ее в социальных отношениях и социальных институтах социума. В XIX в. в общих чертах определился *комплексный характер* предмета исторической дисциплины, благодаря признанию экономической истории в качестве индивидуального направления, успехам которого историческая наука была обязана позитивизму в качестве новой истории философии XIX в. Позитивизм легитимизировал наряду с рационализмом принцип «опытного знания». Провозглашенный им «эксперимент с фактом» обеспечил радикальный прорыв в исследовательской работе с письменными источниками. Оформление в рамках позитивизма социологии, казалось бы, обеспечило более убедительное признание идеи необходимости соединения в историческом анализе экспериментальной истории с философской рефлексией, хотя и не гарантировало ученой сообщество XX столетия от повторных дискуссий на этот счет.

Последний из наиболее важных научных успехов в эволюции европейского исторического сознания и в философии истории в XIX в., который заслуживает быть отмеченным, – стал принцип системного развития в явлениях исторического процесса.

В контексте принципа преемственности этот показатель имеет «собственную» предысторию, а именно: настойчивые, начиная с эпохи Просвещения, попытки внедрения идеи «этапности» развития социума на шкале исторического Времени. В содержательной характеристике явления оформляется представление о совокупности и взаимосвязанности комплексных общественных связей, определявших «лицо» этапа, переживающего процессы становления, расцвета, гибели... Естественным продолжением этих попыток стало оформление принципа системности – с видением его в философии марксизма в качестве одной из закономерностей общественного развития. Качественную новацию принципа, преодолевшего «экспериментальную» («накопительную») линию в развитии эпистемологии, подтверждает признание его значимости в философии истории, т. е. сфере видения исторического процесса и способов его объяснения в XX–XXI столетиях. Под его влиянием формулируется понятие «общественная структура», подчеркнувшее высокую степень зависимости социума от «объективных условий» и необходимость иметь в виду его «зрелость» во взаимодействии с окружающим миром. Тогда, в конце XIX в. (и в отечественной медиевистике в период «официального марксизма»), в научной атмосфере «экономического соблазна» реализация явления системности была монополизирована принципом «мода производства». Попытка преодоления сохранившей свои позиции политической концепции феодализма – в условиях «экономического соблазна», сохранения альтернативы в вопросе соотношения материи и духа²⁶, очевидной расколотости научного сообщества и влияния традиционных сторонников идеализма – не могла быть решена без заметных издержек. Более того, ситуация в целом не могла не вызвать кризиса в сфере эпистемологии на рубеже XIX–XX столетий.

Деструктивная сторона кризиса в философском и историческом знании объяснялась резким преувеличением значимости фактора сознания в историческом процессе и крайней субъективизацией и раци-

²⁶ Теория «равноправных факторов» в позитивизме, несмотря на, казалось бы, попытку последнего в экспериментальном пространстве исторического знания «встать над схваткой», не смогла преодолеть альтернативы экономического и политического факторов. Это не помешало О. Конту в оценке политической жизни современного ему общества – в духе привычной альтернативы подчеркивать исключительное влияние фактора сознания. См.: *Конт О. Дух позитивной философии, или Социологический трактат* (вторая половина 40-х гг. XIX в.).

онализацией процесса познания. Однако значительный, несмотря на отмеченные лимиты, актив в развитии исторических знаний XIX в. ослабил деструктивные потери и обеспечил сравнительно быстрый выход из кризиса в XX в. оформлением исключительной по сущностному наполнению новой философии истории.

Инициативу конструктивных начинаний реализовало направление *Анналов* (1930 гг.), к началу 1950–1960-х гг. ее поддержали аналогичные усилия представителей национальных школ Италии, Англии, Германии, США (направления «новой», «социальной» истории)²⁷. Процесс формирования и освоения новой философии отечественной медиевистикой датируется условно 1970-ми гг., будучи подготовленный внутренними импульсами творческого обновления марксизма, начиная с явления так называемой оттепели 1960-х гг. в политической и творческой жизни страны.

Объем и быстрота научных результатов в развитии нового этапа в историческом знании XX столетия оставляют впечатление творческого взрыва. Его подтверждает не только масштабная численность новых научных направлений в экспериментальном пространстве исторического знания, возникавших в сближенном временном ряду и открывших новые неожиданные стороны потенциала самого исторического процесса²⁸.

Успехи в экспериментальном пространстве исторического знания XX столетия предопределили новации в области методологии, научным императивом которых естественным, нерегулируемым образом стала установка на преодоление свойственной человеческому мышлению склонности к механизму, и, самое главное, они обеспечили эту возможность. Отличительным знаком периода в силу этих особен-

²⁷ Bloch M. *Apologie pour l'Histoire ou Métier d'Historien*. P., 1956; Febvre L. *Combats pour l'histoire*. P., 1953; Chartier R., Revel J. *La nouvelle histoire*. P., 1978; Le Goff J., Nora F. *Faire de l'histoire*. P., 1975; Duby G. *Pour une théorie du féodalisme*. P., 2004; Guerreau A. *Le féodalisme: un horizon théorique*. Préface de J. Le Goff. P., 1978; Hilton R. H. *Bond men made tree*. L., 1973; Evance P. J. *Undefence of History*. L., 1997; Thompson W. *Postmodernism and History*. Basingstoke. 2004; *The Brenner Debate* / Ed. by T. H. Aston, C. H. E. Philipin. Cambridge, 1958.

²⁸ Направления аграрной, глобальной, цивилизационной истории; ментальная и «человеческая» история; микроистория; формирующийся блок направления исторической антропологии; структурализм и постструктурализм; новации в социальной и политической истории – в частности, направление культурно-исторического измерения политической истории.

ностей (*image de marque*) можно назвать эффект «раскрепощенного» сознания.

Силу этого эффекта предопределила не только переоценка роли сознания в процессах исторического развития и его познания, диктуемая протестом против увлечения «плоским экономизмом» второй половины и конца XIX в., но преодоление, наконец, многовековой в рамках Средневековья и ставшей, таким образом, традиционной альтернативы в вопросе соотношения материи и духа. Обретенное историческим сознанием понимание факта их неразрывности по научной значимости не уступает факту утверждения на рубеже XIX–XX вв. светской концепции истории, тем более что последняя новация обозначила и подчеркнула перспективу исторической эпистемологии, предложив убедительный пример преодоления бинарного мышления²⁹.

Лимиты статьи диктовали необходимость сокращения характеристики проблем методологии, которые открывали новые горизонты поиска и меняли его прежние результаты, только упоминанием тех из них, которые имеют непосредственное отношение к теме нашего исследования.

В их ряду прежде всего вопрос о влиянии новой формулы в понимании соотношения материи и сознания на, казалось бы, давно известную и очевидную по своей ясности проблему комплексности исторического процесса, исключившую принцип иерархии в контексте взаимодействия и соотношения его сторон.

Особый интерес для нас представляют поправки, внесенные в идею системного развития направлением структурализма, представители которого доказали возможность явлений с системой повторяющихся связей (литургия связей) не только в сфере экономики, но и в духовной, социальной и политической жизни. Желательную для системного анализа гибкость сообщили принятые наукой поправки в виде признания внутренней гетерогенности общественных структур, а именно их укладности (рождение нового уклада, его расцвет и специфика

²⁹ Сущность сложной для понимания новой формулы соотношения материи и духа – «материальное в духовном, духовное в материальном» – убедительно объясняет Ж. Дюби, справедливо отмечая, что оценка категории «производственные отношения» в качестве «экономической» требует корректив, так как отношения собственности и труда не могли не осмысливать в своем сознании участники процесса. См.: *Lardreau G. Dialogues. G. Duby – G. Lardreau // Duby G. Qu'est-ce-que la société féodale. P., 2002. P. 1583.*

ухода; возможность временного сосуществования старого и нового укладов).

Наконец, в контексте темы «раскованности сознания» следует отметить заслугу новой философии, включившей в пространство эпистемологии в качестве принципов познания понятие «относительности развития», преодолев прежний плоский нигилизм в его толковании, купирующий познание, а также понятие вариативности явлений исторического процесса при сохранении их сущностного содержания.

Обновленное толкование привычных понятий смягчило тяжело-весный образ «объективного исторического процесса», подчеркнув значимость для его реализации «конкретных условий», субъектного начала в нем и состояние постоянного движения.

Научные достижения XX столетия радикально изменили картину прежнего видения средневекового общества – не только признанием необходимости наполнения «политической концепции» его видения экономическим содержанием, но заметно «поправив» само понимание проблемы соотношения факторов исторического процесса, освободив его от «материального соблазна».

Последнее обстоятельство побуждает продолжить предпринятый нами анализ земельной собственности в условиях генезиса и установления феодальных отношений, который может помочь в решении заявленной в статье проблемы.

3. Особенности средневековой общественной структуры в контексте авторского толкования данных современной медиевистики

Теоретический аспект анализа в статье проблемы земельной собственности в качестве ее главной формы (в условиях аграрного этапа доиндустриального периода в истории цивилизации) побуждает рассматривать ее в контексте общественной структуры – сферы, в которой с большой долей убедительности проявляла себя объективная природа процесса, диктуя высокую степень зависимости от нее социума и, следовательно, от уровня его зрелости во взаимоотношениях с окружающим миром.

Состояние этой «зрелости» определяла взаимосвязь *четырёх* основных особенностей земельной собственности, обеспечивая ее экономические возможности, характер социальной и политической орга-

низации и сознание, определявшее созидательную активность актора процесса, некогда превратившего палку в орудие труда.

Разные по своей природе, способу и условиям реализации, они демонстрируют жесткую внутреннюю связанность, действуя на разных уровнях исторического процесса – экономическом, социальном, политическом, духовном. Каждый из уровней явления – экономический, социальный, политический – имел свои формы осознания, которые отличались мерой соотношения ментального и оторефлексированного начал, отражая общие закономерности в духовной жизни средневекового сообщества в Западной Европе. Все четыре особенности формировались постепенно, с возможным отставанием или опережением в своем становлении.

Отличительным знаком *процесса реализации* земельной собственности на уровне экономических или социально-политических отношений являлась ее «разделенность». Факт реализации собственности на разных уровнях исторического процесса – экономическом или политическом – предопределял «неодинаковость» целеполагания форм «разделенности» и неодинаковую степень их значимости.

На уровне социально-политических отношений факт «разделенности» подчеркивал вариативность явления в средствах реализации его сущностного содержания. Формирование этой сущностной особенности средневековой собственности, которую воплощало появление мелкого производителя, зависимого по земле, но владеющего орудиями труда, диктовал, как было показано выше, опыт предшествующего этапа развития социума, который не только дискредитировал грубые формы рабского труда, но сделал очевидным его нецелесообразность. Возможность перспектив естественного развития с заинтересованностью в результатах своего труда в условиях мелкого производства могла обеспечить только собственность мелкого производителя на орудия труда и его личная свобода. Отмеченная особенность подчеркивает несомненную значимость экономической формы собственности, однако ее вторая особенность на уровне социально-политических отношений лишает ее качества исключительности и безусловности. Необходимость социально-политической формы земельной собственности была вызвана особенностью способа производства – положением мелкого производителя в качестве собственника орудий труда, требовавшим дополнительных условий для функционирования экономической системы. Они были реализованы в явлении «внеэкономического принуж-

дения», которое обеспечивало административную и судебную власть отдельного собственника над личностью крестьянина – уже не раба, но ограниченного в «гражданских» правах актора процесса. Ситуация отражала весьма постепенную последовательность в формировании вектора исторического процесса с очевидной (с позиций сегодняшнего дня) тенденцией к ослаблению фактора насилия в обществе, а также к росту возможностей и усилению роли субъективного фактора в нем³⁰.

Социально-политическую форму земельной собственности реализовал специфический институт в виде сеньории – *banale*³¹ с функциями не только экономического, но административного и судебного принуждения.

Эта особенность *подчеркивала* и углубляла разделенность собственности на землю и орудия труда. Она делала *легальным* (!) институт частной власти, итогом которого стала дисперсия политической власти, или полицентризм в средневековом обществе, создавая структуру политических связей: власть в центре и власть на местах. В первом по времени варианте политической структуры верховной власти противостоял земельный собственник, наделенный иммунитетными правами. В условиях уже сложившегося средневекового общества полицентризм усилит и дополнит процесс выраженного в Западной Европе корпоративизма, результатом которого в рамках государственности станет относительная автономия общественных сил в рамках ремесленных цехов, торговых гильдий, сословий, городов с правом самоуправления и других образований. Свойственный историческому этапу партикуляризм осложняя положение центральной власти в ее стремлении к собственному усилению и тем самым централизации государств, не был и не мог быть преодолен в рамках средневекового общества³².

Обозначенная в статье в качестве третьей особенности земельной собственности опять-таки ее «разделенность» – теперь реализовала себя в среде самих земельных собственников, численность которых по этой причине заметно возрастала. Особенность была вызвана той же необходимостью реализации собственности, но в данном случае

³⁰ В рамках Средневековья эта тенденция проявит себя благодаря приобретению зависимым производителем в аграрном секторе личной свободы и активизации социальных функций сельской общины.

³¹ Вап – принуждение, власть в средневековом праве.

³² Хачатурян Н. А. Полицентризм и структуры...

вне прямой зависимости от проблем ее обработки, скорее задачами ее военной защиты (обеспечение для крупного земельного собственника проблемы содержания дружины). Дополнительным результатом этой особенности явилась возможность не только решить проблему военной защиты, но в известной мере облегчить для земельного собственника исполнение им трудной – в порядке «частных усилий» – функции принуждения и административного контроля за зависимым крестьянством, рассредоточив ее решение между большим числом земельных собственников в рамках дробного числа сеньорий, маноров, вотчин.

Решение проблемы внутреннего деления земельного фонда стало возможным в условиях эволюции форм земельной собственности, которую продиктовала потребность ее реализации – от «аллода» как формы безусловного распоряжения землей к «бенефицию» (ненаследуемой форме собственности на условиях службы) и к наследуемому «феоду». Условный характер индивидуальной собственности неизбежно обеспечивал внутреннюю консолидацию общественного страта собственников и, следовательно, его относительную стабильность.

Варианты «разделенной» земельной собственности любопытным образом разнообразили и умножили варианты социальных отношений в обществе, демонстрируя сотрудничество и его нарушения, нередко в резких конфликтах. В одном случае – сущностном знаке общественной системы – состоянии глубокой взаимозависимости сторон (земля мертва без производителя для феодала, крестьянину для функционирования принадлежащих ему орудий труда была необходима земля) создавало не только иллюзию, но ощущение известной реальности «партнерских» связей собственника земли и крестьянина, которая в научных исследованиях нередко имела своим результатом недооценку состояния зависимости в положении последнего.

Во втором случае ответом на вынужденный акт раздела крупной собственности с целью «платы за службу» явился в известной мере осознанный (опять-таки благодаря практическому опыту) шаг к оформлению сеньориально-вассальной системы в среде земельных собственников. Подобная форма консолидации последних отражала исходную традиционную сущностную особенность в жизни социума: неизменное включение человека в коллектив в качестве условия его жизни и деятельности – явление, имевшее особо выраженные формы

в доиндустриальных обществах и получившее в научной литературе номинацию «корпоративизма»³³.

Необычность данной ситуации демонстрировала исключительная форма самоорганизации общественного страта земельных собственников, в среде которых относительно рано возникла система социальных связей, консолидируя их на общегосударственном уровне и получив вариативное воплощение только в рамках Западной Европы (за небольшим исключением). Целеполаганием явления стало решение проблем социально-экономического и социально-политического благополучия политической элиты общества. Консолидация этого общественного страта продемонстрировала высокий социальный потенциал, обеспечив его *институциональное и правовое оформление*. Объединение земельных собственников – в рамках существующей и создаваемой этики и правовых установлений – с помощью людей церкви и легистов оформило и закрепило договорные (контрактные) отношения сеньоров и вассалов – с условием взаимного соблюдения прав и обязанностей сторон. Другим итогом стало появление особой формы рыцарской этики, сформированной под сильным влиянием опыта войны и практики рыцарского сословия, нравственные нормы которой пыталась изменить христианская теология. Наконец, институциональная и этико-правовая форма организации земельных собственников обеспечила феодальной элите статус «благородства». Отмеченная яркая особенность в вариативном воплощении организации земельных собственников в Западной Европе (более или менее жесткая связь сторон в договоре; неодинаковый уровень централизации в системе) не имела всеобщего характера даже в рамках Европы, что объяснялось спецификой общественного развития для большей части западноевропейских регионов, но не свойственной, в частности, России на средневековом этапе ее истории.

В последнем случае – в самой общей сумме показателей – российский вариант отличала специфика в эволюции славянской общины

³³ Хачатурян Н. А. Средневековый корпоративизм и процессы самоорганизации в обществе. Взгляд историка-медиевиста на проблему коллективного субъекта // Хачатурян Н. А. Власть и общество... С. 31–45; Хачатурян Н. А. Великая хартия вольностей. Документ и знаки времени в контексте историописания // Средние века. 2016. Вып. 77 (1–2). С. 49–61; Эксле О. Г. Действительность и знание. Очерки социальной истории Средневековья. М., 2007; Lousse E. Les caractères essentiels de l'État corporative du Moyen Âge à la fin de l'Ancien Régime // Bulletin of the International Committee of Historical Sciences. 1937. IX. № 37. P. 46–61.

с характерной для нее тенденцией к сохранению отдельных коллективных норм в использовании земельной собственности, вызванной, в частности, суровыми природными условиями жизни.

Бессинтезный (в отличие от многих регионов Западной Европы) вариант формирования феодальных отношений с неизбежной для него активацией роли центральной власти в формировании крупной земельной собственности (как это случилось в северных регионах Западной Европы) и потому столь же неизбежным ее усилением, опережающим консолидацию общественных сил.

Аналогичные последствия имел факт преобладания государственной формы земельной собственности в соотношении с масштабами собственности, рассеянной в индивидуальном секторе, что опять-таки позволило центральной власти опередить в своем усилении процесс становления общественных сил и ограничить таким образом активность последних³⁴.

Корпорация собственников земли в Западной Европе в условиях формирующихся феодальных отношений в исходном импульсе к самоорганизации преследовала главным образом экономические цели сохранения, защиты и реализации условий их существования. Однако значимость земельной собственности в средневековом обществе не могла не стать условием и гарантом их статуса политической элиты. Потребовалось немного времени, чтобы оформились притязания элиты на политическую активность в масштабах государства в качестве общественной силы, ограничивающей центральную власть³⁵.

Актив исторического знания в XX – первой половине XXI столетий позволил не только наполнить новым содержанием традиционную «трехчастную» концепцию средневековой общественной структуры, но и дополнить ее новым сущностным показателем – средневекового сознания и культуры. Новые решения в оценке фактора сознания, его роли в историческом процессе и проблеме соотношения с материей активизировали внимание научного сообщества к теме средневековой структуры, определив появление новых направлений научного поиска: углубленное изучение природы явления в контексте сознания – направления ментальной истории и культурно-исторической антропологии;

³⁴ Хачатурян Н. А. Средневековый парламентаризм: к вопросу о предыстории европейского гражданского общества // Новая и новейшая история. 2017. № 4. С. 16–23.

³⁵ Хачатурян Н. А. Великая хартия вольностей...

связанная с ролью субъективного фактора в историческом процессе микроистория; а также разработки по внедрению культурно-исторического измерения в традиционные проблемы экономической, социальной и политической истории.

Научный актив в интересующей нас теме носит по преимуществу конкретный характер и требует обобщающего и специального анализа. Поэтому автор статьи ограничился упоминанием и общей оценкой четвертого показателя специфики средневековой структуры в сфере общественного сознания, — только в ряде случаев апеллируя к конкретике³⁶.

Завершая анализ средневековой общественной структуры, нельзя не сказать об одном факте чрезвычайной важности в ее судьбах, а именно: еще одном акте «деления собственности» на уровне общественного производства. В данном случае речь идет о собственности на орудия труда, развитие которой предопределило самостоятельное существование доменов аграрного и ремесленного производства. Новацию объясняет массовый рост городов в качестве центров ремесла и торговли на рубеже XI–XII вв. в Западной Европе, что в свою очередь стимулировало процесс общественного разделения труда и связанный с ним прогресс в специализации ремесленных занятий и усложнении орудий труда.

Отмеченные изменения в совокупности с их социальными последствиями — процессами освобождения от личной зависимости в непривileгированной среде городского и сельского населения и активизацией общественной роли последних — открыли процесс модернизации средневекового общества в Западной Европе XIII–XIV вв.

Изменения в системе производства и собственности сохранили мелкое производство и статус производителя в качестве собственника орудий труда в городе и деревне.

³⁶ Проблема меняющегося отношения к земле производителей по мере возникновения статуса собственника и его потери; множественности форм обладания землей — условная и безусловная собственность, владение, держание, сейзина; условия наследования и выкупа земли; различия в правах на землю сеньора (*dominium*) и вассала (*dominium utile*), который пользовался только плодами, выращенными на этой земле; наконец, проблема собственности в виде личного имущества, в формировании которого могла не участвовать земля, а также формы собственности, источником которых оказывался труд интеллектуала или государственного чиновника.

Эта особенность на этапе доиндустриального общества явилась тогда едва ли не единственным условием самой возможности прогресса. Тем не менее достигнутые изменения подорвали монополию земельной собственности на исключительность ее значения в средневековой общественной структуре³⁷.

Масштаб аграрного сектора в обществе, которому еще не скоро предстояло перешагнуть этап Средневековья, позволил с изменениями, но сохранить экономические позиции земельных собственников и позиции политической элиты, состав которой тем не менее постоянно менялся за счет государственного аппарата, роста капиталов в торговле и ремесле.

Ведущим фактором развития в Западной Европе становилось ремесленное производство – точнее, процесс совершенствования и усложнения орудий труда, который готовил условия для перехода к крупному производству и новой структуре общественных связей. Парадокс ситуации заключался в том, что прогресс мелкого производства готовил его гибель в качестве основной формы производства. Ценой его гибели, однако, был открыт новый этап – индустриального развития социума.

4. Итоги исследования

Итоги представленного в статье материала оправдывают желание автора прежде всего подчеркнуть значимость самого этапа Средневековья на шкале исторического времени в общем процессе цивилизационного развития: его общественная структура в качестве результата практического опыта социума воплотила максимально точный ответ на запрос последнего – в условиях уже определившегося явления социального неравенства и мелкого производства с присущими ему примитивными орудиями труда, сохранив последние в руках непосредственных производителей. Этот ответ обеспечил возможность их совершенствования и, следовательно, прогресса в цивилизационном развитии.

Попытка решения заявленных автором в названии статьи задач реализовалась в контексте соединения теоретического уровня анализа

³⁷ Успехи в развитии орудий труда расширяли потенциал земли в качестве средств производства и объекта собственности, делая доступными ее природные богатства.

с итогами конкретных исследований средневекового общества, которыми располагает современная медиевистика. Предпринятый в статье теоретический анализ темы «средневековой собственности» позволил поставить итоговую оценку исследования в контексте авторской реакции на обретения и лимиты в области философии истории и исторического знания XX–XXI столетий.

Полученные нами итоги оправдывают, в частности, попытку заново вернуться к оставшимся пока спорным и нерешенным вопросам «тайны производства» и «общественной структуры», регулируемой «способом производства». Монополия последнего в качестве принципа системного развития и выраженная тенденция на преувеличение значимости экономического фактора в историческом процессе объяснялись плоским «экономизмом» позитивистской философии, решавшей эту проблему в привычной альтернативе материи и духа, что, естественно, вызвало ответную переоценку фактора сознания и субъективизацию процесса познания в кризисе XIX–XX вв. Новая философия истории XX столетия, преодолевшая традиционную бинарность позиции в вопросе соотношения материи и духа, казалось бы, решила проблему «материального соблазна», однако отголоски последнего продолжали свое существование, в частности, в пресловутой теории «базиса и надстройки» в отечественной исторической науке до этапа перестройки, демонстрируя сложность в преодолении тупиков человеческого сознания.

Анализ в статье средневековой собственности в ее главной – в условиях доиндустриального этапа развития – форме земельной собственности³⁸ помог, на наш взгляд, не только оценить достижения исторического знания XX столетия, к которым, несомненно, относится понятие «общественная структура», соединившее в своей номинации принципы системного и комплексного развития, но позволяет внести некоторые уточнения в толкование философии науки XX в., в экспериментальном пространстве которой продолжается исследовательский поиск, однако в понимании эпистемы которого остаются недоговоренности и противоречия.

³⁸ Средневековая общественная структура в контексте «долгого Средневековья» действовала (условно) на отрезке IV–XVIII вв. в Западной Европе. Условность поставленной нами даты «конца» Средневековья позволяет (столь же условно) говорить о начале Нового времени в его полной и в общих чертах «завершенной» форме, опуская период его становления на этапе «раннего Нового времени».

Очевидность принципа комплексного развития не требует подтверждения, не исключая тем не менее потребности повторных обращений к нему; что касается системного принципа, то его научную доказательность убедительно продемонстрировали отмеченные выше в нашем тексте успехи в направлении структурализма в XX столетии, которые свидетельствовали о способности каждого (не только экономического) из факторов исторического процесса стать организующим принципом структурных образований в области не только экономической, но и социальной, политической и духовной жизни.

В качестве исходных позиций нашей итоговой оценки средневековой земельной собственности следует признать весьма неоднозначные результаты ее анализа.

Отразив специфику реализации мелкого производства на этапе Средневековья руками производителя – владельца орудий труда, земельная собственность обнаружила свою «вещную» (материальную) форму, не вызывая, казалось бы, сомнений в присущем ей качестве «экономического явления» – в соответствии с привычной схемой систематизации общественной жизни социума. Однако картина ее *реализации* в сфере производства уже в исходной точке ее формирования и тем более в истории ее дальнейшего существования в сложной системе внутренних связей в жизни социума заметно ломает привычную схему.

Собственность приобретает правовую номинацию – событие, которое произойдет не сразу, став более поздней по времени своего возникновения особенностью, чем факт освоения земли в качестве необходимого условия существования социума, усложняясь в формах правовой мысли по мере зрелости последнего. В контексте сущностного условия самого факта реализации земельной собственности экономические права могли быть осуществлены, как оказалось, только с помощью обретенных в силу необходимости *политико-юридических* и социальных прав принуждения. Более того, право юрисдикции собственника земли могло быть уступлено, продано как *вещь*, став, таким образом, источником существования для другого лица, выступавшего в роли только администратора.

Наконец, экономический знак сущностного смысла явления «собственности» в качестве средства (источника) существования не сохранит свою силу для членов социума, если ими станут не представители среды аграрного и ремесленного производства или торговли, но интеллектуальный труд, сфера городской недвижимости, государственные

должности и даже такой, казалось бы, парадоксальный источник существования, как практика «продажи государственных должностей», постепенно изживаемая при переходе патримониальных форм государственности к публично-правовому государству – *État Moderne*, непосредственному предшественнику государств Нового времени.

И последнее: полицентризм политической структуры средневекового общества, легализирующий частную власть земельных собственников, объяснит политико-юридический статус последних в качестве политической элиты и ее причастности к политической власти в государстве. Иными словами, исходное содержание концепт-явления «собственности» неизбежно предстает как многозначная сущность, из которой нельзя исключить ни одно из проявлений ее данности. Более того, обращает на себя внимание очевидность высокой степени связанности в представленном варианте земельной собственности всех форм сущностных качеств (экономических, социальных, политико-юридических и форм самоидентификации) в жизни социума.

Полученные в статье итоги побуждают к новой попытке взглянуть на «тайну производства», традиционно воспринимаемую как исключительно «экономическую загадку». Тайна может лишиться лимитов «экономического детерминизма» в толковании природы исторического процесса. Саму возможность итоговой попытки подсказывает затронутый в статье аспект рассмотрения явления в контексте его реализации, т. е. живой жизни социума. Этот аспект позволяет преодолеть издержки самого процесса научного поиска в области исторического знания. В силу его неизбежной специализации, если исключить вариант направления «глобальной истории», историк чаще всего изучает какую-то одну из сторон живого организма, каким является процесс развития общества. Смещение акцента в историческом анализе в статье оживило знакомую с эпохи Просвещения идею комплексности исторического процесса, потенциал толкования которой, как оказалось, еще не исчерпан. Более того, соблюдение принципа преемственности в развитии (будь то исторический процесс или эпистемология), в толковании его в контексте формулы развития Гегеля, делает целесообразным попытки «заново взглянуть» на уже знакомые исследователям достижения исторической мысли в эпистеме XX столетия, чрезвычайно важному для повторных прочтений, с учетом реакции на нее научной общественности в самом XX в. и сегодня, в условиях обострения деструктивных тенденций постмодернизма.

Склонность человеческого сознания к бинарной манере мышления продолжала демонстрировать его издержки даже в исключительном по результатам научных итогов историко-философском знании XX столетия³⁹. Издержки обнаруживали себя очевидной увлеченностью новых направлений исторического знания к духовной жизни и претензиями на собственную исключительность некоторых из направлений (ментальная история, микроистория), – с неприятием генерализирующей истории, развитие которой, собственно, и предопределяло их собственные успехи. Неприятие «генерализирующей» истории в отечественной медиевистике советского периода с лимитами, связанными с особой формой марксизма в качестве «официальной методологии», стимулировало внимание к констатации по преимуществу только просчетов в оценках «экономического детерминизма», отодвигая во времени специальное внимание к этой весьма сложной и неоднозначной проблеме.

Отмеченная нами в статье многозначность явления средневековой собственности побуждает вспомнить о сложности исторического процесса в целом – этого живого организма, действующего в совокупности всех присущих ему качеств и неоднозначностью в комбинации внутренних связей его взаимодействующих сторон. Неоднозначность диктовала специфика природы каждой из сторон – экономической, политической, социально-духовной, обнаруживая себя в разнообразии форм и темпах проявлений ее качеств, в характере переклички связей сторон друг с другом.

Подобный динамизм и сложность во взаимодействии внутренних связей исторического процесса и составляющих его общественных явлений не исключали состояния жесткой связки, которая сохраняла во временных лимитах жизни каждого из упомянутых явлений его качественную определенность.

Самый факт сложности внутренних связей призывает к осторожности, в частности, в оценках экономического фактора, побуждая вспомнить о принципе относительности.

Формула преодоления антиномии материи и духа, исключительность которой (я позволяю себе это повторить) по своей значимости для перспектив исторического знания и убедительности ее научного

³⁹ Уже преодоление в новой эпистеме альтернативы материи и духа, казалось бы, могло гарантировать человеческую мысль от едва ли не главного из тупиков сознания – склонности максимизировать одну оценку, мнение, позицию.

потенциала открыла путь к отказу от упрощенного анализа, в частности сняв принцип иерархии в функционировании факторов исторического процесса.

В этом же направлении действуют исследования в изучении природы исторического Времени, авторы которых обратили внимание на неоднозначность его природы: время «долгой протяженности» (*longue durée*), с повторяющимися и глубинными («литургическими», «постоянными») связями, и «короткое время», с быстротекущими и меняющимися событиями в политической жизни и связанными с ними формами общественного сознания, т. е. в «поверхностной канве действительности».

Эти разработки имеют множественный результат: они легитимизируют понятие «общественной структуры», регулируемой, в частности, «способом производства», но подчеркнув исключительную значимость факта зависимости последнего от комплексного потенциала социума на шкале исторического Времени и позволив, таким образом, оценивать номинацию «уровень развития» (или «уровень зрелости») в качестве специального фактора в эпистемологии исторического процесса, подчеркивающего зависимость социума от объективных условий его существования. Мобилизация этого фактора в познании предупреждает от не менее «плоской» (чем столь критикуемая в литературе «переоценка») недооценки роли экономического фактора. Превращение палки дикаря в орудие производства, а тем более создание доменной печи, предопределившее конец господству мелкого производства и, следовательно, многовековому доиндустриальному этапу в цивилизационном развитии социума потребовало экономических усилий, однако качество и успех последних зависели от уровня сознания и знаний акторов процесса.

Не желая ни в коей мере преувеличивать значимость наблюдений, полученных в результате конкретного исследования только одного феномена, — средневековой земельной собственности, хотя и подкрепленных теоретическим активом исторических знаний, полагаю допустимым высказать несколько соображений в контексте интересующей нас «тайны производства», часто толкуемой в лимитах исторического сознания XIX века. Подсказанный в статье контекст рассмотрения исторических явлений в условиях их реализации позволяет отметить впечатляющее разнообразие «проявлений жизни» каждой из сторон этих явлений — с их функциональным назначением, темпами разви-

тия, степенью выразительности, а также особенностями их внутренних контактов⁴⁰. Это «естественное разнообразие», в свою очередь, позволяет допустить возможность для любой из сторон в каких-либо условиях стать опережающим или ведущим фактором развития самого явления в рамках его качественной определенности. Иными словами, возможность выхода на «передовую линию» какого-то одного из факторов (сторон) общественного явления не обесценивает естественной востребованности и значимости всех остальных факторов, включая экономический, так как они продолжают действовать как совокупная данность⁴¹.

Возможная «игра сил» в условиях реализации явления, подчеркивая неоднозначность исторического процесса в целом, не может тем не менее обесценить или перечеркнуть фактор объективных условий в формировании больших общественных структур этапного развития, реализация которых предполагает определенный уровень зрелости в организации общественных отношений в социуме. В этом случае историк не может уйти от понятия «способ производства», – но сегодня оно номинирует явление, образ которого лишен абстрактного экономизма.

Высказанные соображения, освобождая историческое знание от «экономического соблазна», облегчают возможность реальной, лишенной схематизма оценки значимости экономического фактора. Они

⁴⁰ Berr A. La synthèse en histoire, essai critique et théorique. P., 1911; 1953; Braudel F. 1) *Écrits sur l'histoire*. P., 1969; 2) *Histoire et sciences sociales. La longue durée* // *Annales E. S. C.* 1958. № 4. P. 725–753.

⁴¹ Опыт близкого нам прошлого дает основания вспомнить судьбу революции 1917 г. Поставленные в ней цели социалистических преобразований революционной партией большевиков, в какой-то мере осознававших их несоответствие объективным условиям развития России того времени (относительная слабость капиталистических отношений, экономическая значимость мелкого производства, высокий процент беднейшего крестьянства, не способного собственными силами осуществить переход к крупному производству и даже выход из общины, – особенности, которые отражали социальную незрелость общества), предопределили расчет на политический фактор – «командные высоты» государства, с помощью которых следовало преодолевать трудности, решая поставленные задачи, что неизбежно стимулировало насильственный компонент в политике государства: преодоление одних трудностей порождало новые, в частности, бюрократизацию – этот коварный и опасный по возможным последствиям знак «зрелости» форм государственного аппарата. Оценка бюрократии как исторического явления см.: Бурдые П. О государстве. Курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М., 2016.

подсказывают результативность дифференцированной оценки роли последнего в зависимости от «среды» его функционирования в пространстве исторического процесса – глубинных сферах общественного развития, где действуют «постоянные» связи в рамках «долгой протяженности» или в сфере «событийной» действительности – в качестве только *одной* из мотиваций быстро меняющегося поведения членов социума, к тому же по разным причинам и, что важно, часто отнюдь не по причинам экономического характера.

Выделенная нами в статье в качестве специальной проблема взаимодействия сторон в комплексном развитии общественных явлений и структур не отодвигает на второй план оценку природы и объема усилий, затраченных на обеспечение вклада каждого из факторов в конкретных условиях ее реализации.

По объему, сложности и темпам технического прогресса экономический фактор долгое время не имел соперников⁴². Только постепенно, по мере продвижения по шкале исторического времени, он, казалось, терял свою «затратность» в параметрах времени, но не по показателям сложности своей технической природы и техническим условиям своей реализации, подтверждая «зрелость» социума и необходимость специального анализа затронутой проблемы.

В нашем случае достаточно признать, что современность демонстрирует удивительные по сложности успехи в результатах деятельности человека: в сферах электроники и техники в целом, создания искусственного мозга, генной инженерии и т. д., т. е. ход развития цивилизационного процесса с очевидностью подтверждает факт повышения значимости фактора сознания (в первую очередь в его компонентах «знания» и «нравственности»). Не исключено, что изменения в процессе исторического развития, раскрывая его потенциал, могут радикально (?) обновить механизм его функционирования⁴³.

⁴² Потребовался миллион лет, чтобы человек, добывший огонь, изобрел колесо; несколько тысяч лет – печатный станок; 200 лет – телескоп; 10 лет – чтобы приступить к модификации ДНК.

⁴³ Если рассматривать понятие «класс» в пространстве социальных отношений, а не политологии, – т. е., по выражению французского социолога П. Бурдьё, «не мобилизуя его в организатора движений», – то любопытный опыт мотивированного анализа в немецкой историографии современного постиндустриального общества демонстрирует немецкий социолог Ульрих Бек в работе «Общество риска. На путях к другому модерну» (1994). Автор фиксирует присутствие в нем страта, именуемого понятием «класс», которое обычно связывается с эко-

Уже проверенный историческим опытом принцип «этапности развития» не только не исключает, но и предполагает подобный результат, открывая, по словам О. Мандельштама, «тайники движенья непочатого». Очевидно, не являются случайными отдельные высказывания в подобном контексте, появлявшиеся в исторической и социологической литературе уже в XX столетии. Важная способность увидеть и тем более предвосхитить будущее тем не менее требует осторожности.

номическим показателем по его отношению к средствам производства и орудиям труда. Автор отмечает в его социальной характеристике новые факты очевидного смягчения противоречий, свойственных ему на предшествующих этапах развития, благодаря действию фактора образования, облегчающего свободу выбора специальности, изменения его социального статуса в обществе, роль общественных организаций и социальное содержание в политике современных государств. Приведенный пример, в свою очередь, подчеркивает постепенность и гетерогенность процесса исторического развития. См. также: *Бурдье П.* Социология социального пространства. СПб., 2005. С. 18.

ХАЧАТУРЯН Н. А.

ЯВЛЕНИЕ СОБСТВЕННОСТИ В ПАРАМЕТРАХ МЕТАФИЗИКИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА И СРЕДНЕВЕКОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ⁴⁴

Тема «средневековой собственности», тем более в ее социально-экономическом воплощении, не являлась для автора статьи объектом специальных исследований и обращение к ней носило характер теоретических рефлексий, вызванных интересом к проблемам социальной истории (природа средневекового города) и политической истории⁴⁵. Настоящая попытка вновь носит теоретический характер – только с некоторыми «допущениями» и «вероятностями» в эмпирической картине явления. Она должна отразить авторское видение явления, основанное на несомненно известных специалистам данных современного исторического знания, отношение к которым, тем не менее, неоднозначно и часто неочевидно.

Важность явления «собственности» в контексте заданной темы красноречиво демонстрирует его давняя и неразрывная связанность с возможностями существования человека и социума, – то есть необхо-

⁴⁴ Впервые опубликовано в: *Хачатурян Н. А. Явление собственности в параметрах метафизики исторического процесса и средневековой реальности* // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Выпуск 8 (62) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840002002-1-2/> (дата обращения: 06.10.2020). DOI: 10.18254/S0002002-1-2

⁴⁵ *Хачатурян Н. А.* 1) Город в системе феодальных отношений // *Хачатурян Н. А. Власть и общество в Западной Европе в средние века*. М., 2008. С. 46–61; 2) Полицентризм и структуры в политической жизни средневекового общества // Там же. С. 8–13; 3) Общественная система и принцип относительности. К вопросу о содержании концепт-явления «феодализм» // Там же. С. 285–309.

димостью удовлетворения потребностей живого организма в питании, защите от непогоды и обеспечении его безопасности. Уже на исходном этапе цивилизационного развития социума, когда человек решал подобные задачи, используя главным образом дары природы – леса, водоемы, – путем собирательства, охоты и рыбной ловли, – социум столкнулся с осознанием проблемы «дележа территории» и необходимости «согласия» с соседями в варианте относительной многочисленности и концентрации его состава. Последующая история, связанная с неизбежным желанием апроприации территории, усложнила ситуацию.

Прогресс в способностях человеческого социума реализовать активность и творческую инициативу – собственно, залог превращения его членов в акторов исторического процесса, – переведет проблему «собственности» в сферу «общественного производства», в котором определяться его «игроки» – люди – орудия труда и объекты этого труда.

Очень медленное развитие орудий труда делало главным объектом притязаний социума – землю, определив на долгое время аграрный облик общества и многовековой период доиндустриального этапа в его истории.

Отвлекаясь от дискуссий относительно исходной формы собственности – коллективной или индивидуальной, – вопрос, который, по нашему мнению, не имеет однозначного решения, тем более в альтернативном контексте, будучи зависим от конкретных условий количественного состава социума, его социальной зрелости в местах расселения, возможно в условиях частой смены мест обитания, если иметь в виду длительный период жизни германских племен «на марше», наконец, – от природных и хозяйственных условий жизни⁴⁶.

⁴⁶ Итоги развития аграрных исследований раннесредневекового периода в Западной Европе на материалах археологических раскопок в XX в. (фиксируемый ими, в частности, факт более раннего, в сравнении с принятой хронологией, существования общины с большесемейной обработкой земли (IV в.?). Если допустить справедливость данных археологии, можно попытаться уточнить содержание явления «цезуры» в эволюции общественных отношений периода «великого переселения» германских племен. Более глубокое толкование явления позволяет, на наш взгляд, допустить возможность «повторного вхождения» в исторический процесс отдельных социальных групп в изменившихся для них условиях. В данном контексте прежнее впечатление строгой последовательности в «линейном» развитии социумов на шкале исторического времени оказывается несостоятельным: цезура не исключала возможность для некоторых из них

Следует, тем не менее, признать, что растущий потенциал социума в процессе производства – стимулировал и делал возможным индивидуальные формы его реализации. Их следствием неизбежно становились имущественное неравенство и отношения социальной зависимости.

Таким образом, номинация и содержание явления собственности не исчерпываются только экономическими данными, уводя исследователя в социальную, политическую и духовные сферы и сообщая ему заметную значимость в процессе общественного развития.

Оценка интересующего нас явления в подобном контексте предполагает научную зрелость исторического знания, которой предшествовал весьма растянутый во времени предварительный период его развития.

Исходно, в течение нескольких веков историческое знание носило описательный характер, отражая общественную жизнь на уровне политической истории. Экономические и социальные формы жизни обычно фиксировало правовое сознание в скупых формулах юридических документов и памятников. В сфере аграрной истории они давали только скупые описания форм земельной собственности – фьефов, крестьянских держаний с платежами за их пользование; статус этих социальных групп, с мотивацией монопольного права на обретение земли только нобилитетом общества; фиксировали постепенное ослабление этого запрета для *rustici* (зависимых держателей), но опять-таки, с исключением для них права обретения статуса благородства...

возвращения к уже пройденным, менее сложным формам социальной организации. Предположение могло бы внести если не большую ясность, то большую гибкость в решение «вечного» (начиная с XIX в.) спора медиевистов о характере собственности в Салической правде, в частности, в дискуссию уже в XX в. А. И. Неусыхина и А. Я. Гуревича. Для позиции А. И. Неусыхина, который в общине франков VI в. оценивал переживаемый ею этап в форме, характеризуемой им, коллективной верховной собственностью на землю при ее обработке с вектором на переход от «большой семьи» к индивидуальной и купирую этот этап эдиктом Хильперика, – новация выглядит дополнительным аргументом (или, осторожнее – допущением). *Неусыхин А. И.* Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе. М., 1956; *Гуревич А. Я.* Аграрный строй варваров // История крестьянства в Европе. Т. 1. Эпоха феодализма. М., 1985. С. 90–136; *Неусыхин А. И.* Эволюция общественного строя варваров от ранних форм общины к возникновению индивидуального хозяйства // Там же. С. 137–176.

В контексте интересующего нас вопроса особый интерес представляет отход юристов и историков средневекового периода от описательного характера в эпистемологии, который отразил их попытки понять «смысл вещей» (*“essence des choses”*), и которые пришлось на раннее Новое время. Они готовили, условно говоря, концепцию сеньориально-вассального и личностного характера отношений в средневековом общественном устройстве. В рисуемой картине возникновение сеньориально-вассального характера социальных связей в среде земельных собственников объяснялось потребностями военного (*“système de bénéfices né de besoins de la conquête”*) и административного порядка (*“propter officium viri”*).

В контексте философии истории – «концепция» демонстрировала и подтверждала исключительную роль политического фактора в качестве первой исторической рефлексии. Вместе с тем, нельзя не признать, что политическая структура Средневековья оказалась в этой концепции связанной с земельной собственностью; именно она объясняла экономическую базу статуса нобилитета для лиц, несущих военную службу. В концепции была угадана – и нельзя не признать – самая яркая из особенностей крупной земельной собственности в западноевропейском воплощении – ее сеньориально-вассальная структура. Наконец, была отмечена ее связанность с политической властью, а также с последствиями этой ситуации – *“expropriation politique pour cause d'utilité privé”* – то есть полицентризмом в реализации политической власти⁴⁷.

Угаданность тогда – пусть неполная, но отразившая в первом приближении признаки средневекового общественного устройства,

⁴⁷ Любопытным свидетельством эволюции правовой и исторической мысли представляется попытка создания генерального свода правового законодательства во Франции адвокатом Парламента А. Луазелем в начале XVII в.: *Institutes coutumières d'Antoine Loysel. (1606, 1637) / nouvelle édition par J. Dupin et Édouard Lefebvre de Laboulaye. T. I–II. P., 1846.* Последнее издание 1846 г., вобрав в себя более 900 установлений, собранных А. Луазелем, существенно дополнило его начинание коротким историческим введением, глоссарием тематического содержания для двух томов, словарем правовых норм, а также отдельными поправками первоначального текста (главным образом в части апелляции к трудам средневековых юристов и местному праву). Содержание материалов и их систематизация в правовом своде Луазеля позволила авторам введения к изданию 1846 г. только суммировать в контексте обобщающего вывода картину очевидных для его создателя трех параметров политической и общественной жизни средневековой Франции, дав ей номинацию *“régime des fiefs”*.

должна была обрести большую глубину, – уверенность, которую современная наука оправдывает действием принципа относительности – в процессе исторического развития, развития эпистемологии и феномена развития в целом.

Заряд оптимизма, который несет с собой этот принцип, подтверждает факт достижения историческим знанием высокой планки научной зрелости в XIX и особенно в XX и XXI вв., вопреки сложностям и потерям на путях познания.

В сумме показателей достигнутого – обретение исторической дисциплиной полноты своего предмета благодаря признанию комплексного характера исторического процесса; утверждение светской концепции истории, объяснившей специфику органической природы исторического процесса, суть которой составляют социальные отношения и социальные организмы; диктуемое опытом исторической эпистемологии осознание необходимости соединения эмпирической истории с философской рефлексией, позволившее признать наличие объективных закономерностей в историческом процессе.

Наконец идея системного развития исторического процесса, которая обрела новую жизнь уже в XX в. в концепции структурной истории, позволив увидеть повторяющуюся систему связей не только в сфере социально экономической, но духовной и политической жизни.

Историческое знание XX и XXI вв. попытается, – и небезуспешно, – освободить идеи структурного и системного развития от схематизма в их толковании, – в частности, конкретизировав и систематизировав природу внутренних связей – «постоянных», «глубинных», – то есть действующих во временных рамках «долгой протяженности», – или – «преходящих», «сиюминутных»; а также отметив и подчеркнув, в частности, внутреннюю гетерогенность этапных общественных структур, благодаря наличию в них системы укладов (уходящего, господствующего, рождающегося).

В ряду условий, обеспечивших новый виток «раскрепощения» исторического сознания, следует назвать признание принципа относительности, свободного от деструктивного в эпистемологии негативизма; – а также принципа вариативности исторического процесса и его явлений.

Особое значение в этом ряду обновленных принципов познания для решения основной проблемы, заданной названием статьи, – следует подчеркнуть факт исключения принципа иерархии в оценке во-

проса о взаимодействии сторон исторического процесса, – принципа, получившего предельное выражение в дуальной схеме «базиса и надстройки».

Эту возможность предопределила другая, исключительная по своей значимости новация, а именно, – преодоление философской и исторической мыслью традиционной альтернативы в решении вопроса о взаимодействии «материи и духа»⁴⁸.

Формула «материальное в духовном, духовное в материальном», – в качестве знака преодоления бинарного мышления – этой трудно преодолеваемой слабости человеческого сознания, – может помочь разрешить, на наш взгляд, загадку в толковании «тайны производства» в историческом процессе, вызвавшую наиболее резкую критику за «экономизм» и недооценку сознания в позитивизме и марксизме на рубеже XIX–XX вв. в общеевропейском историческом знании и в отечественной науке – в процессе ее обновления в 70–90 гг. XX в. Формула делает возможным признание способности для материальных, политических и духовных начал, пребывающих в состоянии неразрывной связки, на разновременное, в том числе опережающее влияние на исторический процесс в качестве его факторов⁴⁹.

Высказанное соображение, – не перечеркнув значимость экономического фактора, позволяет, тем не менее, дифференцировать, не абсолютизируя, – роль последнего в зависимости от условий его функционирования в пространстве исторического процесса; в глубинных сферах общественного развития, где действуют «постоянные связи» в рамках «долгой протяженности», или в сфере «событийной действительности», в качестве только одной из мотиваций – быстро меняющегося поведения членов социума, к тому же по разным причинам.

Специальное внимание в статье к теоретическому аспекту анализа позволило поставить рассмотрение явления средневековой собственности в контекст общественной структуры – то есть сферу, в которой с большой долей убедительности проявляла себя объективная природа процесса, диктуя высокую степень зависимости социума от «объек-

⁴⁸ *Febvre L. Combats pour l'histoire. P., 1953; Bloch M. 1) Apologie pour l'Histoire ou Métier d'Historien. P., 1956; 2) La société féodale. P., 1991; Guiraud A. Le féodalisme: un horizon historique. P., 1978; Lardreau G., Duby G. Dialogues. P., 1980; Duby G. Qu'est-ce que la société féodale? P., 2002.*

⁴⁹ Подобные случаи неоднократно фиксировались в конкретных исторических исследованиях.

тивной данности» и его зрелости во взаимодействии с окружающим миром⁵⁰.

В исходной точке цивилизационного процесса, открывшего этап так называемого «доиндустриального периода», конец которого раньше других регионов мира предопределило западноевропейское средневековое общество, – основной формой собственности в «аграрных обществах» оставалась земельная собственность. Состояние ее «зрелости» определяла взаимосвязь четырех основных компонентов, отражая экономические возможности собственности, характер ее социальной и политической организации и сознание, способное обеспечить созидательную активность актора процесса, некогда превратившего палку первобытного человека в орудие труда.

Анализ средневековой земельной собственности в контексте общественного производства и условий существования социума позволяет на современном уровне исторического знания отметить четыре основных особенности явления.

Разные по своей природе, способу и условиям реализации, они демонстрируют жесткую внутреннюю связанность, действуя на разных уровнях исторического процесса – экономическом, социальном, политическом, духовном. Каждый из уровней явления имел свои формы осознания, которые отмечались мерой соотношения ментального и отрефлексированного начал, отражая общие закономерности в духовной жизни средневекового сообщества в Западной Европе. Активные научные разработки в этой области в западной и отечественной медиэвистике дают основание сегодня назвать четвертую особенность земельной средневековой собственности, хотя аргументация подобного решения требует дополнительных усилий по систематизации и обобщению имеющегося материала в контексте восприятия и отношения к самому явлению в средневековом социуме его членов. Поэтому в рамках данной статьи автор позволил себе только упоминание «четвертого» параметра в анализе проблемы, лишь частично затронув одну из форм саморефлексии и только в среде экономической и политической элиты средневекового западноевропейского сообщества.

Отличительным знаком в реализации двух особенностей земельной собственности – на уровне экономической и социально-политиче-

⁵⁰ Berr A. La synthèse en histoire, essai critique et théorique. P., 1953; Braudel F. 1) Histoire et sciences sociales. La longue durée // Annales E.S.C. 1958. № 4. P. 725–753; 2) Écrits sur l'histoire. P., 1969.

ской характеристики, – является ее «разделенность». Она существует на разных уровнях исторического процесса, имеет разные формы, объясняется неодинаковым целеполаганием, а также неодинаковой степенью значимости, отражая в одном случае скорее вариативность, а не сущность явления.

На экономическом уровне (имевшем социально-политические последствия) средневековая собственность реализует свою «разделенность» в делении собственности на землю как основное средство производства – с собственностью на орудия труда. Эта особенность, отразившая формирование крупных земельных собственников, радикально изменила уже известный человечеству ответ на вызов исторического процесса – статус зависимого мелкого производителя. Потеряв право собственности на землю, он, в отличие от раба, являл собой иной вариант социальной зависимости: сохранив в собственности орудия труда, дом, семью, земельный участок (включая приусадебный) в держании в качестве источника существования [в условиях продуктовой или денежной ренты – как источника не только необходимого, но и прибавочного труда], с возможностью выплаты ренты. Его экономическая зависимость по земле сопровождалась ограничениями в политических и социальных правах, причем на ранних этапах Средневековья – в грубой форме личной зависимости, но опять-таки не аналогичной статусу раба.

Таким образом, эта особенность «разделенной» собственности, рассматриваемая в качестве «первой», наполнена глубоким содержанием экономического и социального характера, отражая не столько условия, сколько способ ее реализации, точнее – специфику реализации мелкого производства.

В контексте формирования этой сущностной особенности средневековой собственности, которую воплощает появление зависимого мелкого производителя, владеющего орудиями труда, имеет смысл вернуться к исходной точке в истории стран средневековой Западной Европы, которой стала встреча двух миров – уходящей с исторической сцены Римской Империи и мира пришельцев-варваров. Ее следствием стал синтез (на этапе непосредственной встречи в ряде регионов и опосредованный – и вторичный – для остальных территорий Западной Европы). Он явился исключительным по значимости подарком истории для судеб западноевропейской цивилизации, благодаря своему глубокому и всестороннему влиянию на нее.

Отечественная медиевистика XX в. в изучении «переходного этапа» в процессе формирования феодализма обычно концентрировала внимание на мире варваров-германцев в их взаимодействии с глубоко трансформированными отношениями кризисного и посткризисного этапа в истории Рима. Теория «революции рабов» и – после разрушительной критики последней – ее отголоски в историческом сознании; как и стремление в соответствии с историческим сознанием того времени в целом подчеркнуть качественный скачок в развитии, купировали «переходный период» в его верхней границе, чаще всего лишь упоминая о явлениях «предвосхищения» некоторых элементов будущей общественной структуры. Однако, в контексте рождения последней, на наш взгляд, целесообразно подчеркнуть факт весьма растянутой по времени критической реакции Римского общества на нерентабельный характер рабовладельческого уклада и главное, – на его меры конкретного воплощения этой реакции – отход от крупных форм латифундиального хозяйства и их дробление; относительно ранних, но постепенно набирающий силу процесс личного освобождения рабов, их испомещение на землю с орудиями труда, постепенный процесс исчезновения свободного крестьянства – источника силы Римской государственности – завершая его трансформацию превращением отнюдь не в рабов, но в «колонов», действительно напоминающих по своему положению средневековых крестьян.

Эти новации, фиксируемые в импульсах и мерах, предпринимаемых Римским обществом в рамках «долгой протяженности», не заслуживают слишком общей по характеру оценки в качестве знаков «предвосхищения» будущего общественного устройства, вызывая в сознании фатальный образ «исторического процесса» в качестве механизма – креатора «объективных условий». Новации отражали практический опыт членов Римского социума, который оказался способным делать по результатам этого опыта отнюдь не иррациональные выводы. Отмеченные свидетельства, анализируемые в данном контексте, можно оценить в качестве показателей субъектного характера исторического процесса, который реализовали люди, – его акторы, хотя и действующие в объективных условиях. Неслучайно Т. Н. Грановский любил и ценил в научном плане «переходные периоды», в которых, по его мнению, можно было услышать «шепот истории».

Интерес к этому уровню анализа, в частности, в рамках микроистории, целеполаганием которой в конечном счете и является анализ и

оценка роли субъективного фактора в истории, может дать любопытные результаты, в частности, в разработках по вопросу четвертой особенности средневековой собственности, связанной с проблемой общественного сознания.

Продолжая анализ земельной собственности, позволю себе изменить традиционную последовательность в характеристике следующих ее особенностей – сеньориально-вассальной организации земельных собственников – и упоминаемую обычно в качестве «третьей» связанность собственности с правом ее обладателя на политическое принуждение. Все три особенности формировались *постепенно, разновременно* и могли *опережать* друг друга в становлении. Однако трактуемая обычно как «третья», – эта особенность воплотила *универсальную* черту «средневекового» этапа исторического процесса. Более того, будучи социально-политической формой организации собственности, она была напрямую связана не столько с условиями, сколько со *способом* ее реализации.

Ее необходимость была вызвана особенностью способа производства – положением мелкого производителя, собственника орудий труда, которое требовало дополнительных условий для функционирования экономической системы. Они были реализованы в явлении «внеэкономического принуждения», которое обеспечивало административную и судебную власть отдельного собственника над личностью крестьянина – уже не раба, но ограниченного в «гражданских» правах актора процесса. Ситуация отражала весьма постепенную последовательность в формировании вектора исторического процесса с очевидной (с позиций сегодняшнего дня) тенденцией к росту возможностей и усилению роли субъективного фактора в нем, в частности благодаря приобретению зависимым производителем личной свободы и активизации в аграрном секторе социальных функций сельской общины.

Экономическая необходимость предопределила социально-политическую форму земельной собственности, которую реализовал специфический институт в виде сеньории – *banale*⁵¹ с функциями не только экономического, но административного и судебного принуждения.

Эта особенность подчеркивала и углубляла самый факт разделенности собственности на землю и на орудия труда. Она делала легальным (!) институт частной власти, итогом которого стала дисперсия

⁵¹ Ban – принуждение, власть в средневековом праве.

политической власти – или полицентризм в средневековом обществе, создавая структуру политических связей, – власть в центре и власть на местах, в данном случае – земельного собственника, наделенного иммунитетными правами. В условиях уже сложившегося средневекового общества полицентризм усилит и дополнит процесс выраженного в Западной Европе корпоративизма, результатом которого в рамках государственности станет относительная автономия общественных сил в рамках ремесленных цехов, торговых гильдий, сословий, городов с правом самоуправления и других образований⁵². Свойственный историческому этапу партикуляризм, осложняя положение центральной власти в ее стремлении к собственному усилению и тем самым к централизации государства, не был и не мог быть преодолен в рамках средневекового общества.

Что касается поставленной мной на третье место особенности земельной собственности – опять-таки ее разделенность, но теперь в среде самих земельных собственников, численность которых по этой причине заметно возрастала. Она была вызвана той же, казалось бы, необходимостью реализации собственности, но в данном случае вне проблемы ее обработки, скорее, задачами ее военной защиты (обеспечение для крупного земельного собственника проблемы содержания дружины). Дополнительным результатом этой особенности явилась возможность в известной мере облегчить для земельного собственника исполнение им трудной в порядке «частных усилий» функции принуждения и административного контроля за зависимым крестьянством, рассредоточив ее решение между большим числом земельных собственников, в рамках большого числа сеньорий, маноров, вотчин.

Решение проблемы внутреннего деления земельного фонда стало возможным в условиях эволюции форм земельной собственности, которую продиктовала потребность ее реализации – от аллода как формы безусловного распоряжения землей к бенефицию (ненаследуемой форме собственности на условиях службы) и к наследуемому феодеу. Условный характер индивидуальной собственности неизбежно обеспечи-

⁵² Дюркгейм Э. 1) О разделении общественного труда. М., 1996; 2) Социология. М., 2006; Lousse E. Les caractères essentiels de l'État corporatif du Moyen Âge à la fin de l'Ancien Régime // Bulletin of the International Committee of Historical Sciences. 1937. IX. № 37. P. 46–61; Эклс О. Г. Действительность и знание. Очерки социальной истории средневековья. М., 2007.

вал внутреннюю консолидацию общественной группы собственников и, следовательно, ее относительную стабильность.

Оба варианта «разделенной» собственности не угрожали существованию социума, порождая в первом случае состояние глубокой взаимозависимости сторон (земля мертва без производителя, – крестьянину для функционирования принадлежащих ему орудий труда была необходима земля).

Ситуация создавала не только иллюзию, но ощущение известной реальности «партнерских» связей собственника земли и крестьянина, которая в научных исследованиях нередко имела своим результатом недооценку состояния зависимости в положении последнего.

Во втором случае – ответом на вынужденный акт раздела крупной собственности (сформированной в силу каких-либо обстоятельств – военного захвата, функции протекционера или заимодавца) с целью «платы за службу», – явился в известной мере осознанным (опять-таки благодаря практическому опыту) шагом к оформлению сеньориально-вассальной системы в среде земельных собственников. Подобная форма консолидации последних отражала традиционную сущностную особенность в жизни социума – неизменное включение человека в коллектив в качестве условия его жизни и деятельности, – явление, имевшее особо выраженные формы в доиндустриальных обществах и получившее в научной литературе номинацию «корпоративизма».

Необычность данной ситуации демонстрировала исключительная форма самоорганизации общественного слоя земельных собственников, в среде которых относительно рано возникла система социальных связей, консолидируя их на общегосударственном уровне, и получив вариативное воплощение только в рамках Западной Европы (за небольшим исключением). Целеполаганием явления стало решение проблем социально-экономического и социально-политического благополучия политической элиты общества. Консолидация этого общественного страта продемонстрировала высокий социальный потенциал, обеспечив его институциональное правовое оформление. Объединение земельных собственников в рамках существующей и создаваемой этики и правовых установлений, с помощью людей церкви и легистов, оформило и закрепило договорные (контрактные) отношения сеньоров и вассалов, с условием взаимного соблюдения прав и обязанностей сторон. Другим итогом стало появление особой формы рыцарской этики,

сформированной под сильным влиянием не только тогдашних условий реализации военных действий, но и христианской теологии.

Наконец, институциональная и этико-правовая форма организации земельных собственников обеспечила феодальной элите статус «благородства»⁵³.

Отмеченная яркая особенность в вариативном воплощении организации земельных собственников в Западной Европе (более или менее жесткая связь сторон в договоре; неодинаковый уровень централизации в системе...) не имела всеобщего характера даже в рамках Европы, что объяснялось спецификой общественного развития для большей части западноевропейских регионов, но не свойственной, в частности, России на средневековом этапе ее истории.

В последнем случае, – в самой общей сумме показателей, – российский вариант отличала специфика в эволюции славянской общины с характерной для нее тенденцией к сохранению отдельных коллективных норм в использовании земельной собственности, вызванной, в частности, суровыми природными условиями жизни. Бессинтезный (в отличие от многих регионов Европы) вариант формирования феодальных отношений с неизбежной для него активацией роли центральной власти в формировании крупной земельной собственности (как это случилось в северных регионах Западной Европы) – и потому столь же неизбежным ее усилением. Аналогичные последствия имел факт преобладания государственной формы земельной собственности в соотношении с масштабами собственности рассеянной в индивидуальном секторе, что опять-таки позволило центральной власти опередить в своем усилении процесс становления общественных сил и ограничивать таким образом активность последних⁵⁴.

Параметры «метафизики», объявленные в названии статьи, предопределили горизонты анализа проблемы земельной собственности в

⁵³ Хачатурян Н. А. 1) Средневековый корпоративизм и процессы самоорганизации в обществе. Взгляд историка-медиевиста на проблему коллективного субъекта // Хачатурян Н. А. Власть и общество... С. 31–45; 2) Великая хартия вольностей. Документ и знаки времени в контексте историописания // Средние века. 2016. Вып. 77 (1-2). С. 49–61.

⁵⁴ Хачатурян Н. А. Европейский феномен сословного представительства. К вопросу о предыстории «гражданского общества» // Хачатурян Н. А. Власть и общество... С. 156–227 (особенно раздел «Причины и возможность сословного представительства как явления». С. 214–224).

контексте «бытия» – но не мира Вселенной, а исторического процесса. Решение задачи в подобном контексте предполагало погружение анализа на тот уровень исторического процесса, где действовали глубинные явления, реализуемые в повторяющихся («постоянных» по выражению Анри Берра) связях, в рамках «долгой протяженности» (*longue durée*), показателями которых были данные экономических и технических возможностей социальной, политической и духовной жизни, включая состояние знаний.

Исследовательский выбор оказался оправданным, благодаря множественному потенциалу явления земельной собственности в качестве главного объекта анализа, поскольку речь шла об аграрном этапе цивилизационного процесса.

Именно земельная собственность, вобравшая в себя все стороны жизни социума, продемонстрировала на этапе Средневековья не только их жесткую связку, формирующую общественную структуру, но и механизм функционирования последней.

Постановка проблемы и ее решение в возможностях современного уровня исторических знаний позволили по-новому посмотреть на «тайну производства», долгое время воспринимаемого в качестве исключительно «экономического явления». Тайна оказалась лишенной ограниченности «экономического детерминизма» и лимитов механистического восприятия исторического процесса, подтвердив жизненность и сложность идеи его комплексной природы.

Исключительное внимание в статье именно к земельной собственности в контексте ее сущностной роли в становлении общественной структуры, неизбежно купировало анализ конкретных вариантов ее воплощения – условий обладания, наследования, выкупа, различий в правах на землю сеньора (*dominium*) и вассала (*dominium utile*), который пользовался только плодами, выращенными на этой земле...; наконец, собственности в виде личного имущества, в формировании которого могла не участвовать земля, а также формы собственности, источниками которых оказывался труд интеллектуала или государственного чиновника. Однако все эти сюжеты выходили за рамки поставленной в статье задачи.

Тем не менее, завершая статью, нельзя не сказать еще об одном факте чрезвычайной важности в судьбах средневековой общественной структуры, а именно – еще одном акте «деления собственности» на уровне общественного производства. В данном случае речь идет о соб-

ственности на орудия труда, раздел которой определил самостоятельное развитие доменов аграрного и ремесленного производства. Новая объясняет массовый рост городов в качестве центров ремесла и торговли на рубеже XI–XII вв. в Западной Европе, что в свою очередь стимулировало процесс общественного разделения труда и связанный с ним прогресс в специализации ремесленных занятий и развитии орудий труда.

Отмеченные изменения в совокупности с их социальными последствиями – процессами освобождения от личной зависимости в непривилегированной среде городского и сельского населения и активизацией общественной роли последних – открыли (в своей сфере) этап модернизации средневекового общества в Западной Европе XIII–XV вв.

Изменения в системе производства и собственности сохранили мелкое производство и статус производителя в качестве собственника орудий труда в городе и деревне, но они подорвали монополию земельной собственности на исключительность ее значения в средневековой общественной структуре.

Масштаб аграрного сектора в обществе, которому еще нескоро предстояло перешагнуть этап Средневековья, – позволил сохранить экономические позиции земельных собственников и позиции политической элиты, состав которой тем не менее постоянно менялся⁵⁵.

Ведущим фактором развития в Западной Европе постепенно становится ремесленное производство, точнее процесс совершенствования и усложнения орудий труда, который готовил условия для перехода к крупному производству и новой структуре общественных связей. Парадокс ситуации заключался в том, что прогресс мелкого производства готовил его гибель в качестве основной формы производства. Ценой его гибели, однако, был открыт новый этап – индустриального развития социума.

⁵⁵ Успехи в развитии орудий труда, расширяя потенциал земли в качестве средств производства и объекта собственности, делая доступными ее природные богатства.

ХАЧАТУРЯН Н. А.

ПРОБЛЕМА ЭТНОСОВ И ПРОТОНАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ⁵⁶

Побудительным мотивом для написания раздела монографии стали не только научные интересы автора, но и состояние вопроса в исторической литературе. Являясь объектом преимущественного внимания этнологов, социологов и культурологов, тема этнос – нации имеет долгую историографическую судьбу, благодаря которой отечественная и западная наука располагает солидной базой конкретных и теоретических, часто спорных исследований⁵⁷. Изучение вопроса сегодня (имею

⁵⁶ Впервые опубликовано в: *Хачатурян Н. А.* Проблема этносов и протонаций в контексте социально-экономической и политической эволюции средневекового общества в Западной Европе // *Этносы и «нации» в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время* / под ред. Н. А. Хачатурян. СПб., 2015. С. 19–37.

⁵⁷ *Широкогоров С. М.* Этнос. Исследование основных принципов изменений этнических и этно-природных явлений. Шанхай, 1922; *Бромлей Ю. Н.* Этнос и этнография. М., 1973; *Элита и этнос Средневековья* / под ред. А. А. Сванидзе М., 1995; *Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья* / под ред. Р. М. Шукурова. М., 1999; *Античность, культура, этнос* / под ред. А. А. Белика. М., 2000. С. 229–276; *Лучицкая С. И.* Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001; *Тишков В. А.* Реквием по этносу. Исследования по социокультурной антропологии. М., 2003; *Нация и история в русской мысли начала XX в.* М., 2004; *Костина А. В.* Реквием по этносу или «Виват этнос!» // *Национальная культура. Этническая культура. Мировая культура.* М., 2009; *Вопросы социологической теории* // *Научный альманах* / Под ред. Ю. М. Резника, М. В. Толстановой. М., 2010. Т. 4; *Huisinga J.* Patronism and Nationalism in European History. Men and Ideas. L., 1960. P. 97–155; *Guenée B.* 1) L’histoire de l’État en France à la fin du Moyen Âge vue par les historiens français depuis cent ans // *Revue historique*. Т. CCXXXII. 1964. P. 351–352; 2) État et nation en France au Moyen Âge // *Revue historique*, Т. CCXXXVII. No. 1. P. 17–31; 3) Espace et état dans la France du bas Moyen Âge // *Annales*. 1968. № 4. P. 744–759;

в виду вторую половину XX – первые десятилетия XXI столетия) впечатляет разнообразие направлений, многие из которых тяготеют к разработкам биологических, социо-функциональных, культурно-исторических аспектов темы. Весьма заметный интерес в последнем случае к проблемам восприятия явления и его образа в коллективном или индивидуальном сознании членов этно-национальной общности, реализованной в темах «образ другого», идентичность и самоидентификация этносов и наций, – был определен радикальными изменениями в философии и истории второй половины XX века. Они дали новое понимание роли и природы фактора сознания в историческом процессе и эпистемологии, в частности, благодаря преодолению традиционной альтернативы в оценке соотношения материи и духа.

В этом потоке множественного разнонаправленного поиска неизбежно, как показывает опыт изучения исторической мысли, появление крайних оценок, или максимализация значимости какого-то одного научного направления. Подобный настрой делает возможными парадоксальные (даже с коррективой на «вырванность» из контекста) заявления в виде вопроса о том, – группа ли порождает идентичность, или индивиды, идентифицирующие себя, – порождают группу? Аналогичное впечатление производит утверждение: «нет общности, поскольку она не воспринята»...

Weber M. 1) *The Sociology of Religion*. L., 1965; 2) *Economy and society*. N.Y., 1968; *Chevallier J.* *Histoire de la pensée politique*. t. I; *De la cité-état à l'apogée de l'état-nation monarchique*. t. II, Ch. V. *Vers l'état national et souverain*. P., 1979. P. 189–214; *De Vos G.* *Ethnic pluralism: conflict and accommodation / Ethnic identity: cultural continuities and change*. Chicago, London, 1982. (Перевод: «Личность, культура, этнос / Под ред. А.А. Белика. М., 2001. С. 229–276; *Anderson B.* *Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism*. L., 1983; *Beaune C.* *La Naissance de la nation France*. P., 1985; *Smith A.* *The ethnic origins of nations*. Oxford, New York, 1986; *Эрикссон Э.* *Идентичность: юность и кризис*. М., 1996; *Ясперс К.* *Общая психопатология*. М. 1997; *Moeglin J-M.* 1) *Nation et nationalisme du Moyen Age à l'Époque Moderne (France – Allemagne) // Revue historique*. CCC. 1/3. 1999. P. 547–553; 2) *De la «nation allemande» en Moyen Âge // Revue française d'histoire des idées politiques*. Numéro spécial: *Identités et spécificités allemandes*. N. 14. 2001. P. 227–260; *Geary P. J.* *The myth of nation. The medieval origins of Europe*. Princeton, 2002; *Хантингтон С.* 1) *Столкновение цивилизаций*. М., 2003; 2) *Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности*. М., 2008; *Гидденс Э.* *Социология*. М., 2005; *Этнические группы и социальные группы. Социальная организация культурных различий / под ред. Ф. Барта*. М., 2006; *Бродель Ф.* *Грамматика цивилизаций*. М., 2008.

Очевидно, авторы подобных крайних заявлений стремились подчеркнуть значимость фактора «состояния умов» в истории. Но рассуждения по принципу альтернативы, казалось бы, уже изжитые наукой, – как правило упрощают понимание явления или процесса, не будучи соотнесенными, хотя бы в виде упоминания, – с более широкой картиной факторов, других подходов и других соображений по поводу их анализа.

Специалиста по политико-государственной истории, несомненно, заинтересуют встречающиеся в литературе рассуждения о «нациях». Нельзя не согласиться с утверждением известного американского социолога Б. Андерсона относительно национального сознания сообщества, по мнению которого оно предполагает способность его членов понять и помнить обо всем, что объединяет их, и забыть все, что их разъединяет. Однако оценка нации как «воображаемой конструкции», существование которой не только гарантируется, но и «создается стратегией управления» (*imaginaire politique*) вызывает возражение категоричностью акцента, напоминая о необходимости соблюдения комплексного подхода к анализу исторических явлений. Именно последняя оценка побудила нас обратиться к спорному сюжету, поставив вопрос о роли социального и политического факторов в процессе движения общества от этнических образований к протонациональным и далее национальным государствам. Будучи медиевистом, автор могла себе позволить анализ только предыстории такого явления как «нация», на этапе которой, тем не менее, закладывались базовые условия генезиса явления, что позволяет, таким образом, конкретизировать когнитивные возможности подобного решения темы, поскольку именно этап становления явления может выразительно высветить глубинные компоненты в качестве условий его конституирования и даже дальнейшего существования, его будущей прочности, или слабости... В индустриальной и постиндустриальный период, когда явление «нации» получит качественную завершенность и станет общим фактом, подобно более или менее сбалансированному типу социального развития современных стран или их парламентского устройства, – быстротекущие политические события потеснят в сознании современников глубинные процессы. В этой ситуации может показаться, что нации, существующие в динамичном и быстроменяющемся пространстве «короткого времени», как знак «гражданственности», действительно обязаны своей данностью исключительно усилиям и способностям государства, которое,

в свою очередь, оказывается в положении явления, «шагающего в воздухе, как в китайских картинах, где отсутствует земля»⁵⁸.

Требуемую в подобных случаях научную коррективу может обеспечить апелляция к принятой сегодня научной методологии исследования, основными принципами которой являются комплексное и системное видение исторического процесса, а также связанный с ними социальный подход к политической и духовной истории. Став величайшим достижением исторической мысли XIX века, все три принципа увеличили свой эпистемологический потенциал благодаря процессу обновления исторического знания в новейшее время, что помогает исследователям с большим успехом уловить и отразить в своих «конструкциях действительности» гибкость и динамичность последней. В контексте интересующей нас темы, в ряду новаций следует выделить признание ученым сообществом сложного неоднозначного характера внутрисистемных связей разноуровневых компонентов комплексного процесса; возможность опережающего или исключительного значения одного из факторов процесса; подвижность и гетерогенность самой системы, её креативные способности...

Новые решения, предлагаемые историческим знанием, могут облегчить трудную задачу достижения гибкой и по возможности взвешенной оценки роли политического фактора в историческом процессе. Неизбежная связанность с инициативным, волевым, организующим началом, которое воплощают верховная власть, деятельность государственного аппарата, политическая мысль, – ставила политический фактор в особое положение в общественной жизни хотя и при прочих экономических, социальных и культурно-исторических условиях ослаблявших или усиливавших его роль.

Его история начинается с момента вступления человеческой общности на путь цивилизационного развития, оказываясь, таким образом, связанной с формированием этносов, хотя функциональная множественность и степень исходного воздействия этого фактора были

⁵⁸ Выражение Ж. Мишле, представителя школы романтизма во французской исторической науке. Во вступлении к последнему прижизненному изданию своей «Истории Франции с конца XV века до 1789 года», он, по существу, предвосхищая принципы формирующегося тогда направления позитивизма, пишет о необходимости комплексного видения исторических явлений и, в частности, «укоренения в почву» политической истории. *Michelet J. Histoire de la France de la fin du XVe siècle jusqu'à 1789. P., 1869.*

заметно ограничены. Тем не менее, принятая в научной литературе расшифровка определения «этнос» выглядит неполной, часто будучи ограниченной упоминанием таких параметров явления как общность происхождения, языка, территории, традиций, мифологической культуры. Очевидно, что в этом случае во внимание приняты только природно-естественные и культурно-исторические компоненты явления. Однако человек становится фактором исторического процесса как член сообщества – социального организма, который институционализирует себя пусть в примитивных, но политических формах также. Даже на этапе догосударственной истории задачи военной защиты, реализации поведенческих норм и общих жизненных проблем, будь то хозяйственного или правового порядка – общины решали в политической форме народных собраний, с помощью «публичных» лиц – старейшин, действовавших властью убеждения.

В контексте поставленной в статье проблемы этнонационального вектора развития полагаю целесообразным уделить специальное внимание «пространственному» или «территориальному» фактору, который должен был оказывать влияние не только на хозяйственные занятия членов сообщества, но формы их расселения и социальные связи. Изменения в пространстве расселения отражали и вызывали процессы трансформации этнических сообществ и их самосознания в эволюции от кровнородственных объединений к сложным племенным союзам и затем территориальным образованиям, в том числе государственным, в рамках которых возникали связи, послужившие основанием для появления понятий «страна», «народность»... Непрочные границы раннесредневековых политических образований, их гетерогенность (вариант империй) или относительная гомогенность позволяют выделить в качестве особо значимых «объединительную» функцию государства и объединительные тенденции в общественном развитии.

В этом соотношении социального и политического факторов на этапе раннего средневековья, результативность воздействия последнего на этнические процессы выглядит более очевидной. Социальная действительность и происходящие в ней сдвиги реализовали себя, в отличие от политических событий, в пространстве медленно текущего времени, отражая близость западноевропейских народов первобытно-общинному периоду их истории, пребывая на начальных стадиях становления мелкого производства в его формах натуральной экономики, когда только возникал, в более или менее ускоренных темпах в зави-

симости от регионов, новый тип зависимого мелкого производителя, который, начав терять землю, — утверждал свой статус в качестве собственника орудий труда. Тем не менее оба фактора — по-разному и в разной степени, — но влияли, в частности, на масштабность и характер объединительных процессов в этносах. Эти процессы реализовывались в условиях неравномерного развития и поэтому в неизбежных противоречиях центристских и центробежных тенденций. И государство, и общество, — могли при этом по каким-то показателям способствовать гетерогенности этнических процессов: государство — своей экстенсивной универсалистской политикой, подавляя какие-то племена и народы; общество — самим фактом непреодоленного полиформизма в составе своего населения и слабыми пока резервами для его преодоления. Малый этнос мог в большей или меньшей степени инкорпорироваться в более крупные объединения, или, наоборот, жестко сохранять свою автономию по отношению к «ведущему» или структурообразующему этносу в племенных союзах, народностях и далее — этнонациональных государствах.

Эти особенности отчетливо проявили себя в истории одного из самых крупных раннесредневековых государств в Западной Европе, с самой продолжительной по времени своего существования историей — государстве франков в эпоху Меровингов и Каролингов. Уже на этапе династии Меровингов исходная гетерогенность ведущего этноса — племенного союза франков, существующего к тому же в комбинации с галлоримским населением, была усилена поглощением королевств вестготов, затем бургундов с последующим присоединением Прованса. Имперские амбиции Карла Великого обеспечили новые импульсы для гетерогенных тенденций с иллюзией восстановления прежних границ Римской империи. Но нельзя не признать, что весьма «продвинутые» для того времени институциональные формы патримониального государства Каролингов делали заметными его объединительные усилия. Их консолидирующий общество знак несли королевские указы, регулирующие судебную процедуру, состояние монетного дела, контроль за общественным порядком. В них имелись даже попытки контролировать соблюдение взаимных обязательств сеньоров и вассалов. Тем не менее, отмеченная нами «продвинутость» государственных форм на том этапе была весьма относительной, так как реализовалась в нормах практики «кормления» и личностных связей. Знак этнического полиморфизма отмечал попытку, условно говоря, «унификации» обычного

права, точнее попытку трансформировать племенной принцип в территориальный, в 802 году, закончившуюся только редактированием и частичной модификацией Аллеманской, Баварской, Рипуарской и Саксонской правд, при сохранении легального действия упрощенного Кодекса Юстиниана и бревиария Алариха. Тем не менее, красноречива и сама попытка верификации обычного права, подобно факту перевода текста Салической правды на верхненемецкий язык. Наконец, за рамки оценки объединительных тенденций только в политическом контексте выходит неоднозначный, но подготовленный объективными условиями, факт распада универсалистской империи Каролингов при формировании в ее недрах трех больших агломераций – народностей, прорисовавший дальнюю перспективу национальной истории трех западноевропейских народов и государств – Франции, Германии, Италии⁵⁹.

Собственно средневековый этап западноевропейской истории, когда утвердилась новая общественная система, изменил, но не отменил полиморфизм общества в целом, по определенным параметрам даже умножив его. Условия реализации крупной земельной собственности, предопределив необходимость политического иммунитета ее владельцев, – легализовали их частную власть, результатом которой стал полицентризм политической структуры⁶⁰. Это обстоятельство не способствовало политической стабильности, особенно в условиях «феодальной раздробленности» (X–XII вв.), тем более, что верховная государственная власть, борясь с внутренним для нее злом полицентризма, – во многих случаях не отказывалась от универсалистских планов, на уровне международных отношений перекраивая политическую карту Западной Европы. Отмеченные тенденции подпитывала, делая возможными, глубинная основа общественной структуры – мелкое производство, что в совокупности условий предопределило сущностную черту средневекового общества – его партикуляризм. Это обстоятельство не могло не отразиться на судьбах интересующего нас вопроса этнического развития, обнажив главное условие в процессе формиро-

⁵⁹ *Fournier G. Les Merovingiens. P., 1966; Halphen Z. Charlemagne et l'empire carolingien. P., 1995; Lemarignier J.-Fr. La France médiévale: institutions et société. P., 1970; Favier J. Charlemagne. P., 1999.*

⁶⁰ *Хачатурян Н. А. Полицентризм и структуры в политической жизни средневекового общества // Хачатурян Н. А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008, С. 8–13.*

вания социально – политических организмов, какими должны были стать нации – неперенное преодоление средневекового партикуляризма, должное обеспечить рождение нового «единства» человеческих сообществ. Подобный процесс имел постепенный, относительный по своим итогам характер и, главное, – не мог стать результатом только политического развития.

В этом контексте особый интерес представляют процессы, происходившие в западноевропейском обществе в период XIII–XV вв. и раннее Новое время, которые открывали и реализовывали движение по данному пути.

В исторической литературе, особенно общего характера, оценка значимости отмеченных изменений часто ограничивается, в частности, для «отправного» отрезка времени XIII–XV вв., – их ролью в процессе централизации – действительно очень важного рубежа в истории западноевропейских народов и государств. Однако само понятие «централизации» оказывается недостаточным для обозначения глубины начавшейся модернизации самой структуры средневекового общества, замыкая внимание на государственной политике, даже если при этом не игнорируются социально-экономические предпосылки для ее реализации. Общий и вместе с тем сущностный смысл процесса модернизации в интересующем нас аспекте анализа целесообразнее было бы определить понятием «консолидации», способным стать общим и знаковым для всей совокупности общественных отношений – экономических, социальных, политических и духовных. Применительно к процессам формирования протонациональных образований в условиях сохранявшего себя этнического полиморфизма, понятие «консолидация» также демонстрирует свою известную корректность, не купируя ни одну из трудностей на этом пути: вариативный и неоднозначный характер процессов, возможность их конечной незавершенности, могущей взорвать на каком-то этапе «национальную» общность.

Именно консолидация сообщества как глубинный и комплексный процесс способствовала с большим или меньшим успехом и в зависимости от конкретно-исторических условий, – преодолению любых локальных, в том числе этнических, привязанностей и норм жизни, не всегда уничтожая, но перекрывая их, отодвигая в сферу по преимуществу частных отношений, предлагая членам сообщества в вопросах существования и выживания новые социально-экономические, политические и культурные формы и масштабы жизнедеятельности.

Наша попытка суммировать основные социально-экономические условия процессов консолидации, красноречиво рисует формирование уже для периода XIII–XV вв. нового образа средневекового общества, в известном смысле несущего на себе знаки его будущего конца. Однако, соблюдая принцип «восхождения», было бы правильнее оценить формирование этого нового образа как свидетельство потенциала средневековой общественной системы, не преувеличивая вектора направленности на будущее, во всяком случае в его разрушительных последствиях. Среди причин, призывающих исследователей к осторожности, можно назвать длительную временную протяженность средневековых процессов в экономической и социальной жизни, несмотря на постепенное ускорение темпов развития, особенно заметное в условиях раннего Нового времени. Целесообразно в этой связи вспомнить о признании современной медиевистикой справедливости понятия «долгого Средневековья». Это понятие, некогда введенное Жаком Ле Гоффом, должно было подчеркнуть по мысли известного французского историка факты медленного изживания средневековых форм сознания даже на поздних этапах раннего Нового времени. Ныне это понятие приобрело функциональное значение для признания гетерогенности развития в раннее Новое время всей совокупности общественных отношений. Оно существенно корректирует современные представления о сложности «переходного периода» какими для Западной Европы стали XVI и XVII века, когда новый, уже ведущий уклад еще не обрел качественной системной определенности.

Возвращаясь к вопросу о «больших возможностях» средневековой общественной системы в социально-экономической сфере благодаря производителю, хотя и зависимому, но владеющему орудиями труда, – важно обратить внимание на явление общественного разделения труда, ставшего дополнительным и радикальным по своим последствиям фактором прогресса. Не фиксируемый точной датой, этот медленный глубинный процесс обозначил свое оформление исключительно важным делением экономики на два сектора: ремесленного и аграрного производства (VIII–X вв.). Результатом этого качественного сдвига стало развитие товарной экономики, вытеснявшее натуральные формы хозяйства, служившие основанием для экономического и политического полицентризма.

Дальнейшее развитие общественного разделения труда воплощал процесс *специализации*, охвативший все стороны обществен-

ной жизни – экономическую, – социальную (социальные функции и стратификация населения), – политическую (формирование системы государственного управления), – культурно-образовательную. Иными словами, этот фактор стал базовым условием формирования в обществе разнообразных и множественных связей, которые создавали по-новому консолидированное общество, выводя жизнь его членов за рамки вотчинных и общинных, цеховых и городских, сеньориально-вассальных, наконец, местных и провинциальных связей. Набрав силу в XIII–XV в., этот процесс повысил значимость и изменил роль орудий труда в структуре производительных сил в обществе. Заметный прогресс в орудиях труда, подкрепленный освобождением собственности на орудия труда для ремесленников от контроля со стороны земельного собственника по результатам освободительного движения городов в XII–XIII вв., – подрывал монопольное в аграрных обществах положение земельной собственности в качестве основного средства производства, вытесняя постепенно ручной труд («средневековая индустриализация»). Изменения в структуре производительных сил позволяют в рамках ретроспективного анализа и «долгой протяженности» увидеть будущую конечную границу доиндустриального периода в истории западноевропейских народов. Однако для достижения этой границы им придется пережить этап крупного мануфактурного производства, развитие которого только начнет работу могильщика мелкого производства – этой основы средневековой общественной системы. Мануфактурное производство не справится с подобной задачей, оставив её решение индустриальному обществу Нового времени, существенно продвинув, тем не менее, процесс преодоления, – в пределах возможного, – партикуляризма в экономике.

В контексте вопроса об условиях преодоления партикуляризма в средневековом обществе, оценка социальных результатов в ходе его модернизации дает не менее любопытный материал.

В их ряду – изменение статуса мелкого производителя в деревне – появление лично свободного крестьянина; развитие нового социального организма –города и оформление городского сословия, консолидировавшего лично свободных мелких производителей и собственников в ремесле и торговле. Отмеченные сдвиги сообщили средневековой общественной системе необходимую полноту и относительную «завершенность».

Развитие свободной собственности на орудия труда становится источником денежного капитала (главным образом в ремесле и торговле), повысив социально – экономический и до известной степени политический статус его обладателей. Это в свою очередь способствовало социальной динамике, –вытесняя личностный принцип в социальных связях денежными отношениями, ослабляя тем самым принципы социальной стратификации.

Показателем наиболее важных по значению социальных сдвигов стал процесс социально – политического самоопределения общественных сил в Западной Европе, заметно расширивший состав людей, приобщенных к общественной активности.

Она реализовалась на разных уровнях корпоративного движения в рамках цеха, гильдии, города, сельской общины. Высшую форму социальной активности обеспечило оформление сословий, предполагавшее уровень общегосударственной консолидации и социально – политическую активность общественных сил в органах сословного представительства. Ситуация радикально меняла социально-политическую расстановку общественных сил в стране, существенно расширив состав лиц за счет непривилегированного населения, в частности горожан, оказавшихся способными (в той или иной мере) выйти на диалог с монархом, сформировав выборный общественный орган и попытавшись ограничить с большим или меньшим успехом авторитарную власть.

Сословное самоопределение, несомненно, отразило и, главное, способствовало консолидации средневекового общества. Однако этот процесс, созданный творчеством только европейских народов на этапе средневековой истории, нес на себе печать корпоративной ограниченности, которая не позволяла обществу осознать себя единым социальным организмом. Условием для достижения подобной цели должна была стать отмена сословной стратификации и внедрение принципа юридического равенства всех перед законом. Достижение подобного условия принадлежало другому времени, будучи подготовленным, тем не менее, предшествующим средневековым опытом жизни⁶¹.

⁶¹ Хачатурян Н. А. 1) Средневековый корпоративизм и процессы самоорганизации в обществе. Взгляд историка-медиевиста на проблему «коллективного субъекта» // Хачатурян Н. А. Власть и общество... С. 31–46; 2) Европейский феномен сословного представительства. К вопросу о предыстории «гражданского общества» // Там же. С. 156–227, 178–188; 3) «Суверенитет, закон и вся община»: взаимодействие и дихотомия власти и общества // Власть, общество, индивид в средневековой Европе / под ред. Н. А. Хачатурян. М., 2008. С. 5–10.

Что касается политической сферы жизни в предыстории западноевропейского общества периода Нового времени, – то процессы внутренней консолидации здесь шли, условно говоря, примерно с XIII века, в рамках особой формы средневековой государственности – так называемого «государства *moderne*» (*État moderne*), которую посчитала целесообразным выделить современная историческая наука. В контексте социальных отношений эта форма предполагает не столько процесс установления, сколько данность существования феодальных отношений, их углубления и модернизацию.

В политическом контексте эта форма позволяет оценить теперь уже результативность для верховной власти процесса централизации, на базе которого изживались, преодолевались черты так называемой патримониальной государственности, характерной для периода генезиса феодальных отношений и раннего этапа их утверждения. Отличительным знаком этой политической формы являлся частный (личный) принцип в социальных связях и государственном управлении. Власть монарха конституировал земельный домен, что уподобляло его крупным сеньорам, располагавшим политическим иммунитетом (он только «первый среди равных», «сюзерен» в системе сеньориально-вассальных отношений, но не «суверен»); монарх располагал только формой «дворцового управления», действующего в пространстве личностных связей (например, служба по долгу вассала сеньору; институт «кормлений»); он имел ограниченные материальные возможности для реализации функции протекции или принуждения.

Модернизация средневековой государственности сделала отличительным знаком новой политической формы утверждение публично-правовой природы власти и аппарата управления. Новая форма была подготовлена изменениями в социальной базе монархий, формированием системы государственного аппарата управления, развитием позитивного (государственного) права, импульсом и фактором, для которого стал ренессанс римского права. Теперь государственный аппарат материализовал притязания монарха на высшую власть «суверена» – «императора в своем королевстве», действуя в новых по характеру связях с ним – не личностных, но «публичных», опосредованных государством: оплата службы в денежном эквиваленте формировалась из поступлений не от домениальных доходов монарха, но от налогов, сконцентрированных в казне.

Публично-правовой контекст в деятельности верховной власти резко увеличил ее функциональные возможности. В сознании средневекового общества монарх олицетворял публичное Право, Закон и Общее благо, то есть те нормы и принципы, которые оправдывали, делая более эффективной его политику, в частности по преодолению полицентризма и, что особенно важно в свете интересующего нас вопроса, – формированию института подданства. С помощью института подданства вытеснялась частная власть сеньора в вотчине, корпоративная автономия профессиональных или территориальных образований, включая города. Их население становилось открытым для государства и подконтрольным ему. Государство «перетягивало» исключительно на себя функции протекции и порядка, монополизируя таким образом решение жизненных проблем и надежды общества на реализацию именно им – справедливости и общественного блага⁶².

Завершая характеристику проявлений социально-политического фактора, уводящих средневековое сообщество от партикуляризма, следует назвать уже упомянутую выше политическую форму «средневекового парламентаризма». Тогда речь шла об этом явлении в контексте социальной эволюции – процессах сословного самоопределения и консолидации общественных сил. В данном случае целесообразно от-

⁶² Хачатурян Н. А. 1) Феномен сословного представительства в контексте проблемы *État Moderne* // Хачатурян Н. А. Общество, власть... С. 34–43; 2) Западноевропейский монарх в пространстве взаимоотношений с духовной властью (морфология понятия власти) // Священное тело короля: ритуалы и мифология власти / под ред. Н. А. Хачатурян. М., 2006, С. 19–28; 3) «Король – император в своем королевстве»... Политический универсализм и централизованные монархии // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / Под ред. Н. А. Хачатурян. М., 2011. С. 66–88; *Strayer J. R. On the Medieval Origins of the Modern State*. Princeton, 1970; *Renaissance du pouvoir législatif et genèse de l'État* / Éd. A. Gouron, A. Rigaudière, Montpellier, 1988; *Les Monarchies. Acte du colloque du Centre d'analyse comparative des systèmes politiques* / Sous la dir. E. Le Roy Ladurie. P., 1988; *Coulet N. et Genet J.-Ph. L'État moderne: territoire, droit, système politique*. P., 1990; *Genet J.-Ph. L'État moderne: genèse, bilans et perspectives*. P., 1990; *Guillot O., Rigaudière, Sasser Y. Pouvoirs et institutions dans la France médiévale*. P., 2003; *Visions sur le développement des États européens. Théories et historiographies de l'État moderne: actes du colloque organisé par la Fondation Européenne de la Science et l'École Française de Rome*; Rome, 18-31 mars 1990. Rome, 1990; *Les origines de l'État moderne en Europe* / Ed. par W. Blockmans et J.-Ph. Genet. P., 1996.

метить роль этого органа в качестве школы воспитания общественной активности. Представительный орган действовал в рамках сословного, следовательно, тоже корпоративного деления, что в известном смысле снижало его «консолидирующую значимость». Однако сословное самоопределение предполагало общегосударственный уровень консолидации для каждой сословной группы; их представители решали вопросы, связанные с общегосударственными интересами; наконец сама совокупная практика депутатов должна была содействовать выработке в обществе представлений о государстве как «общем теле»

Подобные изменения могли формировать позицию «гражданственности» в поведении членов сообщества, теперь озабоченных не только проблемой обретения политических прав, но способных испытывать чувство ответственности за «общее благо». Деятельность средневековых парламентов обеспечивала пока только первые шаги на путях превращения общности в «национальное тело», – задача, которая оказалась по плечу уже Новому времени, провозгласившему всеобщее юридическое равенство. Декларации об отмене сословного деления явились не только результатом решимости депутатов парламентов XVII – XVIII веков, в частности английского или французского. Страсти политической борьбы в этих учреждениях могли провоцировать депутатов на весьма радикальные, хотя и далекие от реального наполнения заявления, двумя-тремя столетиями опережая революционное время в Западной Европе⁶³. Однако в последнем случае решения об отмене сословного деления определялось готовностью большей части общества принять подобную новацию.

Полученный в результате предпринятого в статье анализа материал позволяет высказать несколько заключительных соображений. Их возможность в известной мере предопределил подход к решению

⁶³ Автор дневниковых записей заседаний Генеральных Штатов во Франции 1484 Жан Масслен отмечал факты радикальных настроений депутатов, напоминая всем присутствующим, что королевская власть – только «служба» на благо государства Великий сенешал Бургундии Филипп По сир де ля Рош в духе известной в Средневековье светской концепции происхождения королевской власти, провозгласил, по его словам, идею «народного суверенитета», назвав именно народ «верховным сувереном», некогда создавшим и короля, и государство... *Journal des États généraux tenus à Tour en 1484 sous le règne de Charles VIII, rédigé en latin par Jehan Masselin, député de baillage de Rouen / publ. par A. Bernier. P., 1835 P. 140–146, 166, 644–646.* См. также *Хачатурян Н. А. Сословная монархия во Франции XIII–XV вв. М., 1989. С. 225.*

поставленной в разделе проблемы. Этот подход характеризовала в первую очередь попытка рассмотрения явлений этносов и наций в их временной последовательности, которая позволила на наш взгляд подчеркнуть перетекание этнических общностей в национальные, при более или менее этно-гетерогенной форме единства новых образований и естественных возможностях для каких-то этносов стать в них ведущей силой в зависимости от конкретно-исторических обстоятельств.

Специальное внимание в статье политическому фактору в развитии этнонациональных процессов не перечеркнуло комплексного видения каждого из явлений, но не позволило ограничить оценку этносов по преимуществу культурно-историческими и эмоциональными показателями, или свести характеристику наций в качестве исключительно политических конструкций. Оба явления воплощали комплексную совокупность естественно-природных, социально-экономических, социально-политических и культурных параметров развития в своем содержании. Существенно трансформированные во времени, эти параметры оставались преемственными. Модернизация средневекового общества и растущая институциональная зрелость государственности на этапе публично-правовой истории – по сравнению с этнополитическими сообществами эпохи раннего средневековья меняли формы, масштабы и историческую судьбу новой общности, чаще всего этно-гетерогенной. Но эти процессы не перечеркнули присущие человеку привязанности к месту своего рождения – его «малой родине» (*rais de nativité*), языку или диалекту, на котором он начал говорить. Принадлежность к «малой народности» не мешала принять новые формы социальных связей, соучаствовать в образовании «национальной» культуры и общенационального языка. Хотя, естественно, – подобный «плавный» исход процессов этнонациональной эволюции зависел от многих обстоятельств, в частности, – от степени самоопределения и зрелости, в том числе институциональной, этнических групп в их гетерогенном протонациональном образовании. Он также предполагал соблюдение определенных условий в сосуществовании этих общностей, и прежде всего, – взаимного соблюдения норм поведения: не насильственного со стороны ведущего в национальных образованиях этноса и согласия принять другой этнической или полиэтнической частью сообщества, новую историческую судьбу. Подчеркнутые в статье факты преемственного развития явлений «этнос – нация» и силу этого вектора движения получили убедительное подтверждение в наши дни.

Сегодня оно свидетельствует о незавершенном характере процессов трансформации этносов в нации даже в эпоху глобализации мировой истории, может быть, как раз активизируясь в качестве противовеса этой тенденции?

В предпринятом анализе, – его объектами стали по преимуществу две сферы исторической действительности – социальная и политическая. Они рассматривались в тесной связке друг с другом, хотя и на уровне, главным образом, социологических процессов, при сознательном элиминировании конкретно-исторической событийной и духовной истории, что потребовало бы специального внимания и выхода за рамки статьи. Тем не менее, именно в её заключительной части и в качестве заключения, позволю себе коротко обратиться к политической событийной ситуации из близкой моим научным интересам истории Франции с тем, чтобы подчеркнуть значение и результативность процессов, которые должны были способствовать формированию «национального» качества еще средневековых государственных сообществ.

Достаточно «нейтральный» для эксперимента по принятым в науке меркам «средневековой истории» опыт так называемого периода «классического средневековья», то есть XIV–XV века – демонстрирует для исследователя пример весьма тяжелой «проверки на прочность» французского государства и общества, и пусть начальных, но итогов процессов этнонациональной консолидации, а именно, – угрозу потери независимости в Столетней войне. Оккупация значительной части территории, гибель людей и разорение, и раскол страны, английский король на французском престоле, – безвыходная, казалось бы, ситуация, получившая неожиданный и благоприятный исход. Он традиционно объясняется в литературе указаниями на фактор «освободительной» войны и успехи в конечном счете государственного строительства. Однако материалы статьи существенно дополняют картину фактами принципиальных изменений в природе власти, сделавших последнюю основным носителем функции порядка и юстиции, – в природе общества, особенно его непривилегированной части, и характере диалога монарха и общества. Совокупность этих взаимосвязанных процессов – социальных, институциональных и этнонациональных – сформировала политико-государственную устойчивость и возможности военного сопротивления. Разработки последних лет, в частности, в «отечественной» литературе, существенно углубляют и традиционные объяснения феномена Жанны д'Арк. В них обычно подчеркиваются «размах» ос-

вободительной войны, мистическая вера в легитимного монарха, религиозное сознание общества и самой героини. Не опровергая этих объяснений, хотела бы напомнить, что это бесспорно неординарная по своим качествам личность родилась и формировалась в специфической среде французской деревни. Её актер не серв, но цензитарий, не только лично свободный человек, но производитель, получивший заметные преимущества в операциях с земельным держанием (его заклад и даже продажа); в условиях выраженной тенденции к ликвидации сеньориальной запашки превративший свое хозяйство в основную производственную единицу, наконец, – член сельской общины, реализующей формы самоуправления в её взаимоотношениях с собственным сеньором и внешним миром. Все эти особенности стимулировали общественную активность сельских жителей, повышали их ощущение самооценности, меняли поведенческие нормы. Не следует забывать, что размах и эффективность освободительной борьбы определял не только её «народный» характер, но факт организованного сопротивления в деревне и в городе, население которых действовало в привычных для них формах городских и сельских корпораций. Более того, – государство в свою очередь использовало сельское и городское ополчение, подключив их действия к военным операциям королевской армии⁶⁴. Новации в сельской жизни стали органической частью медленно набравшего силу процесса преодоления средневекового партикуляризма, который освобождал людей от ощущения их причастности к жизни только своей вотчины, города, провинции, монастырю, стимулируя восприятие ими собственной принадлежности к сообществу в целом. Ощущение «своего корня (*souche*)», ранее связываемое с местом непосредственного рождения – в новых условиях могло и должно было обретать форму восприятия страны в целом как Родины, – в качестве знака общей исторической судьбы и исторического сосуществования, очерченных геополитическими границами.

Неслучайно, едва ли не определяющим мотивом многочисленных политических трактатов XIV и особенно XV века во Франции следу-

⁶⁴ См. попытку рассмотрения истории самообороны в сельской местности в период Столетней войны в качестве самостоятельного фактора, оказавшего воздействие не только на масштаб освободительного движения, но структуру и тактику будущей постоянной армии во Франции (роль пехоты в качестве самостоятельной части военной структуры; отход от принципов рыцарской войны). *Хачатурян Н. А.* Сословная монархия... Гл. IV: Структура и социальный состав армии XIV–XV вв., раздел: Самооборона народных масс. С. 145–156.

ет признать мысль об «общем деле», «общем долге» защиты Родины. Даже с коррективой на просматриваемый в трактатах «правительственный заказ», который не могли не осознавать их авторы, часто бывшие королевскими чиновниками, подобно А. Шартье или Дезюрсену, такая позиция была знаковой⁶⁵. Более определенным и «массовым» по характеру свидетельством общественных настроений стала реакция – если не общества в целом, то значительной его части на Труасский договор 1420 г., лишивший Францию права на существование её в качестве самостоятельного государства и разделивший страну на два непримиримых лагеря. Конечной стала победа противников договора, посчитавших невозможным «двойное государство», даже при сохранении самостоятельного управления для обеих частей, при одном, но «чужом» для Франции английском короле. Ситуация демонстрировала рождение новой формы государственности, судьбы которой уже не решались в лимитах только династических, тем более сеньориально-вассальных и, в целом, – связях личностного характера или принципах частного права.

Рост институциональной зрелости французской государственности шел параллельно этнонациональной консолидации наполнявшей его общности, нормы жизни которой теперь на общегосударственном уровне регулировали публичные Закон и Право.

⁶⁵ А. Chartier. Le Quadrilogue invectif (Четырехчастный обвинительный диалог) / Éd. Y. Droz. P., 1950; Juvénal des Ursins J. Écrits politiques / Éd. P.S. Lewis, t. I. P., 1978; t. II. P., 1985; «Audite celi»... (Внемлите, небеса.) // Ibid. t. I. P. 145–278.

КОРОЛЬ, ДВОР, ГОСУДАРСТВО

ХАЧАТУРЯН Н. А.

К ВОПРОСУ О ПРИРОДЕ ФРАНЦУЗСКОЙ СОСЛОВНОЙ МОНАРХИИ⁶⁶

Советская медиевистика располагает довольно стройной схемой понятий и представлений о природе сословной монархии⁶⁷. Такие важные положения, как признание решающей роли социально-экономического фактора, в частности влияния товарно-денежных отношений и развития городов на процесс возникновения сословной монархии, разработка вопросов о соотношении централизации страны с изменением

⁶⁶ Впервые опубликовано в: *Хачатурян Н. А.* К вопросу о природе французской сословной монархии // *Средние века*. 1978. Вып. 42. С. 27–48. Статья основана на докладе, прочитанном на третьей сессии «Чтений памяти академика Е. А. Косминского» в ноябре 1976 г.

⁶⁷ В нашей науке начало конкретному изучению сословной монархии было положено на материале английской истории исследованиями Е. В. Гутновой и продолжено ее учениками Л. П. Репиной и Ю. И. Писаревым; ряд работ, в частности по истории сословного представительства во Франции и Испании, существенно продвинул разработку этой проблемы. См.: *Гутнова Е. В.* Возникновение английского парламента. М., 1960; *Писарев Ю. И.* Класс феодалов и сословная монархия в Англии XIV века. Автореф. канд. дис. М., 1975; *Репина Л. И.* Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV в. Автореф. канд. дис. М., 1975; *Люблинская А. Д.* Структура сословного представительства в средневековой Франции // *Вопросы истории*. 1972. № 1. С. 100–113; *Хачатурян Н. А.* Возникновение Генеральных штатов во Франции. М., 1976; *Корсунский А. Р.* История Испании IX–XIII веков. М., 1976. См. также главы в общих трудах: *Сидорова Н. А.* Франция во время Столетней войны. Жакерия // *Всемирная история*. Т. 3. М., 1957, *Люблинская А. Д.* Расцвет феодализма (X–XIII века). Столетняя война и народные восстания XIV–XV вв. // *История Франции*. Т. 1. М., 1972. В них авторы затрагивают важные вопросы, связанные с пониманием природы сословной монархии.

государственных форм и понимание в связи с этим ограничительной роли представительных собраний, составляют несомненные достижения советской исторической науки. Вместе с тем нельзя не отметить, что история сословной монархии не стала еще объектом пристального внимания советских историков в той мере, в какой это произошло с проблемой абсолютизма. Состояние данного вопроса в советской медиэвистике отражает, на наш взгляд, назревшую необходимость более глубокого и всестороннего его исследования как в теоретическом, так и конкретно-историческом плане, в том числе на французском материале. Проблема французской сословной монархии, взятая во всей ее полноте, еще ждет своего решения, причем не только у нас, но и за рубежом.

Интересы западных ученых, занимающихся историей западно-европейского общества XIV–XV вв., в последнее время заметно сместились от исследования социально-экономической истории, истории крестьянства и купечества к проблемам политико-правовой, административной и военной истории. В многочисленных работах, посвященных политической истории, в той или иной форме ставится и вопрос о природе государства XIV–XV вв., в оценке которой мнения исследователей резко расходятся: одни рассматривают государство этого периода как политическую организацию нового времени, другие – как государство конца периода феодализма, третьи – как явление переходного типа⁶⁸ Некоторые историки, отмечая автономный характер государства XIV–XV вв., называют его государством Ренессанса, отличительными чертами которого оказываются в одном случае бюрократия, в другом – национальное чувство, организующее подданных государя в истинную общность, в третьем – развитие искусств или наличие сословно-представительных учреждений⁶⁹.

⁶⁸ *Mousnier R.* Réflexions critiques sur la notion d'absolutisme // *Bulletin Société Histoire moderne*. 1955. N. LIV. P. 2–8; *Guenée B.* L'histoire de l'État en France à la fin du Moyen Age vue par les historiens français depuis cent ans // *Revue historique*. 1964. N. 232. P. 331–800.

⁶⁹ *Chabod F.* Y a-t-il un État de la Renaissance? De Pétrarque à Descartes, t. III // *Actes du Colloque sur la Renaissance*. P., 1958. P. 57–58; *Guenée B.* L'Occident aux XIVe et XVe siècles. P., 1971; *Contamine Ph.* Guerre, État et Société à la fin du Moyen Âge. Études sur les armées des rois de France (1337–1494). P., 1969; *Lewis P.* La France à la fin du Moyen Age. P., 1977; *Cazelles B.* La société politique et la crise de la royauté sous Philippe de Valois. P., 1958; *Perroy E.* La Guerre de Cent Ans. P., 1945; *Mayor I. R.* 1) Representative Institutions in Renaissance France

Несмотря на спорность и недостаточную, как правило, убедительность подобных оценок, поиски синтеза политической и социальной истории рядом западноевропейских ученых заслуживают внимания. Следует особо отметить труд французского историка Б. Гене, представляющий собой сравнительно-историческое исследование государства во Франции, Англии, Германии, Италии, Испании, Чехии и Польше в XIV–XV вв., и книгу английского ученого П. Льюиса, посвященную истории французского общества этого же периода⁷⁰.

Таким образом, научную актуальность избранной для статьи темы определяет не только ее недостаточная изученность, но и характер зарубежной специальной литературы по этой проблематике. В данной статье автор хотел бы высказать некоторые соображения относительно природы французской сословной монархии не столько в качестве результатов исследования проблемы, сколько в плане постановки вопросов, наиболее существенных для ее решения.

* * *

Спорными являются вопросы о хронологических рамках и содержании исследуемого этапа в политической эволюции французского общества. Сословную монархию во Франции принято относить к периоду с XIII в. до конца XV в.

Многие исследователи считают, что уже в правление Людовика XI возникла абсолютная монархия. Однако ощутимые результаты становления этой формы государства проявились позже, в правление Франциска I (1515–1547). Рубеж между двумя формами феодальных монархий оказывается, таким образом, условным, его нельзя определить какой-либо конкретной датой, как нельзя точно датировать оформление главного условия конституирования абсолютной монархии – возникновение класса буржуазии в качестве противовеса классу феодалов⁷¹. И хотя зарождение элементов капиталистических отношений исследователи отмечают уже в XV в., об оформлении уклада можно говорить не ранее первой половины XVI в., – того самого века, события которого во Франции так неблагоприятно сказались на глу-

1421–1559. Madison, 1960; 2) *The Deputies to the Estates General in Renaissance France*. Madison, 1960.

⁷⁰ Guenée B. *L'Occident...*; Lewis P. *La France à la fin du Moyen Age*.

⁷¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 426.

бине и темпах генезиса капитализма. Если же брать такие признаки абсолютной монархии, как наличие регулярной армии, системы постоянных налогов, разветвленного административного аппарата, характер взаимоотношений королевской власти с папством и Империей, то они, действительно, имели место уже к концу XV в. Даже такой яркий показатель наличия сословной монархии, как Генеральные штаты, после ассамблеи 1484 г., внушившей большие надежды современникам своими проектами реформ и притязаниями на периодичность созыва, длительное время не созывались вообще, хотя и не прекратили своего существования как институт.

Неопределенность, размытость границ между этими двумя формами государственности не случайны; это объясняется их глубокой внутренней связью, наличием общих черт. Эта особенность определяется не только общей феодальной сущностью обеих политических форм, но и тем, что основанием для их становления служил в том и другом случае процесс централизации страны: для сословной монархии – на его ранних этапах, для абсолютизма – на его заключительных и высших в условиях феодализма. Сословная монархия является как бы необходимой предварительной ступенью для абсолютной монархии.

Подобно абсолютизму, проблему сословной монархии как специфической формы феодального государства можно свести к вопросу о степени самостоятельности государственной власти по отношению к господствующему классу, интересы которого она представляет⁷².

⁷² Сказкин С. Д. Проблема абсолютизма в Западной Европе // Из истории средневековой Европы (X–XVI вв.). М., 1957. С. 9. Следует особо оговорить, что проблема абсолютной монархии в нашей статье затрагивается лишь в сопоставлении этой формы государства с предшествующей ей. Специальная литература по данному вопросу: Сказкин С. Д. Проблема абсолютизма в Западной Европе; Люблинская А. Д. 1) Новейшая буржуазная концепция абсолютной монархии // Критика новейшей буржуазной историографии. Сборник статей. М.-Л., 1961; 2) Французский абсолютизм в первой трети XVII в. М.-Л., 1965; 3) Франция в начале XVII в. Л., 1959; Чистозонов А. И. Некоторые аспекты проблемы кризиса абсолютизма // Вопросы истории. 1968. № 5. С. 46–62; Аврех А. Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР. 1968. № 2. С. 82–104; Павлова-Сильванская М. П. К вопросу об особенностях абсолютизма в России // История СССР. 1968. № 4. С. 71–85; Троцкий С. М. О некоторых спорных вопросах истории абсолютизма в России // История СССР. 1969. № 2; см. также материалы сборников: Абсолютизм в России (XII–XVIII вв.). М., 1964; Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970 и др. работы.

С этой точки зрения сословная монархия – особый этап в жизни общества, который характеризуется сочетанием значительной степени централизации с сохранением политической власти за основными группами феодалов – локальных суверенов, обладающих большей или меньшей степенью независимости. В своих имунитетных округах и в органах сословного представительства они выступали в качестве прямых соучастников политической власти. При абсолютизме отсутствует подобный прямой дележ политической власти – государство в этот период как бы поглощается личностью короля и подвластным ему аппаратом.

Это общее положение не исключает, естественно, возможности рецидивов феодальной анархии и резкого, хотя и временного ослабления центральной власти, как это имело место во Франции во время религиозных войн или Фронды.

Но существует известная аналогия в механизме действия этих государственных форм, связанная со спецификой расстановки социальных сил в обществе. Важнейшим условием независимости королевской власти от господствующего класса при абсолютизме служил баланс противостоящих сил феодалов и крепнущей буржуазии, резко увеличивший возможности центральной власти⁷³. Однако уже на этапе сословной монархии этот баланс был предвосхищен оформлением городского сословия. Феодальное по самой своей сущности, оно только в ходе длительного исторического развития выделит из патрицианско-бюргерской среды буржуазию. Класс феодалов в отличие от последующего периода не потерял могущества, поскольку сам феодализм, несмотря на существенные изменения, находился в состоянии расцвета. И хотя в этих обстоятельствах королевская власть значительно больше, чем при абсолютизме, зависела от феодальных сил, наличие такого союзника, как городское сословие, заметно усилило ее позиции. Это должно было сказаться с наибольшей очевидностью именно во французском варианте расстановки социальных сил, с характерным для него отсутствием (по крайней мере в северных и центральных районах страны) выраженной общности экономических и политических интересов между городским и привилегированными сословиями. Вместе с тем можно также отметить, что при абсолютизме сохраняется близкая к XIV – XV вв. сословная структура общества, хотя и осложненная

⁷³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 306; Т. 18. С. 254; Т. 21. С. 172.

новыми социальными явлениями, в первую очередь зарождением и оформлением классов буржуазии и наемных рабочих; не прекращают своего существования и сословно-представительные органы, несмотря на то что их состав и роль в обществе претерпевают определенные изменения.

Таким образом, при всей размытости границ и общности некоторых черт эти две государственные формы – сословная монархия и абсолютная монархия – различны как два особых этапа в жизни феодального общества и государства.

Не ставя перед собой задачи раскрыть конкретно-историческое содержание этана сословной монархии во Франции, хотелось бы тем не менее обратить внимание на некоторые моменты, в частности на сложный ход исторического процесса во Франции этого времени. Экономический и политический подъем страны, имевший место в XIII в., сменяется в XIV в. довольно глубокими продолжительным упадком, связанным с эволюцией товарно-денежных отношений в условиях феодального общества. Усугубленный Столетней войной, Черной смертью и феодальной анархией, этот упадок дал основание многим западным историкам объявить XIV и XV века эпохой общего кризиса феодализма⁷⁴. Однако уже со второй половины XV в. в стране вновь наблюдается подъем, и Франция, окрепшая как централизованное государство, выходит из трудностей. По мнению современников, не было в конце XV в. страны более объединенной, чем Франция. Этот ход развития красноречиво отразил жизнеспособность феодального общества и тех сил, которые были заинтересованы в централизации страны. Некоторые исследователи отмечают во французском обществе XV в. усталость от анархии, которая, по их мнению, заставляла принять деспотизм⁷⁵.

⁷⁴ Проблема общего кризиса феодализма в Западной Европе XIV–XV вв. стала, как известно, предметом большой дискуссии с конца 50-х годов, нашедшей отклик и оценки в советской литературе. См.: *Косминский Е. А.* Были ли XIV и XV вв. временем упадка европейской экономики? // *Средние века.* 1957. Вып. 10; *Сказкин С. Д.* Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968; *Люблинская А. Д.* Проблемы кризиса феодализма // *История Франции.* М., 1972. Т. 1; *Барг М. А.* Проблемы социальной истории и освещении современной западной средневековья. М., 1973.

⁷⁵ *Contamine Ph.* De la puissance aux privilèges: doléances de la noblesse française envers la monarchie aux XIVe et XVe siècles // *La Noblesse au Moyen Age.* P., 1976. P. 248.

Определенный эффект от пережитых обществом потрясений, несомненно, имел место, однако важнее было бы, на наш взгляд, выделить в качестве существенного фактора, влиявшего как на моральное состояние общества, так и на усиление центральной власти, необычайно резкое обострение и усложнение классовой борьбы в XIV–XV вв. Разнообразие ее форм: городские и крестьянские движения, подчас переплетающиеся, их частота и массовый характер, двуединая направленность – антисеньориальная и антигосударственная, осложненность внутрисословными и внутриклассовыми противоречиями – все это придавало ей угрожающий оттенок и стимулировало в конечном счете, хотя и по без отклонений, объединение страны. Значимость этого фактора, пожалуй, с наибольшей очевидностью обнаружила инициатива жителей ряда городов Франции, высказавшихся за ликвидацию коммунальных вольностей в пользу центральной власти (Санса – в 1317 г., Санлиса – в 1320 г., Суассона – в 1325 г.)⁷⁶. Показателями успехов в процессе централизации явились территориальное воссоединение страны и ликвидация таких апанажей, как владения дома Анжу, герцогов Бургундских и Орлеанских, создание регулярной армии и введение постоянного налога, редакция кутюмов, усовершенствование центрального и местного аппарата. Не сразу и под давлением обстоятельств в государстве были выработаны более гибкие принципы важнейших направлений внутренней политики – административной и финансовой. Эволюция их характеризовалась переходом от попыток к установлению в XIV в. жесткой централизации в административном управлении и всеобщности налогового обложения к признанию местных институтов (провинциальных штатов и парламентов) и освобождению от налогов представителей господствующего класса.

* * *

Анализируя французскую сословную монархию как особый этап развития общества, следует подчеркнуть несовпадение этой проблемы с вопросом о судьбах и особенностях сословного представительства. В литературе часто совершается такая подмена, хотя сословное представительство отнюдь не исчерпывает характеристики сословной монархии как специфической формы феодального государства.

⁷⁶ *Атаян А. А.* Социально-экономическое и политическое развитие городов-коммун северной Франции в XII–XIV вв. Автореф. канд. дисс. М., 1977.

Особенно важной стороной этой характеристики представляется факт оформления и развития сословий. Процесс централизации в период сословной монархии идет как бы в двух направлениях – усиления центральной власти, с одной стороны, и консолидации, а также роста политической активности сословий – с другой. Таким образом, социальная стратификация общества, основанная на классовом делении (по отношению к земле) и иерархии земельной собственности внутри класса феодалов, осложняется делением на социальные коллективы, где право индивида реализуется только по соучастию. По мнению Лагарда, общество как совокупность коллективов – самый характерный признак данного этапа⁷⁷. Социальные коллективы утверждают свои права и привилегии в хартиях – процесс, который приводит постепенно к выработке общесословных требований – сначала в рамках провинций, а затем и государства.

В этом смысле термин «сословная монархия», если под ним подразумевать самый факт оформления сословного строя, имеет право на существование, хотя принятое в советской медиевистике определение «феодалная монархия с сословным представительством» точнее передает классовую сущность этой государственной формы.

Наличие у сословий определенного суверенитета делало необходимым обмен мнениями между правительством и сословиями. Такой диалог был необходим и повседневно осуществлялся в самых различных контактах правительства с сословными группами. Генеральные штаты были только одним из воплощений, правда наиболее ярким, этого диалога, нашедшего политическое оформление в общегосударственном масштабе.

Попытаемся суммировать некоторые характерные черты сословной структуры французского общества. Процесс сословного определения во Франции получил особенно активное развитие в среде горожан. Хотя отправной точкой этого процесса послужили отделение ремесла от сельского хозяйства и его дальнейшая эволюция в качестве самостоятельной сферы производства, оформление сословия как общественной группы, обладающей юридически закрепленными правами, было определено коммунальным движением. Несмотря на неодинаковые результаты движения, известную растянутость процесса приобретения городами политических и экономических привилегий, юридический

⁷⁷ *Lagarde G. Naissance de l'esprit laïque au déclin du Moyen Âge. Louvain – Paris, 1956. P. 118.*

родами политических и экономических привилегий, юридический статус городского сословия во Франции установился сравнительно рано — в XII — начале XIII в.⁷⁸ Последовавшая с конца XIII в. ликвидация коммунальных вольностей не только не изменила основного условия этого статуса — личную свободу горожан, но способствовала консолидации сословия в общегосударственном масштабе. В этом же направлении действовала практика общегосударственного сословного представительства. Тем не менее надолго сохранившаяся приверженность к местным вольностям служила одним из источников слабости городского сословия во Франции, политическое сознание которого часто опережало его действительную зрелость⁷⁹. В событиях 1356–1358 гг., например, городская парижская верхушка, приняв решающее участие в выработке проекта общегосударственных реформ (так называемого Великого мартовского ордонанса), попыталась затем поставить столицу в исключительное положение по отношению к другим городам страны в налоговых вопросах, что, естественно, обрекло Париж на изоляцию. В другом случае именно стремление вернуть муниципальные привилегии заставило верхи Парижа ослабить поддержку Людовика XI в борьбе с Лигой общественного блага и тем самым вынудить его принять тяжелые для центральной власти условия мира 1465 г.⁸⁰ Важной общей особенностью средневекового городского сословия была его внутренняя гетерогенность и подвижность социальной среды⁸¹. Дробные мелкие коллективы, определяемые профессиональными занятиями и экономическим статусом, принадлежностью к цеху, гильдии, городскому управлению, организовывались па какое-то время в более крупные противостоявшие друг другу страты — патрициат и ремесленную массу, чтобы вскоре пережить новую перегруппировку сил, в которой патрициат и верхушка бюргерства объединятся против широких городских масс обедневших против широких городских масс

⁷⁸ Разница в правах имела место не только между коммунами Севера и пользовавшимися большей независимостью городами Юга страны, между коммунами и городами буржуазии, но и между самими коммунами (см. прим. 11).

⁷⁹ Нельзя не отметить противоречивость результатов такого сложного явления, как коммунальное движение, поскольку оно способствовало не только консервации местной ограниченности горожан, но и питало их политическую активность и смелость.

⁸⁰ История Франции. Т. 1. С. 126–132, 146.

⁸¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 424–425.

обедневших ремесленников и «вечных» подмастерьев⁸². Этот союз разнородных эксплуататорских элементов городского населения во французском городе установился, пожалуй, быстрее, чем в немецких и английских городах.

Процесс сословного оформления затронул и французское крестьянство, в среде которого возникали сельские коммуны. Стимулируемый в известной мере коммунальным движением в крупных северо-французских городах, процесс личного освобождения крестьян совпал с ним по времени, способам борьбы и общей антифеодальной направленности⁸³. Несмотря на заметное улучшение экономического, социального и юридического статуса, крестьянство, однако, не получило, подобно горожанам, политического признания в обществе. Положение французского крестьянства, которое ранее отличалось крайним разнообразием форм зависимости, изменилось; это способствовало как его внутренней нивелировке, так и расширению сферы влияния на него государства в области юрисдикции и налогов. Однако поземельные связи крестьянства с феодалами в условиях господства цензивы продолжали цепко удерживать его в рамках сеньерии. Связи же французского крестьянства с государством уже к концу периода сословной монархии обернулись для него главным образом резким усилением налогового гнета. Словарь французского общества XV в. объединит горожан и крестьян одним термином «третье сословие» (*tiers état*), однако юридическо-правовое положение этих двух общественных сил остается неодинаковым⁸⁴. Проблема своеобразия сословного оформления

⁸² Себенцова М. М. 1) Кабошъены и ордонанс 1413 // Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина. 1946. Т. XXXVII; 2) Восстание кабошъенов // Труды Московского историко-архивного института. 1958. Т. 2; Стоклицкая-Терешкович В. В. Основные проблемы истории средневекового города. М., 1960; История Франции. Т. 1. Разд. 2–3; *Mirot L.* Les insurrections urbaines au début du règne de Charles VI 1380–1383. P., 1906; *Petit-Dutaillis Ch.* Les communes françaises. P., 1947; *Wolff Ph.* Les luttes sociales dans les villes du Midi français. XIII–XIV siècles // *Annales*. 1947. N 2. P. 443–454.

⁸³ Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957; Скажин С. Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века; Бессмертный Ю. Л. Феодалная деревня и рынок в Западной Европе XII–XIII вв. М., 1969; Люблинская А. Д. Сельская община 18 и город в Северной Франции XI–XIII вв. // Средние века. 1975. Вып. 38. С. 116–128.

⁸⁴ Впервые этот термин встречается в одном из намюрских документов 1429 г., чуть позже бургундский хронист Жорж Шатален напишет о «*tiers membre*». В конце века это выражение появится в письмах Людовика XI «*tiers, commun*

крестьянства, характеризуемого не столько юридическими правами, сколько отсутствием таковых, и связанный с ней вопрос о политике государства по отношению к крестьянству заслуживает, на наш взгляд, специального внимания исследователей.

Класс французских феодалов, процесс становления которого прошел в наиболее быстрых, в масштабах Западной Европы, и законченных формах (монополия на землю, развитая и последовательная иерархическая структура, политические прерогативы), уже к XI в. превратился в привилегированный слой, принадлежность к которому определялась в основном по рождению⁸⁵. Класс получил четко выражаемое сословное деление на светских и духовных феодалов (*noblesse et clergé*), закрепленное активными выступлениями светского общества против церковных привилегий. В конфликтах этого рода уже в XIII в. имели место альянсы различных сословных групп – дворянства и горожан⁸⁶. Неоднородность феодалов нашла отражение в структуре Генеральных штатов, в работе государственного аппарата, в частности высшего судебного органа – парламента, с характерной для него тенденцией к секуляризации.

В среде *noblesse* к середине XIII в. заметно изживают себя различия между шателенами – владельцами замков (*dominus, sir*) и простыми рыцарями (*chevaliers, milites*), обязанными им службой. В этой постепенной эволюции дворянства знатный сеньор становится рыцарем, в то время как последний иногда присваивает себе отличия, присущие шателенам. Тенденция к некоторой «демократизации» (по выражению Дюби) в среде дворянства определялась не без влияния процесса усиления центральной власти, который вел к сокращению местной автономии крупных сеньоров⁸⁷. Институт рыцарства способствовал консолидации класса в целом и выработке классового самосознания, в том числе сознания монопольного обладания «благородством». В первой половине XIV в. насчитывалось 40–50 тыс. дворянских семейств (1% – менее 2% от численности всего населения)⁸⁸.

et bas état», затем в наказе Генеральных штатов 1484 г. (*tiers et commun état*) и, наконец, в сочинении Тома Базена «История Людовика XI» – «*tertii et inferioris status*» (*Guenée B. L'Occident...*, p. 226).

⁸⁵ История Франции. Т. 1. С. 86.

⁸⁶ Хачатурян Н. А. Возникновение Генеральных штатов во Франции. С. 28 и др.

⁸⁷ Duby G. 1) *La noblesse dans la France médiévale. Une enquête à poursuivre* // *Hommes et structures du Moyen Âge*. P., 1973. P. 145–166; 2) *Situation de la noblesse en France au début du XIIIe siècle* // *Ibid.* P. 343–352.

⁸⁸ Contamine Ph. *La noblesse au Moyen Âge*. P., 1976. P. 31–32.

Экономические трудности феодалов в связи с развитием товарно-денежных отношений, с ростом дороговизны самой процедуры посвящения в рыцарство (*hommage*) порождали новую прослойку – сыновей рыцарей, дворян по происхождению, но не получивших звания рыцарей (*domicellus*, *damoiseau* – на юге, *armiger*, *escuier* – на севере). Оттягивание этой процедуры было чревато потерей привилегий. Статусы Фрежюса (*Fréjus*), изданные в XIII в. графом Прованса, ликвидировали привилегии для сыновей и внуков рыцарей, если те до 30 лет не прошли процедуру посвящения⁸⁹. Несмотря на наличие различных прослоек, класс французских феодалов выглядит более гомогенным, чем в Англии. Мы не можем выделить мелких и средних феодалов как особую сословную группу, отличавшуюся по роду экономической деятельности и положению от крупных сеньоров, – обстоятельство, которое имело важные последствия в социально-политической жизни общества, в частности отразилось на характере взаимоотношений дворянства с сословием горожан⁹⁰.

Обычно, характеризуя класс феодалов во Франции, исследователи отмечают, опять-таки в сравнении с Англией, его большую замкнутость в целом, даже в нижней границе, – специфика, связанная как с особенностями феодальной эволюции, так и с политикой центральной власти, препятствовавшей попыткам ускользания от налогов. Это не исключало, однако, несомненно имевших место фактов анноблирования и самой возможности ослабления (в определенные периоды) правовой границы между знатными и незнатными. Последнее явление наблюдалось, например, в связи с развитием в обществе товарно-денежных отношений. Французские исследователи Ж. Дюби и Э. Перруа считают возможным говорить об «открытости» класса для периода XIII – начала XIV в.⁹¹ Эта прогрессивная для класса в целом тенденция заглохла в связи со Столетней войной⁹².

⁸⁹ *Duby G.* 1) *La noblesse dans la France...* P. 160; 2) *Situation de la noblesse...* P. 349–350.

⁹⁰ Исключение, может быть, составляют южные районы страны, где в силу ряда особенностей городского развития исследователи отмечают известную близость дворянства и горожан.

⁹¹ *Duby G.* 1) *La noblesse dans la France...*; 2) *Situation de la noblesse...*; *Perroy Ed.* *Deux lignages chevaleresques en Forez au XIe siècle // Bulletin de la Diana.* 1959. N 34. P. 627–640; 2) *La noblesse forezienne et les lignes nobilières de 1314–1315 // Bulletin de la Diana.* 1960. N 36. P. 188–221.

⁹² *Бессмертный Ю. Л.* Феодальная деревня... С. 107–108.

Весьма существенное влияние на развитие анноблирования во Франции оказывало такое явление политической жизни, как рост государственного аппарата. Уже в период сословной монархии это привело к оформлению выходцев из горожан в группу чиновного дворянства, как бы предвосхищавшую дворянство мантии XVII в. С конца XIII в. становится обычной практика продажи должностей, вызывавшая протесты в Генеральных штатах главным образом со стороны представителей привилегированных сословий. Оформляется право на дворянское звание по службе (пожизненное и наследственное, в случае, если должность занималась в двух поколениях или была значительна). При первых Валуа существовало не менее 30 фамилий крупных чиновников, анноблированных по службе. За время от середины XIV в. до первой четверти XV в. можно назвать по крайней мере 14 фамилий, представители которых (в общей сложности более 40 человек) составили парламентские династии в Париже: de Presles, d'Orgemont, le Coq, de Montagu и др.⁹³ Эта прослойка сохраняла свою исключительность, не сливаясь с военным дворянством (*noblesse militaire*).

В силу особенностей вассальной системы во Франции среднее и мелкое дворянство длительное время оставалось резервом крупных феодалов, несмотря на попытки королевской власти установить непосредственную связь с арьер-вассалами. Какое-то время одним из важных средств реализации этой политики для королевской власти служила практика фьеф-ренты, сложившаяся в XIII–XIV вв. под влиянием роста товарно-денежных отношений. В XIV и особенно XV вв. происходит существенный сдвиг в социальной жизни, который заключался в развитии системы контрактов. Благодаря ей отношения внутри господствующего класса перестают быть связанными не только непосредственно с землей, как это было в случае с фьеф-рентой, но с наследованием и процедурой *hommage*. В социальной эволюции дворянства на этапе развития товарного производства система контрактов явилась лишь следующим шагом после фьеф-ренты, отмирающей к концу XV в.: в 1474 г. из сумм, которые должен был выплатить король на новый год, на долю фьеф-рент приходилось всего лишь 160 лив-

⁹³ *Ducoudray G.* Les origines du Parlement de Paris et de la justice aux XIIIe et XIVe siècles. P., 1902; *Fédou R.* Les hommes de loi lyonnais à la fin du Moyen Âge. Études sur les origines de la classe de robe. P., 1964; *Lewis P.* La France à la fin du Moyen Age; *Guenée B.* L'Occident...

ров⁹⁴. Систему контрактов использовала не только центральная власть, но и крупные феодалы, создавая свою клиентелу. Без учета этих новых явлений в жизни феодального класса невозможно понять систему политических союзов и борьбу феодальных кланов Франции в XV в.⁹⁵ Однако эта же практика в руках королевской власти послужила делу централизации страны и приобрела совершенно исключительное значение в условиях известной узости социальной базы королевской власти, характерной для ранних этапов развития французской сословной монархии. Показателем этой особенности являлся аристократический состав ассамблей Генеральных штатов в палате представителей дворянского сословия в первых десятилетиях XIV в.⁹⁶ Система контрактов в качестве орудия установления связей короля с мелкими и средними феодалами стала средством перегруппировки сил внутри господствующего класса в пользу центральной власти. Контрактные отношения начинают сосуществовать с вассальными, постепенно ломая их⁹⁷. При этом в своих поисках прямых контактов с вассалами второй и третьей руки королевская власть использует и старый и новый вид связей. В 1351–1352 гг. Иоанн Добрый основал рыцарский орден Звезды (*Ordre d'Etoile*) – мера, которая была не столько игрой в рыцарскую честь, вассалитет и куртуазность, сколько политическим ходом с целью поддержать рыцарство после поражения в битве при Креси и привязать его к трону. Даже Людовик XI, который, казалось, довольствовался только признанием подданства от крупных феодалов, создает тем не менее в 1469 г. новый рыцарский орден св. Михаила⁹⁸.

Отмеченный выше процесс аноблирования горожан через государственный аппарат также способствовал расширению социальной

⁹⁴ *Guenée B. L'Occident...* P. 230.

⁹⁵ *Lewis P. La France à la fin du Moyen Age.* P. 289, 290.

⁹⁶ *Хачатурян Н. А. Возникновение Генеральных штатов во Франции...* С. 84–87, 100.

⁹⁷ Новые явления в социальной организации господствующего класса побудили многих западных исследователей расценить их как показатели деформации феодализма, выделяя этот этап в качестве «*féodalité prolongée*» (М. Bloch), «*féodalité bâtarde*» (К. В. McFarlane), «*nouvelle féodalité*» (Н. М. Cam). Подобные оценки в конечном счете связаны с пониманием феодализма прежде всего как системы вассально-ленных отношений. Однако присутствующее в этих оценках положение об известной регенерации феодализма не лишено смысла, если его понимать как приспособление социальных отношений к глубоким изменениям в структуре феодального общества.

⁹⁸ *Guenée B. L'Occident...* P. 234.

базы сословной монархии. Существенные сдвиги в перегруппировке сил определились лишь ко второй половине и концу XV в. Их показателями можно считать такие явления, как замена принципа личного присутствия на Генеральных штатах принципом избрания общего депутата от дворян области (1484 г.), оформление института регулярной армии, кавалерию которой составляло исключительно дворянство, и др.

В очень важных, но редких попытках современных французских историков выяснить роль и место дворянства в системе французской сословной монархии нельзя не видеть реакции на направление буржуазной историографии XIX в., связанное с именем О. Тьерри и объяснявшее победы монархии исключительно результатом ее союза с буржуазией. Отход от этой концепции должен, несомненно, способствовать более правильному пониманию классовой природы сословной монархии. К сожалению, этот взгляд не свободен от другой крайности, а именно от стремления изобразить дворянство единственной общественной силой, «чувствительной к утверждению ограниченной монархии», и в связи с этим от недооценки роли городского сословия⁹⁹. Не следует переоценивать роль горожан, но нельзя не признать исключительного значения этого общественного слоя в становлении централизованного государства и развитии сословной монархии. В силу ограниченных по сравнению с Англией возможностей королевской власти во Франции (недостаточные материальные, прежде всего земельные, ресурсы на ранних стадиях централизации, узкая социальная база и др.) это сословие оказалось не только ее естественным, но необходимым и чрезвычайно важным союзником.

Городскому сословию Франции нельзя отказать ни в стремлении к ограничению монархии (уже Этьен Марсель в письме к регенту писал, что невыполнение верховной властью долга покровительства и защиты народа освобождает последний от каких-либо обязательств по отношению к правительству)¹⁰⁰, ни в способности выработать проект общегосударственных реформ, направленных на упорядочение общественного строя и ликвидацию злоупотреблений (примером могут служить Великий мартовский ордонанс 1357 г. или Кабошьянский ордонанс 1413 г.). Тем не менее гораздо существеннее подчеркнуть

⁹⁹ *Contamine Ph. De la puissance aux privilèges...* P. 248.

¹⁰⁰ Социальная история средневековья. Сб. источников под ред. Е. А. Косминского, А. Д. Удальцова. Т. 2. М.-Л., 1927. С. 332.

другое, а именно прогрессивное значение союза королевской власти и горожан, способствовавшего объединению страны. В этом аспекте дворянство, как в крайних точках исследуемого периода – движении провинциальных лиг 1314–1315 гг. и Лиги общественного блага, так и в событиях борьбы феодальных клик Арманьяков и Бургиньонов, уступало горожанам в способности к пониманию интересов государства.

Однако залогом действительно научной оценки роли дворянства являются, по нашему мнению, не рассуждения по принципу «кто лучше», а конкретный анализ судеб мелких и средних феодалов в системе сословной монархии, точнее, их союза с королевской властью – задача первостепенной важности, которая пока остается нерешенной.

Завершая попытку характеристики некоторых особенностей сословной структуры во Франции XIII–XV вв., следует также назвать замедленность процесса консолидации сословий в общегосударственном масштабе, связанную со спецификой централизации страны, начальным этапом которой явилось объединение по провинциям. Выраженный провинциализм на этапе ранней сословной монархии, нашедший отражение в движении провинциальных лиг 1314–1315 гг., сохранился не только до конца XV в., но и много позже. Королевская власть, вынужденная считаться с этим обстоятельством, пыталась конституировать местное управление по образцу центра. Дублируя, в частности, парламенты по образцу парижского – в Тулузе, Гренобле, Бордо, Дижоне, Руане и Эксе, она стремилась сохранить приоритет центра и использовать эти учреждения в качестве орудия своего влияния.

Оценка той или иной формы государства – это прежде всего оценка его классовой сущности. Одним из наиболее важных направлений в исследовании этого основного вопроса является анализ экономической, налоговой и юридической политики государства в отношении классов и сословий общества. Его плодотворность была убедительно доказана в советской медиевистике на материалах английской истории¹⁰¹.

Любопытно отметить, что подобный ракурс исследовательского поиска практически отсутствует в современной зарубежной историографии, представители которой предпочитают обходить данный вопрос молчанием. Вместе с тем многие западные ученые стремятся подчеркнуть насильственные функции государства, его «прессовую»

¹⁰¹ Гутнова Е. В. Возникновение английского парламента...

сущность. Подобные оценки резко отличаются от характерной для буржуазной историографии XIX в. идеализации государства и королевской власти. Правда, отказ от апологии государства не всегда способствует уточнению его классовой сущности, поскольку жертвой гнета бюрократической машины часто изображается все общество без учета классовых противоречий. Примером может служить работа Ф. Контамина, который, прослеживая социальные противоречия во Франции в XIV–XV вв., пишет о напряженности в отношениях не между королем и феодалами, с одной стороны, и народом – с другой, а между бюрократической монархией и дворянством, духовенством и горожанами¹⁰². Подобное понимание места и роли государства для многих зарубежных исследователей является исходным моментом в оценке социальных движений XIV–XV вв. Этим историкам присущи идеи вертикальной солидарности сословий, отрицание классового деления общества под предлогом сложности его социальной структуры, признания исключительно антиправительственного характера восстаний и т. д.¹⁰³ Но обращение некоторых современных ученых к проблеме оформления бюрократического аппарата и его социального состава в период сословной монархии, безусловно, заслуживает внимания¹⁰⁴. В частности, исследование социального состава государственного аппарата может дать, по нашему мнению, также весьма яркие свидетельства классовой сущности государства.

В советской историографии еще Е. А. Косминский, характеризуя политическое развитие Англии в XV в., отметил любопытную особенность в поведении феодалов. «Лишенные возможности увеличивать доходность своих вотчин... феодалы паразитически бросаются на соз-

¹⁰² *Contamine Ph.* De la puissance aux privilèges... P. 248.

¹⁰³ *Fourquin G.* 1) Les soulèvements populaires au Moyen Âge. Paris, 1972; 2) Les campagnes de la région parisienne à la fin du Moyen Âge. P., 1964; *Fossier R.* Histoire sociale de l'Occident médiéval. P., 1970; *Mollat M., Wolff Ph.* Ongles bleus, Jacques et Chiompi. Les révolutions populaires en Europe aux XIVe et XVe siècles. P., 1970; *Гутнова Е. В.* Проблема антифеодальной борьбы средневекового крестьянства в Западной Европе в современной французской, английской и американской историографии // Средние века. 1977. Вып. 41. С. 203–229.

¹⁰⁴ *Guenée B.* 1) L'Occident...; 2) Tribunaux et gens de justice dans le bailliage de Senlis à la fin du Moyen Âge vers 1380-vers 1550. P., 1963; *Autrand Fr.* Offices et officiers royaux en France sous Charles V // Revue Historique. 1969. P. 242; *Fédou R.* Les hommes de loi lyonnais à la fin du Moyen Âge. Lyon, 1964; *Baratier J.* Légistes et gens de finances au XVe siècles. Bruxelles, 1955, etc.

данный короной аппарат, так как он является источником власти и, главное, денег»¹⁰⁵. Эта мысль нашла конкретное воплощение в статьях и диссертации Ю. И. Писарева, опять-таки на английском материале XIV в.¹⁰⁶ Но сделанное наблюдение носит, несомненно, общий характер и находит подтверждение во французской истории¹⁰⁷.

Очень интересно рассмотреть в этом аспекте наличие представителей господствующего класса в таких органах власти, как парламент: выделившись, подобно Генеральным штатам, из королевской курии, он приобрел верховные судебные функции, а позднее – право некоторого участия в законодательной деятельности (право регистрации указов и ремонстрации). Средоточием сил класса феодалов в парламенте являлась Большая палата (*Grande Chambre*), которая в течение всего XV в. насчитывала до 29–30 прелатов и баронов, составлявших по списку, утвержденному королем, непременный ее костяк, но в принципе она была открыта всем вассалам короля. Несмотря на формальное равенство прав всех членов парламента, первенство чести принадлежало большой палате. Не являясь рабочим органом в собственном смысле этого слова, она располагала тем не менее правом окончательного решения судебных вопросов. Большая палата, таким образом, была рудиментом королевской феодальной курии, примером того, как медленно изживала себя сеньориальная основа королевской власти. Собственно, судебное разбирательство сосредоточивалось в Палате расследований (*Enquêtes*), которая готовила дела, поступающие в парламент по апелляции, или в Палате ходатайств (*Requêtes*), к компетенции которой относились дела, разбираемые в парламенте как в первой инстанции. Рабочую часть парламента составляли легисты, имеющие университетские дипломы. Среди них были лица духовного и дворянского звания. По спискам разных лет (данные носят приближенный характер), в парламенте при Людовике IX и Филиппе Смелом в общей сложности заседали 67 прелатов и духовных лиц, при первых Валуа – 100, при Карле V – примерно 300, Карле VI – около 500; число только крупных феодальных сеньоров со второй половины XIII в. до середины XV в. колебалось от 32 до 80 человек.

¹⁰⁵ Косминский Е. А. Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. М., 1963. С. 167.

¹⁰⁶ Писарев Ю. И. Класс феодалов...

¹⁰⁷ Guenée B. L'Occident... P. 189–193; 229–234; 276–284; Fossier R. Histoire sociale....; Lewis P. La France à la fin du Moyen Age. P. 191–192, 316.

Социальный состав легистов был следующим: при Людовике IX – 30 лиц духовного звания, 25 дворян, при Филиппе IV – соответственно 39 и 24, при сыновьях Филиппа IV – 32 и 75; положение остальных не обозначено¹⁰⁸.

На высших ступенях служебной иерархии в государственном аппарате возрастала и пропорция лиц дворянского звания. В сравнении с Англией в государственном аппарате Франции было больше выходцев из городского сословия, хотя за счет аноблированных это соотношение могло меняться. Из известных нам 211 судей, адвокатов и прокуроров Лангедока в 1280 и 1320 гг. $\frac{3}{4}$ вышли из горожан, но $\frac{1}{4}$ происходила из дворянства¹⁰⁹. При Карле V и Карле VI в списках парижского парламента разных лет в общей сложности упомянуты без обозначения их социального положения 417 человек и 494 человека при общем составе примерно в 600–650 человек; можно думать, что эти цифры относятся к выходцам в основном из горожан.

Парламент не являлся представительным учреждением в собственном смысле этого слова. Чиновники назначались на должности, которые с конца XV в. можно было покупать; выборы, если они и имели место, проходили внутри корпорации или сводились к назначению на должность решением короля из числа кандидатов, предложенных членами парламента. Но его социальный состав отражал сословную структуру общества. Таким образом, анализ социального состава государственного аппарата, уточняя наши представления о степени его отчужденности как орудия насилия от общества, может облегчить понимание правительственной политики сословной монархии, в частности роли и места крупных феодалов в управлении страной¹¹⁰.

¹⁰⁸ Сохранившиеся в архиве списки членов парижского парламента опубликованы в работе: *Ducoudray G.* Les origines du Parlement... P. 97–100, 105–114, 118–137. Среди работ и публикаций, посвященных парламенту Парижа, следует назвать: *Maugis E.* Histoire du Parlement de Paris. P., 1913–1916. 3 vols; *Timbal P.-Cl. et al.* La Guerre de Cent Ans vue à travers les registres de Parlement (1337–1369). P., 1961; *Confessions et jugements de criminels au Parlement de Paris (1319–1350)* (Archives nationales. X^{2a}). P., 1971.

¹⁰⁹ *Guenée B.* L'Occident... P. 278

¹¹⁰ Любопытно было бы провести сравнительный анализ социального состава государственного аппарата Франции с составом государственного аппарата Англии XIV в., где исследователи отмечают рост влияния крупных феодалов во всех областях государственной и общественной жизни, несмотря на внешнее укрепление королевской власти и увеличение политического веса мелких и средних феодалов (См.: *Писарев Ю. И.* Класс феодалов...)

Небезынтересно было бы выяснить вопрос о возможности социальных противоречий в самом исполнительном аппарате из-за разнородности его состава. Вероятность этого явления, столь естественного в практике Генеральных штатов, нельзя исключить и для данного института, так как процесс складывания государственного аппарата, а тем более прослойки чиновного дворянства, оформление которой придавало этому аппарату социальную однородность, был еще далек от завершения¹¹¹.

Влияние классовых интересов на работу судебных органов сказывалось в деятельности парламента по разрешению конфликтов крестьян со светскими и духовными феодалами в начале XIV в., связанных с серважем: как бы диссонируя с ордонансом 1315 г. об освобождении крестьян королевского домена, антикрестьянская направленность этой деятельности корректировала политику королевской власти, обнаруживая несомненно присущие ей элементы демагогии и ее феодальную в конечном счете сущность¹¹².

Впрочем, уже и на этапе сословной монархии обнаруживаются противоречия исполнительного аппарата с королевской властью. Неизбежность их вытекала из особого статуса чиновников, который определялся постепенно, благодаря налоговым, судебным и административным привилегиям. Принцип несменяемости судей, в частности легализованный уже при Людовике XI, явился важным условием независимости парламента как корпорации.

Для истории учреждений французской сословной монархии, наконец, весьма важна разработка вопроса о месте Генеральных штатов в сложной системе государственного аппарата. Организационная зависимость Генеральных штатов от центральной власти, активное участие в их работе королевских чиновников и легистов не только в качестве депутатов сословий, но по праву членов парламента (это право высший

¹¹¹ М. М. Ковалевский в своей работе по истории феодальной юрисдикции налогов во Франции, ссылаясь на архивные материалы, отмечает не только ведомственный, но и межсословный характер противоречий по вопросу о сборе и расходовании налогов между парламентом в Лангедоке и палатой косвенных сборов (*Cours des aides*), состав которой рекрутировался в отличие от парламента преимущественно из горожан и был, следовательно, более демократичен (См.: *Ковалевский М. М. Опыты по истории средневековой юрисдикции налогов во Франции с XIV в. до смерти Людовика XIV. Т. 1. М. 1876. С. 8–31*).

¹¹² Об экономических выгодах, которые имел король, стимулируя и осуществляя освобождение крестьян в своем домене, см.: *Bloch M. Les rois et serfs. P., 1920.*

судебный орган потерял только в 1484 г., после введения всеобщего принципа избрания депутатов) тесно связывали представительный орган с исполнительным аппаратом. Последнее обстоятельство, усугубленное политическими претензиями парламента, вызывало соперничество этих двух учреждений. Характер взаимоотношений судебного и представительного органов составлял одну из особенностей французской сословной монархии.

* * *

Последний вопрос, которому следует уделить внимание, касается сословного представительства в эпоху сословной монархии. Хотя история сословной монархии как определенного этапа в эволюции государственных форм феодального общества отнюдь не исчерпывается, как стремился подчеркнуть автор настоящей статьи, практикой представительных органов, однако именно они являются наиболее ярким признаком этой формы государства. Нельзя не отметить еще раз в связи с этим печальную судьбу Генеральных штатов в историографии¹¹³. Историки XIX и первой половины XX в., сравнивая Генеральные штаты с английским парламентом, высказывались явно не в пользу первых, что приводило, как правило, к недооценке их роли в жизни общества. Развитие новых тенденций в современной историографии, в частности попытки анализировать систему французского сословного представительства во всей совокупности Генеральных, провинциальных и местных штатов, а также сопоставлять ее с такими же сложными системами в Нидерландах или Германии, не ломает сложившейся традиции, что, на наш взгляд, мешает пониманию действительного значения общезаконодательного представительного учреждения.

Нельзя не согласиться с теми исследователями, которые утверждают, что отсутствие организационного жесткого соподчинения между Генеральными и провинциальными штатами в отличие от имеющегося соподчинения между провинциальными и местными штатами (как это было в Лангедоке) лишало институт необходимой сопротивляемости и было одним из источников слабости этого института¹¹⁴. К такому же результату приводило и отсутствие у Генеральных штатов судебно-административных функций, которыми во Франции обладали провинциальные и местные штаты. История возникновения Генеральных

¹¹³ Хачатурян Н. А. Возникновение Генеральных штатов во Франции... С. 164.

¹¹⁴ Люблинская А. Д. Структура сословного представительства... С. 100–113.

штатов, созданных сверху по инициативе короля, и особенности их структуры, характеризующейся отсутствием организационной стабильности и политической силы (непериодичность ассамблей, их неопределенный характер, когда Генеральные штаты сменялись собранием одного или двух сословий, собранием нотаблей или провинциальными штатами; отсутствие строго установленных норм представительства и слабое развитие принципа выборности, особенно у дворянства; отсутствие юридически закрепленного права законодательной инициативы или санкционирования закона), на первый взгляд, действительно дают основание для употребления привычного в литературе определения Генеральных штатов как орудия королевской политики. Однако, учитывая все эти особенности, необходимо, по нашему мнению, иметь в виду следующие два обстоятельства.

1. Нельзя не признать, не нарушая принципа историзма, что приобретение Генеральными штатами судебно-административных функций было попросту невозможно в силу специфической трансформации королевской курии, в которой определеннее, чем в английском варианте развития, произошло разграничение представительных собраний и судебных органов. Поэтому правильнее было бы оценивать институт по качествам, которыми он обладал, и функциям, которые на него возлагались.

2. Характеристика института преимущественно с точки зрения его организационных форм не может претендовать не только на исчерпывающую, но и на объективную его оценку, которая приобретает необходимую полноту лишь при учете реальности, составляющей содержание организационных форм.

Подобный подход нам представляется более конструктивным. Следует сказать, что скептическое отношение к Генеральным штатам, как правило, бывает связано с чрезмерной увлеченностью именно исследованием организационной стороны вопроса и излишним ригоризмом некоторых исследователей. Ф. Лот и Р. Фавтье, например, считали возможным называть первыми Генеральными штатами только собрание 1484 г., так как на нем впервые были представлены все провинции страны; аналогичного мнения придерживается и Маронжу, но по той причине, что только к ассамблее 1484 г. был впервые применен термин *États Généraux*¹¹⁵.

¹¹⁵ Lot F., Fawtier R. Histoire des institutions françaises au moyen âge. T. II. P., 1958. P. 573. См. также: Soule C. Les États Généraux en France. Heule, 1968. P. 24.

Анализ системы политических учреждений в тесной связи с конкретно-исторической действительностью позволяет шире взглянуть на вещи и, в частности, отметить несколько различное назначение Генеральных и провинциальных штатов в жизни общества. В отличие от провинциальных штатов Генеральные штаты, предназначенные для решения общегосударственных вопросов, осуществляли в первую очередь централизаторские, а не партикуляристские устремления.

Отсутствие упорядоченного и устоявшегося соподчинения между этим учреждением и провинциальными штатами, естественно, определялось объективными причинами, прежде всего спецификой процесса централизации. Провинциальные штаты в ряде областей предшествовали Генеральным, и центральное правительство было вынуждено приспосабливаться к местной администрации, не ломая, а подчиняя ее. Однако, кроме объективных обстоятельств, в качестве фактора, имеющего самостоятельное значение, следует, как нам кажется, назвать сознательную политику королевской власти, вовсе не стремящейся установить это соподчинение в системе сословного представительства. Можно предположить, что выборы в Генеральные штаты не случайно осуществлялись не на провинциальных ассамблеях, а через государственно-административные округа – *бальяжи* и *сенешальства*¹¹⁶.

Это не мешало королевской власти в качестве заинтересованной стороны гибко использовать все звенья сословно-представительной системы, в том числе провинциальные и местные штаты. Подобная практика выглядит естественной в условиях огромной страны: в XIII–XV вв. население Франции в 3, а территория в 4 раза превышали население и территорию Англии. Последнее обстоятельство необходимо иметь в виду исследователю, подобно тому как с ним считались французские короли. Карл VII, объясняя акцию по созданию *Cour des aides* в Монпелье, указывал, что опасности далеких путешествий делали апелляцию в Париж неосуществимой вещью. Структурно Генеральные штаты накладывались на всю систему сословно-представительных

¹¹⁶ Хачатурян Н. А. Возникновение Генеральных штатов во Франции... С. 165.

Это правило действовало до и после введения принципа всеобщего избрания депутатов. Исключение составляли Бретань, Дофине, Прованс. Правило это не было безусловным: например, в 1576 г. в названных провинциях возник конфликт между депутатами, избранными местными штатами, и депутатами, выдвинутыми в *бальяжах* и *сенешальствах* (*Soule C. Les États Généraux en France. P. 43*).

учреждений и должны были преодолевать укоренившийся сепаратизм. По сравнению с жестко организованной подобной же системой учреждений в Нидерландах французская система была более гибкой и в большей мере соответствовала задачам централизации государства. Генеральные штаты Нидерландов объединяли депутатов, выбранных провинциальными штатами. Депутаты, таким образом, располагали императивным мандатом в пользу провинции и должны были к тому же раз в год подтверждать провинциальные вольности.

Организационные особенности Генеральных штатов не лишали сословия определенного суверенитета, и те имели возможность, в частности через сословно-представительный орган, выразить свое несогласие с королевской политикой. Примером могут служить первые собрания Генеральных штатов, созванные в период борьбы французского короля с папой Бонифацием VIII, на которых правительство столкнулось с оппозицией духовенства, части дворянства и городов¹¹⁷. Таким образом, распространенное в литературе определение роли Генеральных штатов исключительно как орудия королевской политики не совсем точно передает характер взаимоотношений монархии с сословиями. Генеральные штаты корректировали действия правительства, отражая с большей или меньшей точностью реальное соотношение сил в стране. В исследовании вопроса о месте Генеральных штатов в системе сословной монархии наиболее убедительные свидетельства прогрессивного в конечном счете значения этого органа мог бы дать сравнительный анализ государственного законодательства и работы ассамблей. Период наибольшей активности Генеральных штатов приходится на этап сословной монархии (1302–1484). Последующий спад их деятельности, причины которого следует искать не столько в организационных формах, сколько в расстановке сил и особенностях развития королевской власти во Франции, не представляет собой исключительного явления: аналогичные тенденции имели место при абсолютизме в жизни английского парламента и испанских кортесов. Поэтому для справедливой оценки роли Генеральных штатов необходимо различать эти два периода их истории, соответствующие разным этапам политической эволюции общества.

Предпринятая в статье попытка рассмотреть ряд важных проблем истории французской сословной монархии позволяет наметить неко-

¹¹⁷ *Хачатурян Н. А.* Возникновение Генеральных штатов во Франции... С. 106–134.

торые существенные линии дальнейших исследований. К их числу следует отнести разработку вопроса о соотношении абсолютной и сословной монархии, которая дает возможность уточнить специфику политического механизма сословной монархии, в частности особенности расстановки социальных сил и степень самостоятельности публичной власти.

Несомненно перспективное значение имеет анализ сословной структуры общества и связанного с ним вопроса о социальной базе феодальной монархии. Учитывая известную узость социальной базы французской сословной монархии на ранних этапах ее развития, особо важной задачей представляется исследование процесса перегруппировки сил внутри господствующего класса вокруг центральной власти.

Следует подчеркнуть значимость и многоплановость вопроса о судьбах государственного аппарата в системе сословной монархии. Его конституирование и рост способствовали расширению социальной базы французской сословной монархии не только благодаря аноблированию выходцев из городского сословия, но и путем вовлечения феодалов, как крупных, так и мелких, в его состав. Анализ социального состава государственного аппарата становится, таким образом, весьма существенным условием для решения главного вопроса истории государства – вопроса о его классовой сущности, не потерявшего своей научной остроты и по сей день.

Для успешных научных поисков в области исследования сословной монархии во Франции важно, как нам представляется, обратить внимание и на необходимость объединить при анализе истории государственных учреждений конститутивный и социальный аспекты; следует также учитывать своеобразие развития различных областей страны, определившее многие особенности французской монархии – специфику формирования и эволюции сословий, структуру и деятельность государственного аппарата и ряд других черт.

ХАЧАТУРЯН Н. А.

КОРОЛЕВСКИЙ ДВОР В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (к вопросу о преемственности в процессе развития)¹¹⁸

Королевский Двор в границах средневековой политической истории с характерным для нее преобладанием государственной формы монархического устройства – являлся не только местом проживания короля, но в течение длительного времени – основным центром его властной активности. После многих лет невнимания исторической мысли к нему как к политическому институту – что объяснялось, в конечном счете, слабостью самого исторического знания – тема Королевского Двора стала только с конца XX столетия чрезвычайно актуальной и значимой, продемонстрировав крайне любопытную и поучительную историографическую судьбу. Подтверждая принцип относительности в самом явлении «развития» – в данном случае, в историческом знании – его разработку к настоящему времени заметно обогатили конкретный и теоретический потенциал последнего. Поэтому историографический анализ в качестве вводного раздела предлагаемой в статье темы, представляется целесообразным.

В границах «средневековой истории» жизнь Двора получала отражение по преимуществу в нарративной, в частности, мемуарной литературе, а также в регламентах его внутренней жизни и организационной структуры, весьма скурых на информацию по его институциональной

¹¹⁸ Впервые опубликовано в: *Хачатурян Н. А. Королевский Двор в институциональной истории западноевропейской средневековой государственности (к вопросу о преемственности в процессе развития)* // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2020. – Т. 11. – Выпуск 10 (96) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840011669-4-1/> (дата обращения: 02.01.2021). DOI: 10.18254/S207987840011669-4.

истории, если их автор не являлся достаточно опытным лицом в вопросах государственной политики. Победа парламентского принципа политического устройства в Западной Европе XIX в. решительно обесценила в глазах его сторонников, включая интеллектуальный мир, политическую значимость Королевского Двора, рассматривая его в качестве средоточия интриг и роскоши. Актив исторического познания в XIX в., в частности, в сфере политической истории, – потеря ею статуса исключительности, благодаря утверждению комплексного видения исторического процесса и оформления направления «социальной истории», укorenившего политическую жизнь в социальную действительность, – не изменили историографической судьбы интересующего нас института.

В отечественной медиевистике в условиях ее выхода из состояния кризиса исторического знания рубежа XIX–XX вв. и последующего неоднозначного влияния марксистской методологии в первой половине XX столетия в ее статусе «официальной методологии», тем не менее позволили сохранить актив XIX в. в разработках «социального направления». Политическая история в отечественном знании получает новое наполнение в параметрах конкретного материала и теоретической рефлексии. Трудami отечественных медиевистов разрабатывается основанная на принципах «социального подхода» типологизированная картина эволюции средневековых государственных форм («варварские королевства» эпохи первобытно-общинного строя; «раннесредневековые государства» периода формирования феодальных отношений; «государства политической раздробленности», как знак сложившейся в общих чертах средневековой общественной структуры; «сословной монархии» периода централизации; государства эпохи Раннего Нового времени с условной номинацией «абсолютной монархии»)¹¹⁹.

Достижением на этом пути в отечественной медиевистике стали первые попытки преодоления монополии «классового принципа» в вопросах социальной стратификации средневекового социума и стремление осмыслить его соотношение с сословным делением. В реализации этих попыток отечественная медиевистика выходит на проблему социального самоопределения и социальной активности общественных сил¹²⁰.

¹¹⁹ См.: Корсунский А. Р., Гутнова Е. В., Люблинская А. Д., Сказкин С. Д., Чистозвонов А. Н., Штокмар В. В.

¹²⁰ Гутнова Е. В. Возникновение английского Парламента (из истории английского общества и государства XIII в.). М., 1960; Хачатурян Н. А. 1) Возникновение Генеральных штатов во Франции. М., 1976; 2) Сословная монархия во Франции XIII–XV вв. М., 1989.

Однако, как оказалось, направлению политической истории для его радикального изменения следовало ждать достижений исторической науки в первой половине XX в. и затянувшегося (до начала 70-х гг.) процесса обновления исторического знания в отечественной науке – в оформлении новой философии истории. Новое видение исторического процесса в первую очередь обеспечило революционное по научной значимости решение вопроса о факторе сознания в историческом процессе. Оно не только вернуло признание его роли в историческом развитии в условиях «материального соблазна», который переживала в частности медиевистика, – соблазна, обязанного «открытием» глубокого содержания социально-экономической истории усилиями позитивизма и марксизма, но и преодолением традиционной альтернативы в решении вопроса о соотношении материи и духа. В рамках заметного прорыва в XX столетии живой исследовательской мысли в процессе эпистемологии, в медиевистике оформляются несколько новых направлений, связанных с глубоким и разносторонним анализом проблемы сознания, в котором уже обретенный исторической наукой «социальный подход», в частности, к духовной истории, заметно обогащает возможности последнего, связанные с признанием полифонии сознания и влиянием этой особенности на понимание специфики человеческой психологии. Новации обеспечивают в экспериментальном пространстве исторического знания направления «ментальной», «человеческой» и «микроистории», выводящие исследовательский поиск в особо сложную сферу субъективной природы исторического процесса. В отечественной медиевистике в ряду первых новаций определился интерес к проблеме права в период его ренессанса в жизни средневекового социума – на этапе продвинутого процесса секуляризации духовной жизни и влияния на интеллектуальную жизнь философии аристотелизма. Неготовность западноевропейского средневекового социума понять и, тем более, принять натурфилософские идеи аристотелизма в присущей им полноте привела к наивным неудачным попыткам приспособления «другой» реальности к нормам «гражданского общества» – обстоятельство, получившее убедительное отражение в позиции интеллектуала и переводчика трудов Аристотеля, Николая Орезма¹²¹. Тем не менее, уже на этом этапе политическая мысль не без

¹²¹ *Хачатурян Н. А.* Аристотелевское понятие «гражданин» в комментариях Николая Орезма и социальная реальность во Франции XIII–XIV вв. // *Хачатурян Н. А.* Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008. С. 139–155.

участия Н. Орезма, повторившего призыв Аристотеля к рефлексии в историческом знании, вывела само содержание политической истории за границы только событийной истории и интереса исключительно к оцениваемой тогда в качестве «наилучшей формы» государственного устройства – монархии, открыв путь к теме политической активности общественных сил, республиканской форме политического устройства и даже поиску общих законов исторического развития в рамках натур-философии.

В XX столетии интерес к праву и сознанию в целом стимулировал в историческом знании идею «Ренессансного государства» – позиция, которая не обрела необходимой доказательности. Государство – в качестве высшей формы политической организации социума предполагает наличие качественной определенности комплекса признаков исторического явления – социальных, политических, институциональных, культурно-идеологических... В «несостоявшейся» концепции Ренессансного государства, где отсутствовала необходимая сумма знаковых признаков, был важен, однако, самый факт отхода исторического знания от признания монополии экономического фактора в комплексном историческом процессе. Научный потенциал происходящих изменений в философии истории и экспериментальном пространстве исторического знания в сфере политической истории XX столетия был реализован в новой развернутой и продуманной концепции государства, получившего наименование *État Moderne*.

Разработка нового проекта была начата по инициативе западноевропейских ученых, получив активную поддержку в среде отечественных медиевистов¹²². Комплексный поход к решению предложенной проектом проблемы отличало преимущественное внимание к наименее изученной и наименее систематизированной институциональной истории западноевропейских средневековых государств. Место ее знакового показателя в проекте, подтверждая конкретный ход развития исторического знания в XX столетии, занял именно правовой фактор – особенность анализа, получившая отражение в формуле

¹²² Genèse de l'État moderne: prélèvement et redistribution; actes du Colloque de Fontevraud / éd. J.Ph. Genet, M. Le Mené. P., 1987; Renaissance du pouvoir législatif et genèse de l'État / éd. A. Gouron, A. Rigaudière. Montpellier, 1988; L'État Moderne: Genèse, bilans et perspectives. Actes du Colloque tenu au CNRS à Paris les 19-20 septembre 1989 / éd. J.Ph. Genet. P., 1990; Les origines de l'État moderne en Europe / éd. W. Blockmans, J.Ph. Genet. P., 1998.

эволюционного развития явления – «от патримониальной монархии к публично-правовому государству». Однако теперь, потеряв право на исключительность в структурной целостности институциональной истории, правовой фактор стал выразительным маркером «институциональной зрелости» средневековой государственности в условиях Раннего Нового времени. Оставаясь «средневековыми» по своей социальной природе, публично-правовые государства на этапе разложения феодальной общественной структуры оцениваются сегодня в качестве знака только непосредственной предыстории государств Нового времени.

Многолинейность исследовательского поиска в медиевистике в новом сюжете предопределила поворот в ее экспериментальном пространстве – неожиданный и вместе с тем естественный, парадоксальный результат которого не только возродил интерес к истории Королевского Двора, но обнаружил значимость последнего в качестве политического института. Содержание поворота таится в первую очередь в конкретике объяснения его непосредственных причин. Первой из них стали результаты в главной области исторического поиска в последние десятилетия XX столетия, направленного на изучение средневекового сознания в его наиболее сложной области – ментальной истории с присущими ей особенностями – символизмом сознания и его следствием – склонностью средневековых людей ритуализировать жизненные явления. История Королевского Двора с его разработанной практикой репрезентации верховной власти неизбежно должна была стать важным объектом внимания медиевистики. Естественным результатом поисков в этой области стала оценка практики репрезентации верховной власти в качестве важного средства ее властвования, что подчеркнуло, таким образом, принадлежность Королевского Двора политической истории. Более того, его история в проекте *État moderne* оказалась если не главным, то весьма значимым сюжетом в анализе средневековой государственности, сыграв созидательную роль в процессе ее институциональной зрелости¹²³.

Возможность решения научной задачи, обозначенной в теме статьи в контексте процесса большой длительности и генетической социологии на материале западноевропейского варианта истории, объясня-

¹²³ Хачатурян Н. А. Запретный плод... или Новая жизнь монаршего двора в отечественной медиевистике // Двор монарха в средневековой Европе. Явление. Модель. Среда / отв. ред. Н. А. Хачатурян. М.; СПб., 2001. С. 5–30.

ет его обеспеченность документальными свидетельствами во времени, в их количестве и разнообразии. Это позволяет не только проследить, в частности, институциональный процесс в его развитии, но конкретизировать последний в его социальных и политико-правовых изменениях, облегчая возможность его поэтапной систематизации, – возможность, не часто встречающаяся в исторической эпистемологии¹²⁴. История вопроса оказывается связанной с политическим потенциалом явления Королевского Двора и его ролью в институциональной истории средневековой государственности. Именно он стал исходным началом и ранней формой политической организации верховной власти, оказав влияние на формирование усложненного аппарата государственного управления на позднем этапе средневековой истории.

Любопытный материал в решении этого вопроса дает терминологический анализ понятия «Двор» (лат. *Curia, Cōrtis, Curtis* – в вульгарной номинации франков). В условиях первобытно-общинного строя древних германцев – понятие становится номинацией места поселения большой или малой семьи германских народов. Верховная власть с функцией уже «принуждения», а не «совета» у ее носителей (*prīncipes, ducs*), сменившая в условиях возникшего неравенства политическую форму «народной демократии», была исходно оправдана обретенным ею качеством «публичного лица» – то есть лица, ответственного за общественный порядок и благополучие членов социума. Статус индивидуального носителя этой власти гарантировала христианская теория с идеей «власть спущена с небес», с практикой «помазания» претендента на престол священным елеем – то есть использованием материальной формы в процедуре ее сакрализации. С помощью Церкви светская власть должна была обеспечить соблюдение членами социума принципов христианской морали и общественного порядка. Ту же идею «публичности» авторитарной власти, то есть ответственности за «свой народ», его благополучие отстаивала светская теория «передачи власти самим народом», осознавшим «свою неспособность» справиться с возникающими в обществе неравенства трудностями.

Столь радикальные изменения в сознании общества, пребывающего на этапе доиндустриального развития, объяснялись оформлением новой общественной структуры, специфику которой предопредели-

¹²⁴ Одна из максим исторической науки содержит утверждение – «позицию историка корректирует не отвлеченность, но конкретика».

лила форма, так называемой «разделенной собственности»: на землю и на орудия труда. Аграрный переворот, лишивший большинство общинников земли, оставил в их собственности орудия труда, что стало исключительной особенностью новой общественной структуры, обеспечившей возможность ее прогрессивного развития в условиях мелкого производства. Однако это новая экономическая система «не работала» без «принуждения» над личностью производителя, убедительно корректируя впечатление «партнерства» в его взаимоотношениях с земельным собственником. Двор – как место поселения общинника, теперь земельного собственника, стал центром сеньории-banale (seigneurie banale, ban – принуждение) – хозяйственного и социального организма, в котором ее собственник реализовал новые социальные и производственные отношения с помощью аппарата принуждения с зависимыми от него держателями земли в сфере экономической, социальной, юридической и административной жизни. Двор короля в этой ситуации сохранял статус исключительности в качестве не только места проживания, но и правления лица, наделенного законодательной, судебной, административной верховной властью. Обретение собственниками земли политических прав, закрепленное правовой нормой «иммунитета» подчеркнуло легальность, связанную с диктатом общественных отношений, – дисперсию политической власти в обществе, предопределившую полицентризм, заметно ослабивший публичную власть монарха¹²⁵. Частичная приватизация публичной функции в частном секторе земельных собственников купировала возможность для верховной власти прямого обращения к лицам, проживающим на этой территории, включая лично свободных. Упомянутая нами особенность выглядит едва ли не знаковой для понимания политической ситуации в положении верховной власти. Общественная структура на этом этапе предопределила на какое-то время уникальную ситуацию легального полицентризма в условиях государства.

Время очевидной институциональной слабости средневековой государственности, вошедшей в историческое знание как этап «патримониальной монархии», включил в себя формы «варварских королевств», раннесредневековых государств эпохи формирования феодальных отношений и период феодальной раздробленности, верхней границей которой стал факт установления феодальных отношений. Отличающиеся

¹²⁵ *Хачатурян Н. А.* Полицентризм и структуры в политической жизни средневекового общества // *Хачатурян Н. А.* Власть и общество... С. 8–13.

уровнем социальной зрелости, эти формы патримониальной государственности имели общие черты. В их ряду были особенности, связанные в первую очередь с природой и возможностями верховной власти: 1) постепенно, но не всегда она теряла выборный характер, обретая статус наследственности; 2) процедурой помазания (освящения елеем) Церковь материализовала идею обретения монархом «божественной благодати», что санкционировало в свою очередь, право на обладание им статуса «король милостью Божьей»; 3) исключительность в статусе монарха заметно лимитировала на этом этапе его природа «*corolla – fief*», – то есть собственника своего родового владения, что в определенном смысле «уравнивало» его с другими собственниками земли, ограничивая, прежде всего, в масштабах реализации им публичной власти, а также в возможностях существования на доходы только от своего домена. Право сбора прямых налогов на том этапе отсутствовало, в случае потребностей государственной казны на общественные нужды король должен был обращаться к земельным собственникам за их согласием; 4) В западноевропейском варианте общественной структуры земельные собственники, обязанные нести военную службу, стали первой общественной силой, которая оказалась способной по собственной инициативе консолидировать внутренние социальные связи – на первых порах для защиты своих экономических, а затем и политических интересов. Внутридоговорные сеньориально-вассальные связи в этой корпорации были закреплены правовыми нормами с предназначением этим стратам исполнения военной функции защиты и нападения. Последнее обстоятельство, как и членство церковных феодалов в качестве земельных собственников в сеньориально-вассальной структуре, способствовало выработке с помощью церкви нравственных норм военной этики с функцией для ее членов «защитников» христианской веры. Итогом стало обретение членами корпорации статуса нобилитета и политической элиты в обществе. Для королевской власти ситуацию заметно усложняла иерархия внутренних связей в среде земельных собственников. Однако исключительным и единственным случаем легального ограничения власти короля с носителями полицентризма в пространстве правовых отношений сеньориально-вассальной организации стала Франция, где действовал принцип: «вассал моего вассала не мой вассал», требующий дополнительных договоренностей и возможных уступок от короля в пользу прямых вассалов в случае созыва им *арьербана*.

В любом случае, в рамках сеньориально-вассальной организации, король на этом этапе оставался только «первым среди равных» в среде феодальной элиты, с ограниченным по своей значимости титулом «сюзерена» – но не «суверена», не признающего чью-либо власть над собой; 5) Наконец, слабость материальной и статусной базы королевской власти дополняла специфика исполнительного аппарата, основу которого формировали личностные связи, вассальный долг и практика «кормлений». Задачи государственной политики решались на уровне «дворцового управления», в рамках Королевского Двора, конституирующие части которого воплощали сеньории-banale на уровне владений королевского домена. Государственные задачи провинциального управления в масштабах государства решались в форме контрольных, разовых и повторяющихся визитов специальных комиссаров из центра. Решение проблем местного управления и денежных сборов могли облегчать особенности в «содержании» Королевского Двора – в частности, за счет практики «кочующего Двора».

Общая картина институционального оформления средневековой государственности на ее патримониальном этапе была ознаменована обострением противоречий в среде феодальной элиты и взаимоотношениях ее с королевской властью. Объективные причины подобной ситуации объяснялись легализацией права на политическое насилие частных, земельных собственников, а также материальными возможностями реализовать эту особенность через институты сеньории-banale. Рассеянные по территории западноевропейских политических образований в частном секторе, – в принципах и государствах – эти удивительные очаги частной власти с правом отправления публичных функции были способны обеспечить как беспорядок, так и порядок в обществе. Тем не менее, их провокационная роль в качестве фактора анархии в государстве не исключает вопроса об организационном потенциале института сеньории-banale. Его решения, на наш взгляд, позволяет оценить институт сеньории-banale в качестве матрицы процесса формирования институциональной зрелости средневековых государств. В деятельности носителей верховной власти и власти на местах – власти в рядовых сеньориях и принципах крупных земельных собственников, – имели место совпадения в поисках путей и средств управления. Это был поиск в деле формирования института служащих, способных осуществлять специализированные рабочие функции, иногда требующие соответствующего образования... Доказательность

этого мнения целесообразно проверить на примерах крупных территориальных образований с высокой численностью населения и более сложной структурой управления, чем в случае с рядовым земельным собственником, иногда с большими политическими запросами их владельцев. В качестве примера позволю себе привести опыт управления принципатом герцогов Бургундских, находящихся в вассальной зависимости от французского короля. Основу их политического возвышения составили родственные связи с королевским домом Валуа и решением французского короля Карла V передать герцогство Бургундское в апанаж¹²⁶ младшему брату Филиппу. Вмешательство Бургундии в европейскую политику, внутреннюю жизнь Франции и стремление обрести статус самостоятельного государства – цель, достигнутая на непродолжительное время Карлом Смелым в XV в., – закончилась, тем не менее, победой Франции. Регламент порядка управления Двором герцога Бургундского оставил нам его главный управляющий, историк и литератор, интеллектуал XV в., Оливье де Ла Марш, который станет объектом нашего дальнейшего анализа.

Трактат Оливье де ла Марш «О содержании Двора герцога Бургундского» стал моделью для Дворов королев Испании и Англии и помог, в данном случае, решить вопрос об условиях перехода к новой форме средневековой государственности¹²⁷.

Нарратив в описании организационного устройства Двора отличается авторская способность к строгому анализу, который Оливье де Ля Марш подчиняет принципам причинности и рационализма. Жанр творчества Оливье де Ля Марш скорее напоминает политический трактат, чем сухие записи традиционных регламентов, тем более, что позиция автора корреспондирует новациям, которые формируются в правовом и в целом – общественном сознании социума. Целевая установка рисуемой им картины жизни и деятельности герцога, пронизана идеей публичной власти и публичной значимости деятельности герцога. К сектору «частной жизни» герцога он относит службы домашней церкви, комнаты герцога и четыре вида служб «телу и рту принца».

¹²⁶ Апанаж – неотторжимое от домена французского короля владение, которое в семье получившего дарение могло наследовать только лицо мужского пола.

¹²⁷ *La Marche O. de. L'Etat de la maison du Duc Charles de Bourgogne, dit Le Hardy, l'an 1474 // Nouvelle collection des Mémoires pour servir à l'histoire de France depuis le XIIIe siècle jusqu'à la fin du XVIIIe siècle / publié par Michaud et Poujoulat. Vol. III. P., 1837. P. 301–577; Хачатурян Н.А. Бургундский двор и его властные функции в трактате Оливье де Ля Марш // Двор монарха... С. 121–136.*

Обнаруживая понимание категории «публичность» в качестве номинации явления, которое касается «общих интересов» и связывая его с политической властью герцога – автор старается подчеркнуть исключительную значимость присутствия этого качества в любой форме деятельности герцога. Любопытны в этом контексте попытки автора определить основные требования к службам «телу и рту принца» с установкой: «власть принца должна быть красивой». Служба за столом, по его утверждению, несла ответственность за обстановку, в которой «прилюдное кушание герцога должно быть зеркалом его добродетелей». На праздниках – процедуры выноса «мяса и вина» к столу принца, – сопровождался выходом оруженосца с жезлом в руках, символизирующим власть принца.

Публичными департаментами Двора Оливье де Ля Марш называет службы юстиции, финансов, армии и Политический Совет герцога в качестве верховного органа – выразительный знак естественных притязаний на властную публичную роль герцога в пределах его домена. Политический Совет возглавлял канцлер; в работе участвовали два нотариуса и два мэтра ведомства. Каждая группа управленческого аппарата имела своих служащих. В судебной инстанции наиболее важную его часть составляли профессионалы – мэтры расследований по апелляционным делам и судебным искам в первой инстанции. Судебные заседания отличала исключительная пышность процедур – с продуманной организацией пространства судебного помещения, месторасположения участников заседания, включая герцога, его пажей, оруженосцев и охрану. Целевой установкой судебной процедуры Оливье де Ля Марш объявляет задачу: «Выслушать и подготовить решение всех просьб, обращенных к герцогу».

Автор особо подчеркивает задачу заботы о просьбах со стороны «бедных и малых», которым было трудно, по его словам, «приблизиться к герцогу».

Службу финансового ведомства, в свою очередь, характеризовало обилие задач, требующих решения: охрана казны, учет поступающих денег и расходов: на содержание Двора, выплаты обслуживающему персоналу, военные расходы, помощь бедным. Служащим финансового ведомства вменялось в обязанность «брать только свое», не разоряя подданных и удерживаясь от злоупотреблений (*sens deserte*)...

Особый интерес представляет восприятие автором трактата права «военной руки» герцога. Общий выразительный акцент публичной

ответственности Двора герцога как политического института в трактате подчеркивается авторским объяснением роли армии и военного ведомства в качестве второго важного инструмента власти герцога и обеспечения общественного дела (*de la chause publique*) без которого, по словам, Оливье де ла Марш «не может существовать право и авторитет господина». Именно поэтому он нуждается в сильной руке (*main fort*), способной действовать «штурмом или защитой» (*par assaut ou par deffence*). Состав военного ведомства представляли мэтры артиллерии, маршалы армии, охрана Отеля и герцога.

Таким образом, право герцога на применение военных действий лимитировала только идея справедливости, без упоминания статуса зависимости принципата от французского королевства.

Наконец, в помещении Отеля находилась тюрьма, символизируя функцию принуждения, неизбежно связанную с проблемой реализации политической власти, как правило, в общественной мысли западноевропейского общества соединяемая с идеей покровительства, защиты и справедливости.

Понимая и принимая позицию Ж. Дюби, утверждавшего, что идеология в социуме никогда не отражала реальности, но только желаемое в ней, позволю себе заключить анализ трактата Оливье де Ла Марш его восприятием публичного долга лицом, обличенным публичной властью: «Право и справедливость по отношению ко всем, кто в обыденной жизни не находился рядом с нами»... Смысл и тональность высказывания Оливье де Ла Марш свидетельствовали о радикальных сдвигах в общественном сознании средневекового общества второй половины XV в., в которых можно видеть знак медленного, но убедительного движения к оформлению публично-правовой государственности.

Опыт института сеньории-banale в масштабах крупных принципатов на примере Бургундии красноречиво свидетельствовал о масштабности задач, решаемых их владельцами в особенности в случаях одержимости последних желанием обрести статус самостоятельного государства. Большие размеры территории и численности населения в такого рода агломерациях демонстрировали очевидные процессы усложнения средств управления, которые тем не менее не могли преодолеть патримониальных форм управления, действуя в условиях полицентризма, и часто при сохранении установки на полицентризм.

Признание сеньории-banale в качестве матрицы административной системы в условиях полицентризма не исключала ее качественных

возможностей – которые в конечном счете определял статус земельного собственника. Это обстоятельство не могло не оказать влияние на роль прямую или опосредованную сеньории-banale в процессе формирования новой формы государственности – то есть перехода от патримонильной монархии к публично-правовой.

Перспективы потенциала организационного опыта сеньории-banale напрямую зависели от его соотношения с силами процесса централизации. Именно поэтому, процесс изживания патримонильного начала на уровне государственного управления потребовал непременного участия в нем верховной власти, – короля, облеченного статусом «короля божьей милостью», законными возможностями использования государственных ресурсов, – возможностями, которые по результатам успешно развивающегося процесса централизации были бы признаны социумом, как и его специальное особое право на защиту «общих интересов».

Именно Королевский Двор в качестве высшей формы сеньории-banale обеспечит возможность отпочкования ее административных отделов с последующим превращением их в самостоятельные специализированные ведомства с монопольным правом отправления соответствующих функций в масштабах государства и правом действовать «именем короля», – правом, красноречиво демонстрирующим новый статус служащих ныне «чиновников» исполнительного государственного аппарата. Их новый статус формировал разрыв личностных связей в служебных отношениях исполнителя и власти, теперь опосредованных государством, – разрыв, который вытеснил практику «кормлений», заменив ее на фиксированную заработную плату. Ее источником служили не доходы от личных доменов короля, но государственная казна, которую пополняли в первую очередь поступления от налогов.

Завершая анализ предыстории вопроса о возникновении публично-правовой формы государственности, который стал основным объектом внимания в статье –я позволю себе выделить факторы, которые сделали возможным переход к новому этапу. Условно его верхний рубеж обозначил факт завершения процесса установления феодальных отношений, позволивший средневековой общественной структуре раскрыть свой потенциал. Показателями потенциала стали:

а) новая жизнь средневекового города (и города как явления в контексте всемирного исторического процесса), который стал центром ремесла и торговли в силу деления общественного производства на две

самостоятельные сферы, предопределив, таким образом, неизбежность нового индустриального этапа в жизни человеческой цивилизации. Ответственной за него оказалась общественная средневековая структура, оставившая в собственности мелкого производителя орудия труда;

б) осознание – не только акторами производства, но обществом в целом экономической значимости страта, представители которого «трудом рук своих» обеспечивали жизненные потребности общества в целом, его следствием стала отмена статуса личной зависимости и активизация социальной и политической активности в среде непривилегированного страта, включившегося к тому же в беспрецедентный процесс корпоративной самоорганизации и самоидентификации общественных сил, – явление, получившее на том этапе развития выразительные формы в западноевропейском регионе¹²⁸;

в) отмеченные новации, расширив состав активной части общества, обеспечили диалог его непривилегированных слоев с центральной властью в форме сословного выборного представительства. Новую практику политической жизни символизировала правовая формула «что касается всех, должно быть одобрено всеми», свидетельствуя о радикальных переменах в решении социумом вопроса о формах реализации в нем – на новом этапе – проблемы ответственности за «публичные интересы»...

г) знаковой – в контексте понимания специфики перехода западноевропейским сообществом на этап публично-правового развития – выглядела ситуация с верховной властью.

Ее притязания и активность на волне набирающего силу процесса централизации воплощала формула «король – император в своем королевстве», задействованность которой отражала переход в вопросе возможностей верховной власти – от состояния «первого среди равных» к обретению статуса суверена, располагавшего властью, «ничем и никем не связанной» по определению понятия суверенитета Ж. Боденом («*absolu que rien ne lié*»), – и властью, к тому же, обеспечивающей ее обладателя качеством «величия» (*majesté*).

Однако запрос в обществе на публичное право, направленное на обеспечение блага социума и его членов, вносит существенные изменения в толкование функционального назначения верховной власти:

¹²⁸ Хачатурян Н. А. Средневековый корпоративизм и процессы самоорганизации в обществе. Взгляд историка-медиевиста на проблему коллективного субъекта // Хачатурян Н. А. Власть и общество... С. 31–45.

последняя, полагая усилить свои позиции в качестве главного лица, ответственного за публичное право, оказывается в положении политической силы, обязанной социуму «службой» (*officium*). Понятие «службы», «служение обществу» — если не замещает статус «величия», то заметно теснит и обедняет его. Более того, — в контексте ретроспективного анализа новой средневековой эпохи, заметно ускорившей темпы своего развития, особенно в условиях раннего Нового времени, — процесс развития прочерчивает печальные перспективы монархии в практике сословного представительства, предвосхищая победу парламентского режима. К счастью, люди не обладают способностью так далеко заглядывать в будущее, что позволяет оценить настоящее и новации в нем. Например, потери в сфере достоинства верховной власти более чем компенсировали новые возможности в «наращении порядка», благодаря укреплению и разрастанию масштабов исполнительного аппарата в процессе становления институциональной оформленности средневековых государств. Это повышало возможности верховной власти в деле преодоления иммунитетных прав в обществе, связанных с частными и корпоративными формами собственности. Последнее обстоятельство открыло процесс оформления института подданства для членов социума, обеспечив для них форму прямых, огосударствленных связей с центральной властью. Любопытно, что усилия верховной власти в этом направлении подкреплял процесс преодоления на местах локальной изоляции и местничества, процесс, диктуемый потребностями социума. Эти потребности проявляли себя на всех уровнях жизни: экономической (в решении проблем ремесла и торговли), социально-политической и духовной сферах, в очень медленных темпах консолидации корпоративных групп в сословия, с выработкой юридического статуса на общегосударственном уровне.

Завершая анализ, я хотела бы подчеркнуть оправданность попытки поставить анализ объявленной темы в контекст преемственного развития.

Итоги анализа, на наш взгляд, оправдывают эту попытку, как известно, спорную с начала своего возникновения в историческом знании на этапе утверждения натурфилософской концепции исторического процесса еще в эпоху Просвещения. Проблема остается спорной и сегодня, по причине лимитов человеческого познания, традиционно подтверждая неизбежность обострения проблемы в периоды научных кризисов.

Явление преемственности в данном анализе не поражает воображение вариантами скачков, позволяющих утверждать, по словам современной синергетики, «вероятность невероятного» в историческом процессе, или «обратных петель», хотя не исключает фактов «повторных вхождений» в исторический процесс каких-то явлений, – в данном случае в вариантах форм государственности, или «выборной власти». Тем не менее, действительно важным является очевидный факт демонстрации явления преемственности на разных уровнях его данности – прежде всего в самом историческом процессе на уровне развития политических организационных форм в их взаимосвязанности; а также, на уровне эпистемологии в истории исторического знания в случае с изучением истории Королевского Двора. Со своими обретениями и лимитами процесс познания всегда демонстрировал точку отсчета в его оценке – достигнутый им уровень знания, что не снижает случаев «озарений» или «предвосхищений», демонстрирующих одну из причин обаяния исторической дисциплины, ее субъективный характер. Избегнуть этой трудности невозможно, так как историческая дисциплина изучает исторический процесс, который при всей силе неоспоримых объективных компонентов в его развитии творится и изучается людьми. Позволю себе закончить статью формулой закона всеобщего развития, сформулированного гениальным Гегелем – теза–антитеза–синтез – закона, позволяющего если не снять, то ограничить издержки субъектного индивидуального сознания.

ХАЧАТУРЯН Н. А.

ТЕМА КОРОЛЕВСКОГО ДВОРА В РОССИЙСКОЙ МЕДИЕВИСТИКЕ: РЕФЛЕКСИИ И ЭКСПЕРИМЕНТ¹²⁹

Научная судьба предложенной вниманию читателей темы королевского двора весьма показательна для демонстрации одной из особенностей историографии как дисциплины, взятой в рамках «долгой протяженности». Часто давно известные вниманию исследователей, но, казалось бы, мало интересные и периферийные сюжеты, на каком-то этапе обретают новую жизнь. Внезапное для обыденного сознания возрождение интереса к ним, тем не менее, имеет свои причины. Оно может объясняться, в частности, общественными или политическими импульсами, что усиливает субъективный характер исторического поиска, в принципе свойственный ему.

Однако в контексте развития исторического знания и исследовательской практики существенно больший интерес представляют новые возможности и обретения, идущие от накопленного позитива в истории науки. При этом конструктивность их воздействия делают более выразительными не стихийные находки и озарения историков, пытавшихся проникнуть в суть явления, – но отрефлексированные изменения в задачах и подходах к исследованию.

Что касается обозначенной нами темы, то в западноевропейской и отечественной медиевистике можно выделить как общие для национальных школ, так и специфические оттенки в ее научной судьбе.

¹²⁹ Впервые опубликовано в: *Хачатурян Н. А.* Тема королевского двора в российской медиевистике: рефлексии и эксперимент // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Т. 6. Выпуск 4 (37) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840001025-6-1/> (дата обращения: 06.10.2020). DOI: 10.18254/S0001025-6-1

В прошлом национальные европейские школы объединяла общая оценка сущности явления как лишенного научной привлекательности. Ситуацию не спасал очевидный факт его универсальности и связанности с властной функцией в обществе. В условиях выраженного полицентризма средневекового общества двор как социально-политический институт существовал на разных, достаточно высоких уровнях власти, контролирующей территорию принципатов (светских и церковных), этнонациональных государств или империй. С некоторой долей ограничений нельзя исключить наличия двора (придворного общества) в условиях коллективной власти в городах-республиках, хотя предельная по степени выраженности модель этого института реализует себя в пространстве авторитарной власти.

Причастность к властной функции, тем не менее, не помешала исследователям оценивать королевский двор как консервативный и скандальный институт, сугубо элитарный по своему составу, уступающий по своей значимости другим политическим учреждениям. Подобная позиция в западной медиевистике XIX в. в качестве привходящих причин объяснялась увлеченностью историков институтами, воплощавшими парламентский режим и принцип разделения властей, то есть будущее европейской истории.

В отечественной медиевистике советского периода аналогичное отношение к явлению усугубляла официальная марксистская методология, которая исключала его из приоритетных объектов исследования, поместив в разряд «запретных тем»¹³⁰.

Тем не менее, привходящие обстоятельства – в данном случае политизированность темы – должны были уступить место фактору сущностного значения. Его содержание составили радикальные сдвиги в философии истории, которые происходили на рубеже XIX–XX вв. К середине прошлого века они изменили видение исторического процесса в целом и подходы к его анализу. Обобщая картину наиболее важных обретений философского и исторического знания, следует выделить прежде всего новое понимание роли духовного фактора в историческом процессе.

Оно не просто компенсировало его недооценку в позитивизме, увлеченном сюжетами материальной и социально-экономической жизни.

¹³⁰ Хачатурян Н. А. Запретный плод... или Новая жизнь монаршего двора в отечественной медиевистике // Двор монарха в Средневековой Европе. Явление. Модель. Среда / под ред. Н.А. Хачатурян. М., СПб., 2001. С. 5–30.

ни, а также в марксизме, сторонники которого в теории настаивали на «вторичности» сознания. Новое понимание предполагало преодоление антиномии материи и духа, свойственное идеалистической и материалистической философии XIX и первой половины XX вв. В противовес традиционному разрыву материи и духа – оно подчеркнуло их неразрывную связку и взаимопроникновение. Новая эпистема утверждала и обогащала комплексное и системное видение исторического процесса и связанное с ними сопряжение социальной и политической истории, укоренявшее последнюю в общественную жизнь.

Наконец, направление культурно-исторической антропологии, в известной мере синтезирующее научный поиск историков в области «человеческой», «событийной», ментальной истории, позволило существенно углубить формулу двойственной природы человека – социальной и физико-психологической, подчеркнув сложную структуру человеческого сознания и его роль в качестве регулятора общественного поведения.

Именно эти изменения в историческом знании определили новое видение института королевского двора, а изучение последнего весьма красноречиво и плодотворно продемонстрировало эпистемологический креатив темы. Для отечественной медиевистики переход к новой эпистеме был существенно затруднен глубиной политического и идеологического кризиса, который переживала страна в 60–80-е гг. прошлого века. На начальных этапах методологических изменений исторической науке приходилось преодолевать позитивистскую теорию «отражения», в плену которой находилась и марксистская методология, а также жесткие рамки последней и свойственные любому кризису деструктивные компоненты¹³¹. Поэтому в западной медиевистике интерес к теме двора обнаружил себя заметно раньше, хотя само направление по ее изучению тоже формировалось постепенно; и появление книги Н. Элиаса, открывшей возможности пересмотра устоявшихся оценок, отстояло по времени от организации специальных комиссий и разработок специальных проектов французских, английских, итальянских, немецких медиевистов и историков Раннего Нового времени¹³².

¹³¹ Хачатурян Н. А. Современная отечественная медиевистика в контексте мировой исторической науки // Средние Века. 2001. Вып. 62. С. 194–212.

¹³² Elias N. La société de cour. P., 1974; Strong R. Splendour at Court. L., 1973; Elton G. R. Tudor government: the points of contact. The court // Studies in Tudor and Stuart politics and government. Vol. 3. Cambridge, 1983; Starkey D. The English

В начале 1990-х гг., в рамках Ассоциации российских медиевистов и историков Раннего Нового времени, на базе кафедры истории средних веков Исторического факультета МГУ была создана научная группа «Власть и общество» под моим руководством. Планируемая группой деятельность была рассчитана на активизацию разработок в области средневековой политической истории, консолидацию усилий отечественных специалистов в масштабах страны и, в конечном счете, обновление исторического знания. Исследовательское ядро группы составили ученые нескольких университетов – Санкт-Петербургского, Московского, Саратовского и Ставропольского, научные сотрудники институтов РАН, а также музеев Москвы и Петербурга.

Уже на первых научных встречах, организованных группой «Власть и общество»¹³³, тема двора присутствовала в качестве «сопутствующей». Специальное обращение к ней на конференции «Жизнь двора и его отражение в литературе Средних веков и раннего Нового времени» 1998 г.¹³⁴ не изменило и в дальнейшем исходного рассмотрения темы в качестве органической части более общей истории власти и средневековой политической истории.

Невозможно не признать факта стимулирующего импульса, идущего от творчества западных медиевистов, на разработку темы двора в отечественной науке. Однако оценка фактора «влияния» требует корректировки. Следует иметь в виду наличие общеевропейского научного пространства, основы единства которого активно закладывались еще историческим знанием XIX в. Оно предполагало неизбежность взаимовлияния и вместе с тем не исключало своеобразия национальных школ. Эту особенность подтверждала отечественная медиевисти-

court from the Wars of Roses to the Civil War. L., 1987; Henry VIII: A European court in England. L., 1991; La royauté sacrée dans le monde chrétien. Colloque de Royaumont, mars 1989. P., 1992; Fêtes et cérémonies aux XIVe–XVIe siècles. Rencontres de Lausanne. 23 au 27 septembre 1993. Neuchâtel, 1994; La cour comme institution économique. P., 1998; Fürstliche Residenzen im spätmittelalterlichen Europa. Sigmaringen, 1991.

¹³³ Первые научные конференции группы «Власть и общество»: «Харизма королевской власти: миф и реальность» (май 1993 г.); «Придворная культура эпохи Возрождения и власть» в ноябре 1994 г. совместно с научной группой «Культура Возрождения» под рук. Л.М. Брагиной; «Средневековое европейское дворянство: от рыцаря к придворному и *officier*» (МГУ, 1996 г.).

¹³⁴ Ее итогом стала коллективная монография «Двор монарха в Средневековой Европе».

ка в XIX и даже в XX вв., несмотря на трудности, которые она испытывала, в частности, в условиях господства марксистской методологии с ее претензиями на монополию. Став ограниченными, контакты отечественных медиевистов советской поры с зарубежной наукой, тем не менее, не прерывались в силу самого факта специализации в области западноевропейской средневековой истории.

Убедительную коррективу в фактор «влияния» вносит тот научный актив, которым располагала отечественная медиевистика. Его не купировал статус политической истории в качестве «неактуальной» области знаний, в соответствии с марксистской дуальной схемой базиса и надстройки. Однако та же марксистская методология обеспечила утверждение и разработку «социального подхода» к политической истории, который был утерян вплоть до 70-х гг. XX в. зарубежной медиевистикой в условиях кризиса исторического знания на рубеже XIX–XX вв. Результативность «социального подхода» к политической истории в отечественном знании не могла перечеркнуть упрощенное на первых порах представление о природе социальных отношений, главным объектом внимания в характеристике которых оставались классовые противоречия. Тем не менее, картина социальных связей постепенно усложнялась, начиная с 60-х гг., ознаменованных попытками «обновления» марксизма, в частности, за счет анализа сословных связей.

Сопряжение политической и социальной жизни позволило отечественной историографии заметно продвинуть разработки социальной природы государственных средневековых форм¹³⁵. В рамках советского периода и кризиса 60-х – 90-х гг. она не отказалась от системного подхода и генерализирующей истории, обеспечивающих значимость и плодотворность исторической науки.

Начиная с конца 70-х и начала 80-х гг. в отечественной науке происходит смещение объектов исследовательского интереса к соци-

¹³⁵ Корсунский А. Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963; Корсунский А. Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М., 1984; Гутнова Е. В. Возникновение английского Парламента (из истории английского общества и государства XIII в.). М., 1960; Хачатурян Н. А. 1) Возникновение Генеральных Штатов во Франции. М., 1976; 2) Сословная монархия во Франции XIII–XV вв. М., 1989; Люблинская А. Д. Франция в начале XVII в. (1610–1620). Л., 1959; Lublinskaya A. D. French Absolutism: The Critical Phase. 1620–1629. Cambridge, 1968; Коносов Н. Е. Высшая бюрократия во Франции XVII в. Л., 1990.

ологическим проблемам: изучению самого феномена власти и ее анатомии в духе М. Вебера, Ж. Эллюля или М. Фуко. В этом контексте были предприняты разработки по проблемам специфики условий реализации политической власти в средневековом обществе (политический полицентризм и природа этой особенности; попытки структурного анализа полицентризма)¹³⁶; анализ авторитарной и коллективной природы власти¹³⁷; анализ темы средневекового корпоративизма и его институционально-правовая оформленность, отразившая социальную активность западноевропейского общества. Разработки этой проблемы позволили усложнить и углубить картину государственной жизни, в которой сосуществовали, в диалоге и противоречиях, власть и общество¹³⁸.

Примерно в те же годы актив по изучению государственной и политической истории в целом, дополняли отдельные редкие исследования, отразившие специальный интерес их авторов к теме двора – главным образом в контексте придворной культуры и истории политической мысли¹³⁹. Поэтому «открытие» отечественными историками темы двора не было внезапным. Ее разработка в рамках научной группы «Власть и общество» получила организационное оформление, хотя в весьма своеобразной форме. «Институциональная», условно говоря, определенность общности ученых не предполагает жестких границ, будучи рассчитана только на научный интерес и соответствие творче-

¹³⁶ *Хачатурян Н. А.* 1) Сословная монархия во Франции... С. 18–43; 2) Политическая и государственная история Западного Средневековья в контексте структурного анализа // Средние века. 1991. Вып. 54. С. 5–22.

¹³⁷ *Хачатурян Н. А.* Авторитарный и коллективный принципы в политической эволюции средневековой государственности // Власть и политическая культура в средневековой Европе. М., 1992. С. 330–334.

¹³⁸ *Хачатурян Н. А.* 1) Город в системе феодальной формации // Вопросы Истории. 1983. № 1. С. 67–84; 2) Сословная монархия... С. 28–43; 3) Феномен корпоративизма // Общности и человек в средневековом мире. М., Саратов, 1992.

¹³⁹ Статьи в публикациях научной группы «Культура Возрождения» под руководством профессора Л. М. Брагиной. Заслуживает внимания осознанная и целенаправленная линия на исследование английского Двора XV–XVII вв., реализуемая в творчестве и образовательной практике профессора СПбГУ С. Е. Федорова. Показательным итогом можно считать публикацию работ С. Е. Федорова и шести его учеников-аспирантов, теперь уже молодых дипломированных специалистов (А. А. Паламарчук; Е. В. Бакалина; В. С. Ковин, Н. А. Журавель, С. В. Буров, В. А. Ковалев), специального сборника трудов с комплексным анализом темы: Королевский Двор в Англии XV–XVII вв. СПб., 2011.

ства высоким требованиям современного академического знания. Задачи подобного «целесообразного» решаются с помощью выбора темы научных встреч, как правило, с учетом факта их «актуальности» или потребностей современной, в том числе, отечественной науки, с учетом пожеланий специалистов, в последующих дискуссиях на научных встречах и при подготовке материалов к публикации. Деятельность группы, таким образом, создает необходимое научное пространство, которое стимулирует творчество, не претендуя, ни в коей мере, на монополизацию в разработке заявленных ею тем, с осознанием того, что успех обозначенной деятельности определяют специализация и активность ученых.

Сегодня исследовательские проекты научной группы, органической частью которых стали сюжеты, посвященные истории двора, насчитывают солидный, почти в два десятилетия, срок существования. Его результаты красноречиво отражает работа конференций и публикации их материалов¹⁴⁰.

В качестве общего по характеру, но принципиально важного итога следует признать, что принятый в проектах принцип рассмотрения интересующей нас темы в широком контексте политической средневековой истории – и в целом конкретно-исторической действительности, позволил раскрыть природу королевского двора как комплексного института, соединившего в себе политическую, социальную и культурную функции. Очевидное для исследователей функциональное назначение института облегчает нашу задачу систематизации итогов работы в данной статье.

Оценки результатов в разработке политической функции двора целесообразно начать с его институциональных особенностей как

¹⁴⁰ Сегодня за плечами участников проекта «Власть и Общество» 8 научных общероссийских конференций и семь опубликованных коллективных монографий: Двор монарха в средневековой Европе; Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория, символика, церемониал / Отв. ред. Н. А. Хачатурян. М., 2004; Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти / Отв. ред. Н. А. Хачатурян. М., 2006; Искусство власти. Сб. в честь проф. Н. А. Хачатурян / Отв. ред. О. В. Дмитриева. СПб., 2007; Власть, общество и индивид в средневековой Европе / Отв. ред. Н. А. Хачатурян. М., 2008; Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время / Отв. ред. Т. П. Гусарова. М., 2010; Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в средние века и раннее Новое время / Отв. ред. Н. А. Хачатурян. М., 2011. Указанные издания не исчерпывают всех трудов отечественных медиевистов, посвященных теме двора.

властного учреждения, реализовывавшего внутреннюю и внешнюю политику верховной авторитарной власти. Именно это обстоятельство побудило организаторов проектов включить рассмотрение проблемы в рамки более общей темы становления и эволюций средневековой государственности.

Исходная точка средневековой государственности – результат эволюции сеньории бана¹⁴¹. В данном случае речь идет о сеньории, принадлежащей королю, который в условиях формирования и раннего периода утверждения феодальных отношений был только «первым среди равных», чья власть, как у частного сеньора, имела своим источником земельную собственность. В этих условиях частная резиденция (дом, двор) любого более или менее крупного земельного собственника приобретала «публичные» функции – судебные, административные, военные, воплощая специфическую особенность политической средневековой истории – полицентризм. В случае принадлежности резиденции королю реализация ее функция неизбежно выходила за пределы семьи, ближайшего окружения и далее – домениальных владений монарха, олицетворявшего верховные притязания.

Таким образом, «дворцовое управление» на этапах раннего средневековья и феодальной раздробленности, по существу, воплощало «государственную» организацию общества.

В условиях централизации постепенно складывающаяся система специальных ведомств – судебного, административного, финансового, военного – перетянула на себя управление страной, демонстрируя прогресс в строительстве государственного механизма. Однако в этом случае двор монарха, реализовывавшего верховную власть, сохранял положение центра политической системы, вершины государственного аппарата. Исследования показывают, что эта ситуация порождала особую линию противоречий во взаимоотношениях монарха с исполнительным аппаратом. Парадоксальность ситуации объяснялась, казалось бы, безусловной зависимостью служащих государственного аппарата, действовавших «именем короля и во имя короля». Возможность известной автономизации исполнительного аппарата, даже в ус-

¹⁴¹ Сеньория (вотчина) – организм, в рамках которого сеньор реализовал свое право собственности на землю с помощью не только экономического, но и политического, «властного» (ban) принуждения. Отмеченная особенность была присуща общественной системе, в которой существовал раздел собственности на землю с собственностью на орудия труда.

ловиях авторитарной власти, побудила медиевистов, в частности, на материалах истории двора, к попыткам оценить своеобразие процесса зарождения и эволюции «средневековой» формы вневременного явления – бюрократии¹⁴².

Работа участников проекта по истории двора (в частности, по вопросу о характере «дворцового управления»: составе служащих, природе их служб, структуре института) выводит их «эксперимент» с источниками на принципиально важную в эволюции средневековой государственности проблему соотношения публичного и частного начала. Ее решение приобрело новое наполнение в контексте актуального сегодня и весьма перспективного направления в медиевистике по изучению *État moderne* – средневекового государства, которое рассматривается в качестве формы, непосредственно предшествующей государству Нового времени.

Разработка концепции не являлась «открытием» для исторического знания конца XX в., однако, хотя и известная, но знаковая для нее идея движения по пути превращения патримониального государства в публично-правовое, приобрела новое звучание, впитав накопленный наукой актив в изучении средневековой государственности и предложив специальные нетрадиционные решения в рамках комплексного рассмотрения вопроса.

Принятый в целом историческим знанием XX столетия «социальный» подход к периодизации средневековой государственности рассматривал его формы в контексте эволюции общественной системы в целом – ее становления (варварские и раннесредневековые государства), утверждения и расцвета в условиях феодальной раздробленности и процессов централизации (феодальные монархии и принципаты, сословные монархии), ее последующего разрушения в условиях «абсолютных» монархий. Новая концепция сдвинула внимание иссле-

¹⁴² Хачатурян Н. А. 1) «Европейский феномен сословного представительства». К вопросу о предыстории «гражданского общества» // Хачатурян Н. А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008. С. 166-177; 2) Запретный плод... С. 14–16; 3) Бургундский двор XV в. и его властные функции в трактате Оливье де ля Марша // Двор монарха... С. 121–136. Проблема соотношения частного и публичного характера социальных связей и служб в средневековом обществе и, в частности, при дворе исследуется на конкретных материалах истории Германии (А. Ю. Прокопьев, Т. Н. Таценко), Англии (С. Е. Федоров, А. Г. Глебов, Е. В. Бакалдина, В. С. Ковин), Венгрии (Т. П. Гусарова), Франции (С. К. Цатурова, Е. И. Носова).

дователей на природу государственного механизма, поставленного в широкий контекст экономической, социальной, институциональной, правовой и духовной жизни общества, заметно углубив тем самым характеристики последнего.

Мотор и показатель процесса «модернизации» утверждение публично-правового начала демонстрировали замену личностных социальных связей и личностного характера службы на опосредованные государством. Укрепление позиций верховной власти в борьбе с полицентризмом и преимущественными позициями средневекового локального начала выводили членов сообщества из частного или корпоративного сословного секторов жизни, превращая их в «подданных» государства, и закладывая основы их конституирования в качестве «граждан», то есть юридически свободных членов сообщества, озабоченных не только проблемой обеспечения политических прав, но «общим благом» и собственной ответственностью за него. Процесс этот растянулся на столетия и не был решен в рамках «средневековой» истории.

Конкретные и теоретические исследования позволяют оценить уровень «модернизации» государственности в качестве показателя «силы» государственного начала и условия процесса формирования «национальных» государств¹⁴³.

Институциональная история двора, даже на этапе включения его в общий процесс модернизации государственности убедительно демонстрирует, на наш взгляд, зыбкость границ между частным и публичным началами в характере власти¹⁴⁴ и практиках управления, а также отнюдь не триумфальное и весьма постепенное развитие процесса изживания частных компонентов в эволюции государственности в целом. Что касается двора, то красноречивым показателем этого наблюдения служат примеры в виде практики совмещения должностей частной и публичной службы, неоднозначный и неодномоментный процесс конституирования публичного характера денежного вознаграждения за службу, в котором следует учесть источник формирования казны

¹⁴³ Хачатурян Н. А. 1) Феномен сословного представительства в контексте проблемы *État moderne* // Власть, общество и индивид... С. 34–43; 2) Европейский феномен сословного представительства... С. 166–189.

¹⁴⁴ Мера и качество исходно «публичной» по предназначению светской верховной власти зависели от общественного развития.

(домениальные доходы монарха или налоги, тем более «прямые»), а также некоторые другие моменты¹⁴⁵.

Исследовательский поиск отечественных медиевистов в изучении истории двора позволяет выделить в качестве специального направления его социальный анализ.

В качестве местопребывания государя или принца двор конституировал осязаемую социальную реальность – общность, состав которой колебался от 2–3 сотен до нескольких тысяч человек, консолидирующую по преимуществу политическую элиту общества, располагавшую земельными богатствами и политическими прерогативами по месту в социальной иерархии и положению в государственной структуре. Они могли быть связаны отношениями родства, но непременно были связаны отношениями службы королю и близостью к нему, что превращало общность в корпорацию, хотя конституционально не оформленную. Горизонтальные связи не исключали внутренних противоречий в ней, наличия клиентел и партий, ведущих борьбу за влияние на верховную власть. Это делало двор очагом политической борьбы, завязанной на ситуацию в обществе. Примеры, довольно часто представленные в конкретных разработках медиевистов, позволяют, на наш взгляд, посмотреть на политическую функцию двора в контексте современного широкого толкования самого понятия «власти», связанного с именем М. Фуко, французского философа и социолога второй половины XX в. Раскрывая предложенную им формулу «всеобщей поднадзорности» человека в обществе, Фуко пишет о реализации власти не только в рамках государственного управления, но власти обычая, религии, цензу-

¹⁴⁵ Прокопьев А. Ю. 1) Прощание с патернализмом? Веттины и саксонское дворянство в первой половине XVII в. // *Власть, общество и индивид*. С. 83–95; 2) Габсбурги и Веттины в век религиозного раскола: механизм сохранения имперского единства // *Империи и этнонациональные государства...* С. 121–146; Таценко Т. Н. Развитие центральных органов управления в немецких территориальных государствах XVI в. Герцогство Вюртембергское // Там же. С. 338–376; Цатурова С. К. Номинация ведомств и служб как стратегия формирования суверенитета королевской власти во Франции XIII–XV вв. // *Империи и этнонациональные государства...* С. 308–337; Хачатурян Н. А. 1) Горизонты темы: типичность, преемственность и креатив политических форм в истории западноевропейского средневековья // Там же. С. 5–16; 2) «Король – император в своем королевстве». Политический универсализм и централизованные монархии // Там же. С. 66–88.

ры, школы, семьи, больниц и зубоврачебного кабинета, принудительных установок ведомственных или сословных корпораций...¹⁴⁶

В контексте подобных рассуждений оправданной и целесообразной выглядит наша попытка подчеркнуть специальную значимость «личностного» фактора в качестве средства реализации любого вида власти, тем более, на высшем государственном уровне. В общем пространстве государственного управления именно двор оставался прибежищем для сохранения личностного принципа в социальных и служебных связях, факт особенно интересный в условиях набирающего силу процесса формирования публично-правового государства. Близость к королю неизбежно сопрягалась с прямой или опосредованной причастностью к политике верховной власти: служба «рта и тела», публичные службы в суде, финансовом и военном ведомствах двора, дипломатической деятельности. Связанные с этим возможности – арбитраж, протекция, интриги, диффамация, умолчания – позволяли придворным выступить в качестве регуляторов и проводников правительственной политики, или наоборот, силы, блокирующей ее.

Отмеченная особенность в практике двора подтвердила, уже в условиях средневековья, известной историческому знанию вневременный характер явления.

Не менее пристального внимания заслуживает, по нашему мнению, факт формирования в придворной среде особого социального типа – дворянина-куртизана, сменившего функцию военной службы на форму не только службы, но жизни «придворного», действующего по преимуществу в рамках личной связи с монархом, в частности, в условиях исполнения должности в публичных ведомствах не только двора, но государственного аппарата. Новый статус требовал не просто образованности, но знания принципов «жизни в свете», сообщая правилам чести и придворного поведения значение «цивилизующего» фактора в жизни общества в целом.

Конкретные исследования в пространстве отмеченных мной особенностей социальной истории двора позволяют если не пересмотреть, то уточнить традиционное мнение о сугубо элитарном характере придворного сообщества. Они свидетельствуют об открытости его границ, а также процессе обновления состава, в частности, за счет провинциального дворянства или чиновного компонента, – факты, углубляющие

¹⁴⁶ Foucault M. Surveiller et punir. Naissance de la prison. P., 1975.

тему «диалога», связи власти и общества. Наконец, двор при ближайшем рассмотрении оказывается включенным в социальную динамику средневекового общества, обеспечивая скупое, но «движение вверх» по ступенькам социальной иерархии.

Третьим большим направлением в деятельности группы «Власть и общество», организующим научный поиск в теме двора, стало изучение политической истории в ее культурных параметрах, ставшее принципиально важной новацией в развитии мирового исторического знания в целом. Она оказалась возможной в условиях отмеченных мной выше радикальных сдвигов в методологии истории, в первую очередь благодаря переоценке роли сознания в историческом процессе и нового решения вопроса о его соотношении с материальным фактором.

Достижения в области философии истории существенно расширили само пространство политической истории, увеличив число объектов, несущих искомую информацию, обогатив способы видения и методику их исследования.

Заметные изменения претерпела традиционная сфера изучения политической мысли и политического сознания, где набирает силу внимание не только к творчеству интеллектуалов или проблемам политической пропаганды с заданностью идеологических построений, но более сложным для понимания сюжетам общественного или бытового сознания. Попытки анализа духовной жизни средневекового общества на ее ментальном и отрефлексированном уровнях рисуют не только более красочную и живую, но весьма неоднозначную структуру общественного сознания¹⁴⁷.

Обращение к культурной истории двора довольно неожиданным, точнее, непривычным образом, открыло новую страницу в изучении одного из наиболее сложных и сущностных вопросов, связанных с природой королевской власти и средствами ее реализации. Ею стала тема репрезентации власти, связанная с процедурами коронации и помазания, исцеления, похорон и свадеб монарха, повседневным этикетом и знаковым церемониалом поведения за столом, отхода ко сну и пробуждения короля, аудиенциями с послами, судебными заседаниями, турнирами и охотой. Двор стал грандиозным и ослепительным театром королевской власти, обеспечивавшим «нематериальные», художественные формы в средствах властвования. Практика репрезента-

¹⁴⁷ Названную проблематику активно разрабатывают И. Я. Эльфонд, О. В. Дмитриева, М. А. Бойцов, Л. М. Брагина, А. А. Паламарчук, Р. М. Асейнов, Е. В. Калмыкова и др.

ции, которая ранее казалась историческому сознанию бессмысленной причудой, в действительности конституировала и закрепляла в сознании подданных представление о величии короля и той дистанции, которая подчеркнуто отделяла его от них. Вместе с тем, она служила средством своеобразного диалога, игры, создающей образ величия, явленного народу, отражая и стимулируя веру в него в качестве протектора, с которым этот народ связывал свои страхи и надежды. Как форма по преимуществу элитарного искусства, практика репрезентации власти, в которой были задействованы литературный текст и мизансцены, изобразительные виды искусств – живопись и скульптура, музыка – послужила одним из источников рождения театра Нового времени с его специализацией по трем видам искусств – драматического театра, балета и оперы¹⁴⁸.

В контексте результатов собственно исторических исследований, следует подчеркнуть значение практики репрезентации для изучения важной формы средневековой духовной жизни – ритуала. Разработки в этой области вывели медиевистов в смежную для историков область психологии средневекового человека с одной из ее сущностных особенностей – символизмом сознания. Анализ смыслов ритуалов и знаков верховной власти – короны, руки правосудия, эмблем и геральдики, монет, знамен, печатей, самих процедур, подчас весьма странных – к примеру, «усаживание» на престол духовного лица или монарха в момент коронации – все это требовало погружения в глубины не только сознания, но и подсознания (по Фрейду), в частности, архетипов первобытного сознания.

Исследования репрезентативной практики в контексте ее ритуально-символических форм и в пространстве, неизбежно выходящем за пределы двора, демонстрировали ее проявления не только в сфере собственно религиозных, но и светских форм жизни: торжественных процессиях по случаю открытия парламентских сессий в Англии или приездов государя в город любой из западноевропейских стран; «закодированных» процедурах суда, праздниках светского характера с широким использованием аллегорий, а также в знаках социальной иерархии и вассальных связей¹⁴⁹.

¹⁴⁸ См. исследования М. А. Бойцова, С. А. Польской, С. Е. Федорова, Н. А. Хачатурян, Т. П. Гусаровой, О. В. Дмитриевой, А. А. Сванидзе, В. А. Ковалева.

¹⁴⁹ См.: *Цатурова С. К.* Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV веков. М., 2012; *Дмитриева О. В.* Парламент и политическая культура в Англии второй половины XVI – начала XVII вв. (в печати).

Будучи дополнена в ряде работ анализом правовой истории, эта практика, наконец, позволила конкретизировать сложную комбинацию сакрально-правовых компонентов в природе королевской власти, получившую отражение в постепенно меняющемся образе монарха в сознании средневековых людей. Последний аспект послужил основанием для формирования специального аспекта в изучении истории двора и феномена власти – имагологии¹⁵⁰. Завершая характеристику интересующей нас темы в отечественной медиевистике, сохраняющей традиционную приверженность к «рефлексирующей» истории, следует отметить попытку социологического анализа явления «придворной культуры», представленной в историческом знании у нас и за рубежом, как правило, сугубо конкретной характеристикой ее отдельных форм (видами искусства, науки, политической мысли, творчеством художников, мыслителей, политических деятелей). Оценки обобщающего характера в имеющейся литературе, касаются в лучшем случае особенностей «национальной» культуры¹⁵¹.

Упомянутая попытка предполагала анализ природы, места, специфики и роли явления в рамках западноевропейской средневековой культуры в целом. Параметры анализа включили в себя характеристику понятия «природная культура», качественная определенность которой была связана с социальной наполненностью человеческой общности как ее носителя, а также с соотношением явления с природой культурной доминанты в средневековом обществе. В оценке особенностей и факторов развития придворной культуры были отмечены, в частности, ее светская в целом направленность; исключительный характер прямого и обратного воздействия на нее политического фактора, множественность форм последнего вплоть до субъектной активности самих монархов; фактор взаимодействия культур, наконец, специфическая социальная среда в Западной Европе с активными формами обще-

¹⁵⁰ См.: *Бойцов М. А.* Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009; *Хачатурян Н. А.* 1) Западноевропейский монарх в пространстве взаимоотношений с духовной властью (морфология понятия власти) // Священное тело короля... С. 19–28; 2) Сакральное в человеческом сознании. Загадки и поиски реальности // Там же. С. 5–15.

¹⁵¹ Тематические сборники по культуре Возрождения под ред. Л. М. Брагиной (1977–2012. Вып. 1–3); История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения / Под ред. Л. М. Брагиной. М., 1999; *Шрайнет П. К.* проблеме культуры византийского двора // Двор монарха в средневековой Европе... С. 289–301.

ственного развития, создающими конкурентную среду для придворной культуры в городских и университетских центрах образования и культуры и некоторые другие особенности.

Они позволяли откорректировать в оценке роли придворной культуры утверждение о ее сугубо «элитарном» характере, а также отметить ее особое, отнюдь не периферийное место в культурном пространстве. Реализуя особый характер взаимодействия с доминирующей в обществе культурой, – в частности, сущностную включенность в нее – придворная культура играла авангардную роль по многим позициям в качестве организующего и креативного центра¹⁵².

Воссозданная в статье картина исследований темы королевского двора побуждает высказать несколько итоговых соображений. Эти исследования не были погоней за модой, а также не были продиктованы только желанием преодолеть характерную для медиевистики советского периода недооценку политической истории, но поисками путей обновления исторического знания в целом. Решение подобной задачи предполагало переход исторической науки в новое методологическое пространство, – переход, который был отягощен глубиной и спецификой кризиса, переживаемого отечественной наукой.

В состоявшейся, на наш взгляд, несмотря на трудности, реализации задач обновления науки, и в частности, медиевистикой, особую роль сыграли как раз «неактуальные», «вторичные» по своей значимости в недавнем прошлом, области исторического знания, изучающие духовную и политическую жизнь средневекового общества. Это не было случайностью, так как именно переоценка фактора сознания и природы его соотношения с материальными формами жизни стали решающим условием выхода из кризиса мирового исторического и философского знания XX столетия. Именно в эти сферы исторического знания сместилось внимание российских исследований, которые превратили их в своеобразные «лаборатории» формирования, принятия и применения новой философии истории и современной методики. Очевидно, не будет преувеличением сказать, что полученные научные результаты в интересующей нас теме свидетельствуют о движении вперед по этому пути.

¹⁵² *Хачатурян Н. А.* Западноевропейская придворная культура в средние века и раннее Новое время: параметры явления // Придворная культура эпохи Возрождения / Под ред. Л. М. Брагиной. М., 2014.

ХАЧАТУРЯН Н. А.

«КОРОЛЬ – ИМПЕРАТОР В СВОЕМ КОРОЛЕВСТВЕ»... ПОЛИТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСАЛИЗМ И ЦЕНТРАЛИЗОВАННЫЕ МОНАРХИИ¹⁵³

Статья посвящена двум явлениям в политической организации человеческого общества, известным с момента вступления последнего на путь цивилизационного развития.

Исторический опыт и обобщающее его историческое знание, употребляя для обозначения изучаемых явлений разные понятия – «империя» и «государство», разводят их, несмотря на присущую им в содержании общность назначения – быть номинацией для высших форм политических организаций, обеспечивающих функцию интеграции, силу протекции и принуждения на народ, живущий в определенных пространственных границах.

В данном контексте содержание терминов носит весьма относительный характер, будучи, в частности, дистанцированным от собственно истории формирования этих понятий. В долгой эволюции человеческого общества усложнился смысл термина *imperium*, первоначально означавший военную, затем политическую власть и далее политико-административную территорию. Поздний по времени рождения абстрактный концепт «государство» (*état*) имел свою предысторию, в которой ему предшествовали понятия «правление», «царство» (*regimen, regnum*). Более того, в общеупотребительном смысле слова, призванного определить политическую организацию общества,

¹⁵³ Впервые опубликовано в: *Хачатурян Н.А. «Король – император в своем королевстве»... Политический универсализм и централизованные монархии // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / отв. ред. и сост. Н. А. Хачатурян. М., 2011. С. 66–88.*

«империя» — это тоже государство.

Оба термина сами по себе не несут печати времени, покрывают разные формы правления: империя, как показывает исторический опыт, могла существовать в рамках республиканского устройства или авторитарных форм управления: империя в условиях афинской демократии, республиканского Рима или Рима эпохи домината, колониальная империя, созданная республиканской Венецией, и управляемые авторитарной властью и ту же средневековую эпоху Византийская империя, империя Каролингов и Священная Римская империя германской нации. Однако в любом случае их качественную определенность характеризуют или идея универсализма, воплощенная в его политической форме, или вектор движения к формированию этнического и позднее национального государства.

Империи, таким образом, демонстрируют более масштабную и гетерогенную структуру, включая в политический союз многие этносы, устанавливая высшую власть одного из образований, ставшего реальным и символическим политическим центром по отношению к другим сообществам, поглощая последние или инкорпорируя их с сохранением частичной автономии. Прекрасная и столь органичная природе человека идея универсального объединения оборачивалась в этом случае войнами, захватами, насилием как некоей константой внешней и внутренней политики на относительно продолжительном отрезке времени.

Этнонациональные политические сообщества выглядят более однородными и менее масштабными образованиями, подтверждая мнение одного из современных французских историков, Мориса Дюверже: «Империя — это весь мир, государство — это страна»¹⁵⁴. Справедливо ради следует заметить, что политика территориальных захватов не была чужда и более скромным, нежели империи, этнонациональным государственным образованиям. Их опыт в свою очередь красноречиво демонстрировал, что наряду с природным для человека «вкусом к общению» (*appetitus societatis*), по выражению Гуго Гроция, столь же присущей ему являлась способность к разрушению. Не случайно

¹⁵⁴ См.: Материалы коллоквиума в Париже 9–10 декабря 1977 г. на тему: *Le concept d'Empire / Sous la dir. de H. Ahrweiler, G. Duby, M. Duverger, E. Le Roy Ladurie. Introd. de M. Duverger. P., 1980. P. 5–25. См. также: Eisenstadt S. N. The Political Systems of Empires. N.Y., 1963; Recueil de la Société Jean Bodin pour l'histoire comparative des institutions // Les grandes empires / Dir. par John Gelissen. T. XXXI. Paris, 1973.*

французский мыслитель эпохи Просвещения Шарль Монтескье, глубоко постигший тайны политического устройства, заметил, что люди, причастные власти, не знают ее пределов¹⁵⁵.

В нашей статье сделана попытка рассмотрения варианта соотношения имперской и государственной идеи в Западной Европе по преимуществу в хронологических рамках раннего и классического Средневековья.

В связке явлений, воплощавших эти идеи, присутствовали противоречия, взаимодействие и взаимовлияние сторон, которые не только формировали одну из магистральных линий развития в политической истории Средневековья, но имели своим впечатляющим результатом возникновение новых политических форм, отличных от известных нам ранее. Ими стали этнонациональные государства, сделавшие своей знаковой формулой правовую максиму «Король – император в своем королевстве» и существенно потеснившие по исторической значимости имперские образования. Именно они заложили основы государства Нового времени, в известном смысле предвосхитив гражданское общество и парламентский режим.

Следует признать, что в начальный период раннего Средневековья в соперничестве интересующих нас тенденций политического развития и политических форм более определенными и убедительными выглядели позиции варварских королевств, несмотря на очевидную слабость последних. О ней свидетельствовал ряд показателей: гетерогенная социальная база в условиях преодоления прежних форм общественной жизни варварского и римского миров и медленный постепенный процесс установления новой системы общественных отношений; патримониальная, частная природа государства и власти с ее весьма ограниченными принудительными и протекционистскими административными и финансовыми возможностями: остатки прежних политических форм «народного самоуправления»; «обычное» право, неразвитый административный аппарат, личные связи во взаимоотношениях власти с обществом и институтами управления, подвижные и неустойчивые границы политических образований, часто непродолжительные по времени хронологические рамки их существования. Несмотря на эту очевидную слабость этнополитического начала, в исходной точке средневековой истории оно противостояло очевидному

¹⁵⁵ Монтескье Ш. Дух законов // Избранные произведения. М., 1955.

факту гибели Западной Римской империи, т.е. той части целого, Римской империи, которая являлась наиболее ярким достижением политического развития для своего времени и этого региона мира. Вместе с тем крушение Западной Римской империи, которому содействовал германский мир, не освободил завоевателей от состояния очарованности имперской идеей сильной власти, а также потенциалом и величием погибшей политической организации¹⁵⁶.

Новые государства частично апроприировали римское наследие (политические и административные возможности, юридическую практику и правовые нормы), хотя плоды византийского ренессанса римского права в деятельности юристов эпохи Юстиниана оставались практически недоступными тогдашнему западноевропейскому сообществу. Это не помешало правителям раннесредневековых государств подкреплять свои властные претензии привлечением атрибутов имперского достоинства, в частности использованием в ряде случаев титула императора или определения «империя» для политического сообщества (*imperium anglogum* в X веке...).

Наконец, франкские правители в лице Каролингов пытались воссоздать Римскую империю, хотя их опыт, с точки зрения качественных показателей политической организации, не превзошел современные ему формы раннесредневековых королевств и был, по мнению исследователей, несмотря на заметные подвижки в сфере государственного строительства, не столько новацией, сколько слабой имитацией образа. Тем не менее в контексте обозначенной нами темы хотелось бы подчеркнуть два важных исторических результата существования империи Каролингов.

Это, во-первых, самый факт восстановления и «материального» воплощения политической универсалистской идеи в форме имперской организации. Каролинги перехватили инициативу у католической

¹⁵⁶ *Werner K.F. L'Empire carolingien et la Saint Empire // Le concept d'Empire... Р. 157–158.* Немецкий ученый К. Ф. Вернер в сравнительном анализе преемственной истории трех империй, возвращая читателя в мир событийного измерения этой истории, объявляет легендой 476 год в качестве даты прекращения существования Римской империи, несмотря, по его мнению, на отсутствие последующего единства (а может быть благодаря ему?). Как бы отвечая на наш вопрос, автор рисует эту зыбкую нестабильную картину «встречи» двух миров, с фактами признания Одоакром и Теодорихом императора Константина Великим; прямого правления Юстиниана на территории Западной Европы и влияния Византии вплоть до VIII в. в сердце Римской империи.

церкви, точнее папства, с недвусмысленными попытками последнего реализовать объединение христианского мира и не менее очевидными претензиями на роль его не только духовного, но и политического центра и арбитра. Вторым результатом был связан с процессами этнической и политической консолидации германских народов и местного населения, которые происходили в рамках новой империи, заложив фундамент трех западноевропейских государств – Франции, Германии и Италии.

Названные нами итоги в истории Каролингов, в свою очередь, и на новом витке теперь уже средневековой истории подчеркнули хорошо известные историческому опыту в целом связку и дихотомию векторов политического развития – универсального или этнонационального объединения¹⁵⁷.

Новый подъем в процессах политической организации западноевропейского общества происходит уже на этапе классического Средневековья, отражая общий прогресс в становлении феодальных отношений. Способствуя выравниванию уровней развития, несмотря на разброс во времени и специфику регионов, этот процесс сообщал большую гомогенность политическим структурам. Новый этап открыл новые возможности в их институциональном и правовом оформлении, дав выразительный и четкий рисунок в соотношении, точнее соперничестве, двух форм политической власти – имперской и этногосударственной. В нем просматриваются любопытные совпадения и расхождения в условиях их существования: сотрудничество, когда они оказываются «по одну сторону баррикад», в частности в борьбе с папством, и конечно, противоречия, вызванные главным образом притязаниями на политическое верховенство и подчиненность императору как «господину мира» всех остальных политических правителей. Однако большую зрелость в этой связке структур демонстрировали как раз этногосударственные образования – обстоятельство, которое должно объяснить сложившуюся к концу XV в. расстановку сил отнюдь не в пользу империи.

Новая империя с названием Священная Римская империя, возрожденная к жизни Оттоном I, контролировала большее, чем при

¹⁵⁷ Бродель Ф. Грамматика цивилизации. М., 2008. Ф. Бродель считает возможным назвать империю Каролингов «первой Европой», ссылаясь на сентенции письменных документов, сближавших эти явления (*Europa, vel regnum Caroli*), и словословия придворных поэтов, называвших Карла Великого «отцом Европы».

Каролингах, пространство, подключая к восточным частям бывшей Франкской империи территории Апеннинского полуострова и Бургундию, двигаясь в северо-западные регионы Европейского континента, балтийские земли, Польшу... Теперь она реализовала не только в значительной мере воображаемую идею преемственности с Римской империей, но и вполне легальную связь с империей Каролингов. Эти обстоятельства, однако, не могли скрыть ее внутренней слабости, к тому же общая ситуация в Западной Европе ставила под сомнение ее претензии на роль политического и цивилизующего центра.

Подобно этногосударственным объединениям, Священная Римская империя оформляется в условиях феодальной раздробленности, легализовавшей политический иммунитет, т.е. частную власть земельных собственников. В попытках ее преодоления внутри страны стремления германских императоров оказались менее успешными, чем усилия французских или английских монархов. Иными словами, отвлекаясь от объяснения конкретно-исторических причин, германские императоры не смогли решить задачу централизации и консолидации своего объединения. Империя не смогла достичь также уровня политического строительства или институционального оформления, характерного для западноевропейских монархий того времени. Последние переживали с большим или меньшим успехом в разных сферах общественной жизни процесс изживания патримониальной природы власти, управленческого аппарата и превращения их в публично-правовые государства. Реализуемая монархами высшая власть в законодательной, судебной, военной и налоговой сферах должна была превратить население в «подданных» государства, преодолевая средневековую дисперсию власти, смывая барьеры частного или корпоративного иммунитета на местах и делая государство способным почти целиком взять на себя функции принуждения и протекции.

В современной литературе этот процесс рассматривается в рамках проблемы *État moderne* в качестве нового аспекта в процессе познания средневековой государственности, который дополнил традиционный «социальный» подход к последней (варварское и раннесредневековое государство, государство периода феодальной раздробленности, феодальная монархия с сословным представительством, абсолютная или «административная» монархия). Новый подход позволил выделить параметры анализа, связанные со *средствами властвования* и *объемом могущества* монарха (характер права, источники власти, форми-

рование её публично правовой природы, изменения в образе монарха и восприятии обществом его функций...). Именно этот подход наиболее убедительно обозначал вектор движения к государству Нового времени.

В империи подобные процессы проходили по преимуществу в рамках территориальных княжеств, на местном уровне. Не создав централизованной административно-бюрократической системы, империя как целое действовала главным образом в правовом пространстве сеньориально-вассальных, личностных контрактов, неся на себе знаки патримониального этапа развития. Имперскую власть ослаблял ее выборный характер с небольшим числом выборщиков (князей-курфюрстов), лишь частично ограниченный династическим принципом.

Наконец, Священная Римская империя не смогла сыграть свойственную имперским образованиям «цивилизаторскую» роль в духовной жизни контролируемого ею гетерогенного сообщества, которая являлась важным компонентом универсалистской идеи. У нее оставался влиятельный соперник в лице католической церкви, заметно усилившей свои позиции по результатам политической борьбы папства с империей в XII–XIII вв. Более того, христианство практически безраздельно утвердилось в западноевропейском мире, и любой из светских государей был сопричастен делу защиты веры и церкви. Очевидно, не без влияния этой причины «цивилизующая» миссия Империи была вынесена за пределы западноевропейского мира – главным образом на границы с мусульманским обществом.

И, наконец, последнее из условий, снижающих значение империи: развитие именно этнонациональных государств разрушало структуры, которые в масштабах Западной Европы несли на себе печать универсализма или космополитизма в системной сфере общественных отношений. В их рамках особенно активно трансформировалась иерархия феодальных связей, разрушавшая космополитическую корпорацию *de noblesse*, благодаря политике власти, которая целенаправленно вытесняла личностный характер общественных связей с вассалами отношениями, опосредованными государством (практика *фьеф-ренты*, *hommage-lige*, регулярная армия, платная служба в управлении, обеспеченная доходами казны).

Монархии способствовали формированию «национальных» церквей и «национального» духовенства (галликанство, англиканская церковь). В этом же направлении и не без участия светской власти, в том

числе, следует признать, и имперской, действовали схизма и особенно соборное движение, ослаблявшие католическую церковь и папство изнутри.

Таким образом, обе силы, претендующие на роль политического и духовного центров на универсальном уровне, оказывались несостоятельными, тогда как этнонациональные государства, напротив, убедительно демонстрировали растущий потенциал, определяя политический облик западноевропейского сообщества. В сложившихся условиях западноевропейские монархи не могли не поставить вопроса о независимости своей власти от внешних универсалистских сил: римских пап и императоров. Любопытно, что они не предполагали уничтожения привычного их сознанию института империи. Очевидно, их устраивали дополнительные возможности в политической игре, которые обеспечивало само существование Священной Римской империи. С ее помощью они консолидировали свои усилия в решении каких-то общих дел (крестовых походов, к примеру). Они, наконец, воспринимали империю как явление, несущее на себе сакральную печать преемственности и исторической памяти, будучи сами в ряде случаев не прочь занять имперский престол.

Естественный и не лишенный остроумия выход из этой непростой ситуации был найден в реализуемой западноевропейскими монархами формуле «король – император в своем королевстве». В качестве правовой максимы формула заслуживает специального внимания, отражая своей содержательной стороной эволюцию политической зрелости этнонациональных государств. В этом контексте оказывается важным ее включенность в процесс развития позитивного (государственного) права, которое в условиях централизации являлось едва ли не главным средством трансформации природы государственных образований на пути их превращения в публично-правовые.

Правовая доктрина, возникшая с целью обоснования упомянутой максимы и вдохновленная примером античной авторитарной власти, в свою очередь, подчеркнула римские корни в эволюции средневековых государств. Это обстоятельство не лишило ее содержания креативного характера, отразившего новый этап в ренессансе римского права в Западной Европе. Начиная примерно с XIII в. юридическая мысль, ранее являвшаяся пленницей римских текстов (принцип: глосса толкует текст, жестко соответствуя ему), теперь эмансипируется, будучи включена в новый дискурс, отвечавший потребностям времени – в записях

обычного права, королевских ордонансах, политических трактатах, документах юридической практики.

Политическая и правовая мысль этого времени, исповедуя аристотелевский принцип естественного происхождения государства и признавая поэтому факт вариативности политических форм, оказывается способной критиковать слепых поборников римского права, стремившихся следовать ему независимо от местных особенностей. Наиболее ревностных сторонников сильной верховной власти из числа легистов («рыцарей без оружия», по образному выражению одного из них – Ж. Ревиньи), ищущих аргументов по преимуществу в римском праве, современники, опасавшиеся отклонения монарха в сторону тирании, называли «политическими глупцами» (*idiotae politici*)¹⁵⁸.

Употребленное нами выражение «доктрина» применительно к формуле «король-император» не предполагает наличия в западноевропейской политической мысли цельной теории и тем более специально заверщенного сочинения по этому сюжету. В статье сделана попытка воссоздания нами основных параметров этой доктрины, в первую очередь на основании некоторых французских материалов. Систематизируя их можно выделить сравнительно ранние правовые сборники, включавшие римские тексты и комментарии к ним. Два из них – это труды анонимных юристов орлеанской школы гражданского права середины и второй половины XIII в., ценные своими безыскусными, но весьма красноречивыми (с апелляцией к римскому и каноническому праву) свидетельствами правовых и политических притязаний, которые формировались в сознании общества и деятельности монархов («Книга о правосудии и судопроизводстве», 50-е годы XIII в.; «Уставления Святого Людовика», 1273 г. (?)¹⁵⁹.

В этой группе материалов следует особо выделить по значимости сборник обычного права – «Кутюмы Бовези», что объясняется лич-

¹⁵⁸ *Gilles de Rome. De regimine principum...* II. II. 8. См. ст.: Krynen J. 1) Les légistes «tyrans de France»? Le témoignage de Jean Juvénal des Ursins, docteur in utroque // *Droits savants et pratiques françaises du pouvoir* (XIe – XVe siècles. P., 1992. P. 279–299; 2) Les légistes «idiots politiques». Sur l'hostilité des théologiens à l'égard des juristes en France, au temps de Charles V // *Théologie et droit dans la science politique de l'État moderne*. P., 1991. P. 171–198; *L'État moderne: le droit, l'espace et les formes de l'état* / Par. N. Coulet, G. Genet. P., 1990.

¹⁵⁹ *Li Livre de jostice et de plet* / Publ. d'après le manuscrit antique de la Bibliothèque Nationale par Rapetti. P., 1850; *Etablissement de Saint-Louis* // Publ. par P. Viollet. T. 1–4. P., 1881–1886.

ностью автора, сумевшего создать подобное произведение. Филипп де Реми, сир де Бомануар – хорошо образованный юрист и практик с богатым опытом крупного чиновника – балли графа Клермона, королевского сенешаля (в Пуату, Сэнтонже, Вермандуа, Турени и Санлисе), знакомого с работой Парижского парламента. Это солидный по объему и содержанию труд с выраженной личностной позицией его автора, которая обнаруживает себя в записях кутюм, судебных казусов и комментариев к ним, в воспроизведенной Бомануаром картине полицентризма в политической жизни Франции XIII в. («барон – король в своей баронии») и процессов его преодоления в пользу верховной власти, наконец, в «теоретических» рассуждениях о назначении и природе последней¹⁶⁰.

Группу юридических материалов дополняют правовые документы по более позднему периоду (XIII–XIV в.), которые содержат убедительные свидетельства нарастающего процесса оформления позитивного права и в целом государственного строительства. Это регистры Парижского парламента, отразившие не только притязания монарха на высшую законодательную и судебную власть, но и их реализацию в практике главного ведомства управленческого аппарата¹⁶¹.

К парламентским регистрам примыкает один из наиболее известных сборников-дневников, отразивший хронику судебной жизни, принадлежащий перу королевского адвоката Жана Лекока, представителя династии судебных и финансовых чиновников с длинной родословной (с XIV по XVIII в.). Почти протокольная запись дел рисует картину соотношения обычного и римского права, эволюцию судебной процедуры, в частности, созидательную роль последней в оформлении государственного права (юридический прецедент) и расширении сферы полномочий королевского суда¹⁶².

¹⁶⁰ *Beaumanoir Ph. de Rémi de. Coutumes de Clermont en Beauvaisis* / Publ. par A. Salmon: 2 vol. P., 1899–1900. Антология мировой правовой мысли. Т. 2. М., 1999. С. 452–463. Перевод на русский язык Н. А. Хачатурян раздела, посвященного теории королевской власти см.: Антология мировой правовой мысли. М., 1999. Т. 2. С. 453–459.

¹⁶¹ *Les Olim ou registres des arrêts rendus par la cour du roy* / Publ. par le comte A. Beugnot. Т. 1–3. P., 1839–1848. Начало изучению актов в отечественной медиевистике было положено в работе: *Хачатурян Н. А. Сословная монархия во Франции XIII–XV вв.* М., 1989.

¹⁶² *Questiones Johannis Galli* / Éd. par M. Boulet. P., 1944. Материалы «Дневника» систематизированы в рубрики в виде вопросов (questio) – отсюда его название.

В контексте интересующей нас темы яркий материал предоставили, казалось бы, несоединимые по типу источники – королевское законодательство¹⁶³ и произведения политической мысли. Однако они совпали в общей, хотя и разной по степени эффективности и средствам выражения, способности обеспечить для исследователя возможность проследить формирование новаций в образе короля – «императора в своем королевстве» и меняющемся облике государства.

В ряду политических сочинений объектом нашего внимания стал перевод и комментарии к «Политике» Аристотеля, осуществленный Н. Орезмом, епископом и мыслителем, одним из ярких участников знаменитого интеллектуального окружения Карла V¹⁶⁴. Политические трактаты представителя еще одной чиновной династии Ж. Жувенала Дезюрсена, – мэтра Палаты расследований и советника Парижского парламента, современника и конфидента Карла VII отразили в понимании им публичного долга критический настрой по отношению к реальности XV в. во Франции¹⁶⁵.

Политическая окрашенность нескольких художественных и поэтических произведений позволили оценить эволюцию, происходившую в «гражданском» сознании общества под влиянием государственного строительства и тяжелых испытаний, выпавших на долю страны в условиях гражданских беспорядков и войны¹⁶⁶.

Обращение к источникам в данной статье с основной задачей проблемного и обобщенного анализа будет носить информативный по преимуществу характер. В содержании формулы «король – император в своем королевстве», как показывает предпринятый анализ, присутствует двуединая направленность: против внешних сил, претендую-

¹⁶³ *Ordonnances des rois de France de la troisième race*: 22 Vol. P., 1723–1849; *Isambert F. A., Jourdan A. J., Decrusy*. Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la révolution de 1789: 29 Vol. P., 1822–1833.

¹⁶⁴ *Maistre Nicole Oresme*. Le Livre de Politique d'Aristote/ Publ. par A. D. Menut. Philadelphia, 1970. См.: *Хачатурян Н. А.* Аристотелевское понятие «гражданин» в комментариях Николая Орезма и социальная реальность Франции XIII–XIV вв. // *Хачатурян Н. А.* Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008. С. 139–155.

¹⁶⁵ *Écrits politiques de Jean Juvénal des Ursins* / Éd. P. S. Lewis. T. I. P., 1978; T. II. P., 1985.

¹⁶⁶ *Chartier A.* Le Quadriologue invectif / Éd. E. Droz. Paris, 1923; *Philippe de Mézières*. Le songe du Vieil Pèlerin / Éd. G. W. Coopland: 2 v. Cambridge, 1969; *Songe (Le) du Vergier* / Éd. M. Schnerb-Lièvre. 2 vol. P., 1993.

щих на ограничение независимости государей, т.е. папства и империи, – и второй, более важный в интересующем нас контексте смысл, связанный с пониманием прерогатив власти внутри страны, от которых, в конечном счете, зависела свобода государства и во внешних делах. Именно этот последний аспект и станет объектом нашей оценки.

Появление формулы «король – император...» знаменовал новый принципиально важный рубеж в процессе изменения содержательной части понятия «суверенитет», появившегося во французской политической практике в XII в. Оно фиксировало в сознании общества прежде всего вектор усиления власти монарха – процесс, как известно, весьма растянутый, нелинейный и потому трудно поддающийся формализации. Сущностный смысл процесса, однако, заключался в вытеснении сеньориальной природы власти государя, который в соответствии со сложившейся вассальной иерархией, консолидирующей политическую элиту общества (корпус земельных собственников), воспринимался не только как *oint du seigneur*, т.е. «помазанный, сакрализированный сеньор», но сюзерен «*fiefteux*» – верховный сеньор с властью, идущей от фьефа, свойственной и другим феодалам, и воспринимаемый поэтому только как «первый среди равных». Материальный источник власти, уподоблявший короля обладавшим политическим иммунитетом феодалам, сущностно, в своей исходной основе обнажал частную природу его права на доминацию.

Дерзкая формула «король – император» могла быть употреблена много раньше того времени, когда ее содержание получило действительное обеспечение реальными изменениями в природе и возможностях власти и государства. Исследователи находят ее, к примеру, в произведении «*Vie de Robert le Pieux*», созданном Гельгаудом де Флери, биографом и другом французского короля Роберта Благочестивого, которое появилось уже после смерти последнего с целью поддержки династии Капетингов в условиях оппозиции грандов¹⁶⁷.

Почти исходное и естественное стремление верховной власти к «абсолютизму», тем не менее, зависело в самом общем виде от двух условий: от лимитов со стороны общества – их природы, формы и масштабов, и от возможностей власти, которые определялись отнюдь не волей монарха. Для того чтобы понятие суверенитета, сформулирован-

¹⁶⁷ Droits savants et pratiques françaises du pouvoir (XI–XV ss.) / Sous la dir. de J. Krynen et A. Rigaudière. P., 1992. P. 45–46 (art. E. Bournazel).

ное Ж. Боденом в XVI в. (*absolu que rien ne lie* – власть никем и ничем «не связанная»), обрело действительно исчерпывающий самостоятельный смысл, французская монархия должна была пройти длинный путь становления публично-правовой государственности, получив в свое распоряжение средства управления, необходимые для того, чтобы реализовать высшую законодательную, судебную, финансовую и военную власть¹⁶⁸.

Примерно параллельно усложнению содержательного смысла в понятии «суверенитет» формируется представление о принципиальном равенстве статусов короля (*rex*) и *princeps*'а – термин, который употреблялся в римском праве в эпоху принципата и предшествовал по объему могущества понятию *dominus*, отразившему в свое время движение римской государственности к авторитарной власти в собственном смысле слова (эпоха поздней империи, или домината).

Во второй половине XIII в. в дебатах ученых юристов болонской и французской школ получает разработку мысль об уподоблении короля императору (понятие принцепса приложимо как к королю, так и к императору). Она звучит как альтернатива формуле об исключительном праве императора, которому все должны подчиняться («*solus enim dicitur iure imperator, sub que omnes debent esse*»)¹⁶⁹.

Благоприятную среду для появления и употребления формулы «уподобления» создавали многочисленные декларации в трудах теоретиков и юристов-практиков о полной независимости короля от какой-либо «внешней власти» – будь то папы или императора: король не должен держать власть ни от кого», пишет автор «Книги правосудия»..., «Король – это суверен в светских делах, его власть только от Бога», вторит ему автор «Установления Святого Людовика». Н. Орезм лишает императора права быть «мэтром мира»¹⁷⁰. Автор «*Songe du*

¹⁶⁸ Боден Ж. Шесть книг о государстве: «*Les six livres de la Republique*» / Ed. 1593 par G. Cartier publ. par Librairie Artheme Fayard. P., 1986. Перевод и комментарии к разделу Н.А. Хачатурян в сб.: Антология мировой правовой мысли. Т. 2. М., 1999. С. 313–340.

¹⁶⁹ Сицилийский юрист Marinus Caramanico в 1282 г. пишет: «*Quod principis nomen est comme tarn regi quam imperator*». В дебатах с J. de Blanot дана формула: «*Rex in regno suo est imperator*». Цит. по раб.: *Petit-Renaud S.* «*Faire loy*» au royaume de France de Philippe VI à Charles V (1328–1380). P., 2001.

¹⁷⁰ Li Livre de jostice et de plet. L. I, XVI § 1. P. 67; «*li roi ne doit tenir de nuil*»; «*Etablissements de Saint-Louis*». T. 2. P. 135, 369: «*il est souverains es choses temporien*», «*li rois ne tient de nuluy que de Dieu et de Luy*»...; *N. Oresme.* Le Livre... Livre V. Ch. 25. P. 291.

vergier» в ответ на папские амбиции называет французского короля императором в своем королевстве потому, что признает в качестве суверена на земле только Бога»¹⁷¹.

Очевидно, в желании смягчить радикализм новой формулы какая-то часть юристов вводит ограничения, отмечая, в частности, что император располагает своей властью «по праву» в противовес государям-монархам, которые действуют «по факту». В другом случае они оценивают достоинство императора как *superillustris* в отличие от только «знаменитого достоинства королей» (*illustris*) по аналогии с положением римских пап и кардиналов (юрист Baldus de Ubaldis, 1327–1400). Однако постепенно формула набирает обороты. Параллельно с посягательством на титул императора, короли апроприируют его достоинство «величия» – *majesté* (*majesté royale*). Естественным следствием этого притязания явилось оформление нового концепта в средневековой юридической практике преступления *lèse-majesté*, означавшего факт нарушения прав короля как частной и публичной персоны, если не воплощавшей, то представлявшей образ Бога на земле. Преступление рассматривалось в разряде *sacrilège* (грех святотатства)¹⁷².

В теории права и практике государственного строительства, отраженных в ордонансах и судебной деятельности, а также у авторов, взявших на себя функцию быть рупором общественного мнения, главным направлением в толковании формулы стали сюжеты, связанные с прерогативами власти, которые демонстрировали ее уникальность и абсолютное превосходство. Для обозначения такой власти считался недостаточным термин *auctoritas*, в римском праве и государственной практике он применялся в сфере административного (исполнительного) управления (власть производная – *derivé*). Более точным представлялся термин *potestas*, со смысловым оттенком полноты власти – *plena potestas*. По словам Фомы Аквинского, тот, кто не располагал *plena potestas*, мог рассматриваться только как консул или подеста, но не король¹⁷³.

¹⁷¹ Songe du Vergier. T. I. Ch. XLVI. P. 285: «aucun souverain en terre for Dieux seulement»; Ch. LXXX. P. 133.

¹⁷² *le Coq J. Questionnes Iohannis Galli; de Mézières Ph. Le Songe du Vieil Pèlerine; Songe (Le) du Vergier.*

¹⁷³ Fedou R. L'État au Moyen Âge. P., 1971. Strayer J. R. Les origines médiévales de l'État moderne. P., 1979; Krynen J. L'empire du roi. Idées et croyances politiques en France, XIIIe–XVe siècles. P., 1993; J. Krynen et A. Rigaudière (éd.) Droits savants

Главным показателем подобной власти являлось право давать закон и в этом качестве быть «живым законом» (*lex viva*)¹⁷⁴. Демонстрируя свою «всеядность», светская власть использовала каноническую доктрину политических притязаний папства, в частности для аргументации своего права законотворчества, апеллируя к папским декреталиям и глоссам канонистов, в которых говорилось о способности пап, подобно Богу, творить «из ничего» (*de nihilo facit aliquid*).

Основанием для обладания подобной прерогативой служила широко внедряемая и глубоко проникшая в сознание общества к XIV в. идея публичной природы королевской власти и ее публичного предназначения, под которым подразумевалась функция заботы о мире, справедливости и спокойствии в качестве залога общественного мира и процветания.

Вдохновляющим примером могла опять-таки служить деятельность римских императоров, которая, по словам юриста Бальдуса, имела целью «*bonam et utilitas rei publice, non private...*», и, конечно, опыт средневековых монархов, богатый возможностями демонстрировать необходимость общественной заботы в их акциях.

В контексте проблемы соперничества имперской и этнонациональной потестарной идеи именно этот последний опыт представляет специальный интерес, особенно, если мы можем отметить в нем наличие новаций и связанного с ними своеобразия как по условиям объективного развития той или иной страны, так и в силу индивидуального «творчества» ее монархов.

Творческое начало обнаруживает себя прежде всего неодинаковой реакцией западноевропейских стран на рецепцию римского права и на решение проблемы суверенитета верховной власти в каждой из них.

Проявленная странами свобода выбора в процессе рецепции права и последующая вариативность были, естественно, продиктованы конкретными особенностями их развития. Приняв и декларируя формулу «король – император в своем королевстве», Англия, тем не менее,

et pratiques françaises du pouvoir (XI–XV ss.). P., 1992. Ссылка на Ф. Аквинского делается по работе: *Petit-Renaud S. «Faire loy»...* P. 221.

¹⁷⁴ Мотивация была дана в доктрине имперской власти, якобы разработанной четырьмя докторами права в 1159 г. на рейхстаре в Ронкале, признавших Фридриха Барбароссу «живым законом»: «*Tu lex viva potestes dare, solvere, condere leges*». Достоверность факта и его оценка вызывает споры ученых, начиная с XIX в.

проявляла заметную сдержанность в отношении к римскому праву. Юристы Гленвил и Брактон акцентировали преимущественные позиции *droit naturel anglais* в его соотношении с римским правом¹⁷⁵. Джон Фортеस्कью в XV в. будет критиковать Францию за гибельное, по его мнению, для этой страны влияние римского права. Даже если признать действительно свойственное Фортеस्कью стремление подчеркнуть негативные, с его точки зрения, формы многих явлений в общественной жизни континентального соседа (например, разорительные размеры налогов во Франции XV в.), аргументированный исследователями факт более слабого влияния римских начал в историческом прошлом Англии в целом должен был сообщить исключительную значимость традициям обычного права.

Синтезный вариант развития Франции и жизнь ее южных провинций по нормам так называемого «письменного права» и сохранения выраженного римского компонента в этом регионе могло, казалось бы, радикализировать ситуацию с рецепцией. Тем не менее отмеченная особенность не помешала французскому государству с помощью легистов-теоретиков и практиков весьма осторожно и постепенно выстраивать политику по формированию общегосударственного права, не столько прямо отменяя обычаи (указы с частой оговоркой «*non obstanante*» обычаю; практика «прецедента», сохранявшая авторитет обычая), сколько оттесняя его и подчиняя «генеральному» обычаю.

Жизнеспособность Парламента в качестве высшего судебного органа страны, могущего доказать несостоятельность устаревшего обычая, благодаря процедуре «доказательства обычаев», обнаруживает себя уже на этапе, когда была завершена первая редакция кутюм многих провинций страны – Шампани, Бургундии, Нормандии, Амьена, Бовези. Поэтому судебное дело Дени Мишо, описанное Жаном Лекоком (*qu* 341), без единой сноски на ордонансы или кутюмы и с апелляцией исключительно к римскому праву, являло собой скорее уникальный и парадоксальный пример «писанного разума» (*ratio scripta*) для обучения юристов, чем свидетельство реальной правовой ситуации в стране.

Усилия монархов Карла VII (орд. 1453 г.), Людовика XI и Карла VIII по унификации права к концу классического Средневековья

¹⁷⁵ *Pollock F., Maitland F. The History of English Law before the Time of Edward I. Vol. I. London; Cambridge, 1887; Glasson E. Histoire des constitutions politiques, civiles et judiciaires de l'Angleterre: 6 vol. T. II. P., 1881. P. 49, 50; Gaudemet J. Les naissances du droit. P., 2001 (3 ed.).*

завершились юридическим признанием 300 кутюм, из которых только 60 являлись провинциальными. Наконец, попытка в конце XVI – начале XVII в. создания общего кодекса оказалось не по силам средневековому обществу¹⁷⁶.

В контексте творческой активности средневекового опыта в области политической жизни заслуживает, на наш взгляд, внимания выраженная расширительная способность в толковании содержательной стороны властной функции общественной охраны. В ней явно просматривается координация с процессом усложнения государственной структуры и ростом возможностей верховной власти: это ответственность и контроль за экономическим производством; за внутренней безопасностью и безопасностью границ, запрещение частных войн в период королевской войны; охрана государственного имущества; защита справедливости, строительство оборонительных укреплений, благоустройство и гигиена в городах, – вот неполный перечень обязанностей, относящихся к королевской «службе»¹⁷⁷. Расширение миссии общественной охраны стимулировало внимание юридической и политической мысли к концепту «необходимость» (*necessitas*)¹⁷⁸.

Из трех неперменных компонентов формулы, оправдывающей самый факт существования верховной власти – «необходимость» (*necessitas*), «полезность» (*utilitas*) и «общее благо» (*bien commun*), – пожалуй, именно первый выглядел свободным от налета декларативности, свойственной двум другим, что делало его более убедительным аргументом для ощущения нужности этой власти в общественном сознании. Ее «необходимость» в функции протектора и гаранта не исчерпывалась исключительными обстоятельствами в виде войны или

¹⁷⁶ Из 400 дел, описанных Ж. Лекоком – 50 решались с использованием правового принципа прецедента; изменение обычая предполагало ссылку на его противоречие генеральному обычаю: «... contra commune – princeps sententiam potest mutare». «Questiones»... qu. 374. P. 462–463. См. также: *Хачатурян Н. А.* Сословная монархия... С. 78–82.

¹⁷⁷ Ведущая идея королевского законодательства утверждала право монарха на «cure totale, régime et gouvernement principal de tous ses sujets», во имя «repos de nos suiez», «leur paix et tranquillité», чтобы «vivre en paix, justice et policé», «bien et utilité de la chose publique» («Ordonnances». Т. I. P. 35, 76; Т. XXI. P. 166; Т. XIX. P. 39, 672; Т. XVII. P. 170; «Questiones». qu. 205, 260, 312, 348, 349, – запрет частных войн).

¹⁷⁸ «Necessaires à la garde générale, tuition et defence de nos subjects, et à la seureté universelle de nostredit royaume» (Recueil. Т. VII. P. 194).

общественных волнений, будучи диктуема повседневной и многообразной потребностью членов сообщества в защите, посредничестве и справедливости. Более того, понятие «необходимости» рационализировало формулу назначения власти в целом, поддерживая (оправдывая) концепты «полезности» и «общего блага» рациональными, очевидными мотивами.

Наконец, именно мотив необходимости служил мотором процесса «материализации» феномена государственности, стимулируя формирование компонента «управления» (греч. – *polici*, лат. – *politia*, *policia* – фр. *policie*), призванного реализовать функции власти. В условиях свойственного феодализму легитимного полицентризма внедрение институциональных и нормативных форм в политическую жизнь имело особое значение для успешного преодоления верховной властью преград, которые выстраивал частный, корпоративный, локальный (провинциальный) иммунитет во взаимоотношениях монарха с обществом. Действенность государственного механизма являлась более эффективным, нежели политическая пропаганда, средством воспитания новой дисциплины ума у граждан, которую будет отличать в отношении к государству не только ощущение «осознанной необходимости», но и заинтересованности в нем.

Продолжая анализ поставленной нами проблемы преемственности опыта средневекового западноевропейского общества с античной государственностью и римским правом и вместе с тем его оригинальности, целесообразно также оценить характер *мотивации прав* верховной власти. Поиск в этом направлении может содержать материал, важный для понимания как возможностей, так и лимитов авторитарной власти в средневековом обществе. Обращение к законодательной деятельности монарха оправдывает это утверждение, поскольку связка власти в ее высшем проявлении с прерогативой законотворчества неразрывна. Последняя легитимизирует власть, обеспечивая и санкционируя высшую судебную функцию, право устанавливать и собирать публичные налоги, монополизировать контроль над армией (право *mani militari*)¹⁷⁹.

Правовая мысль и практика, политическое общественное сознание должны были ощущать двусмысленность ситуации, связанной с попытками толковать прерогативу верховной власти творить закон как

¹⁷⁹ «Nul empereur ou roi ne peut avoir plus d'auctorité que avoir puissance de faire loy». (Songe du Vergier. L. I. T. I. Ch. LXXXVI. P. 125).

исключительную. К тому же, ее можно было реализовать в крайней форме, отождествлявшей «закон» с «волей» монарха, согласно принципу, сформулированному еще в IV в. знаменитым римским юристом Ульпианом: «quod principi placuit legis habet vigorem» (или «princeps legibus solutus»)¹⁸⁰. Этот принцип подкрепляла убежденность средневековых людей в истинности, надежности и подлинности «знания» (*certa scientia*) государем того, что необходимо обществу.

Убежденность подпитывалась соответствующей пропагандой со стороны власти (*de nostre autorité royale et de certain science*). Дополнительные аргументы для толкования исключительности законодательной функции монарха обеспечивала еще одна уже упомянутая нами правовая максима, зафиксированная во введении Юстиниана к новеллам в VI в. и рассматривавшая государя как «живой закон» (*lex animata*)¹⁸¹. Вопреки побудительному импульсу формулы и ее привлекательности для авторитарной власти в подобном крайнем выражении она не стала общим достоянием в политике западноевропейских монархов.

Она не могла быть принята в Англии, где парламентская практика уже в XIII в. заявила о себе убедительными намерениями к ограничению королевской власти. Примерно с тем же эффектом действовали кортесы на Пиренейском полуострове. Во Франции, где законодательная власть короля институционально не была ограничена, формула, уподобляющая закон воле монарха, приобрела известную популярность, хотя в основном на уровне деклараций и пропаганды, в частности в правовых сборниках легистов практиков или рассчитанных на широкую аудиторию художественных и политических произведениях¹⁸². Даже в законодательных решениях французских монархов жесткие претензии сопровождают обычно смягчающие эту жесткость оговорки, в которых показательны и важны как природа и мера усту-

¹⁸⁰ Codes Institutes (1. 2. 6) du Digeste (1.4. 1 pr.).

¹⁸¹ Введение к Новеллам Юстиниана – 105. 2. 4. См.: Renaissance du pouvoir législatif et genèse de l'État / Sous la dir. de A. Gouron et A. Rigaudière. Montpellier, 1988; Petit-Renaud S. «Faire loy» au royaume...

¹⁸² Ж. Лекок об исключительных правах короля. См.: *Le Coq J. Questiones...* qu 64 (P. 80–81), qu 374; P. 462, 465; Li Livres de jostice et de plet («ce que plest au prince vaut loi») L I, III (Etablissements. § 1. P. 9); Le conseil de Pierre de Fontaines ou traité de l'ancienne jurisprudence française / Éd. A. J. Marmier. P., 1996. Appendice IX (Des constitutions et établissements aux prince). I. P. 447 (цит. по: *Petit-Renaud S. «Faire loy»...* P. 209: «ce qui plest au prince a force de loi»).

пок, так и просматриваемый в них импульс, идущий в конечном счете от общества.

В контексте мотивации прав верховной власти эти оговорки приобретают значение лимитов в деятельности последней. Они могли носить самый общий, хотя и принципиальный характер в виде указания на необходимость соблюдения «общего блага» (*bien commun, utilité commune*), что должно было формировать образ правителя, вызывающего почтение, но не страх, обеспечивавшего защиту, вселявшего надежду и отвечавшего желаниям своего народа. Подобная оговорка получает необычайно широкое распространение в общественном сознании и становится клише королевских ордонансов и документов судебной практики королевских служащих¹⁸³.

В рассуждениях об общественной пользе подчеркивается требование ее преимущественной позиции перед частной пользой, в котором слышится эхо политических теорий Платона и Аристотеля о назначении государства. В официальных документах почти дежурной является фраза о необходимости жалости и сострадания к народу, пребывающему в нищете (*pitié et compassion*).

Тем не менее конечной интонацией в решении вопроса об общем благе чаще всего и особенно в официальных документах оставался государь, которому, таким образом, предоставлялась свобода маневра.

Более радикальной выглядит позиция с постановкой вопроса о соотношении воли принца с разумом и законом. Правда, по мысли Фомы Аквинского, последний и являлся выражением разума. Однако апелляция к разуму способствовала привнесению правовых оснований и правового контроля в деятельность монарха, принципиально меняя представление о ее природе: не только и не столько сан, сколько его «служба». Подобное представление отделяло персону короля от прерогатив короны, подчеркивая ответственность и функцию «службы» в деятельности носителя власти, таким образом, предполагая если не необходимость, то возможность оценки ее качества и, следовательно, соответствия должности¹⁸⁴. Любопытно, что в новом пространстве

¹⁸³ Ордонанс 5 мая 1322 г. Карла IV о задачах правления: «en tel maniéré que à la loüange de Dieu et à la pais et tranquillité des subgiez et pour le bien et le profit commun (Ordonnances des rois de France. T. I. P. 766; Ibid. 769 (5 октября 1322).

¹⁸⁴ В формуле клятвы, которую дает французский монарх в процедуре коронации, он должен признать «la supériorité des droits et prérogatives de la couronne de France» и дать обещание никогда их не нарушать («aliénerai ni les céderai»).

публично-правовой жизни монарха рациональная мысль помогла сохранить мистический образ власти. Персонафикация власти не могла гарантировать престол от «плохого правителя» и даже тирана, но в правовой окраске спасала ее как феномен, сохраняя качества сакральности и вечности («король умер, да здравствует король!»)¹⁸⁵.

Следующий, более решительный шаг в процессе оформления лимитов для авторитарной власти в сфере правовой мысли отразил факт осмысления ею разности, расхождения понятий «общего блага» и «блага государства» в форме понимания его самим монархом.

Разведение этих понятий свидетельствовало о том, что правовая и политическая мысль начала выходить за рамки интереса только к государю и государственному управлению, обратив внимание на общество, его права и возможности. Этот сдвиг отразил процесс поиска компромисса власти и общества, результатом которого стала новая форма государственного устройства в виде монархии с сословным представительством. Он убедительно демонстрировал зрелость средневековых этнонациональных государств и потенциал их политического развития.

Появление сословных монархий было уникальным для того времени явлением, возникшим только на европейском континенте и неизвестным предшествующему историческому опыту. Новая политическая форма стала возможна благодаря социальным процессам самоорганизации общества, причем на общегосударственном уровне в виде сословий, который, в свою очередь, смог развернуться только в условиях централизации. Эта форма заметно расширила состав носи-

Автор «*Li Livre de jostice et de plet*» в качестве носителя правового начала и вместе с тем сторонника «полной» власти монарха вынужден поставить вопрос, отразивший противоречивость ситуации: «*Li princes n'es pas sus la loi, mes la loi sus le prince?*», заметив, что общественная польза не должна противоречить пользе народа (Ibid. L. I, II. § 3. P. 5; L. I, II. § 8. P. 9). Ограничительное толкование верховной власти дает Ювеналь дез Юрсен, утверждая, что фискальная политика поздней Империи не может быть примером для «свободных» франков: (Écrits politiques de Jean Juvénal des Ursins: tractatus 1452 a. «*Verba mea auribus*» / Éd. P. S. Lewis. P., 1985).

¹⁸⁵ В правовой практике французского общества этот принцип воплотился в формуле «мертвый хватает живого», «король умер – да здравствует король!» (Institutes coutumières d'Antoine Loysel. P., 1846. Livre I, III, 21; P. 32–34. См. также работу Канторовича: *Kantorowicz E.H. Les deux corps du roi. Essai sur la théologie politique du Moyen Âge à l'âge classique*. P., 1989.

телей общественной активности (акторов), придав последней институциональный характер: к ограничительной по отношению к верховной власти деятельности была подключена значительная часть свободного, но не привилегированного населения, конституированного как «представительный» орган, в целом на основе выборного принципа. Политическая и правовая мысль оформила требование общества па право «соучастия», если не в управлении государством, то в контроле за ним, выдвинув максимум: «что касается всех, должно быть одобрено всеми». Отвлекаясь от оценки социального качества и меры ограничительной функции сословно-представительных органов, в данном контексте важен самый факт их появления, отразивший социальную активность общественных сил. И контексте эволюции общественного политического сознания с толь же важен факт применения политической и правовой мыслью нормы о преимуществе публичных интересов над частными и поведении членов общества, формировавшей представление о «гражданине» как личности, которая должна была не только располагать правами, но и выполнять обязательства перед обществами.

Пожалуй, именно эти результаты, связанные с оформлением публично-правовой природы средневековой государственности, получили свое воплощение в особо выраженных формах в первую очередь именно в этнонациональных образованиях. Это сделало их наиболее ярким достижением политической эволюции средневекового общества, заложив базу европейских государств Нового времени, отразив потребности процесса национального самоопределения, а также обозначив вектор общего движения к гражданскому обществу¹⁸⁶.

Нашу попытку анализа проблемы соотношения двух принципов политического развития – имперского и этнонационального в варианте классического западноевропейского Средневековья, хотелось бы завершить двумя соображениями. Одно из них касается роли пространственного фактора в жизни политических структур. Перед любой из них – имперской и этнонациональной – стоит задача освоения территории, особенно на этапе возникновения политического сообщества. В любом случае решение этой задачи связано с объединительными целями, в содержании которых нельзя не отметить двуединую направ-

¹⁸⁶ Хачатурян Н. А. 1) Сословная монархия во Франции XIII – XV вв. М., 1989; 2) Европейский феномен сословного представительства. К вопросу о преддистории «гражданского общества» // Хачатурян Н. А. Власть и общество... С. 156–227.

ленность — движение «во вне...», т.е. рост территории сообщества в его внешних границах, и движение, условно говоря, «во внутрь...», предполагающее закрепление результатов движения. Два вектора объединительного процесса могут совпадать или расходиться благодаря преобладанию одного из них.

Объединительный процесс, воплощавший централизаторскую идею, развивается по преимуществу в направлении внутренней консолидации. Поэтому его характеристика должна быть выведена за пределы только пространственных параметров явления и тем более личностных оценок его организаторов, к примеру, наличия у них талантов военачальника или чувства меры и понимания, когда следует остановиться в своем завоевательном движении.

Процесс централизации предполагает глубокую консолидацию общества на уровне экономического, социального, политического и культурного единения, реализация которого зависит от совокупности глубинных объективных конкретно-исторических условий и условий преходящего значения. В этом смысле он в большей или меньшей степени противостоит универсализму.

Вместе с тем опыт средневековой истории позволяет говорить о вариативности обеих политических форм и, главное, подвижности границ между ними.

Этнонациональные государства могут на каком-то этапе стать имперскими образованиями, как это случалось в эпоху раннего Нового времени с Англией или Испанией. Новые империи реализовали своеобразную структуру, в которой политический центр существовал на дистанции от недавно завоеванных владений. С другой стороны, империи как многоэтнические и иерархические образования чреваты отделением от них и оформлением самостоятельных этнонациональных государств: договор 843 г. санкционировал этот факт в истории империи Каролингов. Таким образом, империям могут быть не чужды процессы централизации в рамках локальных территорий, что случилось с ведущей политической силой Священной Римской империи — Германией. Ситуацию отразило новое название имперского образования — Священная Римская империя германской нации, появившееся в XV в. Аналогичные процессы в ряду других условий готовили гибель Византийской империи.

Наконец, средневековая история показала возможность сосуществования универсалистского и этнонационального принципов в таком

варианте его воплощения, как цивилизационное объединение. Базой формирования западноевропейской локальной цивилизации стали объективные процессы, определившие известную близость в развитии этого региона, а также действенность и потребность внутренних связей, сложившихся в межгосударственных отношениях и сыгравших роль важного фактора в истории региона уже на этапе Средневековья.

ХАЧАТУРЯН Н. А.

КОРОЛЬ-SACRÉ В ПРОСТРАНСТВЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ДУХОВНОЙ И СВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ (морфология понятия власти)¹⁸⁷

Подъем специального интереса к сакральному измерению средневекового государства и королевской власти обнаружил себя в историческом знании в 80-е годы XX столетия, опозданием после появившихся тоже со значительным временным разрывом, двух работ, положивших начало этому интересу – М. Блока «Короли-чудотворцы» (1924) и Эр. Канторовича «Два тела короля» (1957)¹⁸⁸. Его основные результаты к настоящему времени сказались по преимуществу в разработках проблемы семантического поля в процедурах репрезентации королевской власти в виде антропологических или политико-правовых исследований. Он не мог, однако, не оказать воздействия на широкий спектр вопросов государственной и политической истории, в частности на проблему взаимоотношений духовной и светской власти, которые, как известно, составили одно из главных противоречий политической эволюции западноевропейского средневекового общества.

В настоящей статье мы отказались от рассмотрения истории конкретной борьбы или сотрудничества тех политических сил, которые

¹⁸⁷ Впервые опубликовано в: *Хачатурян Н. А. Король-sacré в пространстве взаимоотношений духовной и светской власти в средневековой Западной Европе (к вопросу о морфологии власти)* // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти / под ред. Н. А. Хачатурян. М., 2006. С. 19–28.

¹⁸⁸ *Bloch M. Les rois thaumaturges. Étude sur le caractère surnaturel attribué à la puissance royale particulièrement en France et en Angleterre.* P., 1927 (reéd. 1961; русс. пер. *Блок М. Короли-чудотворцы.* М., 1998); *Kantorowicz E. Les Deux Corps du roi: Moyen Age. Essai sur la théologie politique du Moyen Âge à l'âge classique.* P., 1989.

претендовали на верховную власть в масштабах как универсального христианского объединения, так и национального государства, т.е. притязаний императоров, монархов и пап, и попытались поставить ее в контекст сопоставительного социологического анализа самого явления «верховой власти»¹⁸⁹. Это побудило нас систематизировать материал в соответствии с теми компонентами, которые конституируют содержание понятия власти как реального доминирования: ее источники и компетенция, определяющие природу власти; ее механизмы, возможности и лимиты; формы регуляции поведения ведомых индивидов. Высказанные в статье соображения носят предварительный характер и отнюдь не исчерпывают затронутую тему.

Начну анализ с позиции, в которой было бы отмечено в первую очередь схождение (а не расхождение) светской и духовной властей. Оно определялось общим условием существования и той и другой в рамках *христианского общества* (*respublica christiana*) и господствовавшего в нем представления о божественном происхождении как основном источнике власти. «Всякая власть от Бога», – писал в Послании к римлянам апостол Павел (13: 1), – и отправление ее – источник власти на земле: «Всякая власть ему дана на небе и на земле» (Матф. 29: 18). Теизация властных отношений предполагала не только подчинение властей Божьему закону в целях спасения, но и граждан – земным властям, постольку последние рассматривались в качестве орудия Божественной справедливости (Римл. 13: 1 – 7).

Признанием сакральности происхождения светской и религиозной властей, пожалуй, исчерпывается констатация их единства; далее начинаются отличия и расхождения, связанные прежде всего с *основаниями*, или *компетенцией властей*. Их дихотомия была исходно зало-

¹⁸⁹ Вебер М. 1) Избранное: Образ общества. М., 1994; 2) Протестантская этика и дух капитализма. М., 1991; Психология восприятия власти. М., 2002. Вып. I; Философия власти. М., 1993; *Ellul J.* L'illusion politique. P., 1965; *État et Église dans genèse de l'État moderne: Actes du colloque organisé par le Centre National de la Recherche Scientifique et la Casa de Velasquez. Madrid, 1984 / Par J. Ph. Genet, B. Vincent. Madrid, 1986; L'État ou le roi. Les fondations de la modernité monarchique en France (XIV–XVII siècles) / Table ronde du 25 mai 1991, organisée par N. Bulst, R. Descimon et A. Guerreau. P., 1992; *Foucault M.* Surveiller et punir. P., 1975; *Kantorowitch E.* Mystères de l'État. Un concept absolutiste et ses origines médiévales (bas Moyen Âge), 1955 / Trad. fr. // Idem. Mourir pour la patrie et autres textes. Présentation de P. Legendre. P., 1984; *Quillet J.* Les clefs du Pouvoir au Moyen Âge. P., 1972.*

жена двойственностью человеческой природы, объединяющей душу и тело.

Духовная и светская власть разделились по объекту своего воздействия (власть над душами людей в одном случае и телом в другом), а также по средствам их реализации. Духовная власть в качестве высшего духовного и морального авторитета должна была использовать главным образом морально-этические механизмы воздействия, обращенные к совести людей и рассчитанные на добровольное подчинение.

Светская власть, *регулирующая* и *гарантирующая* земное существование человеческого сообщества – располагала правом принуждения, т.е. политической властью. Она использует для этого не только сознательный расчет действий и последствий, но волю, предполагавшую жесткое подчинение действий целям, чтобы не стать недееспособной или неактивной. Истоками мудрости правителя, согласно Библии, служили человеческий опыт и размышления, вдохновленные Богом. Светская власть, согласно христианскому вероучению, являлась носителем дара Божьего.

Провозглашенная папой Геласием (492–496) гармония двух властей, согласно которой епископы в светских делах должны были подчиняться королевской власти, а монархи в делах, касающихся религии – епископам, оказалась утопией. Само различие в компетенции неизбежно определяло «неравность» сторон, диктуемую в соответствии с христианством зависимостью телесного начала от духовного и, следовательно, более значимым авторитетом последнего. Более того, парадокс ситуации заключался в том, что обе стороны в этой связке обнаруживали выраженную тенденцию к «смешению породы». Особый интерес в контексте поставленной в статье задачи представляет поведение духовной власти, с ее претензиями на вмешательство в светские дела. Они ярко демонстрируют непреложное условие, без которого не может существовать власть, претендующая на могущество, точнее *доминацию* в мире. Последняя невозможна без обладания политической властью и политическими функциями.

Последняя невозможна без *обладания политической властью* и политическими функциями. Начало конституированию религиозной власти и ее движение в сторону политических притязаний было положено признанием христианства в Римской империи, которое способствовало возникновению церковной организации с внутренней иерархией, возглавляемой римским епископом, ставшим папой.

В нестабильной политической ситуации существования варварских королевств после гибели Западной Римской империи организация сумела набрать силу для того, чтобы выдвинуть теократическую программу с характерной для нее идеей супрематии духовной власти, используя для этого известные античности понятия, обозначающие «власть». Однако в императорском Риме в иерархии понятий имелся в виду объем могущества *auctoritas* как безусловная власть верховного правителя и *potestas* – та, которую он делит с магистратами. Папа Геласий сделал первую попытку поставить эту иерархию понятий в контекст взаимоотношений церкви и государства. Позже теологическая мысль тщательно разработает содержание понятий, определяющих различие властей: духовная – *auctoritas* – как источник законности, полная или фундаментальная власть (*plena potestas, puissance fondatrice*), которой обязан подчиняться всякий человек во имя спасения души, включая короля и императора; и *власть светская* – *potestas*, власть факта, управления (администрации). В XIII в. Жиль де Ром, защитник духовного авторитета в трактате «*De ecclesiastica potestate*», употребит другие термины с той же идеей супрематии церкви: власть духовная – *possession, exercice du dominium, dominium supreme*; светская – *dominium utile* или *administratio*. *Dominium utile* – власть полезная, исполняемая надлежащим образом, в силу собственных принадлежавших ей прав, но не для *собственных личных целей*.

Григорианская реформа католической церкви и борьба пап с императорами в XI–XIII вв. существенно *политизировали духовную власть*. Усилиями нескольких пап – Григория VII, Иннокентия III, Иннокентия IV и Александра III – она внедряла принцип «*plenitudo potestatis*» понтифика внутри церкви и в мире, действуя средствами отлучения и низведения суверенов с трона и спекулируя на теме «трансляции империи» в ее теократической интерпретации (энциклика «*Eger cui levias*», 1245). В контексте теологических обоснований церковь ссылалась на двойной суверенитет Христа, объединяющий духовное и светское царства, суверенитет, который папы получали в наследство в качестве викариев апостола Петра, в свою очередь обладающего статусом викария Христа. В этом ряду мог упоминаться ветхозаветный Мельхиседек, который в Библии толкуется как некий прообраз Христа, предшественник царя Давида, объединявший в себе две природы царя и священника.

Светская власть в период «теизированной государственности», до подъема централизованных национальных государств, несмотря на им-

перские амбиции Карла Великого (800–814), Генриха IV (1056–1106), Фридриха Барбароссы (1155–1190) и Фридриха II (1220–1250), – в целом уступала в соперничестве по реализации политических притязаний папству.

Однако предположительно с VI или (по мнению некоторых исследователей) VII в., начинает формироваться очень важная для светской власти практика помазания (onction) королей и императоров. Она не только подтверждала избрание суверена или наследование им статуса, но существенно расширила границы представления о сакральной природе светской власти, прибавив убедительности факту обладания им божественной благодатью по праву, если можно так выразиться, «происхождения» власти.

Исследователи просматривают в обряде германские корни (помазание вестготских королей при коронации) и ирландские корни (свидетельства аббата Ионы (679–704) – автора «*Vita Columbae d'Adomnan*»), однако вдохновлен он был практикой освящения ветхозаветных царей, избранных Богом стать Его орудием: Саул и Давид были помазаны священнослужителем Самуилом, Соломон – священнослужителем Садоком.

Двусмысленность, исходно заложенная в процедуре, опять-таки допускала возможность ее толкования в пользу обеих властей. Поскольку светский суверен принимал помазание из рук церкви, процедура подчеркивала факт посредничества последней между Богом и государем. Однако и освящение царя, подтверждая его богоизбранность, позволяла светскому государю настаивать на своих прямых связях с Богом, рассматривая себя самого в качестве посредника между Богом и людьми.

Была ли поднята процедурой «*par sacre*» светская власть в ранг священства (*dignité sacerdotale*)? Эта проблема станет объектом специального рассмотрения в ряде многочисленных работ¹⁹⁰. Одним из аспектов

¹⁹⁰ *Beaune G.* Naissance la nation France. P., 1985; *Bickerman E.* «Consécration», le culte des souverains dans l'Empire romain // *Entretiens de la Fondation Hardi*. XIX. Vancouver; Genève, 1972; *Boureau A.* Le simple corps du roi. L'impossible sacralité des souverains français XV–XVIII siècles. P., 1988; *Brown E. A. R.* The Monarchy of Capetian France and Royal Ceremonial. L., 1991; *Davallon J., Dujardin Ph., Sabatier G.* Le geste commémoratif. Lyon, 1994; *Dumézil J.* L'idéologie tripartite des Indo-Européens. Bruxelles, 1958; *Giesey R. E.* 1) Le Roi ne meurt jamais. Les obsèques royales dans la France de la Renaissance: trad. fr. P., 1987; 2) Cérémonial

проблемы является сравнительное сопоставление вариантов соотношения светской и духовной власти в Римской империи, Византии, России и на Востоке. Были выделены две модели развития: монарх обожествленный (живой Бог) – в Японии, Китае, или обожествленная *власть* монарха, – модель, к которой отнесли Западную Европу. Особенности последней составят: дивинизированная светская власть, ее связанность с духовной властью, но не их смешение; возможность признания субординации в контексте «спасения» и посредничества церкви. Даже во Франции, где «наихристианнейший» монарх располагал исключительным вариантом процедур помазания и коронации¹⁹¹ и обладал после процедуры помазания даром исцеления (подобно английским королям), а династия Капетингов имела своего святого (Людовика IX) – король не был уподоблен Богу, оставаясь в статусе светского лица. Но как бы то ни было, процедура помазания создавала дополнительное напряжение во взаимоотношениях с клиром. Церковь пыталась подчеркнуть разницу в процедуре *onction* короля и епископа, стремясь снизить меру сакральности верховной светской власти. Не случайно проблемы соотношения светских и церковных элементов в процедуре коронации, соотношения коронации в собственном смысле слова и посвящения (*coronation* и *consecratio*) стали весьма перспективным направлением в исследовательских поисках современных историков. Анализ характера обещаний короля церкви – и обществу; проблема упоминаемого в процедуре «согласия народа» (*consensus populi*); «технология» помазания (места помазания и последовательность процедуры); степень участия светских лиц в акции водружения на голову короля короны; выявление аналогии в символах королевской и епископской власти, – таков круг изучаемых в литературе и несомненно важных вопросов, связанных с проблемой взаимоотношений светской и церковной власти. В этих сюжетах, очевидно, невозможны обобщения – процедуры коронации

et puissance souveraine. France, XV–XVII s.: trad. fr. P., 1987; *Heers J.* Fêtes, jeux et joutes dans la société d'Occident à la fin du Moyen Âge. P., 1982; *Jackson R. A.* «Vivat rex!» Histoire des sacres et couronnement en France (1324–1828). P.; L., 1984; *La royauté sacrée dans le monde chrétien* / Éd. A. Boureau et C.S. Yngerflom, P., 1992; *Le Sacre des rois: Actes du Colloque international d'histoire sur les sacres et couronnements royaux.* Reims, 1975.

¹⁹¹ В процедурах был апроприирован казус, якобы имевший место при крещении Хлодвига, когда священный елей в Реймский собор принес святой дух в виде голубки.

и помазания весьма конкретны. Но в качестве самого общего соображения уместен и корректен вывод о том, что процедуры coronation и consecratio трансформируются под влиянием конкретной ситуации и в соответствии с общей эволюцией средневекового общества, в дальней перспективе которого светский элемент должен был приобретать большую весомость, а религиозный испытывать изменения, – процесс, который М. Вебер назвал «расколдовыванием мира». В обществе, пережившем Реформацию, которая провозгласит культ индивидуальной веры, а монархи в ряде случаев возьмут на себя функцию главы церкви, хотя и без статуса священника, процедура помазания, очевидно, приобретет характер мистерии.

Теизация политической власти, сыграв исключительную роль в становлении средневекового авторитаризма, была тем не менее не единственным фактором его истории. На определенном этапе ее значение начинает теснить *право*. Особенно на этапе трансформации обычного права – казуального, нацеленного не столько на нововведения, сколько на «воспоминания» с практикой, не предполагавшей расследование, которое заменяли «божий суд» и клятвенные формулы. Рецепция римского права стимулировала амбиции светской власти, претендующей реанимировать принцип: «король – источник права», и тем самым открыла этап секуляризации государства и движение последнего по пути от монархии теизированной к монархии «юридической». Правом опять-таки могли воспользоваться и воспользовались три верховные силы, стремящиеся к политическому доминированию – папство, императоры и монархи. Удивительным образом, первые две из названных политических сил терпят поражение, очевидное уже ко второй половине XIV и в XV в. Несколько событий и документов символизируют эту ситуацию: Золотая Булла 1356 г. С узаконением выборов императора и политической власти территориальных принцев в Германии; Прагматическая санкция во Франции XV в., демонстрирующая процесс автономизации национальных церквей; и, наконец, Соборное движение, поставившее под контроль национальных государств власть Рима и местные церкви.

Подобное совпадение печальных итогов политических притязаний императоров и пап, безусловно, неслучайно. Они уступают монархам, за спиной которых находится более или менее централизованная страна. Следовательно, эффективность права в качестве источника и средства власти определялось возможностью власти «пустить корни»

в пространственную и, очевидно, более или менее консолидированную этническую почву. Таким образом, фактор «территории», точнее его практическое отсутствие в случае с папской властью (поскольку нельзя всерьез воспринимать «светское государство» пап) или нарушенная (превышенная) мера объединения земель и народов в случае с Империей, можно считать важным условием успеха или поражения политической власти.

С помощью права конституируется еще один важный компонент власти, ее «организация» или точнее, новый уровень «организации» и связанное с ним «наращение порядка», – особенно заметные в условиях централизирующегося государства. Речь идет об оформлении таких генераторов и механизмов власти, воплощенных в деятельности соответствующих институтов, как юстиция, армия, финансовая система, исполнительный аппарат. Право и институты существенно расширяют основания власти (теперь не только священное происхождение), а также содержание власти, меняя ее природу. С их вполне материальной, зримой помощью королевская власть апеллирует не столько к сознанию подданных, сколько ставит последних перед необходимостью принимать эту власть, не только подчиняться ей, но и прибегать к ее авторитету. Библейская установка для власти на ее ответственность за благо подчиненной группы – в новых условиях приобретает очень сильный дополнительный публично-правовой опенок: акцент на аспекте «службы» короля обществу, на «общей пользе» как цели используемого королем права «общей охраны», а также на принципе неотчуждаемости прав публичной власти. Обретение властью публично-правового характера, подкрепленное ростом материальных и институциональных возможностей, делает более эффективной реализацию ею принуждения и протекции. Империи и папству остается возможность скорее *политического влияния*, осуществляемого с помощью политики и дипломатии, использования игры политических сил, результаты которой могут сыграть злую шутку с одним из игроков. Любопытный пример вечной и не всегда предсказуемой игры в сфере политики дает булла Иннокентия III в 1202 «*Per Venerabilem*», декретирующая право французского короля на политическую автономию от власти империи, имевшая любопытные последствия. Ровно через сто лет другой французский король, инвестировав себя прерогативами императора в королевстве, бросит призыв к церковному собору с целью

суда над папой Бонифацием VIII, который станет знаком последующего ограничения власти Рима соборным движением.

Любопытно, что монарх, в качестве «публичной власти» апеллируя к обществу и отвечая на его потребности в порядке и протекции, ни в коей мере не отказывался от своей сакральной природы – этого вечно присущего ему в восприятии человеческого сообщества качества, во всяком случае с момента обретения последним способности к абстрактному мышлению и выработке понятий. Комбинация объяснялась, очевидно, как религиозным сознанием общества в рамках средневековой истории, так и вполне прагматичным и гибким расчетом власти на это самое религиозное сознание подданных. В пропаганде, пожалуй, менялись акценты с целью снижения факта посредничества церкви в процедуре коронации и подчеркивания идеи божественного происхождения светской власти.

Сила государственных институтов и политических союзников внутри страны подвигали монархов в качестве «защитников» церкви и веры раньше или позже внедряться в сферу церковной жизни, ограничивая, а в ряде случаев ликвидируя автономию клириков в вопросах юстиции и имущества. При этом правительственные чиновники, наиболее ревностные защитники интересов короля, балансируют где-то на границе западной и восточной модели сакральной природы монархии, почти уподобляя монарха священнику (*roi spirituel et sacerdotal*).

Светская власть любопытным образом апроприирует в домене государственного управления сакральную идею «пристечения власти» от Бога, согласно которой власть может быть только уступлена действительным ее носителем и источником при сохранении исходных прерогатив. Идея выходит за рамки только обоснования ею божественного предназначения монарха и оказывается включенной в практику исполнительного аппарата, органично сочетаясь с принципом иерархичности в структуре последнего и демонстрируя «всеядность» власти.

Морфология понятия политической верховной власти, очевидно, должна включать и личностный компонент. Сохраняя социологическую направленность анализа, речь в этом случае могла бы идти о «знании» как сознательном расчете действий правителя в формах регуляции поведения и положения индивидов и общества в целом. Подобное определение личностного компонента предполагает расширительное толкование, включающее констатацию качества правителя, которое в библейском понимании его задач названо мудростью

и уже как следствие ее – результативную политику власти, в которой эта власть могла бы не только грамотно ответить на вызовы времени и объективной действительности, но и в известной мере конструировать новую реальность.

Существуя всякий раз в меняющемся и быстротекущем по времени пространстве субъективного творчества отдельных носителей власти, этот компонент являлся тем не менее постоянной, хотя и достаточно парадоксальной константой, поскольку, видимый (очевидный) даже для современников, он обнаруживал себя как в факте своего наличия, так и в факте отсутствия – естественно, с разными последствиями. Таким образом, к неперменным компонентам власти – кровь (преемственность), сакральность, право и организация (институты, «территория») – целесообразно добавить субъективный компонент в виде ее «знания» или умения быть адекватной обстоятельствам.

С личностным компонентом формулы власти связана одна из форм креативности правителя, наряду с формированием государственного права, реформированием военных сил, исполнительного аппарата и т.д. Ею является организуемый им политический театр власти, включавший пропаганду образа государя и правления в целом, а также репрезентацию богоизбранности власти, ее могущества, величия и блеска, т.е. тех средств, которые обеспечивали харизму ее носителя. Все эти элементы, связанные с личностью правителя, в конечном счете выстраивали прямо или опосредованно его личностные отношения с обществом. Поэтому желательная для любой формы власти и во все времена харизма, продуманно создаваемая ею, а также естественно возникающая в обществе и часто вопреки намерениям ее носителя, кажется особенно необходимой в условиях авторитаризма с присущей ему, отчетливо персонифицированной ответственностью.

В эволюции содержания понятия власти в рамках затронутого в статье периода – до конца XV в., несомненно, заслуживает специального внимания получившее под влиянием идей аристотелизма представление о государстве как плоде естественного развития общества (Jean de Paris, 1302 «De potestate regia et papali»)¹⁹². Само обращение к этим идеям стало ответом на процессы консолидации и активизации общественных сил, происходившее в Западной Европе начиная с

¹⁹² Jean de Paris. De potestate regia et papali / Éd. J. Leclercq // Jean de Paris et l'ecclésiologie du XIII siècle. P., 1942.

XIII в., нашедшие наиболее яркое воплощение в системе сословного представительства¹⁹³.

Эта практика существенно поколебала представления о форме верховной власти, точнее условиях ее реализации, обогатив последние компонентами выборного управления на общегосударственном уровне и создав ситуацию особенно отчетливо просматриваемую в Англии, где парламент соучаствовал во власти. Отмеченные новации обозначили печальную дальнюю перспективу светской авторитарной власти. Позже, чем церковная власть в условиях Реформации, но и монархия на этапе абсолютизма, когда ее возможности выглядят безграничными, окажется в тяжелой ситуации перед лицом общества, пытавшегося претендовать на народный суверенитет. В ряде случаев уже в XVII в. и далее в XVIII в. эти попытки были реализованы в республиканской форме государственного устройства в Голландии, или в форме конституционной монархии в Англии, разрушивших казавшуюся неразрывной связку трех функций – законодательной, судебной, исполнительной, свойственную авторитарной светской власти.

¹⁹³ *Хачатурян Н. А.* 1) Сословная монархия во Франции XIII–XV вв. М., 1989; 2) Аристотелевское понятие «гражданина» в комментариях Н. Орезма и социальная реальность во Франции XIII–XV вв. // От средних веков к Возрождению: сб. в честь Л. М. Брагиной. СПб., 2003.

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

ХАЧАТУРЯН Н. А.

ВЕЛИКАЯ ХАРТИЯ ВОЛЬНОСТЕЙ. ДОКУМЕНТ И ЗНАКИ ВРЕМЕНИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИОПИСАНИЯ¹⁹⁴

800-летие Великой хартии вольностей (1215) побудило научное и политическое европейское сообщество вспомнить и отметить его юбилей. Получивший жизнь на Британских островах, документ действительно перешагнул не только территориальные, но и временные границы английской средневековой истории, в частности благодаря нетрадиционной для того времени постановке вопроса о правах человека в обществе¹⁹⁵. Именно этот сюжет вызовет в исторической науке более всего споров и критики трудов либеральных историков XIX в., которых справедливо упрекали в идеализации и модернизации документа. Не повторяя подобных ошибок, нельзя, тем не менее, не признать многих неординарных особенностей в его форме и содержании. В частности, в документальной практике того времени редкостью выглядит столь широковещательная форма хартий, обычно санкционировавших в духе легального средневекового полицентризма дарованные

¹⁹⁴ Впервые опубликовано в: *Хачатурян Н. А.* Великая хартия вольностей. Документ и знаки времени в контексте историописания // Средние века. 2016. Вып. 77 (1–2). С. 49–61.

¹⁹⁵ «Ни один свободный человек не будет арестован или заключён в тюрьму, или лишён имущества, или объявлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо (иным) способом обездолен и мы не пойдём на него и не пошлём на него иначе как по законному приговору его пэров и по закону страны...» (*Петрушевский Д. М.* 1) Великая хартия вольностей. Конституционная борьба в английском обществе во второй половине XIII века. СПб., 1918; 2) Очерки из истории английского государства и общества в средние века. М., 1937; *Stubbs W.* The Constitutional History Parliament of England. Oxford, 1906; *Maitland F. W.* Constitutional History of England. Cambridge, 1908).

или отвоёванные вольности отдельным городам, церковным или сельским общинам, провинциальному дворянству¹⁹⁶.

Более того, содержание Великой хартии вольностей позволяет говорить о «феномене одного документа», сумевшего отразить знаковую в историческом плане информацию. В своей статье я хотела бы остановиться на одной, но весьма острой, вечной и потому актуальной проблеме в политической и государственной истории. В определённой степени именно она объединяет многозначную информацию в документе и является едва ли не главной в нём – проблеме соотношения власти и общества. Тогда, в Англии XIII в., через 50 лет после появления Великой хартии вольностей, и чуть раньше или позже в других странах Западной Европы, эта проблема получила воплощение в новой форме средневековой государственности – сословно-представительной монархии. Её отличительный признак – сословно-представительный орган – своего рода «средневековый парламент», предвосхищал и, в известной мере, вновь готовил «повторное» вхождение в мировой исторический процесс новой формы выборной верховной власти (республиканское устройство и парламенты Нового времени). Масштабность этих общих для Европы процессов, заметно менявших облик средневекового общества, в информации документа нашли отражение в весьма скудных данных, которые, тем не менее, могут объяснить долгую историческую память о нём. Предпринятая нами попытка дать эти объяснения – в соответствии с побудительной мотивацией появления самой статьи – будут носить общетеоретический характер, который не исключает, тем не менее, необходимой базовой конкретики.

Для решения поставленной задачи в статье будут затронуты три позиции.

Первая из них касается проблемы корпоративизма и его роли в качестве условия возникновения сословно-представительного режима. Импульсом для активизации процесса корпоративизма в XIII в. стала специфика общественного конфликта в Англии в 1215 г., острота которого в контексте внутренних параметров и международном положении страны (злоупотребления со стороны центральной власти, создававшие в общественном мнении образ короля-деспота, противоречия в отношениях с Римским престолом и Францией...) сделали «народ», пусть на время, но участником серьёзной оппозиции, облегчив тем самым

¹⁹⁶ Deew K. Magna Carta. L., 2004.

победу политической элиты – лордов – в качестве ведущей силы общественного сопротивления, желавшей изменить политическое устройство в свою пользу. Обращает на себя внимание организованный характер коллективных действий политической элиты по ограничению власти монарха, что делает ситуацию достаточно необычной в эпоху полицентризма. Полицентризм, т.е. дисперсия политической власти в руках крупных земельных собственников в качестве знака оформления феодальной структуры, будучи не только органичным, но легальным явлением в средневековом обществе, объяснялась особенностью самой общественной системы, экономический механизм которой мог функционировать только с помощью политико-юридических средств принуждения. Слабость монарха в условиях патримониальной формы государственности усугубляла ситуацию: источником политических и экономических возможностей короля служил не столько его публичный статус верховной власти, сколько размер земли, которой он обладал, что уподобляло его частным земельным собственникам. «Король *fieffeux*» – только «первый среди равных». Оппозиция ему в этих условиях приобретала чаще всего форму политического заговора, в котором та или иная часть феодальной элиты решала по преимуществу свои частные интересы.

В интересующем нас случае противостояния монарху лорды выступили как самоидентифицирующая себя коллективная сила. Их победа была закреплена правовым договором; специальные институции, органы власти и контроля за действиями короля – закрепляли их право на вооруженное сопротивление в случае нарушения договора (параграф 63).

Скупые отголоски восприятия авторами Великой хартии вольностей корпоративного процесса, происходящего в непривилегированной среде (факты профессионального и юридического деления), присутствуют в рекламациях документа о правах членов сообщества, где помимо лордов и рыцарей упоминаются купцы, свободные – крестьяне («свободное держание») и даже вилланы (лично зависимые крестьяне параграф 38); специальная статья декларирует для всех свободных право пользования «судом пэров» – т.е. право «своего суда» для каждого страта в обществе.

В интересующем нас аспекте анализа приведенные факторы оцениваются как показательные только в контексте общественных настроений и сознания.

Нельзя не признать, что попытка внутренней консолидации широкой общности земельных собственников в целом была известна и ранее, уже в период становления средневековой общественной системы не только Англии, но и других стран Западной Европы. На тех территориях, где размеры государственной собственности заметно уступали частному сектору и где утвердилась форма условной земельной собственности, сложилась, практически опытным естественным путем, внутренняя иерархия этой общественной группы, подкреплённая правовыми контрактными отношениями. И тогда этот результат стал органичной, в какой-то мере осознанной линией поведения, обеспечившей существование системы в определённых конкретно-исторических условиях и ставшей «общим делом» ведущей силы социума. В этой среде с помощью людей церкви и легистов, в рамках существующей и создаваемой этики и правовых установлений, были оформлены и закреплены договорные отношения с взаимными обязательствами сеньоров и вассалов, выработаны нормы рыцарской этики и статуса благородства.

Приведенные примеры «самоопределения» и идентификации могут показаться обыденными формами традиционной сущностной особенностью доиндустриальных обществ – корпоративизма, т.е. естественного неперемennого включения человека в коллектив как условия его жизни и деятельности, возможности отвечать на вызовы времени.

Однако следует иметь в виду, что явление средневекового корпоративизма, с XIII в. обозначившего начало процесса модернизации общественной системы, в большинстве стран Западной Европы приобрело не только исключительные организационные формы, но получило жизнь в пространстве социально-политической самоидентификации общественных сил и их политической активности¹⁹⁷.

¹⁹⁷ Helmholtz R. Magna Carta and the ius commune // The University of Chicago Law Quarterly. 1999. Vol. 66; *Хачатурян Н. А.* Средневековый корпоративизм и процессы самоорганизации в обществе. Взгляд историка-медиевиста на проблему коллективного субъекта // *Хачатурян Н. А.* Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008. С. 31–45; см. там же раздел «Проблемы социальной истории средневековой Европы» с анализом корпоративной самоорганизации в среде горожан (С. 62–91), социальной организации французского крестьянства и его положение в системе сословной монархии (С. 92–116), а также внутренней стратификации дворянства (С. 132–138). См. также: *Хачатурян Н. А.* Европейский феномен сословного представительства. Раздел 3: Процессы сословного самоопределения // *Хачатурян Н. А.* Власть и общество... С. 178–188.

Приведённый нами факт ранней самоорганизации земельных собственников, неразрывно связанный с их политическим потенциалом, был, тем не менее, продиктован в первую очередь экономическими интересами – задачей реализации и сохранения прав членов группы на основную тогда форму собственности. Этот процесс проходил в рамках становления, точнее завершающей его стадии, новых общественных отношений. Великая Хартия вольностей открывала новую страницу в социально-политической истории Средневековья, обозначив новый этап в формах общественной активности на этом отрезке времени, но не надолго, и только для ограниченной части общества – лордов. Невыразительность притязаний и обретений в области прав и статуса у дворянства и непривилегированных членов сообщества, в первую очередь горожан, – в Великой хартии вольностей отражала не столько реальную картину процессов социально-политической истории, сколько факт авторства документа.

С XIII в. реальность средневекового корпоративизма в Западной Европе отличало его превращение в массовое движение, охватившее с разной степенью выразительности основные общественные слои социума в качестве формы их самоидентификации и активности. Для движения в целом был характерен волевой инициативный и осознанный настрой его участников, что обеспечило явлению подтверждённую правовыми документами институциональную завершённость. Письменная правовая хартия становится знаком этого движения в общественной жизни в целом.

Росла и претерпевала изменения внутренняя стратификация в среде земельных собственников – процесс, который могли вызывать формы и размеры земельной собственности, титулатура и место в иерархии, возможная автономизация мелкого и среднего дворянства, сопровождаемая ростом его значимости и активности в экономической и политической жизни, наконец, увеличение числа рыцарских или церковных орденов.

Не снимая возможных внутренних противоречий и их роста, процесс в конечном счёте умножал до определённого периода экономический и политический потенциал общности в целом.

Для понимания специфики корпоративного процесса в его западноевропейском варианте особый интерес представляет ситуация в непривилегированной и, в частности, в экономически зависимой, но лич-

но свободной части общества. Это возникновение и рост ремесленных цехов и торговых гильдий, призванных обеспечивать не только экономические, но и политико-правовые интересы их членов, оформление особых по экономическим функциям и социальному составу прослоек патрициата и бюргерства в городах и их борьба за руководящую роль в городском управлении, судебные и административные вольности городов и роль последних в обретении городами прав коммуны. Движение захватывает аграрный мир – сельские общины возрождают исходно присущую им социальную функцию, переуступленную земельному собственнику в рамках сеньории на этапе наиболее тяжёлых форм зависимости в период раннего Средневековья; какая-то часть сельских общин получают права сельских коммун.

Высокая оценка корпоративизма как средства самоопределения и социально-политической активности общественных сил не может скрыть лимитов и слабостей этого явления, которые объясняются природой средневековой общественной структуры. Преодоление мелкого производства в экономике и полицентризма в сфере политической жизни в качестве её сущностных особенностей станет возможным только в Новое время.

Именно эти особенности будут определять в реальной жизни Средневековья крайнюю дробность общественных сил, которые в сознании средневекового человека, в соответствии с давней западноевропейской теорией тройственного функционального деления сообщества, определялись и воспринимались как «сословия» (*état, estate, stand*) «молящихся» (*oratores*), «сражающихся» (*bellatores*) и «трудящихся» (*laboratores*).

Многоуровневая и гетерогенная природа «корпоративного» объединения будет разрывать сословную цельность разнообразием профессиональных занятий, принципами сеньориально-вассального права или церковной дисциплины, местными и региональными территориальными границами, иммунитетом вотчин.

Радикальные сдвиги в эволюции западноевропейского средневекового общества, точкой отсчёта для которых был назван XIII в., заметно меняли вектор развития и качественное наполнение в самом явлении «сословной общности», благодаря импульсам, направленным если не на продолжение, то на смягчение её внутренней гетерогенности. Успехи на этом пути зависели от возможности ограничения свойственного Средневековью партикуляризма.

Процессы внутренней консолидации общества в условиях развития товарной экономики, а также процессы централизации, направленные на ограничения полицентризма, будь то в виде частного иммунитета или корпоративной автономии, казалось, способствовали унификации статуса сословий по общим показателям их места в экономической структуре общества, по их общественной функции и по юридическим правам. Однако подобный процесс в принципе не мог получить завершения в рамках средневековой общественной системы по уже упоминавшимся нами причинам – присущих ей мелкого производства и полицентризма. Более того, парадокс ситуации заключается в том, что корпоративный процесс готовил другую форму консолидации общности, которая предполагала уничтожение сословий и установление юридического равенства всех её членов перед законом.

Последние два обстоятельства объясняют противоречивый характер эволюции сословий и неоднозначные результаты в реакции явления на динамику и новации в развитии средневекового общества в целом.

Аргументом может служить любопытный в этом контексте процесс общественного разделения труда – исключительный по важности фактор экономического, социально-политического и духовного прогресса, результаты воздействия которого становятся заметными к XIII в. Процесс множил профессиональное деление горожан, усиливая таким образом гетерогенность страты, но одновременно содействовал процветанию ремесла и торговли; стимулируя выход за пределы городской автономии в деятельности ремесленников и торговцев – способствовал преодолению средневекового партикуляризма. Действие этого фактора повышало значимость орудий труда и денежного капитала, ограничивая монополию земли в качестве основной формы собственности в средневековом обществе и повышая тем самым общественную значимость горожан. Однако, стимулируя динамику развития в целом, этот же процесс общественного разделения труда способствовал размыванию сословных границ.

Очевидная сложность явления в качестве «социальной общности» – функциональная дробность состава в любом из сословий, часто связанная с разницей в источниках дохода, не говоря уже об экономической дифференциации и неодинаковых политических правах и возможностях членов сообщества; внутренняя динамика и зыбкость границ, печать партикуляризма, словом, «незавершённость» сослов-

ной консолидации порождает сегодня в отечественной медиевистике весьма критический, точнее негативный, не мотивированный настрой по отношению к понятию «сословие» и самому явлению, как это часто случается в «терминологических битвах».

Негативная позиция, на наш взгляд, нарушает важный принцип познания – не требовать от исторической реальности невозможного, в данном случае – качественной «завершённости», «целостности» явлений как условия признания наукой их существования. Подобный ригоризм противоречит исходному принципу исторического анализа – оценке места и времени явления, в данном случае его средневековой данности. Высоко оценивая ту роль, которую сыграл этот этап развития в движении к Новому времени, он свидетельствовал тем не менее о «средневековой» степени зрелости и специфике общественных форм на шкале исторического времени. Более того, ригоризм в познании выглядит весьма странным упрощением реальности в свете особенностей эпистемологии сегодня, которую характеризуют и делают более гибкой отстаиваемые ею принципы относительности и вариативности в развитии.

Любопытно, что весьма поучительный исход для споров этого рода подсказывает непосредственно исторический процесс. Именно на средневековом этапе и в масштабах Европы был продемонстрирован красноречивый факт наличия сословий – не очень совершенных, но признанных обществом и довольно убедительно в своей общественной практике осознающих свою данность. Дело в том, что активность последних стала решающей причиной возникновения «средневекового парламентаризма». В контексте интересующего нас сюжета оценка этого явления станет следующей позицией нашего анализа¹⁹⁸.

Уникальное явление, неизвестное в присущих ему качествах предшествующему историческому опыту, возникшее в рамках Средневековья только в масштабах Европы и в наиболее выразительной форме в её Западном регионе, оно стало самым ярким итогом развития сословно-корпоративной самоидентификации общественных сил, обозначившим перспективы политической эволюции человеческой цивили-

¹⁹⁸ *Хачатурян Н. А.* 1) Сословная монархия во Франции XIII–XV вв. М., 1989; 2) Европейский феномен сословного представительства. К вопросу о пред-
дистории «гражданского общества» // *Хачатурян Н. А.* Власть и общество.... С. 156–227.

лизации – возможность парламентов Нового времени и новые формы республиканского устройства.

На этапе его предыстории на западноевропейском континенте Великая хартия вольностей отразила только первые шаги процесса корпоративной самоорганизации в политической активности феодальной элиты Англии, естественно не предполагавшей ни масштабов этого явления, ни даже его ближайших последствий – созыва парламента 1265 г. как результата общественной активности главным образом дворянства и горожан.

Новая политическая форма купировала на какое-то время характерную для Средневековья монополию авторитарной власти, создав ограничивший эту власть «общественный институт». В креативе «представительного органа», претендующего на диалог с верховной властью, безусловной новацией стали три его особенности: 1) выборный характер; 2) участие в его составе представителей не только «привилегированной» части населения, но и «трудящихся» (*laboratores*), в основном горожан и частично, или опосредованно, свободного крестьянства; 3) «публичный» характер представительства, когда депутат действовал не в силу частного поручительства отдельного лица, но именем коллектива выборщиков, уполномочивших его публичным мандатом на действия, которые часто были ограничены жесткими инструкциями (так называемый императивный мандат).

Публичный характер представительства подчеркнул включённость нового органа в процессе постепенного обретения государством институциональной и социальной зрелости публично-правового образования.

Монарх, в отличие от «сюзерена» в патримониальных политических образованиях периода «варварских» королевств и раннесредневековых государств, станет «сувереном», юридически не признающим какой-либо власти над собой. Сакральную природу монарха в сознании современников заметно потеснит требование соблюдения закона, права и общественного блага в его деятельности. В борьбе с полицентризмом он с большим или меньшим успехом попытается перетянуть юстицию и управление, функции и протекции и наказания исключительно на государственную систему. Убедительное решение этой задачи опять-таки окажется невозможной в условиях Средневековья, но усилия по её реализации будут способствовать процессам огосу-

дарствления личностных связей в общественной системе управления, а также формированию института подданства, которые готовили переход к государству Нового времени¹⁹⁹.

Анализ Великой хартии вольностей в контексте «долгой протяжённости» позволил выделить прямо или опосредованно связанные с документом исторически значимые процессы сословного самоопределения и средневекового парламентаризма. Однако оценка хартии была бы неполной без специального внимания к ещё одному аспекту упомянутых процессов. Они открывают новый принципиально важный этап в «вечной» или «сквозной» теме взаимоотношений власти и общества в государственных образованиях.

Верховная власть в условиях социального неравенства, когда она становится «отчуждаемой» от общества, с функцией не «убеждения», но «принуждения», остаётся в разной степени и качестве, но зависимой от общества. Эта зависимость и, следовательно, возможности верховной власти определялись конкретно-историческими условиями. Но в совокупности этих условий отдельного внимания заслуживает оценка фактора, который можно определить как состояние социума в качестве политической силы. Его характеризуют такие параметры, как социальный состав членов сообщества, характер их структурирования по экономическим и политико-правовым показателям, степень и формы организованности, общественной активности и сознания. Применение этих параметров в анализе позволяют определить характер соотношения активной, обладающей политическим потенциалом части общества с общей численностью его состава, выделив, таким образом, социальные силы, способные ограничивать в какой-то мере и форму действия верховной власти.

На ранних стадиях цивилизационного развития, в условиях социального неравенства и особо тяжёлых средств насилия над личностью, «трудящиеся» элементы сообщества, малоимущие и тем более лично

¹⁹⁹ Genet J. Ph. L'état moderne: genèse, bilans et perspectives. P., 1990; Visions sur le développement des États européens. Théories et historiographies de l'État moderne. Actes du colloque organisé par la Fondation européenne de la science et l'École française de Rome (18–31 mars 1990) / Ed. par W. Blockmans, J.-Ph. Genet. Rome, 1990; Хачатурян Н. А. «Король – император в своём королевстве...» Политический универсализм и централизованные монархии // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / отв. ред. Н. А. Хачатурян. М., 2011. С. 66–88.

зависимые, не могли стать субъектами политической жизни. На ранних этапах средневековой истории, когда «первобытную демократию» сменяют феодальные отношения, в определённом смысле упрощая гетерогенную картину социальной и политической жизни переходного периода, в условиях патримониальной государственности верховную власть ограничивала феодальная элита, действуя, в частности, через орган королевской курии и по праву «личного присутствия» в ней. И хотя монарх для феодальной элиты был только «первым среди равных», восприятие современниками политического образования, членами которого они являлись, в силу средневекового сознания и государственной идеологии «замыкалось» на верховную власть, отражаясь в понятии «*regimen*» (правление).

Средневековый парламент всколыхнул социум, радикально по тем временам изменив его политический облик за счёт «трудящейся», непривилегированной части населения, сделав её «субъектом» политической жизни, но не только. Процессы сословного самоопределения в совокупности с парламентской практикой мобилизовали среднее и мелкое дворянство, рядовое духовенство, чья общественная активность ранее была перекрыта светской и духовной элитой.

Новации в общественной и политической жизни коснулись и аграрного мира крестьянства, но в заметно более слабых формах и с менее выразительными результатами. Получив личное освобождение и активизировав социальную активность в рамках сельской общины, в частности выйдя на прямые связи с государством (через судебное, налоговое, военное ведомства), крестьянство повысило свою экономическую значимость в условиях продуктовой и денежной ренты, а также политический статус, но не могло преодолеть крайнюю разобщённость, связанную с господством сеньории и мелкого производства.

Вектор изменений в социальной и политической жизни западноевропейского Средневековья подкрепляли процессы развития и распространения в обществе правовой культуры, формировавшей новые представления о государстве как воплощении закона и общего блага (*res publica*). Таким образом, Средневековье в условиях модернизации его общественной структуры демонстрировало новое, неизвестное до этого в условиях социального неравенства наполнение понятия «общество».

В заключение, возвращаясь к Великой хартии вольностей, полагаю, что представленные в статье соображения, пусть не исчерпыва-

юще, но частично исключительность памятника. Она объясняется связанностью условий его появления, содержащейся в нем информации и последующей картины развития событий с важными общественными процессами, которые будут определять судьбы человечества в будущем – в масштабах не только средневековой и европейской, но мировой истории: парламентское устройство, республики Новой и Новейшей истории, острые проблемы власти и политических прав членов гражданского общества, варианты самоорганизации и общественного сознания в социумах. Конечно, эти знаковые, как оказалось, процессы или явления «присутствовали» в Великой хартии вольностей в виде их предвосхищения или робкого начала; позднее они получают качественную определённую и станут более очевидны потомкам, особенно в контексте ретроспективного анализа. Качественная определённая в каждой из будущих форм будет иметь временный характер, как это случилось в средневековом парламентаризме или в избавившихся от средневековых лимитов парламентах Нового времени. Их будут отличать свои достоинства и ограничения, и, конечно, без гарантий освобождения человечества от новых проблем.

Особенности приведенных в статье материалов, подтверждая относительность и качественный потенциал преемственного исторического развития, формировали и помогали хранить историческую память – в данном случае о Великой хартии вольностей.

ХАЧАТУРЯН Н. А.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ: К ВОПРОСУ О ПРЕДЫСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА²⁰⁰

Название статьи делает очевидным признание ее автором значимости в историческом процессе фактора преемственности – вопреки его трудной научной судьбе, объясняемой главным образом сложностями в понимании весьма неоднозначной природы эволюционного развития. Весомым аргументом в пользу высказанного утверждения может послужить не теряющая своей актуальности тема, связанная с предысторией парламентов и гражданского общества Нового времени. Ее содержанием стал сословно-представительный режим, возникший в эпоху Средневековья как только европейское и потому – уникальное явление, не только убедительно обозначившее вектор мирового политического развития, но, в силу фактора преемственности, в определенном смысле подготовившее рождение новой формы политического устройства²⁰¹.

Длительный опыт человеческой истории в контексте самых общих и жизненно необходимых форм существования в известном смысле

²⁰⁰ Впервые опубликовано в: *Хачатурян Н. А. Средневековый парламентаризм: к вопросу о предыстории европейского гражданского общества // Новая и Новейшая история. 2017. № 4. С. 16–23.*

²⁰¹ В статье учтен опыт европейской исторической науки в изучении проблемы, включая работы отечественных медиевистов – Е. В. Гутновой, М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина, С. О. Шмидта, А. М. Сахарова, Н. Е. Носова, Н. Ф. Колесниченко, В. Д. Назарова, Б. Н. Флори, а также собственные исследования автора. См. также: *Genet J.-Ph. État moderne: genèse, bilans et perspectives. P., 1990; Visions sur le développement des États européens. Théories et historiographies de l'État moderne. Actes du colloque de Rome (18–31 mars 1990). Rome, 1990.*

не балует разнообразием. Если иметь в виду общие, легкоузнаваемые формы социально-политической жизни – это догосударственный социум, уже организованный выработанными нормами жизни, регулирующими экономические, политические, социальные и этнические условия существования его членов; это сельские и городские общности; ремесленные и торговые профессиональные корпорации; и наконец, – масштабные, с момента вступления на путь цивилизационного развития, высшие политические формы – государства: империи или более однородные и менее масштабные образования... При всей узнаваемости этих типичных форм на разных этапах развития и у разных народов, они никогда не были простым повтором или аналогом, наполняясь иным социальным и конкретно-историческим содержанием, хотя мера новаторства при этом могла быть разной. Интересующий нас случай в сравнении с предшествующим историческим опытом дает предельно выраженную политическую форму креатива, на которую оказалось тогда способным только европейское общество на «средневековом» этапе своего развития.

Сословно-представительный режим не повторял «демократии» греческих полисов или явления принципата с попыткой соединения остатков республиканских свобод с элементами формирующейся авторитарной власти в Римской империи. Эти политические формы античный мир реализовал в условиях, когда значительная часть общества была обречена на несвободу в наиболее выраженных формах экономического и внеэкономического принуждения – в качестве знаковых показателей начальных шагов на пути цивилизационного развития, с принципиальными отличиями к тому же в технологии выборной практики. Последнюю отличали преимущественные позиции принципа личного участия в процессе выборщиков – только полноправных граждан сообщества.

Форма сословного представительства явила собой контраст с авторитарной формой политической власти, господствовавшие позиции которой в средневековом обществе определяли полицентризм и иерархическая структура последнего.

Она отличалась от известных Средневековой коллективных и выборных форм власти в виде реминисценций догосударственной жизни, или органов местного и городского управления. Но последние оставались только сопутствующим, хотя и знаковым явлением, подпитывая своим опытом, особенно опытом городских коммун и городов-респу-

блик Апеннинского полуострова или республик Новгорода и Пскова, сословно-представительный режим. Наконец, в качестве допустимой аналогии следует назвать известную средневековую практику ассамблей королевских курий. Они составили непосредственную предысторию сословно-представительного режима, обеспечивая диалог сюзерена с его вассалами и, несомненно, оказав на будущий институт влияния реализацией идеи «совета», пока осуществлявшегося в правовых нормах только личного контракта, с узким кругом лиц, принадлежавших политической элите общества. Эта практика осталась в рамках так называемой «патримониальной» природы государственности, характеризующей личными социальными связями в системе власти, службы, зависимости.

Интересующая нас политическая форма, возникнув в условиях заметной социально-экономической и политической трансформации средневекового общества, радикально изменила решение вечного и весьма острого в истории вопроса о соотношении власти и общества, создав выборный, публично-правовой по характеру орган. Он был конституирован по принципу «представительства» социальных групп, предполагая участие в политической жизни непривилегированной, но лично свободной податной части населения в лице «депутатов» от городов, а в ряде случаев прямо или опосредованно, от лично свободного крестьянства, т.е. *laboratores* – людей, которые жили «трудом рук своих», кормили и одевали общество.

Качественная новация сословно-представительного режима не подтверждает на наш взгляд крайних позиций современного неэволюционизма и синергетики в восприятии эволюционной теории в духе эмерджентности исторического процесса. Скачок, толкуемый как «вероятность невероятного» (Н. Луман), реализуется тем не менее в пространстве преемственного и, следовательно, этапного развития, диктующего необходимость анализа системных условий возникновения нового явления, в котором будут неизбежно проглядывать черты прямого или опосредованного усвоения и переработки обществом предшествующего исторического опыта.

Не случайно современное историческое знание – будь то на Западе, в отечественной медиевистике или русистике – характеризуется исходным признанием общего в целом для Европы (за редким исключением) характера явления: в импульсах его появления, в его назначении и природе, хронологии его функционирования (хотя и во временном

разбросе, но в рамках конца XII–XVII вв.) и, наконец, в общем, более или менее очевидном движении средневековой государственности к оформлению абсолютизма – попытке своеобразного реванша авторитарной власти добиться максимального усиления, но реванша, неизбежно ограниченного неизжитым в условиях Средневековья полицентризмом²⁰².

Общие параметры явления, однако, не исключали разнообразия в сословном представительстве, стимулируя в качестве дополнения к системному анализу, компаративный метод исследования. Этот метод весьма плодотворен при выявлении сходства и отличий вариантов феномена и в конечном счете поисках их сущностного качества. Тем не менее и этот прием не лишен издержек, связанных главным образом с традиционной и с трудом преодолеваемой исследователями склонностью к альтернативной (бинарной) манере мышления. Поэтому желание постичь и объяснить своеобразие того или иного явления часто уступает попыткам противопоставления его вариантов неким «эталонным» образцам, что неизбежно сопровождается для какой-то части этих вариантов – их недооценкой. Возможный выход из отмеченных трудностей подсказывает, на мой взгляд, позиция сторонников взвешенного толкования принципа относительности, который Л. Февр назвал «великой драмой истории», очевидно, имея в виду всегдашнее и такое естественное стремление человека к определенности и ясности. В этом случае корректируется возможный негативизм в понимании условности результатов познания при сохранении качественной определенности явлений. При таком более гибком толковании принципа относительности органично выглядит вариативность явления не только сословно-представительного режима в целом, но и его отдельных компонентов. По результатам типологического анализа особенности социальной и институциональной истории сословно-представительных учреждений могут стать мерой отсчета в оценке совпадений или отклонений вариантов явления от модели – как предельной формы выражения его сущности. Любопытно, что эту модель, которую формирует историческое знание сегодня, принцип относительности тоже не спасает от условности, лишая ее ореола «эталонности».

Подобный подход поможет, признавая цивилизационные разли-

²⁰² *Хачатурян Н. А.* 1) Сословная монархия во Франции XIII–XV вв. М., 1989; 2) Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008, С. 156–227.

чия западного и восточного регионов Европы, отказаться от преувеличенной оценки исключительности западноевропейского образца и оценки со знаком минус представительного режима в Восточной Европе. В контексте нашего сопоставительного анализа в восточном регионе основным объектом внимания станет вариант российской государственности. Нельзя не напомнить, что в Европе – в Византии и городах-республиках Апеннинского полуострова отсутствовали сословно-представительные учреждения, характерные для централизованных монархий; что в Священной Римской империи Германской нации данное явление реализовало себя только на уровне территориальных образований, тогда как общеимперский орган рейхстаг воплощал собой тот образ интересующего нас явления, о котором могла только мечтать любая европейская верховная власть. В этом случае она бы располагала возможностью «назначения» его участников, т.е. весьма условных «представителей» отдельных городов и князей, используя частное право, в качестве носителей средневекового полицентризма на местах.

Что касается трех лидирующих в интересующем нас контексте форм – английском парламенте, испанских кортесах, французских Генеральных штатах, то в каждом из институтов какой-то «возможности» качества явления не хватало для полноты картины. Даже наиболее близкий к воплощению модели – английский парламент демонстрирует «предельные» качества явления только по некоторым, хотя и очень важным показателям: обладанием юридически закрепленного права регулярного представительства и причастностью к законодательству. Эту особенность отразила структура представительного органа – с его двухпалатной системой, где палата общин реализовала в своей практике политический союз депутатов дворянства и горожан. Подобная расстановка социальных сил стала результатом их социального развития.

Более того, в контексте научного познания, где исследователь неизбежно оперирует в качестве точек отсчета абстрактными категориями и приемами, английский парламент не является «чистой формой», будучи в качестве общественного учреждения тесно связанным с системой государственного управления (связи палаты лордов с малым и большим королевскими советами). Хотя в соответствии с нашей позицией, т.е. при корректировке условности «чистой формы» жизненными реалиями, может быть, стоит допустить, что возможность нарушения «демаркационной линии» в назначении институтов государственной

исполнительной власти и общественных учреждений на практике как раз стала еще одним источником силы английского парламента²⁰³?

Обозначив общее видение темы и целесообразные подходы к ее решению, я попытаюсь соединить системный и компаративный анализ, выбрав, в жёстких рамках статьи наиболее существенные и интересные для современного научного знания вопросы.

В контексте системных особенностей общественного развития для решения вопроса о социальных условиях возникновения и истории сословно-представительного режима наиболее важной выглядит проблема «этапности» явления и возможностей, которые обеспечивал этот этап.

В качестве доказательств я бы отметила в первую очередь потенциал общественной системы, в которой производитель, осуществлявший мелкое производство в условиях социального неравенства, был отделен только от основного тогда средства производства – земли, оставаясь собственником орудий труда. Эта особенность, подкрепленная в масштабах Европы раньше или позже, в большей или меньшей степени личным освобождением производителя, обеспечила наиболее полную реализацию возможностей, заложенных в средневековой общественной системе: города, в полноте их экономической, социально-политической и культурной функций и товарная экономика; активизация мощного фактора прогресса – процесса общественного разделения труда; связанное с ним ограничение монопольного положения земельной собственности, благодаря постепенному росту значимости собственности на орудия труда, – обстоятельство, имевшее долговременные последствия в процессе разложения мелкого производства, бывшего сущностной особенностью средневековой общественной структуры; наконец, это процессы централизации; усложнение и эволюция социальной структуры; и, что заслуживает особого внимания, – изменение социального и духовного облика актора исторического процесса в лице мелкого производителя, связанного с ростом и частичным признанием его общественной значимости.

В известной мере в качестве следствия потенциала общественной системы стал другой социальный фактор решающего значения для судеб сословно-представительных учреждений. Я имею в виду процессы

²⁰³ *Хачатурян Н. А.* „Европейский феномен сословного представительства”. К вопросу о предыстории „гражданского общества” // *Хачатурян Н. А.* Власть и общество... С. 210–214.

сословного самоопределения и активизации общественных сил, которые шли в рамках корпоративного движения в качестве знака доиндустриального общества, обеспечивая жизнедеятельность незащищенного на том этапе развития субъекта. Движение обрело – с разной степенью выраженности в Европе, а также в разное время – в целом массовый характер²⁰⁴. Оно пронизывало все сферы жизни, все социальные страты общества: дворянство (его внутренняя стратификация по нормам сеньориально-вассального права; формам земельной собственности; процессам консолидации мелкого и среднего дворянства; по принадлежности к рыцарским орденам; множественность церковных объединений в среде духовенства; цехи, гильдии, присяжные коммуны городов; чиновные и университетские корпорации. Даже сельские общины в рамках вотчины могли активизировать свои социальные функции, в ряде случаев организуя сельские коммуны.

Тенденцию к реализации социально-политических потенциалов славянской общины в государственном секторе реализовали черносошные крестьяне и казачество с характерными для этой общности формами самоуправления и военными функциями. Высшей формой корпоративного движения стали сословия или сословные группы, инкорпорировавшие в свой состав более мелкие сообщества, унифицируя в масштабах государства их права и формируя, таким образом, общий юридический статус сословий. Явление предполагало достаточно высокий уровень государственных образований и внутренней консолидации пребывающих в них сообществ, – условия, развитие которых оказалось возможным с большим или меньшим успехом благодаря процессам модернизации средневекового общества для Западной Европы уже в XIII–XV вв.

Не всякая корпоративная группа могла сформировать сословие, застывая на уровне исходных элементов и не добившись признания ее особого юридического статуса на уровне общегосударственного образования.

Корпоративное движение в городской общности, к примеру, могло остаться «топографическим» явлением: в частности, в российском городе, расселение ремесленников по городским кварталам по принци-

²⁰⁴ Хачатурян Н. А. Средневековый корпоративизм и процессы самоорганизации в обществе. Взгляд историка-медиевиста на проблему «коллективного субъекта» // Хачатурян Н. А. Власть и общество... С. 31–46.

пу их профессиональных занятий вряд ли можно оценить как признак высокой степени их социальной консолидации.

Право последних на поквартальные «сходы» (собрания) не сопровождалось обретением ими особого юридического статуса, как и обретения права города в целом на самоуправление. Напротив, особенностью процесса сословного самоопределения во многих странах Западной Европы стала его *институциональная* оформленность, причем как результат волевого начала и активности самих общественных сил, при юридическом закреплении обретенных прав: сеньориально-вассальное право, консолидировавшее земельных собственников цеховые статуты, уставы торговых гильдий, общегородские хартии и хартии сельских общин; уставы монашеских и рыцарских орденов. Именно этот процесс сделал неизбежным и действенным диалог пока не набравшей достаточной силы верховной власти с обществом, который внедрял в общественное сознание идеи политического контракта, идеи верховенства закона и права, контролировавших волю монарха. Именно поэтому организованные таким образом формы сопротивления и борьбы за сословные права стали гарантией от превращения этой борьбы в очередной бунт, без правового закрепления его результатов, если таковые были²⁰⁵.

В мировой и отечественной историографии тема социальной стратификации в средневековом обществе, особенно в контексте проблемы соотношения классов и сословий, пользуется специальным вниманием, в недавнее время весьма политизированным, в условиях преодоления рамок марксизма в отечественной медиевистике второй половины XX столетия. Ныне, в ситуации кризисных явлений в современном историческом знании конца XX – начала XXI в., идущих под знаком так называемого «лингвистического поворота», это внимание часто осложнено не всегда плодотворным интересом части исследователей к вопросу номинации средневековых социальных страт и стремлением к тому же поставить под сомнение самый факт существования сословий,

205 *Хачатурян Н. А.* 1) «Суверенитет, закон и вся община...»: взаимодействие и дихотомия власти и общества // Власть, общество, индивид в средневековой Европе. М., 2008. С. 5–10.; 2) Полицентризм и структуры в политической жизни средневекового общества // Там же. С. 8–13; 3) «Король-император в своем королевстве»... Политический универсализм и централизованные монархии // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время. М., 2011. С. 66–88.

прибегая по преимуществу к получившему новый импульс, но традиционному приему «борьбы с терминами». В данном случае я оставляю в стороне этот сюжет, отсылая читателя к моей статье с попыткой его решения в пользу признания специфики сословной стратификации, в ее определении исходя из параметров функционального и юридического статуса групп, в конечном счете связанного с отношением последних к основным формам собственности или источникам дохода, растущей размытостью границ в условиях укрепления товарной экономики и роста общественного разделения труда²⁰⁶.

В оценке своеобразия природы и роли сословий, т.е. в контексте сравнительного и вариативного анализа, целесообразно, на мой взгляд, расширить привычный набор причин, объясняющих силу и организованность или слабость сословий. В ряду этих причин, бесспорно значимых, не носящих сиюминутный характер и хорошо известных в литературе, имели значение численность и экономический потенциал городов; расстановка социальных сил, связанная с возможностью или отсутствием экономического и политического союза городского сословия и части дворянства; военно-освободительный фактор, могущий помочь верховной власти усилиться в процессе централизации, определив консолидацию общественных сил в этом процессе и определив исход ее взаимоотношений с ними в свою пользу.

Углублению анализа поможет выход за временные рамки функционирования представительного режима и обращение к глубинным и нередко долговременным по своим последствиям процессам цивилизационного развития, в частности, историческому времени выхода европейских народов на арену мировой истории, их преемственные или автохтонные формы развития, а также характер взаимодействия с соседями; географические условия региона и, наконец, специфика их исходной социальной организации.

В рамках настоящей статьи позволю себе остановиться только на одном сюжете: типе общины – германской или славянской, которые стали матрицей общественного развития в Европе.

В единстве двух борющихся начал – индивидуального и коллективного, вариант германской общины оставляет ощущение более выраженного индивидуального начала, которое способствовало динамике развития и волевой активности индивида. Сильное коллективное

²⁰⁶ *Хачатурян Н. А.* Великая хартия вольностей. Документ и знаки времени в контексте историописания. // Средние века. 2016. Вып. 77 (1/2). С. 49–61.

начало в славянской общине, отчетливо сохраняя себя на этапе «долгой протяженности», вплоть до Нового времени и далее, наоборот, ограничивало и даже подавляло индивидуальные импульсы. Подобная специфика могла оказывать влияние на процессы самоорганизации общественных сил, в известной мере предопределив (*par contre*) исключительную роль государства в качестве фактора, форсировавшего и контролировавшего социальную динамику. В этом же направлении действовал бессинтезный вариант генезиса феодализма, характерный для северных регионов Европы и Руси.

Вектор направленности на выделение и усиление индивидуального начала, таким образом, следует признать исключительным по значимости фактором развития, ограниченным тем не менее и зависимым от возможностей общности ответить на вызовы времени.

С учетом этого обстоятельства влияние первобытной общины не следует трактовать как заданность – это противоречило бы самой идее развития и условиям, в которых протекал процесс. Исходная и последующая история общины могла определяться многими обстоятельствами. В их ряду в качестве уже упомянутого очевидного и весьма значимого фактора для народов Европы в целом продолжал действовать факт наличия или отсутствия синтеза (постепенность его углубления, включая так называемый «вторичный» синтез), т.е. их взаимодействия с Римской империей – государственного образования, весьма развитого для своего времени в экономическом, социально-политическом и культурном отношениях. В контексте интересующих нас глубинных обстоятельств нельзя не упомянуть рефлексию известного французского юриста, историка и одного из первых «социологов» в медиевистике, Жана Бодена, который пытался в XVI в. объяснить факт сохранения в его время общины в Московии, назвав ее не столько средством «существования», сколько «выживания». Очевидно, что Боден имел в виду географический фактор, которому он наряду с Божественной волей, но при признании решающего характера последней, придавал тем не менее значение определяющего исторический процесс органического закона. Анализ угаданной им связи судеб человеческой общности с природой мог бы существенно дополнить оценку общины в качестве цивилизационного фактора, однако характер и задачи статьи ограничивают наши возможности²⁰⁷.

²⁰⁷ Хачатурян Н. А. Сословная монархия... С. 28–43.

Последний сюжет, затронутый в статье, посвящен институциональному анализу сословно-представительного режима. Подобно социальному, он столь же красноречиво демонстрирует условность обобщенного образа явления. История организационного оформления учреждения в любом варианте носила сугубо эмпирический характер в его исходной точке и дальнейшей истории, которые характеризовали: временная растянутость, организационная вариативность и нестабильность, вызванные разными причинами (конкретными обстоятельствами, социальной эволюцией, вмешательством центральной власти).

Актуальная сегодня теория *État Moderne* в институциональной истории средневековой государственности дополняет аргументы к подчеркнутой нами позиции об относительности интересующей нас формы явления. Основная идея теории – констатация факта формирования в рамках средневековой государственности ее публично-правовой природы, которая сменяла предшествующие ей патримониальные формы – наблюдение, отнюдь не новое в науке, однако сама попытка на уровне сегодняшнего видения исторического процесса рассмотрения проблемы носит конструктивный характер, высвечивая некоторые существенные для понимания государственной средневековой истории аспекты. Такие показатели процесса модернизации, как различение частного и личностного начал и их соотношения в социальных связях в обществе в целом и работе государственного аппарата; утверждение «вещного» принципа в социальных отношениях, опосредованных государством – могут подсказать новые решения, в том числе в теме сословного представительства, не предпринимавшиеся в науке в подобном контексте²⁰⁸.

Попытка его реализации в нашем случае позволяет фиксировать очевидную двойственность интересующего нас явления. Она является своего рода предупреждением о возможных его переоценках и, в частности, сближении с парламентами Нового времени, несмотря на действительно имевшие место в его практике новации, которые предвосхищали будущие представительные институты. Вместе с тем средневековые ограничители подчас обнаруживают себя в формах, присущих глубокому Средневековью, т.е. формах, сохранявших патримониальные качества, которые не соответствовали публично-правовому характеру, декларируемому самим фактом возникновения и назначением явления сословного представительства.

²⁰⁸ Хачатурян Н. А. Власть и общество... С. 34–43.

Приведу несколько примеров, начав с оценки корпоративизма – явления, который оценивается нами в качестве решающего фактора в возникновении и судьбах представительных учреждений. Однако его роль оказалась двойственной: процесс самоорганизации общественных сил, их выход на общегосударственную политическую арену в виде сословий, а также результативность их активности, в частности через сословно-представительные учреждения – сопровождался консервацией партикуляризма в виде сословно-корпоративной формы выборов и представительства, который на определенном этапе станет тормозом в деле консолидации общества.

В работе ассамблей ярким показателем лимитов представительного учреждения являлась технология выборов. Они часто заменялись простым назначением депутатов со стороны руководства монастыря или города; проходили в форме «ограниченных» выборов, которые проводил аббат монастыря и часть монахов или члены городского совета и несколько сот или десятков лиц, представлявших элиту города. По существу, имитацией процедуры «прямых выборов» являлись выборы *par tourbe*, т.е. толпой горожан, собравшихся на рыночной площади, которые «воодушевленно» выкрикивали имя депутата. В среде дворянства принятию выборного принципа мешали личные вассальные связи и политическая власть феодальной элиты, частная власть которой на местах в условиях очень медленно изживавшегося партикуляризма (задача, которая не была решена в рамках Средневековья), питала убеждение последней в праве персонифицировать интересы населения в ее доменах. Отражая эту ситуацию, средневековые парламенты оставляли возможность соединения в своей структуре режима представительства с практикой расширенного королевского совета даже в английском парламенте, в палате лордов, или Боярской думы, в Земских соборах, члены которых действовали по праву личного присутствия.

Особого внимания заслуживает вопрос о природе мандата, которым располагал депутат. Принцип средневекового представительства демонстрировал новацию, реализовав публично-правовую природу выборной практики, придав депутатам зафиксированный мандатом статус «публичного» лица, ответственного перед некоей общностью своих выборщиков. Мандат, будучи знаком модернизации общества в публично-правовой сфере его жизни, приобрел, однако, характер «императивного», ограничив действия депутата весьма жёсткими ин-

струкциями, — ситуация, которая часто требовала дополнительных инструкций и новых консультаций «на местах», тормозя и затрудняя работу ассамблей. Обеспечивая известные гарантии от посягательств верховной власти на «свободы сословий» и в контексте будущего способствуя выработке права неприкосновенности депутата, он культивировал, в конечном счете, местничество, торг с властью, мешая, в частности, выработке в среде депутатов принципа большинства.

Императивный мандат действовал с неодинаковой силой выражения в разных учреждениях, но даже в английском парламенте, где в палате общин мог работать принцип большинства, прямая зависимость депутатов от избирателей была источником противоречий с королевской властью и уничтожена только в начале XVII в. В ходе буржуазных революций именно отмена сословных выборов и императивного мандата сделали возможным провозглашение принципа юридического равенства всех граждан перед законом и стали началом парламентов Нового времени в Западной Европе.

При всех ограничениях, свойственных средневековому парламентаризму, итоги анализа не отменяют высказанную в начале статьи высокую оценку явления. Социальный опыт и практика сословного представительства явили собой рождение нового образа общества, в состав которого оказалась включенной его податная, экономически зависимая, но лично свободная часть, допущенная к диалогу с королевской властью. Более того, они показали, что общество — в достаточно широких социальных параметрах может быть не только *объектом* государственной политики, но ее *субъектом*, с более или менее выраженными средствами «защиты и нападения». Сословно-представительная практика, включившая в политическую жизнь общества его непривилегированную часть, высветила в качестве значимой — проблему менявшегося соотношения власти с большей или меньшей частью общества: их диалогом и взаимодействием, или дихотомией, с возможными взрывами и в противостоянии, когда парламентские формы оказываются несостоятельными. Таким образом, политический средневековый опыт внес вклад в развитие политических структур Нового и Новейшего времени. В свою очередь, опыт социального развития, реализуемый как глубинный процесс, формировал предысторию «гражданского» общества, в частности, с помощью сословно-представительных учреждений, воспитывая членов общества, как «граждан», озабоченных не только проблемами политической свободы, но и ответственностью за

общее благо в соответствии с принципами государственного устройства, провозглашенными еще в античности Аристотелем.

Признание относительности и вариативности явления сословного представительства делает, на наш взгляд, более взвешенной оценку конкретных форм его воплощения. Подобный подход позволил толковать утверждение об английском парламенте как модели сословно-представительного режима только по ряду, хотя и очень важных показателей, демонстрировавших к тому же предельные возможности явления. Вместе с тем этот подход снимает недооценку важности и значимости «слабых» учреждений, с более короткой и менее яркой судьбой, которые в свою очередь делали очевидными типичность и, следовательно, органичность явления.

ХАЧАТУРЯН Н. А.

ФЕНОМЕН СОСЛОВНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ÉTAT MODERNE²⁰⁹

В конце 1980-х годов европейские научные центры (CNRS – Национальный центр научных исследований) и Европейский научный фонд объявили программу комплексного исследования темы генезиса *État moderne* в Европе²¹⁰. Сегодня, судя по количеству научных конферен-

²⁰⁹ Впервые опубликовано в: *Хачатурян Н. А. Феномен сословного представительства в контексте проблемы État moderne // Власть, общество, индивид в средневековой Европе / отв. ред. Н. А. Хачатурян. М., 2008. С. 34–43.*

²¹⁰ *Théologie et droit dans la science politique de l'État moderne. Actes de la table ronde organisé par l'École française de Rome avec le concours de CNRS. Rome, 1987, 12–14 nov. Rome, 1991; Genet J.-Ph. État moderne: genèse, bilans et perspectives. P., 1990; Visions sur le développement des États européens. Théories et historiographies de l'État moderne. Actes du colloque, organisé par Fondation européenne de la science et l'École française de Rome. 18–31 mars. Rome, 1990; Barbey J. Être roi. Le roi et son gouvernement en France de Clovis à Louis XVI. P., 1992; Droit savant et pratiques françaises du pouvoir / Éd. J. Krynen, A. Rigaudière. Bordeaux, 1992; L'État ou le Roi. Les fondations de la modernité monarchique en France (XIV–XVII siècle) / Éd. N. Bulst, R. Descimon, A. Guerreau. P., 1996. См. также: Elias N. 1) La Civilisation des mœurs. P., 1973; 2) La Société de cour. P., 1974; 3) La Dynamique de l'Occident. P., 1975. Brunel P. L'État et le Souverain. P., 1978; Strayer J. R. Les origines médiévales de l'État moderne / Trad. Fr. Payot. P., 1979; Badie B., Birnbaum P. Sociologie de l'État. P., 1979; Guenée B. 1) L'Occident aux XIV et XV siècles: les États. P., 1993; 2) Histoire et culture historique dans l'Occident médiévale. P., 1980; 3) Politique et Histoire au Moyen Âge. Recueil d'articles sur l'histoire politique et l'historiographie médiévale. P., 1981; Renaissance du pouvoir législatif et genèse de l'État / Éd. A. Gouron, A. Rigaudière. Montpellier, 1988; Les Monarchies. Acte du colloque du Centre d'analyse comparative des systèmes politiques / Sous la dir. E. Le Roy Ladurie. P., 1988; Histoire de la France. L'État et les Pouvoirs / Éd. J. Le Goff.*

ций и опубликованным материалам, можно говорить о масштабности и эффективности усилий западноевропейских ученых, включившихся в реализацию этого проекта, несмотря на сопровождающие ее трудности. Они связаны прежде всего с отсутствием ясности и единства в понимании самого термина *État moderne* и хронологии явления. Какая-то часть скептически настроенных исследователей мобилизует в спорах факт отсутствия самого понятия «государство», неизвестного античности и появившегося только в поздней средневековой Европе. Например, во Франции термин «*état*» появился в XVI в., – по выражению Л. Февра, как «современное XVI веку понятие, благодаря обретению политической организацией общества такого качества, которое побудило современников дать ей новое имя»²¹¹.

Большинство исследователей, не склонных к отсутствию термина выдавать за отсутствие явления, считают, что суть его на длительном отрезке времени достаточно убедительно передавали другие понятия – *regimen*, *policie*, *res publica*. Все они равно предполагали наличие некоего территориального и институционально управляемого единства народа, уже не напоминающего, по выражению Аристотеля, собравшуюся по случаю толпу.

Более серьезно выглядят расхождения по хронологии *État moderne*: некоторые ученые его нижней границей объявляют вторую половину XV в. или продвигают вперед, в эпоху раннего Нового времени; другие опускают ее к XIII в.

Относительное единодушие, как это ни парадоксально, присутствует в содержательных, тоже не лишенных неопределенности, оценках искомой формы – это не „средневековое государство (*poste médiévale*)“, но и не государство Нового времени (*contemporain*), хотя и является матрицей последнего. Таким образом, в определении «*moderne*» заложен только смысл «обновления», не имеющий отношения к конкретно-историческому содержанию эпохи, для общества, вступившего в индустриальный период.

Обращает на себя внимание, что мобилизованные в проекте содержательные характеристики лежат по преимуществу вне сюжетов, которые бы акцентировали внимание на проблемах, связанных с со-

Р., 1989. Vol. 1, 2; *Le Moyen âge. Le Roi, l'Église, les grands, le peuple 481– 1514* / Éd. Ph. Contamine. P., 2002.

²¹¹ *Febvre L. De l'État historique à l'État vivant // L'encyclopédie française. L'État* / Sous la dir. de L. Febvre. P., 1936. T. 10. Introd.

циальной природой государственных форм (раннесредневековое государство, сословная или абсолютная монархия), – т.е. на привычных нам сюжетах предшествующего этапа развития медиевистики, и не только отечественной. Они естественно вошли в пространство познания сегодня и присутствуют как неперенный фон рисуемой участниками проекта картины. Однако акценты в последней в целом смещены к изучению механизмов функционирования «политического тела», его «арматуры» (говоря техническим языком), выявлению условий реализации власти, ее сосуществования и взаимодействия с социальными силами, правом, религией и церковью, культурой и менталитетом общества.

Стержнем картины в подобном контексте, на наш взгляд, является проблема публичной природы верховной власти и государства, воплощением которой стали трансформация сюзерена в суверена и принципиально новое качество средств организации власти (становление правовой и судебной системы, исполнительного аппарата в условиях «чиновной» службы, налоговой системы, реформированной армии, института подданства). Отмеченные сдвиги действительно рождали в обществе в целом осознание необходимости новой политической организации, теперь могущей на деле, а не в звонких декларациях власти продемонстрировать свою эффективность.

Очевидная зыбкость характеристик, с трудом поддающихся периодизации, на наш взгляд объясняется качеством явления – развитие государства и становление его публично-правовой природы принадлежат к „длинному времени”. Поэтому оправдана, на наш взгляд, попытка, в частности, открывать процесс XIII веком – логика постепенности в оформлении всякого явления неизбежно демонстрирует начальные робкие фазы движения к своей качественной определенности.

В настоящей статье сделана попытка вписать в проблемную картину *État moderne* режим сословного представительства, до сих пор не ставшего объектом внимания исследователей в таком аспекте²¹².

²¹² В разделе использованы документальные материалы по истории французских Генеральных штатов в издании Ж. Пико: *Documents relatifs aux États Généraux et assemblées réunis sous Philippe le Bel* / Publ. par G. Picot. P., 1901; *Journal des États Généraux de France tenus à Tours en 1484 sous le règne de Charles VIII, rédigé en latin par G. Masselin* / Publ. par A. Bernier. P., 1835.

а) Общие и специальные исследования в западноевропейской медиевистике: *Picot G. 1) Histoire des États Généraux considérés au point de vue de leur influence*

sur le gouvernement de France de 1355– 1614. 4 vol. P., 1872; 2) Histoire des États Généraux. 5 vols. P., 1888; *Glasson E.* Histoire du droit et des institutions politique civiles et judiciaires de l'Angleterre comparés au droit et aux institutions de la France depuis leurs origines jusqu'à nos jours. 6 vol. P., 1882–1883; *Stubbs W.* Histoire Constitutionnelle de l'Angleterre. P., 1907–1927. T. 1-2; *Maitland F.* Constitutional History of England. Cambridge, 1908; *Pollard A. F.* The evolution of Parliament. L., 1920.

Martinez-Marina F. Histoire des Grandes Assemblées Nationales d'Espagne / Trad. P. F. Fleury. P., 1824; Aguirre Prado (L) Las Cortes traditional. Madrid, 1955; *Olagüe J.* Histoire d'Espagne. P., 1958.

Études présentées à la Commission Internationale de l'histoire des assemblées d'états. Paris; Louvain, 1937; X Congrès International des Sciences historiques. Relations (Rome, 1955). Louvain, 1958. Vol. 1, *Lousse E.* 1) La Société d'Ancien Régime. Organisation et représentation corporatives. Recueil de travaux d'Histoire et de Philologie. 3e série. Louvain, 1943 (Nouv. éd. 1952); 2) L'organisation corporative de Moyen Âge à la fin de l'Ancien Régime. Recueil de travaux d'Histoire et de Philologie. 3e série. Louvain, 1934. P. 231–266; *Roskell J.* The Commons and their speakers in English Parliament 1376–1523. Manchester, 1965; *Album Helen Maud Cam.* Louvain; Paris, 1960, 1961. T. 1, 2; *Marongiu Ant.* Medieval Parliaments. A Comparative Study, trad. L., 1968; *Carsten F. L.* Princes and Parliaments in Germany, from the Fifteenth to the Eighteenth Century. Oxford, 1959; *Mayor J. Russell.* The Deputies to the Estates General in Renaissance France. Madison, 1960; *Fusillier R.* Les monarchies parlementaires (Suède, Norvège, Danemark, Belgique, Pays-Bas, Luxembourg). P., 1960; *Richardson H. G., Sayles G. O.* The English Parliament in the Middle Age. P., 1931.

Chartier R., Nagle J. Les cahiers de doléances de 1664 // Un échantillon: châtellenies et paroisses du bailliage de Troyes // Annales E.S.C. 1973. Vol. 28; *Blockmans W.-S.* A Typology of Representative Institutions in Late Medieval Europe // Journal of Medieval History. 1978. Vol. 4; *Wood J.B.* The Nobility of the Election of Bayeux 1463–1666. Continuity through Change. Princeton, 1980; *Orlea M.* La Noblesse au États Généraux de 1576–1588. P., 1980; *Chartier R., Richet D.* Représentation et vœux politiques. Autour des États Généraux de 1614. P., 1982; *Bulst N.* Vers les états modernes: le tiers état aux États Généraux de Tour en 1484 / Publ. par R. Chartier, D. Richet. P., 1982.

- б) Отечественная литература: *Ковалевский М. М.* От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. М., 1906. Т. 1–3; *Кареев Н. К.* Поместье-государство и сословная монархия средних веков. М., 1909; *Пискорский Б. К.* Кастильские кортесы в переходную эпоху от Средних веков к Новому времени (1180–1520). Киев, 1897; *Piskorski W.* Las Cortes de Castilla en el penod de transition de la Edad Media a la Moderna. Barcelona, 1977; *Гутнова Е. В.* Возникновение английского парламента. М., 1960; *Колесницкий В. Ф.* 1) Политическая борьба в германских землях в XIII–XV вв. и возникновение ландтагов // Социальные отношения и политическая

На наш взгляд, сословно-представительный режим не только красноречиво отражал, но и формировал определившийся как разна рубеже XII–XIII вв. процесс радикального обновления в социальной и политической жизни средневекового общества, будучи причастен к наиболее важным показателям этого процесса:

- режим смог возникнуть только в условиях централизации, которая равным образом становилась источником усиления верховной власти;

- он был связан с сословной реструктуризацией общества, постепенно вытеснявшей индивидуальные и личностные контракты верности и службы связями с автономными корпоративными группами, в которых права индивида обеспечивались по принадлежности к этим группам;

- наконец, сословное представительство оказалось причастным к ренессансу права XII–XIII вв., в частности позитивного государственного права, связанного с рецепцией римского права. Этот ренессанс стал важным условием и фактором для нового витка в развитии публичной природы светской верховной власти и государства в целом.

Однако право оказалось обоюдоострым оружием, потому что общество тоже берет его на вооружение, не только юридически закрепив сословную структуру, но противопоставив знаменитой максиме, используемой властью: «что благоугодно государю – имеет силу закона», – свою формулу: «что касается всех – должно быть одобрено всеми» ...

Реализация обществом этой формулы имела своим результатом возникновение широко распространенной и довольно устойчивой на этапе классического Средневековья формы политического устройства, в которой на общегосударственном уровне были соединены авторитарный и коллективный потестарные принципы управления. Она справед-

борьба в средневековой Германии (XI–XVI вв.). Вологда, 1985; 2) «Священная Римская империя»: Притязания и действительность. М., 1977; *Хачатурян Н. А.* 1) Возникновение Генеральных штатов во Франции. М., 1976; 2). Сословная монархия во Франции XIII–XV вв. М., 1989; 3) Европейский феномен средневекового представительства: К вопросу о предьстории «гражданского общества» // *Хачатурян Н. А.* Власть и общество...; *Бойцов М. А.* Состав имперских собраний в Германии в конце XIV в. // Из истории древнего мира и средневековья. М., 1987; *Дмитриева О. В.* 1) Елизавета I. М., 1998; 2) У истоков английского парламентаризма // Британия и Россия. М., 1997.

ливо оценивается в ряду наиболее ярких достижений средневековой политической истории – не только неизвестных предшествующей мировой практике, но и уникальных, так как было рождено творчеством исключительно европейских народов, хотя и с разной степенью выразительности.

В рамках Средневековья сословно-представительный режим наиболее убедительно показал дихотомию власти и общества, которая присутствует как константа в жизни любого государственного организма, подтверждая, что содержание понятия «*état*» отнюдь не исчерпывается режимом политической верховной власти, но предполагает разную по масштабам и формам вовлеченность в политическую жизнь самого общества. Специфика данного явления заключалась как раз в существенном расширении масштабов социальной активности, которая теперь не ограничивалась только феодальной элитой, но вовлекала среднее и мелкое дворянство, рядовое духовенство и – что принципиально важно – непривилегированные слои населения (горожан и часть крестьянства), представительство которых было конституировано к тому же на основе выборного принципа.

Источником подобной широкой и глубокой социальной активности стал процесс самоорганизации общественных сил и заложенное в сословной стратификации европейского общества волевое начало, обретшие наиболее выразительные формы в западноевропейском регионе.

Опуская социальный аспект темы и в соответствии с задачей статьи, предлагаю вниманию читателей несколько соображений относительно институциональных особенностей сословно-представительного режима. В контексте *État moderne* нами были выделены три, на наш взгляд, наиболее важных в этой сфере показателя процесса модернизации государственности. Это уровень преодоления частноправового начала в его практике и структуре; степень замены персональных общественных связей – связями, опосредованными государством или корпоративной группой, и, наконец, природа политического сознания, культивируемого представительными органами. Подтверждая значимость сословно-представительного режима в процессе государственной модернизации, эти показатели вместе с тем не позволяют преувеличивать масштаб и качество связанных с ним новаций. Режим возник в условиях Средневековья, и они в конечном счете определяли своеобразие рождаемого ими нового, сообщая двойственность и неоднозначность главным компонентам учреждения.

В качестве примера начну с принципа выборности, который внедрял новый режим, несомненно, вытесняя систему личностных связей и заменяя ее на сословные и корпоративные во взаимоотношениях с монархом и в самом сообществе.

Практика представительства демонстрировала наличие людей, действующих от имени и по поручению других, причем не в рамках частного поручительства, чья правовая форма была хорошо известна частному римскому праву, но полномочий, которые были делегированы коллективом представлять его интересы и действовать его именем.

Однако нельзя не фиксировать присутствия в системе представительства заметных ограничений, говорящих о силе частного права, личных, в первую очередь сеньориально-вассальных отношений. Докладательством служат замена выборов прямым назначением в условиях церковной дисциплины в среде духовенства. В городской практике назначение депутатов могло осуществляться решением муниципальных органов. Часто ограничения в городской среде были связаны с проблемой „полноправия” в городах, меняющего свое содержание под давлением имущественного и социального факторов, благодаря которым в выборах принимала участие только «здоровая и лучшая часть» горожан. Особенно сложно выглядела ситуация в среде светских феодалов, ментальности которых были свойственны как представления о равнозначности любого из носителей привилегированного статуса, так и осознание иерархичности среды и, следовательно, допустимости представительства, точнее замещения феодальной элитой своих вассалов. Отсюда сохранение в практике представительных органов права личного присутствия вплоть до образования отдельных палат (палата лордов в английском парламенте) и, наконец, трудный процесс внедрения выборного принципа в среду мелких и средних феодалов, который зависел от степени самоопределения этих сил. Все эти «частные» ограничения покрывала общая норма – сословный характер выборов, – дробившая корпус депутатов по сословному признаку и неизбежно обрекавшая их на партикуляризм.

Столь же двойственным выглядит статус депутата. Общественный характер его функций, связанный с деятельностью органа, пребывающего вне государственного аппарата, исключал платное вознаграждение, предполагая только возмещение расходов, которые оплачивались его избирателями, создавая его прямую зависимость от них. Именно

они определяли полномочия депутата, снабжая его мандатом, иногда в форме, которая в литературе получила название «императивного» мандата. Широковещательные формулировки в нем действовать депутату так, как действовали бы сами поручители, если бы присутствовали лично, вплоть до «права печати», на самом же деле означали «несвободу» депутата, предполагая невозможность нарушения им инструкций и нового обращения за дополнительными инструкциями в случае необходимости. Императивный мандат, таким образом, нес на себе печать «частного» поручительства, хоть и в виде корпоративных и локальных обязательств.

Депутаты справедливо рассматривали свою связанность с избирателями как условие независимости от монархии, которая пыталась ограничить последнюю, в частности отменить императивный мандат в случае, когда он имел место. С целью контроля королевская власть могла брать на себя компенсацию издержек депутатов. Однако эти же особенности статуса мешали свободе голосования, не позволяя депутатам ощущать себя представителями одного «общенационального тела».

Нельзя не отметить попытки изживания *сословного принципа* представительства, нараставшие по мере приближения к Новому времени: усиление влияния территориального принципа в выборах, который способствовал межсословным связям в рамках территориальных округов и в ходе работы ассамблей; постепенное внедрение принципа большинства во внутрисословных обсуждениях, увеличение прослойки легистов-профессионалов и чиновничества в качестве депутатов от любого из сословий. Все это отражало динамику общества, в известной мере предвосхищая парламенты Нового времени. Неслучайно их первыми акциями была отмена сословного представительства и принятие принципа большинства, что означало признание равенства всех членов общества перед законом.

Столь же противоречивой выглядит реализация депутатами своих политических функций. Представительная практика способствовала выработке в самом депутатском корпусе и обществе «гражданского сознания», которое предполагало признание публично-правовой природы государства. Даже при исполнении наиболее достижимой для средневековых ассамблей налоговой функции депутаты и их избиратели должны были принять необходимость содержания аппарата и армии с помощью налогов, а не наличные доходы государя. Эта практика

формировала понимание членами сообщества не только своих прав, но и ответственности перед государством, а также понимание общественного предназначения монарха.

Депутатский корпус, наконец, культивировал идею заботы о благе «народа», большая часть которого прямо не была представлена в средневековых ассамблеях. Однако политическое сознание депутатов часто опережало реальную консолидацию сословий, заставляя их представителей погружаться в местные распри, подобно тому, как их политическую практику лимитировал социальный фактор.

В заключение хотелось бы привести еще один пример институциональной истории, свидетельствующий о необходимости неоднозначного видения процесса государственного развития. Опыт сословно-представительных учреждений подтверждает одну истину – любой институт, претендующий на политическую власть, даже если он является общественным образованием, осознает необходимость на каком-то этапе обеспечить реализацию своих притязаний. Это могли быть попытки контроля над исполнительным аппаратом или более решительные попытки ввести в состав исполнительного аппарата своих представителей. Особый пример явили кортесы Арагона и Кастилии, которые создали собственные уникальные исполнительные органы – постоянные депутатские комиссии, действующие на длительном отрезке времени (XIV–XVII вв.), в конце концов подмявшие кортесы и позже ликвидированные вместе с ними.

В этом контексте особенно любопытно выглядит случай с английским парламентом, давшим предельный вариант воплощения идеи средневекового представительства. Однако нельзя не заметить его связанности с государственным аппаратом – функция высшей судебной инстанции у палаты лордов, вхождение части ее членов в малый и большой Королевский совет, из состава которого она некогда выделялась. К этому следует добавить яркую печать его «феодалности» в виде права личного присутствия у палаты лордов. В совокупности все отмеченные нами обстоятельства оставляют впечатление незавершенности разделения Королевского совета на самостоятельные ведомства – факт, который служит обычно для исследователей свидетельством обретения государством публично-правовой формы и, следовательно, его модернизации.

Отмеченные особенности, которые выглядят как ограничения в процессе модернизации, в данном случае и при прочих условиях уве-

личили возможности парламента, и он смог добиться того, что не удалось Генеральным штатам.

Этот последний орган изжил в своем составе к концу XV в. элементы личного присутствия, продемонстрировал полную отстраненность от исполнительного аппарата, уступив функцию контроля над законодательством – право ремонстрации – высшему судебному органу страны – парламенту. В таком случае отсутствие «чистоты институциональной формы» в английском парламенте выглядит не столько как показатель несовершенства последнего, сколько как способность его к адаптации и одно из условий его силы.

Впрочем, признание принципа относительности исторических явлений и процесса познания, из которого исходит современная наука, исключает подобную альтернативу в оценке в том числе и политических форм, тем более находящихся в состоянии развития.

Подводя итоги нашему анализу сословного представительства контексте «промежуточного» состояния государственности в виде *État moderne*, следует равным образом иметь в виду как само ценность этого явления для средневекового общества, так и обретенный в нем опыт европейских народов, важный для появления в будущем «гражданского общества»²¹³. Режим сословного представительства свидетельствовал о силе в средневековом обществе не только авторитарных, но и коллективных начал. Однако решение дилеммы – республика или монархия? – лежало не в плоскости притязаний сословно-представительных органов на «народный суверенитет, но в готовности общества реализовать новые формы общественных отношений и политического сознания, которое бы приняло идею самодостаточности и свободы личности. Подобный поворот принадлежал другому времени – раннему Новому времени на его позднем этапе, когда маятник ненадолго качнулся в пользу верховной власти. Таким образом, отсутствовала прямая преемственность средневековых парламентов и парламентов Нового времени. Исключением, пожалуй, стал, не изменяя своей особости, английский парламент, хотя исторический опыт, как известно, формировал не столько исключительный случай, сколько менее яркий, но массовый вариант европейского сословного представительства.

²¹³ *Хачатурян Н. А.* Аристотелевское понятие «гражданин» в комментариях Николая Орезма и социальная реальность Франции XIII – XIV вв. // *От Средних веков к Возрождению: Сб. в честь Л. М. Брагиной.* СПб., 2003.

ИСТОРИОГРАФИЯ: ЛЮДИ И ИДЕИ

ХАЧАТУРЯН Н. А.

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ (к постановке вопроса)²¹⁴

В качестве научной дисциплины историография имеет собственный предмет изучения, содержание которого составляют человеческие знания об обществе и человеке в рамках этого общества²¹⁵. Их совокупность упорядочена определенными принципами, гипотезами, теориями. Последние призваны не просто суммировать результаты познания, но объяснить природу и качество осмысления человечеством пережитого им опыта исторического развития. Чтобы не превратиться в простую библиографию исторических сочинений, эта область знаний должна ответить на вопрос «почему» и «как» возникли и менялись понимание и оценки происходящих или уже происшедших в более или менее отдаленные времена событий и человеческих поступков.

Иными словами, историография реализует свою структуру исторических знаний, в которой (как и положено структуре) имеются неперенные, постоянно повторяющиеся компоненты, скрепленные сущностной внутренней связью. Ими являются:

- а) эмпирический базис науки, т.е. все пространство накопленного за многие столетия исторического познания;
- б) языковое, и в том числе понятийное выражение науки;

²¹⁴ Впервые опубликовано в: *Хачатурян Н. А. Эпистемология истории исторического знания (к постановке вопроса)* // Средние века. 2009. Вып. 70 (3). С. 11–31.

²¹⁵ В двойном содержании термина «историография» – собственно историописание и его история – объектом преимущественного внимания в статье избран последний из обозначенных смыслов. В статье использованы материалы спецкурса по истории медиевистики, читаемого автором на историческом факультете МГУ.

в) философия науки – в данном случае это методология исторического познания, способ видения исторического процесса и подходы к его анализу;

г) методика исторического исследования – приемы и техника работы с источниками, демонстрирующие уровень критического анализа. Внутреннее единство этих компонентов во времени и пространстве определялось развитием общества и человека (*homo faber*), действующего и созидającego в материальной и духовной сферах его жизни. Поэтому, как и в случае с собственно историческим анализом – первым и неперенным условием историографического исследования является оценка его конкретно-исторического контекста, что позволяет нам видеть в развитии историографии относительно крупные этапы.

Настаивая на автономности историографии как научной дисциплины, нельзя не отметить факта ее близости, даже слитности со смежными областями исторического знания, как прежде всего в случае с собственно научной историей, занятой изучением исторического процесса. Являясь ее органической частью, историография, оценивая с большим или меньшим успехом специфику и результаты процесса исторического познания, сама, в свою очередь отражает последний, иногда способствуя ему, или, наоборот, тормозя его (возможным консерватизмом или субъективизмом и политизированностью позиций).

Историография неизбежно пересекается с источниковедением, поскольку любой объект ее изучения как результат исторической рефлексии в большей или меньшей степени может рассматриваться в качестве источника собственно истории – общества, государства, общественного сознания или политической мысли.

Что касается психологии, то, изучая исторические рефлексии, историография неизбежно сталкивается с проблемами человеческого сознания в целом – социальными и природными особенностями людей, а также с их индивидуальными особенностями. Некоторые из природных качеств человеческого ума (не всегда лучшего свойства) оказывают весьма заметно влияние на эволюцию исторического знания.

Источниковедение и историографию обычно называют вспомогательными по отношению к исторической науке областями знания. Подобное определение не умаляет значимости названных дисциплин, подчеркивая лишь целевое назначение их развития – в конечном счете – для постижения истории и, следовательно, для той науки, которая занимается этим по преимуществу и не может без них существовать.

Обе упомянутые дисциплины возникли на определенном уровне исторических знаний, обретая относительно самостоятельные формы существования. В медиевистике точкой отсчета для источниковедения стал XVII век и творчество школы эрудитов, хотя элементы работы с источником начали формироваться существенно раньше, по крайней мере, с эпохи гуманизма. Буквальный взрыв интереса к письменным документам в XVII в. имел своим результатом усложнение техники исследования: потребовалось специальное осмысление и обучение приемам работы с документом. В широком смысле слова источниковедение включает в себя такие дисциплины, как палеография, нумизматика, сфрагистика, генеалогия, дипломатика и т.д.

Возможность относительно самостоятельного существования историографии предполагало заметное усложнение исторического сознания, развитие направлений исследовательского поиска, оформление научных позиций, связанных не только с политическими пристрастиями или антипатиями, но с осознанными подходами к анализу. С этой точки зрения, о начале историографии следует говорить в связи с превращением самой истории в науку в собственном смысле слова. И хотя в том же XVII в. возникшее в философской и политической мысли направление «социальная физика» (Г. Гроций, Т. Гоббс) несло в себе осознанное желание отказаться от простого накопительства фактов и заняться изучением законов исторического развития, – только XIX век стал рубежным для исторического знания. Именно в этом веке появляются и первые историографические обзоры. Одним из них стал обзор первого отечественного медиевиста Т. Н. Грановского, создавшего новаторскую по тем временам целостную картину мировой исторической науки – с определением ее предмета, назначения, места среди других наук и этапов развития с древнейших времен до середины XIX в., философская и историческая мысль которого сформировали, по его мнению, подлинную “всеобщую историю” благодаря идее органического развития²¹⁶.

В 1896–1897 гг. Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос в курсе лекций, впервые прочитанном в Сорбонне, попытались взглянуть со стороны на путь, который прошла французская историческая наука в XIX в. Их «Введение в изучение истории» (1892) стало любопытным обобщени-

²¹⁶ Грановский Т. Н. О современном значении и состоянии всеобщей истории (1852 г.) // Грановский Т. Н. Соч. М., 1856.

ем итогов исследовательского опыта позитивизма и в первую очередь его модели «объективного знания»²¹⁷.

Наконец, в первой трети того же века под пером Гегеля появляется текст «Разум в истории» (1828 г.), который в литературе оценивается в качестве первого варианта учебника по эпистемологии²¹⁸. Автор дал в нем усложненное понимание предмета науки, изучающей историю. Последняя, по его словам, не предоставила нам «живой реальности, в которой мы могли бы принять участие», поэтому для ее реконструкции историк вынужден прибегать к рефлексии. Так великий философ угадал и осмыслил сущностную особенность творчества историка – его «субъективную активность». Позже, уже к концу XIX в. и далее в XX столетии эта особенность станет объектом пристального внимания в развитии исторического познания и отношения ученых-историков к ней.

Историографическую традицию, однако, следует признать весьма хрупкой и уязвимой. Историограф, в отличие от историка, почти всегда имеющего возможность хотя бы на время укрыться в тихой гавани фактов, вынужден включать философию общественного знания в объект своего изучения, если он не хочет ограничиться простым перечислением авторов и их сочинений.

Тем не менее общими усилиями европейских медиевистов, и в частности заметного вклада в эту область знания отечественных специалистов, историография обрела необходимую для автономного существования полноту уже в XIX в.²¹⁹

Главный вопрос, на который должна ответить историография, сводится к оценке степени достоверности того проекта реальности, который был создан тем или иным исследователем или школой исследо-

²¹⁷ *Langlois Ch., Seignobos Ch.* Introduction aux études historiques. P., 1892 (пер. на рус. яз.). *Ланглуа Ш., Сеньобос Ш.* Введение в изучение истории. СПб., 1899 (новое изд.: 2004).

²¹⁸ *Guerreau A.* Le Féodalisme, un horizon théorique. P., 1980. P. 60.

²¹⁹ *Fustel de Coulanges N. D.* De la manière d'écrire l'histoire en France et en Allemagne // *Questions historiques*. P., 1893; *Гюпо П.* Фюстель де Куланж. СПб., 1898; *Виноградов П. Г.* 1) Фюстель де Куланж. Итоги и приемы его ученой работы // *Русская мысль*. 1890. № 1; 2) Очерки западноевропейской историографии // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1883. № 8–12, 1884, № 1–2, 6–8, 11; *Freeman E.* The methods of historical studies. L., 1884 (рус. пер.: *Фримен Э.* Методы изучения истории М., 1893); *Fround L. A.* The evolution of British historiography from Bacon to Namier. N.Y., 1964; *Кареев Н. И.* Основные вопросы философии истории. М., 1893.

вателей. Признавая относительность познания, историография тем не менее способна оценить больший или меньший успех предпринятых учеными попыток, результативность которых определяется в конечном счете как методологией исследования, так и инструментарием и техникой анализа. Более того, выглядит праздным вопрос, который из компонентов в этой связке является «ведущим». Конечно, изменения в методологии анализа готовятся накоплением фактов, расширением пространства источников и новыми методиками. Несомненно, однако, и другое, а именно, что предвосхищение новых горизонтов в сознании историков может сыграть роль запроса и импульса, диктующих и стимулирующих оформление новой методики.

Историография обнаруживает неоднозначный и нелинейный характер в целом кумулятивного процесса развития исторических знаний. Присущая ему тенденция восхождения реализуется не только через обретения, но отступления и потери, сопровождаясь явлениями, которые в науке принято называть кризисами. Наиболее крупные из них были ознаменованы принципиальными изменениями в той самой связке компонентов познания, которые являются его движущими факторами – в методологии и методике исследования. Эти объективные и, казалось бы, естественные результаты развития науки, вызывающие ломку в историческом сознании, как правило, бывают обременены «субъективной активностью» историков. Не случайно известный ученый К. Ясперс считал, что в подобных ситуациях следует говорить не столько о кризисе науки, сколько о кризисе в умах, очевидно имея в виду те тупики сознания, в которые попадают люди, обычно склонные к претензии на монополию собственной позиции²²⁰. Связанная с этим оппозиция крайних точек зрения, наполняла историю науки борьбой мнений, одобренной к тому же заметной и неизбежной политизацией взглядов.

Неизбежность этой особенности, равно свойственной исторической науке и историографии, объясняется спецификой их предмета, который часто создается рефлексированными источниками, изучается всегда рефлексированным сознанием исследователя и столь же рефлексированным сознанием историографа.

Политизированность позиции традиционно усугубляет критический настрой по отношению к предшествующим поколениям историков. Гуманисты утверждали свое превосходство по отношению к

²²⁰ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.

средневековым хронистам, сами оказавшись объектом скепсиса представителей направления «социальной физики», упрекавших их за то, что сделали “новым” для себя авторитетом древность. Столь же суровой была критика последними своих современников – эрудитов, занятых, по их мнению, скучным накопительством фактов. Научная жизнь XIX в. в сфере исторического знания сопровождалась ожесточенной борьбой ученых (в частности, жесткой полемикой Фюстеля де Куланжа и Э. Глассона) и научных школ – германистов и романистов или сторонников общинной и вотчинной теорий, доказывавших исключительную значимость «своих» социальных институтов в истории средневекового общества.

Конец XIX в. добавил политической страсти в историческую науку, что объяснялось резким обострением противоречий в европейском обществе, связанными с его социальным развитием на том этапе, завершившимся Первой мировой войной, а также оформлением социал-демократического движения и особенно его радикального крыла, вдохновляемого воинственной политической идеологией марксизма.

Политизированность исторического сознания могла приобретать особо выраженные формы, как это случилось в отечественной медиевистике советского периода, когда марксизм был объявлен официальной и монопольной методологией.

Как правило, степень политизированности исторической науки возрастала в условиях ее кризиса, т.е. радикальной ломки старых представлений. Тем не менее не следует преувеличивать конфликтность процесса развития исторических знаний и их оценок. Каждый из переживаемых исторической наукой кризисов содержал в себе не только разрушительные, но и созидательные моменты, которые двигали ее вперед, вопреки большим или меньшим трудностям на этом пути. Взятая в длинном пробеге времени, медиевистика демонстрирует в конечном счете не дискретный, но преемственный характер процесса познания. Даже отринутые в нем теории заслуживают уважения, поскольку они являлись теми кирпичиками, которые конструировали общее здание науки, позволяя, таким образом, создавать новые, более совершенные, точнее, корректные, образы реальности.

Изменения в методологии и методике исторических исследований определяли возможность этапного членения процесса развития знаний, а также структурирования познавательного пространства историографии. Организация этого пространства осуществлялась в первую

очередь творчеством исследователей, которые более или менее осознанно делали выбор своих научных позиций. Историограф, имея дело с объективно сложившейся ситуацией, в свою очередь ранжировал историков, создавая свое видение направлений и школ в картине исторического познания. Начиная с XIX в. и особенно в XX столетии мы сталкиваемся с частыми случаями открытой декларации факта образования научного направления (появление группы исследователей, основавших под руководством Г. Моно журнал «Revue historique» (1876), предложивших позитивистские принципы видения исторического процесса; инициатива журнала «Анналы» (1929) в оформлении нового синтеза в историческом знании XX столетия; манифесты парламентаристов и корпоративистов в деятельности Международной комиссии по истории представительных учреждений или сторонников современного широко распространенного направления микроистории).

В любом случае следует помнить, что творчество крупных ученых, рассматриваемых историографией в качестве представителей того или иного направления, часто не укладывается в его жесткие рамки. Упорядочение и ранжировка любого процесса исторического познания не может не носить условного характера. Особенно если учесть возможность присутствия в нем элементов предвосхищения будущих новых аспектов или подходов к постижению действительности, не сразу осмысленных их авторами в рамках своего времени.

Одним из ярких примеров может служить творческая судьба французского историка Ж. Мишле (1798–1874), поклонника Французской революции и романтика первой половины XIX в. Однако в конце жизни в новом предисловии в 1869 г. к последнему изданию своей работы «История Франции с конца XV в. – до 1789» (1862) он оказался способным критически оценить слабости французской исторической школы, в том числе в творчестве таких ее мэтров, как О. Тьерри, где расы, по его словам, не имеют земли, которая носит и кормит их, а актер истории – народ – шагает в воздухе, как в китайских картинах, где отсутствует земля. Более того, он сформулировал позиции, которые станут важными принципами будущего позитивизма: жизнь истинна только в комплексе «составляющих ее компонентов, поэтому в анализе следует «идти всеми дорогами», постигая объект в «глубинах организма», а не его “поверхностные проявления”»²²¹.

²²¹ Michelet J. Histoire de la France de la fin du XV siècle jusqu'à 1789. P., 1833–1867. Vol. 1–17 (rééd.: 1893–1898. Vol. 1–40).

Один из первых отечественных медиевистов – П. Н. Кудрявцев, дав образцы строгого документального анализа в изучении генезиса феодализма в Италии – в портретных характеристиках героев Реформационного движения, римских женщин по рассказам Тацита, императора Карла V или Екатерины Медичи, – обнаружил вкус к анализу человеческой психологии и угадал в середине XIX в. опасность отвлеченного общего анализа, которая таилась в намерении позитивизма соединить историю с социологией. Все эти особенности будут выглядеть естественными только в конце XIX в. и позже, в направлениях «человеческой истории» или исторической антропологии XX столетия.

Более того, исследователей сегодняшней гендерной истории могло бы заинтересовать самостоятельное звучание в его творчестве темы женщины, судьбу которой он ставит в связь с общественным развитием²²². Наконец, еще один пример, связанный с именем яркого французского исследователя Ж. Ж. Флакка²²³, который в конце XIX в. на излете позитивизма воссоздал картину общественного развития Франции раннего Средневековья в манере, свойственной скорее науке будущего столетия – в сложном переплетении множественных и разнообразных социальных связей, возникавших и менявших свою природу под воздействием расширительно толкуемого им условия развития – фактора «покровительства». Картина была создана им с помощью не только традиционных в позитивизме массовых письменных источников (хартий), но и данных археологии, этнографии, топонимики и литературных памятников, свидетельствах устного творчества.

Причудливый рисунок развития медиевистики побуждает в качестве одного из подходов историографического анализа поставить вопрос о весьма непростом соотношении двух концепций осмысления Средневековья – религиозной и светской. В рамках меняющихся форм и особенностей этого соотношения – менялись пространство, подходы и методы процесса познания Средневековья.

Почти монополярная позиция христианской концепции на ранних этапах медиевистики с присущими ей провиденциализмом и телеологизмом в целом ограничивала исследовательский поиск историков, для которых события реальной жизни выглядели как общественные

²²² Кудрявцев П. Н. 1) Соч. М., 1887–1889. Т. 1–4; 2) История гуманизма и Реформации в Западной Европе [автограф лекционного спецкурса] / Под ред. С. А. Асиновской. М., 1991.

²²³ Flach J. Les origines de l'ancienne France. P., 1886–1917. Т. 1–4.

деяния, а объяснения их причин сводились соответственно к божественной воле и чуду. Источниковую базу составляли по преимуществу устные свидетельства зыбкой и вариативной человеческой памяти и письменный, столь же субъективный, рассказ, предопределяя описательный характер и жанр исторических сочинений (нарратив). Это вовсе не означает, что хронисты не стремились к достоверности, и та компиляция текстов в их сочинениях, которую обычно фиксируют историографы, на самом деле свидетельствовала о желании дать максимально полное отображение имеющейся в их распоряжении информации. Редкие отступления от канона, несомненно имевшие место уже в раннем Средневековье, обретают характер первого радикального переворота в гуманистическом историописании.

Заметное утверждение светской концепции сопровождалось автономизацией истории в качестве четвертого компонента в корпусе гуманитарного знания, а также новым пониманием назначения истории, в котором отныне подчеркивалась не столько ее воспитательная роль, сколько общественное служение, поскольку она занималась изучением общества. Гуманистическая идеология побудила включить в объект исторического исследования человеческую жизнь и земные страсти, двигающие ее; рационализм в методике диктовал необходимость и обеспечивал возможность аргументированной картины изучаемой реальности, воссоздаваемой по преимуществу по документу. И хотя употребление понятия «критический метод», которое предполагает оценку документа в контексте «времени, среды и целей», оправдано применительно к существенно более позднему времени, – в трудах историков-гуманистов можно констатировать присутствие не только элементов филологической критики, но попытки конкретно-исторического толкования источников (в качестве одного из примеров может служить анализ «Константинова дара» Лоренцо Валлой).

Реалистический настрой гуманистов существенно расширяет и углубляет пространство поиска – объектом исследования становятся не только политические события, но и экономическая жизнь общества. Новую полноту приобретает и область политической истории, обогащенная развитием политической мысли – под влиянием идей аристократизма, осмысления опыта итальянских городов-государств и сословного представительства в Западной Европе (идеи республиканского устройства, «смешанной монархии» и «гражданственности»). Более того, в историческом анализе предпринимаются первые попытки со-

пряжения политической и социальной истории – Гвиччардини связывает процветание Флоренции республиканской формой ее политического устройства²²⁴.

Победу светской концепции принесла идеология Просвещения, обеспечившая наиболее радикальный разрыв со средневековыми духовными ценностями. Провозглашенный ею культ разума с идеей «дерзай понимать» передавал суть умонастроений эпохи, хотя и не исчерпывал ее. Минимизация роли Бога, которому отвели место философского начала или небесного механизма, соединялась с признанием естественных законов и идей органического развития общества. Последнее обстоятельство позволило историческому знанию сделать убедительный шаг к комплексному видению исторического процесса. Практически монопольное положение политической истории в медиевистике теснится «общественной» историей, когда в объект внимания исследователя попадают учреждения, финансы, экономика, культура, религия, быт и нравы.

Подобный прорыв в светской концепции историографии Просвещения был подготовлен обретениями философской и исторической мысли, которые ознаменовали XVII и XVIII вв. Главными из них стало постепенно крепнувшее сомнение в рациональном методе, не опирающемся на опыт и новое понимание развития с отказом от циклизма как простого повтора и признанием идеи органического развития. Они же обеспечили возможности обогащения методики формальной внешней критики источника (подлинность, датировка, формула документа), внедренной трудами болландистов и бенедиктинцев XVII в. Критический метод теперь предполагал смысловую оценку информации, заключенной в источнике, который помещался в контекст условий его появления, отраженных в нем событий или явлений и сопоставлялся с данными других источников.

Отмеченные нами успехи светской концепции, начиная с эпохи гуманизма, были относительны: реформационное движение в Западной Европе XVI в. возрождает религиозные идеи в историографии, что, в свою очередь, не перекрывает до конца его светскую линию развития. Обе тенденции сосуществовали и активно влияли друг на друга.

XIX столетие подтверждает нелинейный характер развития медиевистики в контексте соотношения религиозной и светской концепции.

²²⁴ Гвиччардини Ф. Соч. М.; Л., 1934.

Параллельно и вдогонку историографии Просвещения оформляется направление романтизма с попыткой нового осмысления мира в противовес культу разума и в ответ на противоречия действительности.

Ощущение трагического разрыва с идеалами, провозглашенными Французской революцией, или открытое неприятие их; неоднозначные результаты процесса модернизации общества; желание уйти от обыденности с целью «услышать музыку сфер», – все это способствовало идеализации средневекового прошлого с его религиозностью и традиционализмом. Особенности романтизма не помешали его представителям углубить картину органического развития общества. Подчеркнув стихийность процесса и связав его с идеей «народного духа», они сумели преодолеть недооценку творческой роли «народа» в нем, свойственную до того времени исторической науке.

Философские онтологические системы-гиганты XIX в. обновили и оживили спор материализма и идеализма, который отразился на развитии исторического знания. Не осталась в стороне светская концепция историописания, включая важное позитивистское направление, которое считается рубежом на пути превращения истории в науку в собственном смысле слова. Его представители попытались сделать историю точной «опытной» наукой, в основе которой лежал эксперимент с фактами, добытыми из источника и изученными с помощью тщательно разработанной исследовательской методики.

В рамках комплексного подхода к истории они сумели впервые дать глубокую разработку экономики средневекового общества и его основных социальных институтов – вотчины и общины. В конечном понимании движущих сил исторического процесса позитивизм мог встать «над схваткой» материализма и идеализма, исповедуя теорию «равноправных факторов», которая в известном смысле предвосхищала преодоление традиционной альтернативы двух начал, реализованное только в науке XX в. Но позитивизм не исключал возможности решительного выбора в пользу одного из факторов, чаще всего – политического или духовного. Историк-позитивист Фюстель де Куланж, например, ставил общественное развитие в античном мире в зависимости от изменений в религии, в эпохе Средневековья он предпочитал видеть движущие силы развития в способах землевладения и «групповых связях» – корпоративизме, как сказали бы мы сегодня.

Позитивизм подготовил системное видение комплексного исторического процесса. В структурно-стадиальном варианте он был реали-

зован в марксизме как философской и исторической мысли, причем в предельно секуляризированной форме – атеизме и столь же предельном противопоставлении материи и духа.

Другим вариантом воплощения системного видения истории стал структурно-цивилизационный подход, сделавший единицей процесса не этап общественного развития, но территориальную общность, объединявшую группу народов с относительным единством природной среды, материальной и духовной культуры.

Подчеркиваемый марксизмом принцип экономической доминанты в системном подходе, механистическое ранжирование уровней развития (дуальная система базиса и надстройки), разделяемая им позитивистская «теория отражения» в эпистемологии с недооценкой субъективного фактора ограничивали плодотворность комплексного и системного видения этой методологией общественного процесса. Однако прогресс уже в конце XIX столетия в развитии психологии, в том числе социальной психологии, связанный с заметными изменениями в духовной жизни самого общества, которые характеризовались реальным усложнением природы человеческого сознания, сделали последнюю проблему едва ли не главной в самом крупном кризисе философского и исторического знания на рубеже веков.

Он имел одним из своих естественных итогов новый всплеск интереса к религии и новое усиление идеалистических позиций в светском историческом знании, в отечественной науке, в частности – в творчестве некоторых представителей культурологической школы. Более существенным результатом в развитии исторической науки, однако, стало другое.

Преодоление кризиса и достижение нового синтеза к началу 30-х годов XX столетия было связано, в частности, с преодолением традиционной дихотомии материи и духа, подчеркнувшим неразрывность и взаимную пронизанность этих начал.

Последнее обстоятельство в свою очередь открыло новую страницу в решении теперь уже не проблемы соотношения светской и религиозной концепций исторического развития, но вопроса о степени автономизации светской концепции от идеального компонента.

Субъективизация или «одушевление» исторических процессов в таких направлениях исторического знания, как историческая антропология и ментальная история, культурно-исторический аспект в изучении политической истории отразили сдвиги, которые произошли в

развитии психологии, изучающей человека в качестве целостности, сочетающей в себе сферу сознательного и бессознательного. В решении поставленной нами задачи особую важность представляет трактовка современной психологией, в частности благодаря успехам нейрофизиологии, вопроса о соотношении иррационального и рационального компонентов человеческого сознания. Эта трактовка предопределила новое восприятие сегодня религиозного мышления и шире – феномена сакрального в жизни индивида, социума и культуры в целом. Согласно распространенным ныне представлениям науки о человеке, «священное», связанное со стремлением человеческого духа к постижению бесконечного и осмыслению результатов своего постижения, входит в его сознание, способно творить его, принимая разные формы – исповедания религии или мировой идеи, обожествления природы или монарха и в целом власти, политического или научного авторитета.

Очевидно, сегодня перед историографией стоит проблема оценки сакрального, иррационального или бессознательного компонентов в медиевистике не только в качестве объекта ее исследования, но и явления, от которого оказывается несвободной постигающая деятельность исследователя. Иными словами, названное явление стало актуальной проблемой современной эпистемологии.

В ряду особенностей развития медиевистики, которые выглядят как некие закономерности и могут быть учтены в реализации историографического анализа, следует также назвать «ветвление» уровней исторического исследования. Их отличает степень осмысления полученной информации, которая или определит фактологический характер сочинения, или отразит попытку их автора рассмотреть факты в контексте обобщающей картины их реальных причин и последствий. Одним из первых известных мне примеров собственно исторического сочинения, в котором была поставлена задача открыть законы общественного развития, стал труд французского юриста и политического мыслителя XVI в. Жана Бодена. Вдохновленный уже активно циркулировавшей в духовном мире Западной Европы раннего Нового времени идеей естественного закона, он пытался посмотреть на исторический процесс в целом, выделив в нем действие законов природы, и в первую очередь – географического фактора и климата²²⁵.

XVII век с впечатляющим прорывом к научному подходу к истории в методике анализа (эрудитская школа) и методе («социальная

²²⁵ Боден Ж. Метод легкого познания истории. М., 2000.

физика») обнаружил опасность, которую таило в себе стремление открыть закономерности общественного развития вне собственно истории.

Это направление, разрабатываемое по преимуществу юристами, философами и экономистами, демонстрировало презрение к эрудитам, занятым, по их мнению, хаосом фактов и бессмысленным их накоплением, – осуществляя таким образом свои теоретические искания вне истории. Используемый ими рационализм и дедукция делали анализ логической операцией, которая превращала общество в механическую систему связей между индивидами. Для Гуго Гроция движущей силой этих связей являлись влечение к общению (*appetitus societatis*).

Для Томаса Гоббса внутренними причинами развития общества, естественное состояние которого определялось им как «война всех против всех», были воля к добру (регулируемая и обеспеченная главным образом властью) и отвращение к злу²²⁶.

XVIII век, который исследователи назовут «растерявшейся эпохой», – с «барочным» стилем мышления, характеризующимся вниманием к деталям, размытостью оценок и акцентом на сомнении и нигилизме, тем не менее готовил переход от абстракций в мир человека, изучаемого методом индукции; от идеи круговорота с повтором событий, или циклизма, допускавшего определенные изменения, к идеи органического развития.

Историография Просвещения объединила теорию и историю, преодолевая разрыв и утверждая, что факты, добываемые последней, должны быть пронизаны идеями. Не случайно у Вольтера появляется термин «философия истории», философии не мира, а именно истории как общественного процесса. В толковании термина Вольтер подчеркивал необходимость самостоятельной рефлексии у каждого из историков.

Философия истории предполагала признание факта существования общественных законов: по мнению Ш. Монтескье, можно исправить случайности в развитии общества, но нельзя избежать и изменить событий, постоянно порождаемых природой вещей. Для их познания он предлагал типологизировать многообразие обычаев, нравов и мыслей. Не случайно видный современный социолог Раймон Арон оцени-

²²⁶ Гроций Гуго. О праве войны и мира (1625). М., 1965; Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского (1651). М., 1936.

вает его в качестве одного из предшественников основателя социологии О. Конта²²⁷.

Шарль Монтескье обобщал факты, пытаясь проследить развитие политических форм в соотношении, в частности, с господствующими в обществе принципами: республика, по его мнению, предполагает добродетель людей; монархия – понятие чести, в соответствии с которым строится иерархия в обществе; деспотию сопровождает чувство страха. Любопытно, что, объясняя природу формирования политического устройства, он, подобно Бодену, ищет причины в географической среде (обширные пространства требуют, по его словам, деспотических форм управления).

Позитивизм, объявивший основной задачей исследовательского поиска в общественном развитии открытие его законов, которым должна была заниматься социология (термин, введенный О. Контом), вновь возродил тенденцию к «разводу» истории и теории.

Считая социологию «опытной» наукой, т.е. основанной на фактах, он тем не менее, в выстроенной им структуре человеческого знания именно ее называл вершиной этой структуры, тем самым закладывая возможность ее автономизации от истории. Последующее развитие исторической и философской мысли и специализация знаний об обществе действительно реализовали эту возможность.

Тем не менее автономность социологии, в силу высокой степени абстракции в ее конструкциях и разработанного ею собственного языка, на самом деле относительна, если она не хочет превратиться в бесплодные спекуляции. Подобно тому как история, если она не хочет потерять свой статус науки и общественного предназначения, не должна ограничиваться только описанием фактов без их осмысления, которое, в свою очередь, невозможно без сопряжения ее с теорией исторического процесса.

Кризисы в развитии науки, как правило, стимулируют разрыв фактологической и генерализирующей истории: ошибочность или просчеты старых теорий вдохновляли на активность ту часть историков, которая обычно не ограничивалась своим правом на свободу выбора предпочтительной для них формы фактологических исследований, как наиболее, по их убеждению, верным средством приблизиться к реальности и уйти от субъективности, стремились уготовить ей монопольное положение в науке.

²²⁷ Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1943.

По словам Ф. Броделя, диалог сторон в этих случаях напоминает разговор глухих. Более конструктивной, на наш взгляд, выглядит позиция знаменитого поэта XX столетия И. Бродского, который в одном из своих интервью, отвечая на вопрос о его отношении к структурной лингвистике, сказал, что у него вызывает равное восхищение «бахрома» слов в поэзии и красота логических конструкций в языке.

В любом случае, как показывает опыт, принцип толерантности оказывается наиболее плодотворным и безболезненным для жизни как гражданского, так и научного сообщества. Соблюдение этого принципа, в частности в историографическом анализе, может обеспечить последнему необходимую полноту и объективность.

Объектом критики противников генерализирующей истории часто становится понятийный аппарат науки, который должен претерпевать обновление в соответствии с ее развитием. В этом случае историку и историографу важно научиться иметь в виду и преодолевать те эпистемологические трудности, в которые неизбежно попадает человеческое сознание. В частности, обратим внимание на необходимость понимания и принятия как данности условного характера понятий, при употреблении которых исследователь сталкивается с задачей разрешения, как оказывается, вечного «спора об универсалиях», т.е. с проблемой соотношения частного и общего.

Суммируя явления, наука создает понятия, которые неизбежно являются плодом обобщающей абстрактной работы ума и предельной формой выражения сути этих явлений. Поэтому в реальной жизни понятию в его логической чистоте чаще всего полностью соответствует скорее уникальный, а не типичный вариант изучаемого явления. Однако понятие не перекрывает многообразия конкретных форм его проявлений, помогая постичь и оценить их особенности. Признание современной наукой и демонстрация ею вариативности процессов и явлений, сопровождаемые активно ведущейся «войной с понятиями», сообщает этой проблеме сегодня особую остроту²²⁸.

В контексте эпистемологических трудностей заслуживает внимания и проблема соотношения динамики и статики в историческом процессе и его познании. Исследователь, для того, чтобы изучить явление, вынужден рассматривать его в статике и часто, что особенно опасно, в

²²⁸ Хачатурян Н. А. Общественная система и принципы относительности. К вопросу о содержании концепт-явления “феодализм” // Хачатурян Н. А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008. С. 285–308.

его ретроспекции. Ловушка, в которую он попадает, оказывается двойной: она таит опасность изменить принципу историзма, соблюдение которого предполагает признание становления, восхождения и разрушения явления; или – «потерять» явление, растворив его в неизбежных изменениях. Возможность соблюсти известную равновесность анализа и оценок исследователю может помочь в этом случае апелляция к философским категориям, в частности закону перехода количества в качество или знаменитому гегелевскому трехчастному закону диалектики движения в историческом процессе и процессе познания.

Приведенные соображения, на наш взгляд, наконец, свидетельствуют о необходимости в условиях реализации историографического анализа иметь в виду неперенное расхождение между исторической действительностью и процессом ее познания для того, чтобы по возможности адекватно оценивать эскизы реальности, создаваемые наукой, а также возможности, объективные и субъективные, которыми располагал тот или иной исследователь.

Продолжая предпринятое нами рассмотрение предмета историографии и тех особенностей в развитии медиевистики, которые формируют, в частности, подходы к историографическому анализу, представляется целесообразным затронуть вопрос о корреляции гуманитарного и естественного знания в познавательном процессе.

Явление дает о себе знать на ранних этапах средневекового историописания, в котором чудо и божественная воля при объяснении общественных событий корреспондировали состоянию естественных знаний, представленных в основном алхимией и астрологией и крайне слабым развитием опытных наук.

Любопытный и весьма показательный пример такого рода связей дает нам XVII век, который характеризуется заметным прогрессом в области механики, математики и астрономии. Упомянутые нами выше представители направления «социальной физики», несомненно, находясь под влиянием успехов последних, превратили с помощью рационального и дедуктивного метода человеческое сообщество в некий механический организм, общественные связи в котором действовали по принципу отталкивания или притягивания.

Принятая обеими областями знания идея органического развития в XIX в. вновь сблизит естественников и гуманитариев с попыткой последних, в частности в позитивизме сделать историю «опытной» наукой. Апелляция к естественным наукам в ее крайнем выражении при-

ведет в ряде случаев к неудачному стремлению уподобления общества физиологическому организму.

Наконец, еще один пример – развитие сегодня синергетики, науки, изучающей механизмы процессов самоорганизации спонтанных образований в природе и обществе, их сохранение, разрушение или возможные варианты развития. Исследовательские приемы, стиль и метод мышления, возникшие первоначально в термодинамике, биофизике и математике, получили распространение и в гуманитарном знании.

Можно ли в затронутом нами явлении корреляции ограничиться простой констатацией факта, действительно имевшего место, или объяснить его только влиянием естественных наук на гуманитарное знание? Влияние, которое, предположительно, связано в каких-то случаях с опережающими успехами естественных наук, их обаянием «точного» знания, поскольку они «по определению», т.е. природе своего предмета, способны использовать эксперимент или математический подсчет?

Любопытный ответ, расширяющий и углубляющий наше видение вопроса, дает известный философ и социолог XX в. Мишель Фуко. В своей «Археологии знаний» он вводит подвластное времени понятие «эпистема», подразумевая под ним общее пространство человеческого знания о мире, а также способ видения и способ фиксации этого мира (на языке историков последнюю позицию можно было бы транслировать как «методология и методика» исторического исследования)²²⁹.

Таким образом, точки пересечения, возможные совпадения в развитии естественных и гуманитарных наук отражают общий для них процесс человеческого познания и их органическую связанность, определяемую соответствующим этапом этого процесса.

Предпринятый в данном очерке общий анализ предмета историографии и его особенностей целесообразно завершить оценкой судеб исторического познания в контексте интердисциплинарных тенденций, особенно сильно выраженных начиная со второй половины XX в. Это послужило основанием для некоторых исследователей заговорить о кризисе идентичности истории как науки («история раскрошилась» и «разбилась на осколки»)²³⁰.

В ряду связанных с историей дисциплин особое место занимает литература. Медиевистика начиналась с автономизации истории от ли-

²²⁹ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977; СПб., 1994.

²³⁰ Dosse F. L'histoire en miettes: Dès "Annales" à la "Nouvelle histoire". P., 1987.

тературы, на длительном отрезке времени сохраняя назначение занимательного сочинения и жанр нарратива.

Обретя самостоятельность, она не могла порвать эти связи с ней до конца, часто имея в качестве источников для исторического анализа нарративные памятники. Романтизм вновь усилил позиции литературы в историческом анализе – в виде объекта исследования в его устной и письменной форме (мифы и сказки) и способствуя выработке сложной методики их исследования для постижения отдаленных времен древней истории.

Позже медиевистика пережила еще две весьма выразительные попытки ее превращения в «истинную науку», которые реализовались под знаком отказа от «рассказывающей истории» (*histoire historisante*) – в позитивизме середины и второй половины XIX в. и направлении «Анналов» в XX столетии. Это не помешало ей испытать новый рывок литературы в последнее десятилетие XX в., который стал возможен благодаря прогрессу в исследовательской методике, связанному с развитием лингвистики и текстового (дискурсивного) анализа.

Последний, в частности в рамках герменевтики, открыл новые возможности анализа нарратива в качестве средства приближения к исторической реальности. Отмеченные новации повысили значимость языкового компонента в структуре исторического познания, прорисовав неизвестные ранее повороты в его восприятии (тема соотношения обозначающего слова и вещи, автономизация языка; слово и смысл в языковом контексте; «власть языка»).

Историческое знание оказалось способным принять в свой исследовательский багаж математику и количественные методы при использовании главным образом (хотя и не всегда) массовых документов, причем не только в области социально-экономической, но и культурной истории.

Наконец, в последнее время в домене исторического поиска становится весьма заметным влияние психологии.

В начале очерка отмечалась исходная связь психологии с историей и историографией в силу рефлексированной природы последних и их внедрения в сферу сознания. Показательным в этом контексте выглядит отношение к источникам и специфика исследовательской методики, которые фиксирует историография медиевистики.

В развитии критического анализа, на определенном этапе осмысления историей своей природы как науки – параллельно направлению,

рассчитанному на строгие точные приемы обработки документальных данных, — рождается установка на необходимость «чувствования» источника и «озарения» историка при постижении духа источника. Подобная установка, обычно связанная с работой над нарративным материалом (как это случилось с О. Тьерри, например, или с П. Н. Кудрявцевым), получила колоссальный импульс на рубеже XIX–XX столетий в условиях кризиса и постепенного рождения новой эпистемы. Специального внимания в данном контексте заслуживает творчество немецкого философа и историка культуры В. Дильтея (1833–1911 гг.). В рамках «духовно-исторической школы» он выдвинул категории «понимания» и «переживания», связанные со «сферой интуитивного», в качестве наиболее верных средств постижения реальности²³¹.

Сегодня именно психология начинает теснить по степени своего влияния на историю другие смежные дисциплины, что объясняется новыми сдвигами в духовном мире современного человека, подобно тому как это имело место и в конце XIX в., и ныне связанными с преодолением традиционной альтернативы материи и духа. Именно это обстоятельство диктует в значительной мере особенности исторической науки сегодня.

Современная медиевистика по существу пытается дать культурно-историческое, ментальное и социально-психологическое измерение всем компонентам исторического процесса — политическим, социальным, экономическим, находящимся по принадлежности вне сферы непосредственно духовной жизни, но демонстрирующим в конечном счете их непрерывность.

Парадоксально, но, решая проблемы своей идентичности, история, и в частности медиевистика, должны быть, как показывает опыт их изучения, открыты другим областям знания как раз во имя своего будущего.

Именно это условие является свидетельством и залогом их включенности в общее пространство знания. Опасность представляет не влияние других дисциплин, а злоупотребление этим влиянием — ситуация, за которую ответственны чаще всего сами историки и которую возможно регулировать.

Соблюдение целевого назначения анализа во взаимодействии дисциплин — для и во имя исторического поиска, а также отказ рас-

²³¹ Дильтей В. Введение в науки о духе; Сила поэтического воображения. Начала поэтики // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. М., 1987.

смаатривать связанный с этим намерением новый метод или методику исследования в качестве монопольного средства, могут послужить известной гарантией в деле преодоления названных трудностей.

Последнее условие имеет более общее конструктивное значение как для развития медиевистики, так и для ее истории, о чем уже шла речь в настоящем очерке. Опыт их изучения, в конечном счете, демонстрирует плодотворность широкого взгляда ученых на весьма неоднозначные явления исторического процесса и не менее причудливые пути и результаты их исследования.

В контексте эмпирического пространства медиевистики каждое новое направление в ее развитии готовит предшествующий опыт; оно не всегда перечеркивает старые представления, только корректируя и обновляя их или открывая новые аспекты явления или процесса.

С точки зрения методологии научного поиска новое направление может на какое-то время остаться в рамках уже достигнутой и осознанной учеными эпистемы исторического видения или способствовать ее радикальному обновлению. Но и в последнем случае смена эпистемы станет не только итогом длительных изменений, но и воплощением синтеза подходов и знаний, их сложного усвоения и переплавки качества.

Именно эту мысль об умении сочетать в научном исследовании принципы преемственности и качественного обновления в развитии исторических знаний мы старались подчеркнуть в нашем очерке в качестве важной рекомендации к историографическому анализу.

ОЦЕНИТЬ И ПОНЯТЬ²³²

СОНЕТ

*С. Д. Сказкину от выпускников
кафедры Истории Средних веков 1946 г.*

*В Саратовской глуши, нисколько не унылы,
И звучную латынь сменив на шумный класс,
Вдали от Ваших книг, вдали от Ваших глаз
Мы вспомним с теплотой о Вас. Сергей Данилыч,
Учитель добрый и навечно милый.
Пришкольный наш надел картошкой засадив,
Вновь вспомним мы Эрве, условия цензив, –
Аграрный семинар и Вас, Сергей Данилыч.
Когда ж долги платить настанут сроки.
Вновь вспомним Ваши мудрые уроки.*

Редколлегия сборника «Средние века», решив отметить годовщину со дня смерти Сергея Даниловича Сказкина, не предполагала серьезного академического анализа научного творчества ученого, желая ограничиться воспоминаниями его ближайших коллег и учеников, которые могли бы воспроизвести и сохранить живой облик мэтра отечественной медиевистики и человека.

Понимая, что моя лепта в реализацию этой благородной цели несколько нарушит задуманную картину, я тем не менее позволила себе привнести в нее некоторые дополнительные штрихи, связанные не только с Сергеем Даниловичем, но и с нами, живущими сегодня и смотрящими в прошлое нашей науки с позиции сегодняшнего дня. Поводом для подобного намерения стала не бытующая, – сказать так было бы преувеличением, – но часто встречающаяся в научном сообществе негативная оценка советской медиевистики и ученых, чья жизнь и творчество пришлись на эту эпоху. Тогда ими было получено или завершено образование, созданы основные труды, взяты научные и административные высоты. Участи такого отношения не избе-

²³² Впервые опубликовано в : Хачатурян Н. А. Оценить и понять // Средние века. 2004. Вып. 65. С. 281–288.

жали творчество и личность Сергея Даниловича Сказкина. Подобно Е. А. Косминскому, А. И. Неусыхину, М. М. Смирину и многим другим – время не предоставило ему шанса заглянуть в будущее. Даже такой рубеж в более чем 70-летней советской истории, как неустойчивая оттепель 60-х годов, если и рождала надежды на перемены, то только в рамках существовавшей в то время жесткой политической и идеологической системы. Следует иметь в виду, что отмеченная оценка стала результатом отнюдь не серьёзного мотивированного анализа отечественной медиевистики, но эмоций, связанных с не всегда объективным мнением некоторых ученых, знавших ситуацию «изнутри», и плохим знанием вопроса у молодых коллег. Но в любом случае отношение к прошлому нашей науки осталось политизированным.

Политизированность и сопутствующая ей нетерпимость – одна из банальных и неизменно повторяющихся особенностей развития исторического знания. Историки-гуманисты, делая первые шаги на пути рационального анализа, не принимали всерьёз средневековых хронистов и сами стали объектом неприятия со стороны представителей “социальной физики”, претендовавших на открытие законов общественного развития; позитивисты в середине XIX в. критиковали абстрактные схемы идеологов Просвещения за отсутствие в их сочинениях «почвы» – и так, вплоть до сегодняшнего дня, – явление, казалось бы. невозможное в условиях, когда принцип относительности стал признанной нормой исторического анализа, подобно гегелевской триаде, подчеркнувшей исключительное значение синтеза в развитии любого явления, включая познание.

Острота, какую приобрел этот вопрос в наших условиях, легко объясняется, действительно, исключительной ситуацией, в которой марксизм приобрел статус монопольной официальной идеологии. Признание в начале 90-х годов преходящего характера этой, подобно любой другой методологии, оказалось недостаточным, чтобы успокоить страсти, подогреваемые радикальностью социально-политических перемен в стране, кризисом, переживаемым отечественной наукой, понятным стремлением значительной части общества порвать с трагическим прошлым. Признание свободы методологического выбора автоматически не создало атмосферы толерантности в научном сообществе, может быть, в частности именно потому, что мы не разобрались открыто и честно в том, от чего мы в нашем научном прошлом отказываемся и что берем с собой.

В качестве первого шага на пути преодоления гиперкритического отношения к советской медиевистике и ее отдельным представителям я бы хотела напомнить о чувстве историзма — неизменном качестве профессионала-историка. Кому как не нам знать, что среда бытования, которую, как и время, мы не выбираем, — всегда и неизбежно диктует нормы существования и связанные с ними общественные иллюзии, весьма затрудняет, чтобы не сказать больше, не только задачу неприятия предлагаемых условий, но даже грамотного их осознания, тем более, что эти условия не бывают однозначно хорошими или плохими. Конечно, существует критерий, с помощью которого можно и должно оценивать общественное лицо человека, в том числе ученого — это соблюдение им чести и достоинства, непринесения вреда ближнему. Однако ригоризм в таких вопросах не только несправедлив, но как сказали бы представители естественных наук, не соответствует условиям эксперимента. Не соответствует необычно причудливому и меняющемуся рисунку отношений и поведения человека в обществе. Не все шли на баррикады, но не все выступали в роли палачей. Ученый мог подписать письмо, одобряющее антидемократические действия правительства, однако отрицательный ответ на официальное обращение, которое являлось ничем иным, как проверкой на «лояльность», чаще всего был невозможен. Подпись служила своеобразной данью за право трудиться. В другой ситуации этот же ученый, мужественно защищая науку от упрощенных спекуляций и содействуя сохранению научной преемственности, рисковал, так как его действия находились под контролем идеологического отдела ЦК и легко могли стать аргументом для политического обвинения. Некоторые ученые смогли остаться вне членства в партии — условия, которое мыслилось как бы непременным для «работников идеологического фронта». Другие, долгое время оставаясь вполне дисциплинированными и благонадежными комсомольцами и коммунистами, на каком-то этапе (это чаще всего случалось только на позднем этапе советской истории) — оказывались в ряду активных оппонентов монополии партии в области идеологии. Хотелось бы напомнить, что насилие над личностью, могущее иметь для нее самые печальные последствия, вовсе необязательно становилось результатом акции тоталитарного государства в виде ареста, ссылки, публичных проработок, запрета публикаций, изгнания с работы. — но в виде безжалостности и предвзятости коллег; предательства коллег-друзей и просто друзей; сознательного игнорирования и замалчивания творчества

«другого». Не случайно, известный французский социолог XX в. Мишель Фуко, способный на общественный вызов и посвятивший значительную часть своего творчества изучению проблемы существования человека в пространстве, контролируемом «властью» – государства, религии и морали, производственной и общественной дисциплины, обычая, привычек, – оставляет для него возможность реализовать «свободу» только в сфере сугубо личной жизни.

Предвзятость к научному творчеству советских медиевистов является, как правило, отражением отношения к марксизму, общественная судьба которого помешала ему остаться только научной методологией, осложняя проблему его объективной оценки и провоцируя сомнения в возможности искреннего увлечения или приверженности этому учению.

Марксизм возник как некий итог в развитии исторических и философских знаний, имея свои достижения в предложенном варианте видения исторического процесса и свои лимиты, обусловленные временем. Главными из его достижений явились комплексное и системное видение исторического процесса, признание органического характера его развития и наличия в нем закономерностей; признание познавательных возможностей науки. Все они сыграли созидательную роль в выходе отечественной исторической науки из кризиса на рубеже XIX–XX столетий и в оформлении новой картины мира. Однако марксизм остался в плену позитивистской теории «отражения», которая недооценивала роли сознания в эпистемологии. Значение провозглашенного им принципа комплексного развития снижалось идеей экономической доминанты, которая толковалась в контексте традиционного противопоставления роли экономического и духовного факторов и идеи «вторичности» сознания. Акцент на экономическом факторе, столь заметный в отечественной историографии начального периода советской истории, был, кстати, тоже стимулирован полемическим настроем против историографии XIX в. с характерным для нее культом политического и культурного факторов в истории. Последующая консервация марксизма в отечественной медиевистике и изоляция последней от мировой исторической и философской науки неизбежно обрекали ее на отставание по ряду показателей, результаты которого стали сказываться к середине и особенно во второй половине XX в.

И тем не менее в рамках марксизма в отечественной медиевистике была разработана концепция феодального общества, существенно про-

двинутая по сравнению с предшествующей историографией, особенно в части экономической структуры. К ее разработке самое непосредственное отношение имел Сергей Данилович Сказкин, который был в ряду первых медиевистов, принявших марксизм – А. Д. Удальцова, В. М. Лавровского, А. И. Неусыхина, Е. А. Косминского, В. В. Стоклицкой-Терешкович. На протяжении всей своей жизни он сохранял к нему интерес, который подогревался вкусом историка к философии истории и выраженной способностью к теоретической рефлексии. Крупные монографические сочинения С. Д. Сказкина – с анализом специальных проблем и тем и использованием массового архивного материала, – относятся к новой истории (его кандидатская диссертация, посвященная положению французского крестьянства в Шампани накануне Революции; монография „Конец австро-русско-германского союза. Исследование по истории русско-германских и русско-австрийских отношений в связи с восточным вопросом в 80-е годы XIX столетия”) (М., 1928; 2-е изд. М., 1974).

И если определять основной вклад ученого в медиевистику, то его составили как раз теоретические разработки по экономической, социально-политической и культурной истории феодализма. Его талант историка, который отличали ясность ума, умение увидеть за фактами и событиями – явления и проникнуть в их суть, способность равно чувствовать и ценить как трагедию и подвиг человеческой судьбы, так и красоту системной картины, – всё это обеспечивало творческое восприятие и использование им марксистского метода.

В анализе Сергея Даниловича Сказкина экосистемы феодализма особое значение имело толкование им проблемы феодальной собственности и ее соотношения с внеэкономическим принуждением как средством реализации этой собственности. Толкование давало выход в современное понимание связи экономического и личностного или политического факторов в экономическом механизме средневекового общества. Другое дело, что в тех условиях исключительная роль политического фактора на многие годы была забыта, точнее, решалась в контексте дуальной системы базиса и надстройки, т.е. «вторичности» последней. Однако в те годы С. Д. Сказкин отстоял медиевистику от бытующего в советской науке спекулятивного представления о внеэкономическом принуждении как основе феодальной структуры, к тому же трактуемом как явление насилия, лишенное экономического содержания. В характеристике Сергеем Даниловичем социально-экономиче-

ской эволюции феодального общества (смена формы ренты, изменение экономического и социального статуса крестьянства и т.д.) специальный интерес представляла оценка так называемого “второго издания крепостничества”, выходящая за рамки только западноевропейской истории.

В характеристике Сказкиным абсолютизма заслуживает быть отмеченным более корректное по тем временам использование ученым «социального подхода» к политической истории в целом и в частности в оценке им социальной природы этой формы феодального государства, возникающего на этапе позднего Средневековья, и связанной с этим специфической расстановкой сил – подвижного баланса меняющегося дворянства и формирующейся буржуазии. И хотя последующие конкретные исследования будут корректировать картину социальной природы абсолютизма, уточняя и углубляя ее, последняя останется в рамках, обозначенных Сказкиным. Особый интерес представляет попытка толкования ученым вопроса о степени зависимости или, наоборот, автономизации власти от общества, имеющая более общее значение для понимания особенностей не только абсолютизма, но и эволюции средневековой государственности в целом.

По инициативе Сергея Даниловича Сказкина в МГУ и Институте истории АН СССР стало возрождаться культурологическое направление в отечественной медиевистике, уравнивая выраженную тенденцию в 30–50-е годы к преимущественному изучению социально-экономической истории и утверждая комплексный подход к постижению средневековой истории. Его личный интерес к этой проблематике нашел публичное отражение в специальных статьях, в частности, посвященных проблеме гуманизма и культуры Возрождения, а также в читаемых им в МГУ общем лекционном курсе по истории Западного Средневековья и спецкурсе по Религиозным войнам и культуре Возрождения во Франции. В научных спорах о природе культуры Возрождения и идеологии гуманизма Сергей Данилович отмечал широкую социальную базу процесса их оформления и развития. Стремясь, тем не менее, подчеркнуть качественные отличия гуманизма от средневековой, в частности, городской культуры, он видел его основные истоки в возникновении буржуазии, преувеличивая уровень и масштаб оформления этой социальной силы в Италии XIV–XV вв. Светская направленность и оппозиционный по отношению к католической церкви настрой гуманизма в условиях жесткого идеологического контроля в

нашей стране служили для Сказкина столь необходимым тогда оправданием его занятий.

Однако тайной страстью Сергея Даниловича были исследования темы духовного мирозерцания в средневековом обществе, с особым вниманием к теологии и религии. Только в 60-е годы этот интерес получил частичный выход в спецкурсе по истории средневековой культуры. Трагично, но от задуманной им специальной монографии в архиве остались только впечатляющие по масштабу и характеру материала заготовки и отдельные ее части.

Конечно, С. Д. Сказкин разрабатывал и утверждал марксистскую концепцию феодального общества, и взгляд из сегодняшнего дня безошибочно выделит некоторую упрощенность или устарелость ряда оценок, подходов, исследовательских приемов и даже поисков, – примером могут служить попытки отыскать «основной закон феодальной формации». Но кому придет в голову сегодня упрекать представителей политического или позитивистского направлений и тем более вменять им в вину недостаточно правильное, недостаточно глубокое или одностороннее толкование того или иного процесса. Соблюдая грамотность историографического анализа, это можно констатировать, фиксируя изменения в историческом знании.

Марксизм Сергея Даниловича Сказкина был окрашен выраженной творческой индивидуальностью ученого, которая не укладывалась в выстраиваемые официальной наукой рамки. Он был открыт европейской культуре – в границах возможного по тем временам и в лучших традициях российской интеллигенции, сам, являясь ее великолепным представителем. Никогда не считая формационный стадийный подход единственной мерой исторического развития, он соединял его с научным интересом к цивилизационной теории и в связи с этим к творчеству А. Тойнби. С. Д. Сказкин увлекался европейской философией и социологической мыслью, в частности, произведениями М. Вебера, Дильтея, Трёльча, чье творчество сыграло огромную роль в формировании нового мировидения и новых подходов к познанию, хотя это „новое” слово в отечественной медиевистике было сказано спустя много лет после ухода ученого из жизни.

Сергею Даниловичу Сказкину удалось избежать многих казалось бы неизбежных на пути историка того времени потерь благодаря личным качествам доброжелательного, глубоко порядочного и легкого (я бы даже осмелилась сказать – веселого) человека.

В течение длительного времени являясь руководителем ведущих научных подразделений отечественной медиевистики – в МГУ и в Институте истории Академии Наук, – он был лишен властной гордыни и высокомерия, никогда не злоупотреблял своим положением, стремясь использовать его во благо науки. Сам страстный спорщик, он пытался в меру своих сил и ситуации перевести споры в сугубо научную сферу и избавить коллег от административных последствий. В спорах и расхождениях ему не изменяли чувство юмора и терпимости. Как мудрый руководитель он хорошо чувствовал несправедливость, неблагодарность, беспринципность, вообще человеческие слабости, умея сохранить во взаимоотношениях достоинство и выдержку интеллигента. Наконец, он был способен признать свою ошибку и отказаться от прежних взглядов, как случилось с первоначально упрощенно понимаемой им проблемой классовой борьбы.

Я глубоко благодарна ему за ту школу – научную и «человеческую», которую прошла у него, работая с ним уже на этапе подготовки кандидатской диссертации в качестве его ученицы; и в течение ряда лет – до его ухода – в качестве заместителя по кафедре и младшего коллеги.

Я старалась написать и сказать только о том, что мне казалось важным для понимания научного и общественного значения творчества и жизни Сергея Даниловича Сказкина, не затрагивая ничего из его личной судьбы, что подлежит, как мне кажется, правилу, сформулированному древними – о мертвых или хорошо, или ничего.

ХАЧАТУРЯН Н. А.

ЧЕСТЬ И ДОСТОИНСТВО ИСТОРИКА. НЕОКОНЧЕННОЕ ИНТЕРВЬЮ С БЕРНАРОМ ГЕНЕ²³³

Некоторое время тому назад в одной из встреч с Б. Гене в Париже я поделилась своим намерением написать о нем статью для центрального издания медиевистов России – журнала «Средние века», предполагая относительно подробный академический анализ творчества знаковой для европейской науки фигуры ученого в изучении политической средневековой истории, – ученого, широко известного в среде отечественных специалистов и студенчества.

Намерение было встречено с интересом, подкрепленным неплохой информацией о разработках российских ученых в области политической и государственной истории западноевропейского Средневековья, которой располагал Б. Гене, в частности благодаря моим подробным рассказам в переписке и личных беседах о деятельности, начиная с 1992 г., научной группы «Власть и общество», организационным центром которой стала кафедра медиевистики Исторического факультета МГУ²³⁴.

²³³ Впервые опубликовано в: *Хачатурян Н. А.* Честь и достоинство историка. Неоконченное интервью с Бернаром Гене // *Средние века*. Вып. 72 (1–2). С. 390–398.

²³⁴ В одном из писем по имеющимся в его распоряжении программам научных конференций и публикациям их материалов (Двор монарха в средневековой Европе: Явление, модель, среда / Отв. ред. Н. А. Хачатурян. М.; СПб., 2001; Королевский двор в политической культуре средневековой Европы: Теория, символика, церемониал / Отв. ред. Н. А. Хачатурян. М., 2004; Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти / Отв. ред. Н. А. Хачатурян. М., 2006; Власть, общество, индивид в средневековой Европе / Отв. ред. Н. А. Хачатурян. М., 2008) он писал, что впечатлен интересными темами коллоквиумов и сообщениями («belles communications»), которые, по его выражению, свидетельствовали об «обилии и качестве» современных русских исследователей, завершая этот пассаж сло-

Решение поставленной задачи затянулось не только по причине каждодневной занятости, но и из-за сложности самой задачи: желания соединить академический анализ творчества выдающегося историка, равно способного к синтезу и вдумчивой тонкой конкретике, знаток средневековых источников, будь то юридического, административного или нарративного характера, – с характеристикой столь же масштабной и неординарной личности этого человека, встреча с которым в начале 70-х годов прошлого столетия стала важной вехой на моем научном пути. Сомнения и боязнь вызывало собственное положение человека со стороны, «чужого» для той среды, в которой жил и творил Б. Гене. Сомнения оставались, несмотря на существующее в целом взаимопонимание.

Выходом показалось «присутствие» голоса самого Бернара Гене в тексте, в виде интервью с ним, но и на этом этапе письменные ответы на первые вопросы, обращенные к нему, оставляли желание личной беседы для уточнений и дополнений. К глубокому несчастью желаниям не суждено было сбыться. Поэтому в данной публикации, в память и в честь Б. Гене, я попытаюсь донести до коллег материал того начатого и неоконченного интервью, по возможности сохранив когда-то по случаю произнесенный в устных беседах или специально написанный им текст, сопроводив его собственным видением значимости творчества и личности этого ученого.

Исключительное значение творческого вклада Б. Гене в медиэвистику я вижу, прежде всего, в утверждении им нового видения политической истории и новых подходов к ее изучению, которые формировали несколько аспектов его деятельности. Сам выбор Б. Гене в начале исследовательского пути именно средневековой политической и государственной истории в качестве доминирующего объекта научного творчества, имел знаковое значение в судьбах ее изучения для западноевропейской медиэвистики XX столетия²³⁵, принципиально из-

вами: «Bravo! Continuez à bien travailler» (из письма от 29 сентября 2006 г.). Его удивляло разнообразие у нас специализации по странам Западной Европы, что, действительно, является особенностью отечественной школы медиэвистов.

²³⁵ Доказательством тому служит международное признание научного авторитета Б. Гене, о котором свидетельствуют апелляция к его научному творчеству историков европейских национальных школ, а также его статус приглашенного профессора в Йеле (1972 г.), приглашенного преподавателя в колледже Всех Святых в Оксфорде (1976 г.), приглашенного руководителя углубленных исследований в Принстоне (1976 г.).

менив направленность поиска отходом от институциональной истории и работ частного характера по преимуществу. В ситуации, сложившейся после Первой мировой войны, в условиях кризиса гуманитарного знания на рубеже веков это дискредитировало политическую историю, инициировав мощный всплеск интереса к социальной и экономической реальности в деятельности «Анналов». Новую судьбу в изучении политической истории определило ее возвращение к социальной истории, теперь на новом витке развития по сравнению с позитивизмом и сильным во Франции 30-х годов. XIX в. направлением «социальной истории».

Уже в первой монографии Б. Гене, изданной по материалам докторской диссертации и посвященной судебной системе в баляже Санлис (баляж, шателлени и превотства в их взаимоотношениях и противоречиях) и людям, которые ее приводили в движение (судьи, адвокаты, прокуроры), судебные институты были представлены как «арматура социальной жизни», «наполнившей соком» (*de sève*) историю права, по выражению Ж. Дюби²³⁶. Социальный подход получил новое более широкое звучание в исследовании, посвященном средневековому государству XIV–XV вв., в котором, раздвинув территориальные рамки до масштабов региона Западной Европы в целом, автор поставил вопрос о природе этого явления. Обобщающий характер работы позволил автору преодолеть еще одну слабость, характерную для этого домена исторических знаний в первую половину XX столетия в западной медиэвистике – слабость мелкотемья²³⁷. Факт многочисленных переизданий обобщающего труда по средневековому государству, в которых автор пополнял только библиографию, не трогая основного текста, служит ярким доказательством научной верности и отсутствия спекулятивности в созданной им картине.

Глубокий интерес к политической истории, насколько можно судить по высказываниям Б. Гене, не был случайным, формируясь постепенно. Вкус к знаниям в целом, очевидно, питала атмосфера в семье: «В шесть лет, – пишет он в письме от 30 июля 2007 г., – я знал, что буду профессором» (*A six ans, je savais que je serais professeur*). В период подготовки к поступлению в Высшую нормальную школу

²³⁶ *Guenée B. Tribunaux et gens de justice dans le bailliage de Senlis à la fin du Moyen Âge (vers 1380-vers 1550). P., 1963. Рецензия Ж. Дюби см.: Annales. 1964. Vol. 19. N 4. P. 795–798.*

²³⁷ *Guenée B. L'Occident aux XIVe et XVe siècles. Les États. P., 1971 (6e éd., 1998).*

он колебался между философией, филологией и историей в выборе специализации, в конечном счете решив вопрос в пользу последней. Специализацию в области средневековой истории ему помог определить профессор Сорбонны Ш. Э. Перрэн, лекционный курс которого он слушал²³⁸. Наконец, счастливый для Б. Гене выбор именно политической истории был сделан им по глубокому, отнюдь не умозрительному убеждению в общественной значимости политики. «Две вещи, – пишет он, – убедили меня в важности политики в истории. Мой отец был государственным чиновником (*un fonctionnaire*). Он меня заставил понять важность функционеров, которые поддерживали в течение темных лет структуры государства и помогли Франции преодолеть без слишком сильных потерь страшный период. С другой стороны, я видел хорошо, как железный занавес, который был, как я знаю, политической реальностью, – все изменил в истории Европы...» (из письма от 30 июля 2007 г. С. 2).

Весьма любопытны свидетельства Б. Гене о трудностях, которые он испытал, определяя свой путь исследователя в связи с позицией «Анналов», которые в 50-е годы XX в., по его словам, интересовались главным образом проблемами сельской, экономической и социальной истории и «отказывали (*refusaient*) в признании, презирали (*méprisaient*)» историю политическую как институциональную по преимуществу. Поэтому для первых публикаций, по его утверждению, нужен был *courage*, чтобы просто написать слово «*politique*», практически отлученное «Анналами».

Резкость высказывания, на мой взгляд, нивелируется оговоркой о том, *какую* историю, а именно – институциональную, т.е. существующую в рамках старых представлений, не воспринимали «Анналы». И главное, авангардная роль творчества самого Б. Гене, в конечном счете, объяснялась принятием им нового видения исторического процесса, которое формировали представители этого направления, предлагая его комплексное видение и преодолевая альтернативу материального и духовного факторов в нем. Очевидно, отмеченные Б. Гене трудности ученого, пытавшегося преодолеть предубеждения в научном сообществе, свидетельствовали, в частности, о несбалансированности процесса рождения новой методологии в разных областях гуманитарного

²³⁸ Ш. Э. Перрэн привлекал его как человек и эрудит: «он обучил меня, – писал Б. Гене, – жажде и радостям эрудиции» (из письма от 30 июля 2007 г.).

знания, традиционно связанного с эмоциональным настроем *par contre*. Творчество Б. Гене, на мой взгляд, как раз демонстрирует органичность процесса обновления науки, который сопровождается осмыслением и манифестацией его со стороны креаторов и адептов, особенно на ранних этапах становления, постепенно овладевая сознанием ученого сообщества, формируя в его среде новый виток знаний о мире и способах его видения и на какое-то время относительно стабилизируя ситуацию в ожидании очередного эпистемологического вызова.

Начиная с 80-х годов. XX в. заметно смещение специального интереса Б. Гене к темам, которые отразили усложнение и углубление исследовательского поиска ученого, определив новые особенности в его конструкции политической и государственной истории. Ими стали темы, посвященные проблеме воздействия, часто непредсказуемого, отдельных событий на политические структуры (убийство герцога Орлеанского в 1407 г. или безумие Карла VI)²³⁹.

Указанные темы были неизбежно связаны с выходом ученого в область чувствований (*sentiments*) и представлений и, значит, социальной психологии, – словом, духовного мира средневекового человека, без познания которого невозможно, по его убеждению, познание политической истории. Существенной частью этого мира представлений ученый считал «две реальности», имевшие особую значимость в XIV в. – общественное мнение и реноме человека, чтобы обозначить его место в обществе. Сам Гене в ответе на мои вопросы, в которых я пыталась проверить свои впечатления о целостности его творчества, признал, что все его исследования были связаны «*par une sorte de mouvement tout naturel...*»

Хотелось бы подчеркнуть, что это органичное «движение» проблематики исследований отражало последовательность не в эволюции принципиальных позиций ученого, но в смене объектов анализа, т.е. в воплощении автором отдельных аспектов единой концепции, практически сложившейся в своих исходных позициях уже к началу 70-х годов. Любопытно, что эта целостная концепция присутствовала (не просто просматривалась) в упомянутой выше обобщающей работе по государству. В ней содержались все «реальности» в виде юстиции и администрации, экономической политики государства, его ресурсов и системы кредитов, в диалоге власти и общества, жизни «духа» – в

²³⁹ *Guenée B.* 1) *Entre l'Église et l'État. Quatre vies de prélats français à la fin du Moyen Âge.* P., 1987; 2) *Un meurtre, une société. L'assassinat du duc d'Orléans. 23 novembre 1407.* P., 1992; 3) *La folie de Charles VI: roi bien-aimé.* P., 2004.

пропаганде и теоретической мысли, национальных чувствах и языке, политическом сознании и политическом театре власти в религиозном сообществе. Автор начинает свое политико-институциональное исследование с анализа сферы духа, в пространстве которого существует человеческая общность, и неслучайно, что свою вторую, после докторской монографии, большую работу, созданную в соавторстве с Ф. Леу, он посвящает одному из важных средств реализации власти – въездам короля в город как своеобразной форме «диалога» монарха с подданными, точнее его презентации последним с целью демонстрации своего блеска и величия²⁴⁰.

В конечном счете, именно в контексте понимания Б. Гене важности сферы сознания и рождаемых им представлений, т.е. «воображаемой реальности», особого внимания заслуживает интерес и исключительный вклад историка в разработку и специфику интерпретации темы средневековой историографии. Из письма Б. Гене: «Мне казалось очевидным, – писал ученый, – что прочность государства зависит от институтов, от ценностей людей, которые приводили их в действие, и от убеждений подданных. Среди этих последних (убеждений) одним из наиболее фундаментальных было представление о прошлом, в которое верит каждый народ... Отсюда важность исторических писаний и историков...» Этими словами Б. Гене отвечал на мой вопрос о причинах, истоках его интереса к проблемам историографии, изучению которой он посвятил много статей и монографию общего характера²⁴¹. Он отказывался от манеры использовать исторические тексты фрагментарно, без попыток воспроизвести и понять общую ситуацию, в пространстве которой действовал историк (из письма от 30 июля 2007 г.). Очевидно, эта позиция побудила Б. Гене предпринять новую попытку еще одного синтеза, – сложную, из-за неразработанности самой темы, что было характерно не только для французской национальной школы медиевистов. Это делает Б. Гене пионером в данной области знаний в исследовательском и в организационном плане, благодаря созданию им научного центра и семинара по изучению западноевропейской медиевистики в Париже (Пантеон-Сорбонна)²⁴².

²⁴⁰ *Guenée B. et Lehoux Fr. Les entrées royales françaises de 1328 à 1515. P., 1968.*

²⁴¹ *Guenée B. Histoire et culture historique dans l'Occident médiéval. P., 1980 (рус. пер.: Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002).*

²⁴² Одним из результатов стала монография Б. Гене и его учеников: *Le métier d'historien au Moyen Âge. Études sur l'historiographie médiévale. P., 1977.*

Его исследования, по признанию самого ученого, отличало стремление «понять, что историки Средних веков хотели сказать своими сочинениями». Задача объяснялась, на наш взгляд, уверенностью Б. Гене в факте наличия у них исторической конструкции, консервирующей историческую память и заслуживающей, по его твердому убеждению, не унижения, но постижения ее особенностей в содержательном видении истории и познавательных приемах.

В историографических трудах Б. Гене формировал принципы эпистемологического анализа в этой области исторических знаний, соединив удивительным образом строгие академические приемы и присущую ему ясную логику с глубоким чувствованием истории и психологии средневековых людей и своих собратьев – коллег из далекого прошлого, что предопределило результативность его исследовательского поиска. Так, поставив историческое сознание в контекст эволюции человеческих знаний, он сумел показать направленность исторических сочинений последних не столько на пересказ, но на поиск смысла происходящего; увидеть изменение природы свидетельств – от повтора и компиляций как основного средства постижения прошлого, которое он тоже не обесценивает, отметив в них стремление к «достоверности», – к осознанию средневековыми историками ценности «собственного видения» и значимости увиденного и описанного ими; связанный с последней тенденцией их уход от анонимности²⁴³, – таков краткий перечень наиболее интересных подмеченных ученым компонентов в развитии исторического знания.

В разработках столь значимой для Б. Гене темы сознания средневекового человека особое место занимает исследование им нового для медиевистики и, казалось бы, неожиданного для XIV–XV вв. аспекта этой темы, резюмированного им в явлении «общественного мнения», которое способно отразить, по мнению ученого, хотя и с разной степенью представленности и в неодинаковой форме, социальную иерархию и политическую атмосферу французского общества²⁴⁴.

Постановка темы и ее решение оказалось возможным благодаря весьма неординарной личности героя, вызывавшего понимание и вос-

²⁴³ *Guenée B.* «Ego», «je»... L'affirmation de soi par les historiens français (XIV–XV s.). Comptes-rendus des séances de l'année 2005. Avril-juin. Académie des Inscriptions et Belles-lettres.

²⁴⁴ *Guenée B.* L'Opinion publique à la fin du Moyen Âge d'après la «Chronique de Charles VI» du Religieux de Saint-Denis. P., 2002.

хищение Б. Гене, – Мишеля Понтуэна (1349–1421 гг.), кантора королевского аббатства Сен-Дени, автора хроники, жизнь и творчество которого пришлось на тяжелый период в истории страны, связанный со злополучной болезнью короля Карла VI, потрясениями гражданской войны, спровоцированной распрей бургиньонов и арманьяков, поражениями Франции в войне с Англией. Страстная натура хрониста, с выраженной позицией «публичного» человека, осознающего роль государства и власти в реализации «общего блага», образованного и наблюдательного, обеспечили острую реакцию на окружающую его действительность. Тем не менее, чтобы оценить эти достоинства, потребовался более чем неординарный исследовательский талант Б. Гене, блестяще преодолевшего сложности анализа подобной темы. Их определяли текучесть, изменчивость самого явления, его разнообразие, вызванное разностью социального статуса, политических пристрастий, образовательного ценза и духовных ценностей членов сообщества, не отвечавшего желаемому хронистом идеалу единства, наконец, трудности «различения» собственно «общественного мнения» от видения его Мишелем Понтуэном. Единства не было даже в той общественной группе, которую выделяет Мишель Понтуэн, наряду с людьми авторитета – элитой общества, и народом – «управляемыми», – а именно, группой «sages», интеллектуалов, способных на самовыражение и, в большей или меньшей мере, искушенных в государственной политике, к которой себя относит и хронист.

Исследование может служить образцом герменевтического, собственно толковательного анализа, демонстрируя возможности «игры» ученого со словом – с выделением его контекста, лексических, лингвистических и смысловых оттенков и особенностей. Б. Гене всегда отдавал должное слову или понятию, начиная анализ с первого приближения к их содержанию и далее двигаясь к более высокому уровню с умением найти исходный смысл и многозначность обозначений, наполненных индивидуальными интенциями. Таким образом, он решал эту сложную задачу в контексте современной методики деструкции, не останавливаясь на стадии разрушения и не изменяя присущему ему здравому смыслу. Подобный вкус к слову не был случайностью. По его собственному признанию, при выборе специализации он колебался не только между философией и историей, но и грамматикой и филологией: «Я интересовался изучением языка и слов. К тому же, я делаю это

и сегодня», — замечает он, приоткрывая нам секрет своего исследовательского почерка (из письма от 30 июля 2007 г.).

Завершая краткий очерк *rough in homage* и (к глубокому сожалению), *в память* выдающегося ученого, где я попыталась сохранить его живое слово о самом себе, безвозвратно потеряв возможность отдать ему обещанный текст на верификацию, хотела бы сказать несколько слов о личности этого человека. Не только его творческий, но и физический облик «большого» человека, ассоциировавшийся у меня с Ш. де Голлем (на встрече с ним я однажды присутствовала во время его визита в МГУ), оставляли впечатление значительности, которая, на мой взгляд, была отражением гармоничного сочетания профессиональной одаренности и качеств характера. В этом человеке соединялись сила и масштабность аналитического ума с душевной пронизательностью; отсутствие снобизма и суетной мелочности; внутренняя сдержанность, умение «держаться дистанцию» и внимание к собеседнику, желание услышать и понять его; скромность по отношению к себе и способность оценить значение того, что сделано или делается его коллегами, будь то современниками или историками средневекового прошлого.

Приведу два красноречивых отрывка из его ответов на мои вопросы, где он сам дает оценку своему творчеству. Первый отрывок касается двух сделанных им попыток синтеза в истории (хотя, по собственному признанию Б. Гене, он не воспринимал «спекулятивных» схем). Обе попытки — в области политической и культурной средневековой истории он называет дерзостью (*audace*) и в первом случае ссылается на «побудительные требования» со стороны Р. Бутрюша: «Я и сегодня страшусь моей смелости. Я знал так мало»²⁴⁵.

Достойным завершением короткого очерка, посвященного памяти Бернара Гене, выдающегося ученого, историка-медиевиста, коллеги и учителя, может и должен стать заключительный пассаж из его много раз цитируемого здесь письма — эскиза задуманного и неоконченного интервью с ним: «В течение более пятидесяти лет мои исследования соединялись, органично связывались друг с другом (“сортом естественного движения”). В меру своих слабых возможностей я интересовался всем тем, о чем могли писать мои коллеги в мире (имеется столько превосходных коллег, имеется столько интересных сюжетов!!!).

²⁴⁵ Из ответов на вопросы 5 и 7 / страницы 3-4 текста письма от 30 июля 2007 г.

Я знаю, что обязан всем историкам, которые в течение веков мне предшествовали. Я пытался прокладывать свою борозду, но я не знаю, являюсь ли поклонником (le tenant) древней истории, жрецом (prêtre) новой истории; историк ли я позитивист, модернист или постмодернист; я не сконструировал никакой системы, я не стремился втиснуть факты, которые я наблюдал, в систему. Я не философ (penseur) в истории. Я в ней ремесленник, который сделал то, что смог...»

ХАЧАТУРЯН Н. А.

А.А. СВАНИДЗЕ – ЛИЧНОСТЬ, ТРУДЫ, ПОКОЛЕНИЕ²⁴⁶

Жажда бесконечного руководит
человеком не меньше, чем необходимость.

И. Бродский

Середина и вторая половина XX столетия для наших соотечественников стали временем, когда завершился самый невероятный в истории эксперимент по социальному переустройству общества. И хотя главную цену за него заплатили те, чей сознательный возраст пришелся на первую половину уходящего столетия, поколение, к которому принадлежит Аделаида Анатольевна Сванидзе (родилась 2 июня 1929 г.), получило свою долю испытаний. Выбор специальности, который она сделала, поступив в 1947 г. на исторический факультет МГУ, прибавил трудностей, так как время и страна бросали вызов не только социальной, но и профессиональной судьбе историков.

Оглядываясь назад и выбирая вехи, спрямляющие время, следует напомнить, что формирование будущего историка начиналось в стенах Московского университета уже в условиях послевоенной страны, пережившей победу над фашизмом и ощутившей пока только надежду на возможное преодоление привычной капитуляции общества перед системой. Однако до первой «оттепели» пришлось прожить полтора десятилетия, климат которых определялся «ждановскими постановлениями» в области литературы и музыки, кампаниями против так называемого космополитизма и «делом врачей». Все эти явления были знаками и фоном всей общественной жизни страны. В преподавательской среде, в ряду гонений на «космополитическую» профессию, на кафедре истории средних веков, где Ада Сванидзе специализировалась, пострадали А. И. Неусыхин и Ф. А. Коган-Бернштейн.

²⁴⁶ Впервые опубликовано в: *Хачатурян Н. А.* А. А. Сванидзе: личность, труды, поколение // Средние века. 2000. Вып. 61. С. 3–26.

Одним из тяжких испытаний на путях взросления детей были разрушенные судьбы родителей. Оно не обошло и А. С., поскольку в 1948 г. был арестован и осужден по политической статье ее отец А. В. Крыжановский. Сын квалифицированного питерского рабочего, он семнадцатилетним юношей вступил в Красную Армию при ее образовании в 1918 г., стал военным летчиком, позднее окончил академию и был широко образованным инженером-артиллеристом, полковником Управления ВВС. Семья уже пережила в войну гибель старшего брата А. С. и смерть родителей отца в Ленинградскую блокаду. После ареста отца трагически ушла из жизни выросшая А. С. и горячо ею любимая бабушка с материнской стороны. Болела мать, преподавательница английского языка, не хватало средств к жизни. Вынужденные заботы о семье уже в студенческие годы формировали характер А. С., воспитывая в ней способность сопротивляться трудностям.

Нередко дети и другие члены семьи репрессированного скрывали этот факт своей биографии, хотя вынужденная ложь не освобождала их от страха и ощущения своей «чужеродности». А. С. в университете, однако, не скрыла случившееся, что сделало ее объектом особенно пристального и сурового внимания со стороны начальства, прежде всего партийно-комсомольского. Первое и, к сожалению, не последнее неприятное последствие этого А. С. ощутила на себе, став объектом пристрастного обсуждения на комсомольском собрании и оказавшись перед угрозой исключения из комсомола. Поводом послужила ситуация, когда она (всегдашняя отличница, медалистка, чье выпускное школьное сочинение было опубликовано в числе лучших в книге «На аттестат зрелости») «завалила свою первую сессию, безоглядно, сразу, и на всю жизнь влюбившись в однокурсника. Это был Карл Николаевич Сванидзе, впоследствии выпускник кафедры новой и новейшей истории. Союз с ним усилил уязвимость молодой семьи, так как отец К. С. был расстрелян в 1937 г., мать исключена из партии и жила по углам у родных и товарищей; сам он, фронтовик и орденноносец, уцелел только потому, что долгие годы скрывал все, что касалось его родителей и детства. Но глубокое увлечение наукой, любовь и, конечно же, хорошие люди, с которыми сталкивала жизнь, помогли А. С. сохранить надежды на будущее и веру в свои возможности.

Студенты кафедры средних веков тех лет имели возможность учиться у медиевистов старшего поколения: С. Д. Сказкина, Е. А. Косминского, А. И. Неусыхина, М. М. Смирин, — не только блестящих

профессионалов, но людей, несущих неповторимую печать культуры и образованности прошлого века. Они являли собой пример порядочности и научной этики, отстраненности от административной суеты, при том, что многие из них занимали официальные посты, имели высокие звания и правительственные награды. Их личные качества определяли благоприятный по тем условиям климат учебной и научной обстановки на кафедре. Все они были превосходными лекторами и учителями; их семинары служили великолепной школой творческого поиска. Учебная программа кафедры, традиционно сохранявшая научную направленность образовательного процесса и серьезную специальную подготовку, заслуженно считалась одной из лучших на факультете. Высокий уровень профессионализма, творческая атмосфера на кафедре, сравнительная открытость западной исторической науке и временная удаленность средневековых сюжетов от проблем современности – все это ставило медиевистику в несколько особое положение в условиях сложной политико-идеологической и научной ситуации тех лет.

Занятия в просеминаре по истории средних веков на втором курсе, которые вела одна из первых урбанистов в отечественной медиевистике профессор В. В. Стоклицкая-Терешкович, определили на всю жизнь интерес А. С. к истории средневекового города. Ее дипломное сочинение, написанное под руководством тогда еще доцента Е. В. Гутновой, позднее ставшей одним из ведущих медиевистов страны, было посвящено ранней истории ремесленных объединений (цехов) в английских городах. Эта первая научная работа несла отличительные знаки профессиональной подготовки медиевиста в МГУ: оригинальные источники в качестве базы исследования (в данном случае – массовые городские хартии), скрупулезное собрание фактов и их осмысление в контексте общих проблем городской истории.

„Осложненная” (как тогда формулировали) биография А. С. помешала ей сразу после окончания истфака реализовать рекомендацию кафедры и поступить в аспирантуру, что сделало ее путь в науку более трудным, замедленным, хотя и небесполезным для будущего. Это был путь, который прошли многие медиевисты, включая С. Д. Сказкина, – через преподавание в средней школе. Работа учителем в 5–10-х классах на протяжении восьми лет позволила приобрести жизненный и профессиональный опыт, научила высоко ценить и организовывать время. На этом трудном для А. С. этапе, когда решался вопрос о характере ее будущей судьбы историка, огромную роль сыграли поддержка

и помощь людей, способных к деятельному участию, усилиями которых обычно творятся добро и справедливость. Одним из них была Н. С. Панфиленко, директор школы № 329, которую некогда закончила А. С. Еще раньше, когда после потери отца осиротевшая семья испытывала материальные трудности, директор взяла свою выпускницу на работу пионервожатой – без трудовой книжки. Отзанимавшиеся положенные часы в университете, А. С. бежала на вторую смену в школу, летом выручали пионерлагеря. Теперь, в 1952 г., когда дипломированный специалист уже отчаялась найти постоянную работу, директор школы зачислила ее учителем истории, но при условии, что в официальных документах будет скрыт факт ареста отца. Вскоре А. С. получила уроки и в соседней школе, подчас их набиралось до 30 в неделю. Подрабатывал, где мог, и ее муж, тем более что в 1955 г. в молодой семье появился сын Николай...

Но мечты о научной работе не оставляли А. С., и на помощь к ней пришла родная кафедра. С. Д. Сказкин и Е. В. Гутнова обратились с просьбой о возможности для нее продолжать научную специализацию к ректору МГУ академику И. Г. Петровскому. Это был интеллигентный, образованный и глубоко порядочный человек, крупный ученый- физик, понимавший значение гуманитарных наук. Но на своем высоком посту он смог тогда дать А. С. разрешение лишь на „соискательство” научной степени, что, однако, открывало формальную возможность без отрыва от основной работы сдавать кандидатские экзамены и пользоваться консультациями профессуры. Рабочий день А. С. уплотнился теперь до предела, захватив часть ночи, но появилась перспектива. Помощь кафедры в ее занятиях в те годы, особенно С. Д. Сказкина, Е. В. Гутновой, А. И. Неусыхина, трудно переоценить, тем более если учесть высокий уровень требований, предъявляемых к аспирантам. Не случайно один из рефератов, подготовленных тогда А. С. для сдачи экзамена по специальности, был рекомендован к печати, став свидетельством ее начальной специализации, – по истории средневековой Англии.

Период «оттепели» открыл перед А. С., как и перед многими другими людьми страны, новые возможности и горизонты. Были реабилитированы отец и свекор. Лето 1960 г. стало еще одной значительной вехой на предварительном пути А. С. в науку. Она получает приглашение на работу в Институт истории АН СССР (ныне Институт всеобщей истории РАН), возглавляемый тогда академиком В. М. Хвостом

вым, в сектор средних веков, заведующая которым, Н. А. Сидорова, в свое время была оппонентом А. С. при защите дипломной работы. Н. А. Сидорова, теперь уже доктор наук, профессор, орденоносец и член «Советского Комитета борьбы за мир», была весьма неоднозначной фигурой в науке, в жизни кафедры и особенно Института, где она в течение ряда лет возглавляла партийную организацию. По манере поведения и по научному стилю она была, конечно, типичной «партийной дамой», не разделяя, однако, крайних, откровенно антигуманных проявлений общественной системы. Благодаря ее усилиям многие способные медиевисты были взяты в Институт в обход всяких препон, в частности пресловутого „пятого” пункта анкеты, получив возможность защитить кандидатские и докторские диссертации и издавать труды. А. С., уже сдавшая к этому времени кандидатские экзамены, была зачислена в сектор младшим научным сотрудником. В этом секторе, в этом Институте она проработает затем сорок лет, пройдя путь от „мне без степени” до старшего, а затем и ведущего научного сотрудника и, наконец, заведующей сектором. В стенах Института состоялись защиты ею кандидатской (1965), потом докторской (1981) диссертаций, в академическом издательстве „Наука” вышли все ее главные научные труды.

Научное творчество А. С. оставляет впечатление целостности, несмотря на многочисленные увлечения „боковыми” сюжетами, хотя и они в конечном счете оказывались связанными с главными направлениями исследовательского поиска, обеспечивая широту видения ученого. Основные интересы, определявшие творческую жизнь А. С. на этапе ее восхождения к научной зрелости (который условно можно ограничить рамками защиты кандидатской и докторской диссертаций) лежали по преимуществу в области социально-экономической истории развитого западноевропейского средневековья. Триада разработанных ею в этой связи сюжетов обращает на себя внимание внутренней, органичной связью: городское ремесло – сельские промыслы – торговля.

Социально-экономическая тематика, лишенная броскости событийной или культурной истории, исходно обрекает исследователя на длительные и кропотливые изыскания. Для А. С. ситуацию усложнило условие, выдвинутое сектором при определении темы диссертации: «сменить страну». Оно было продиктовано жестким в те времена планированием исследовательской работы. В данном случае руководство полагало, что англоведов в медиевистике уже достаточно, и необходи-

мо создавать скандинавскую специализацию. А. С. выбрала Швецию. Теперь пришлось все начать с начала: изучить новый язык, включая его средневековый диалект, историю страны в целом и в эпоху средних веков, разобраться в ее историографии. Трудности новой специализации усугубляли скудность имеющихся в стране источников и отсутствие научной школы. Преемственность с дипломным сочинением оказалась возможной лишь в проблематике: городское ремесло.

Разработка этой темы на шведском материале являлась новацией в отечественной медиевистике, демонстрируя „экстенсивное” в то время развитие в ней урбановедения как самостоятельного направления. В 60–70-е годы труды В. В. Стоклицкой-Терешкович по средневековой истории немецких городов активно пополняются исследованиями по итальянскому, английскому, ирландскому и французскому городу. В этих условиях общая картина эволюции городов этой эпохи, созданная Стоклицкой-Терешкович и отразившая марксистский подход к ремесленному цеху, происхождению и природе самого города и социальной сущности бюргерского сословия, благодаря конкретизации национальных вариантов стала приобретать полноту, которая открывала возможности для преодоления сложившейся схемы. В частности, исследования А. С., реализованные в ряде статей того времени и, главным образом, в монографии „Ремесло и ремесленники средневековой Швеции: XIV–XV вв.” (1967 г., 25 а.л.), предлагали вниманию медиевистов весьма специфический вариант ремесленной и вообще городской истории. Это были первые в отечественной науке исследования по социально-экономической истории средневековой Швеции.

В основу книги легли городские хартии и цеховые установления, налоговые описи, документы законодательного и хозяйственного характера и хроники. В методе исследования, в значительной мере предопределившем его результаты и, точнее, его результативность, обращают на себя внимание три особенности.

Во-первых, исходная нацеленность анализа не только на собирание фактов, но и их интерпретацию. Стремление преодолеть фактологический подход, характерный для шведской исторической и археологической литературы о цехах, стало отличительной особенностью исследовательского почерка А. С., продиктованной свойствами ее ума, а также принципиальной установкой автора, унаследованной от научной школы Московского Университета. В извечном и традиционном споре историков А. С. избрала и защищала позицию тех, кто предпо-

читал видеть неразрывную связь истории и социологии. Эта связь обеспечивает историку возможность рассматривать явления или события в широком контексте, освобождая науку от опасности ее постоянного пребывания (или возвращения) в состояние детства.

Далее, автора интересовали не столько технологические характеристики ремесленных процессов, сколько исследование природы ремесленной организации, т.е. социальный анализ данного института. Это не исключало пристального внимания автора к состоянию техники и организации производства в самых разных ремеслах и промыслах, что позволило наполнить конкретным и живым содержанием понятие „производительные силы” и показать таким образом глубинную связь изменений в этой области с развитием форм производственной организации и эволюцией природы собственности в средневековой промышленности.

Наконец, особенно плодотворной стороной научного подхода автора следует признать опыт рассмотрения городского ремесла в тесной взаимосвязи с сельским ремеслом. Этот опыт, впервые осуществленный именно А. С., стал органичной частью нового направления в изучении средневековой истории, задачи которого некогда были поставлены Е. А. Косминским („город и деревня в едином контексте”) и реализованы в трудах Я. А. Левицкого, Л. А. Котельниковой, позднее В. Е. Майера. Новое направление способствовало преодолению традиционного в нашей медиевистике и по существу неправильного противопоставления города деревне как «нефеодальной» и «феодальной» структур. Таким образом, А. С. вышла за пределы только городской (или только сельской, только производственной и т.д.) истории и сообщила своему социально-экономическому исследованию характер комплексного.

Углубленный профессиональный анализ позволил автору выявить интересные особенности в развитии шведского ремесла. Пожалуй, наиболее существенной из них, как было показано в книге, явилась специфика общественного разделения труда, которая не в последнюю очередь определялась состоянием деревенского ремесла и воздействием последнего на городское ремесло. Так, в шведской деревне земледеление постоянно сосуществовало с сельским ремеслом, в том числе товарным, и промыслами. Это объяснялось природными условиями Севера, с характерной для него ограниченностью аграрных занятий из-за нехватки пахотных земель и сурового климата.

Ремесленно-промысловая деятельность шведских крестьян стала существенным фактором одновременного воздействия и на город, и на деревню. В городе она определила медленный рост населения, ограниченное распространение и запоздалое развитие цеховой организации, отсутствие ряда характерных для города ремесел, прежде всего пряжения и ткачества. В деревне же эти подсобные занятия были важной стороной хозяйственной деятельности и одной из причин устойчивости слоя свободного крестьянства, а также его активного втягивания в рыночные отношения. Позднее некоторые из этих занятий стали базой системы скупки-раздачи, что явилось предтечей рассеянной мануфактуры.

Монография содержит богатую информацию, иллюстрирующую сложность и органичность процесса рождения нового уклада в рамках еще вполне феодальной экономики. Пожалуй, наиболее ярко и убедительно это выявлено на материале горно-металлургических промыслов: усложнение орудий труда, выходящее за рамки мелкого производства, незавершенность специализации в этой отрасли, ее многоукладность, в которой патриархальные отношения соединялись с предпринимательством и наемным трудом.

Результативность анализа сельских промыслов на шведском материале объясняет последующие разработки этого сюжета для трехтомной «Истории крестьянства в Европе» (т. 2). Здесь объектом внимания А. С. стали крестьянское ремесло и кустарная деревенская промышленность XI–XV вв. уже в масштабах всей Европы – от Атлантики до Волги и от Средиземного моря до Белого. В таком общем плане тема еще не разрабатывалась, и автору пришлось по крупицам собирать материал в научной литературе разного жанра и многих стран. Тема, конечно, не вместились в рамки небольшой главы, и на свет появилось новое монографическое исследование по более широкому периоду (V–XV вв.): «Деревенские ремесла в средневековой Европе» (1985). Новый масштаб анализа позволил обнаружить универсальный характер ремесленных и промысловых занятий в деревне – не только на европейском Севере, но и во вполне благополучных в аграрном отношении странах, включая такие урбанизованные, как Италия и Бельгия. Как оказалось, повсюду в Европе «ручные занятия» были важным подспорьем для крестьян не только в быту, но и при выплате ренты (выплата натуральной части ренты; продажа продукции для покрытия недоимок по ренте). Вывод А. С., сделанный в первой монографии относительно

но меняющегося влияния „ручных занятий” деревни на город, хозяйственную и социальную обстановку на разных этапах средневековья, получил подтверждение теперь уже на европейском материале. Если до конца XIII – начала XIV в. они обычно тормозили городское производство и урбанизационный процесс, то затем деревенские ремесла, промыслы и корабельничество превратились в один из важнейших факторов развития раннекапиталистических отношений в форме скупки-раздачи и включения в процесс организации рассеянной мануфактуры.

Естественной частью исследовательских поисков А. С. стала и последующая специальная разработка темы торговли. Долгое время – в отличие от не обойденной вниманием проблематики ремесленной (производственной) истории – сюжеты торговли и рынка в отечественной медиевистике были, как правило, сопутствующими, маргинальными, во всяком случае в плане конкретного анализа. Напротив, общетеоретические соображения о торговле были весьма употребительны в многочисленных логических конструкциях относительно природы города или процесса генезиса капитализма, в которых она обычно переставала быть явлением, зависимым от производства.

Тема торговли неизбежно присутствовала уже в исследованиях А. С., посвященных ремеслу в городе и деревне. Одной из первых попыток специального анализа в этой области можно считать статью, посвященную монетной чеканке и монетному обращению, которая потребовала от автора особых разысканий в специальной литературе, консультаций в отделах нумизматики Исторического музея и Эрмитажа (1976 г.). Наконец, в 1980 г. появилась монография «Город и рынок в средневековой Швеции XIII–XV вв.», как бы завершив, замкнув круг необходимых проблем, связанных с социально-экономической историей города. Позднее монография была защищена в качестве докторской диссертации. Она продемонстрировала новый уровень анализа, на который вышел автор: реализованное на шведском материале исследование торговли как феномена средневекового общества приобрело характер социологического.

В соответствии со своим пониманием места торговли в обществе, автор начинает анализ с характеристики форм товарного производства в городе, торгово-купеческих ассоциаций, объема и форм связи с рынком. В изучении собственно рынка автор подвергает анализу направления торговых потоков и состав товарного обращения внутри страны

и во внешнем обмене, инструменты торговли и типы ее организации, наконец, правовое регулирование торговли и таможенную систему. Намеченные А. С. линии исследования по существу отразили комплекс системообразующих элементов такого сложного явления, как торговля.

Соблюдая последовательность в подходе к городу как структуре, тесно связанной с деревней, автор и в данном случае подключает к анализу торговлю в деревне, осуществляемую как крестьянами, так и господами, а также торговлю на горных промыслах, в которой ведущую роль играло городское купечество, в первую очередь ганзейское.

Новаторство автора не ограничивается комплексной экономической характеристикой торговли: исследование содержит социальный анализ товарного обмена, т.е. профессионального, имущественного, сословного, этнического состава его участников. Автор последовательно рассматривает облик и деятельность всех общественных групп, являвшихся субъектами рынка страны – продавцами, покупателями, торговыми посредниками. Помимо профессиональных торговцев разного ранга и специализации в рыночных отношениях непосредственно участвовали городские ремесленники, а также огородники, рыбаки, судовладельцы, моряки, горняки, продавцы услуг, крестьяне разных состояний; представители высших сословий – церковнослужители разных уровней, собственно церкви и монастыри, дворяне, в том числе высшая аристократия, королевская семья, а также королевская казна. Этот срез позволил автору показать общественную роль товарного обмена и рыночных отношений в средневековом мире как фактора стабилизации и развития, закреплявшего внутренние связи, в том числе вертикальное взаимодействие социальных сил²⁴⁷.

Содержание монографии даже в сжатом пересказе удивляет высокой концентрацией материала, которого хватило бы на две книги. Подобная „разрядка”, очевидно, могла бы добавить в изложение «воздуха», сделав его более живым, а ценные результаты и наблюдения автора более выразительными. Впрочем, для социологического исследования «живость» вовсе не обязательна, достаточно обаяния логического анализа.

²⁴⁷ Еще раньше интересующие А. С. проблемы взаимодействия по вертикали на базе экономического обращения, были рассмотрены ею при анализе кредитно-долговых операций (1975).

Многочисленные статьи, которые сопровождали подготовку и публикацию этой монографии, позволили А. С. использовать наработанный материал для дальнейших исследований в области ремесла и торговли. Частично вписываются в тот этап творчества А. С. (который был условно выделен рубежом второй половины 80-х годов) работы, связанные с изучением преимущественно экономической и социальной истории. Это статьи, в которых анализировалась роль Ганзы и ганзейского купечества в торговле на Балтике и Северной Атлантике, или «немецкий вопрос в шведских городах», и, особенно, обширная новаторская статья о наемном труде в средневековом городском ремесле, позволившая автору сделать ряд теоретических заключений о природе и особенностях наемного труда в средневековую эпоху вообще. В то же время, некоторые затронутые тогда автором проблемы отразили выход на новые сюжеты, прорисовав перспективы научного поиска А. С. Это, например, постановка ею вопросов о роли города в качестве канала общественного взаимодействия в Северной Европе, а также о месте бюргерства в создании единого культурного пространства Балтии.

Завершая характеристику первого, очень емкого этапа научного творчества А. С., следует подчеркнуть значимость полученных ею результатов, в частности в свете дискуссий о природе средневекового города и товарного производства в 60–80-е годы XX в. В отечественной медиевистике эти дискуссии реанимировали известное еще историографии XIX в. мнение об исключительно натуральном характере феодальной экономики и чужеродности в связи с этим города и товарных отношений средневековому обществу.

Часть ученых в разных областях исторического знания (медиевистов, востоковедов, русистов) удревяла в связи с этим процесс генезиса капиталистических отношений, упрощая и модернизируя его. Иногда эти подходы стимулировались не столько научными убеждениями, сколько стремлением «актуализировать» XIV и особенно XV столетия и, соответственно, их изучение.

Впечатляющая конкретика разработок А. С. по цеховой организации, по городскому и сельскому ремеслу стали неоспоримым аргументом в пользу оценки города как сущностной структуры средневековья. В исследованиях по средневековой торговле А. С. вступила на территорию, казалось, прочно завоеванную ее оппонентами, которые предпочитали оценивать товарные отношения и торговый капитал по результатам его разрушительного воздействия на «феодальную сре-

ду», не пытаясь понять природу и место этих явлений в рамках самой эпохи. Убедительность исходной позиции автора, рассматривающей торговлю в соотношении с производством, и особенно доказательства феодальной природы самой средневековой торговли, придали остроту ее выводам. «Феодалность» средневековой торговли А. С. видит в ее узкой производственной базе (мелкое и простое производство), в наличии ряда личностных форм (прямой обмен, использование немонетных платежных средств, сильные позиции непрофессиональных торговцев, рекрутируемых из всех социальных групп, широкое воздействие внеэкономических средств на торговлю в виде привилегий, регулирования цен и т.д.). Вместе с тем автор показала, что товарные отношения пронизывали общество несравненно глубже и шире, чем было принято считать ранее. Они затрагивали не только город (хотя именно он играл здесь ведущую роль), но и деревню, и замок, и потому их роль в жизни тогдашнего общества была и очень органична, и весьма заметна.

Споры тех лет, как, впрочем, и прошедшая десятилетием ранее дискуссия о классовой борьбе, обнаружили творческие потенции в развитии отечественной историографии, попытки преодолеть некоторые устоявшиеся идеологические схемы, – обстоятельство, имевшее принципиальное значение для жизни и научного творчества А. С. Становление ее научной зрелости пришлось на сложный для медиевистики период обновления. Очень постепенно, «в несколько приемов», наша историография преодолевала издержки, связанные с монопольным положением марксистской методологии и диктатом официальных догм. Этот процесс напрямую зависел от политической ситуации в стране, шел через завоевания и отступления – от «оттепели» к «застою» и далее к «перестройке», которая обеспечила создание необходимых внешних условий для свободного развития науки.

У истоков 60-х годов, когда началась собственно «взрослая» научная жизнь А. С., импульсы обновления воплощались преимущественно в попытках творческой интерпретации марксизма и поисках новых или неиспользованных возможностей этого метода. И только с начала 70-х годов стала очевидной тенденция к свободе методологического выбора для историков и утверждению принципов амбивалентности и плюрализма в методах познания. Перемены были в известной мере подготовлены естественным ходом развития исторического знания, в котором, как и в идеологии, всегда оставалось пространство для свободного творческого поиска, ускользающего от давления официальной

идеологии. В медиевистике процесс был облегчен отмеченными выше особенностями, связанными с объектом исследования и профессиональной подготовкой. Однако трудно переоценить значение тогдашней западной исторической науки, точнее, направления, связанного в первую очередь с деятельностью французской школы историков, группирующихся вокруг журнала «Анналы». Новое направление, быстро получившее признание в национальных исторических школах Западной Европы и США, сумело дать ответ на потребности исторического научного знания второй половины XX столетия, реализовав синтез достижений социологии с новой эпистемой познания, родившейся на рубеже XIX–XX вв.

Естественно, что процесс известного обновления отечественной науки, наиболее радикально затронувший на первых порах изучение культуры и духовной жизни, не мог не сопровождаться осложнением отношений в среде медиевистов. Острота и даже мучительность споров определялись отсутствием толерантности и крайностями в позициях части историков, что затрудняло взаимопонимание и, следовательно, сам процесс обновления науки. Столкновения крайних мнений, как известно, обычно сопутствуют развитию науки, тем более в условиях смены школ и методологий. Но в среде ученых, десятилетиями воспитываемых в строгой политико-идеологической дисциплине и методологии, возведенной в ранг государственной, данная закономерность не могла не приобрести особенно резкие формы. Крайнюю позицию одной из сторон отличала невосприимчивость к новому, желание сохранить «советский» вариант толкования марксизма, непонимание того, насколько далеко по многим позициям ушла вперед мировая историческая наука. Другая сторона обнаружила полное неприятие марксизма, нежелание понять и, тем более, признать его роль в развитии мирового исторического знания. Подчас некритическое отношение к западной науке соединялось со стремлением перечеркнуть то положительное, что было создано отечественной медиевистикой. Неспособность к синтезу в том и другом вариантах красноречиво свидетельствовала о том, что всех участников спора формировала одна научная школа. Требовались время и изменения в сознании, чтобы снять определенную зашоренность оппонентов и при всех противоречиях и несовпадениях создать возможность диалога.

Постепенное преодоление стереотипов было напрямую связано со сменой поколений в среде научной «элиты», в первую очередь руко-

водителей научных центров, которые определяли в них рабочую атмосферу. В конце 60-х – середине 70-х годов в Москве ушли из жизни представители «первого» старшего поколения: С. Д. Сказкин (который в 1961 г., после кончины Н. А. Сидоровой, возглавил также сектор средних веков в Институте всеобщей истории), Е.А. Косминский (формально возглавлявший отделившийся в конце 50-х годов сектор истории Византии), не занимавшие «постов», но высокоавторитетные профессора А. И. Неусыхин, М. М. Смирин, В. М. Лавровский и другие. С их уходом закончилась очень сложная и вместе с тем интересная и значительная эпоха в послереволюционной отечественной медиевистике, обозначенная их талантливыми трудами и личным нравственным примером. На смену пришло поколение, выросшее в условиях системы, внедрявшей методы партийно-административной власти в управлении наукой и привившей вкус к такой власти. В 70-е годы руководителем сектора средних веков стал доктор исторических наук А. Н. Чистозвонов; кафедру в МГУ возглавил доктор исторических наук А. И. Данилов, тогда министр просвещения СССР. Он же стал ответственным редактором главного печатного органа медиевистов – сборника «Средние века». Эти руководители, обладая известными способностями и знаниями, в сложной расстановке сил того времени олицетворяли собой, однако, сугубо «охранительные» тенденции.

Для новых научных «мэтров» представители поколения, к которому принадлежала А. С. и которое к этому времени достигло достаточно зрелых лет и научного опыта, оставались на положении «молодых». Их было принято выдерживать в этом состоянии, не поощряя в получении докторских степеней и научных званий, не допуская в редколлегии научных изданий, подчас отказывая в публикации статей, особенно с элементами новаций, не доверяя, наконец, самостоятельных участков научной деятельности. Подобная практика, к сожалению, не всегда объяснялась высокой требовательностью к эрудиции ученого и качеству его трудов, тогда, действительно, принятой в академической среде. Во всяком случае, официальное обсуждение уже готовой и одобренной специалистами докторской диссертации А. С. было без видимых причин задержано руководителем сектора на целый год, а сама защита – на четыре года; она состоялась лишь по выходе этого труда в свет.

В процессе обновления науки А. С. во многом шла собственным путем. Она не принадлежала к числу дерзких одиночек, способных на

решительный и открытый разрыв со старым, и в своем творчестве скорее олицетворяла тенденции научной преемственности. А. С. всегда была дистанцирована от идеологии и политики. В своих ранних работах, в период еще до конца не изжитого (даже в 70-е годы) воинственного настроения отечественной литературы в оценках зарубежной науки, ей было свойственно спокойное, деликатное и уважительное отношение к трудам западных коллег. Ни в одной из своих публикаций она не использовала «цитатный» метод – ни в качестве «отмычки» в процессе познания, ни в качестве вынужденной дани. Она восприняла, бережно сохраняла и развивала проверенные временем лучшие традиции отечественной школы социально-экономических исследований, которые составили наиболее яркую и сильную сторону отечественной медиевистики. Вместе с тем А. С. была открыта инновациям. В 60-е годы, еще увлеченная социально-экономической тематикой, она усиленно искала в ней новые сюжеты и подходы. Вслед за А. Я. Гуревичем, тогда уже настойчиво и последовательно предлагавшим вниманию отечественных медиевистов свои исследования в новой для них области социальной психологии и истории сознания средневекового человека, она попыталась в работах о ремесленных цехах Стокгольма XIV–XV вв. выйти на анализ морально-этических норм и быта ремесленников (пир, трапеза, уровень жизни, отношения подмастерья и мастера в быту и др.), приняв позицию, согласно которой без этой сферы картина их жизни и взаимоотношений не будет полной. В конце 60-х годов, почти через двадцать лет после выхода в свет книги Б.Ц. Урланиса по проблемам демографии (1941), А. С. публикует три статьи, посвященные демографическому режиму в средневековом шведском городе, с привлечением сравнительного европейского материала и данных специальных дисциплин. Тогда эстафету подхватил В. В. Самаркин, опубликовавший статью по проблемам народонаселения в связи с чумой XIV в. К сожалению, начатые им разработки специального курса по средневековой демографии не были завершены из-за ранней кончины.

Все эти начинания корреспондировались с интердисциплинарными поисками западной исторической науки, в частности с ее интересом к проблемам демографии. В 80-е годы в отечественной медиевистике оформится специальное направление во главе с доктором исторических наук Ю. Я. Бессмертным, где демографические проблемы будут поставлены в историко-ментальные и историко-антропологические рамки (гендерная тематика, история семьи и женщины).

Однако, не склонная обольщаться научной «модой», А. С. не принимала тех форм, которые обретали новые увлечения в отечественной медиевистике, часто предпочитавшей крайности. Научная зрелость и профессионализм А. С., свойственные ей динамизм и вместе с тем взвешенность делали ее позицию конструктивной в условиях «перестройки». Это объясняет происшедшие в ее жизни изменения. В середине 80-х годов новое руководство Института (во главе с чл.-корр. А. О. Чубарьяном) поручает ей возглавить сектор средних веков, подтвердив единогласный выбор коллектива. Преобразованный в 90-е годы в соответствующий отдел, а затем в «Центр истории западноевропейского средневековья», по традиции занимающийся и историей раннего Нового времени, Центр, как прямой преемник сектора, включал широкую палитру научных интересов, изучение разных стран и периодов. Почти одновременно в институте в ходе структурной перестройки были созданы новые подразделения для исследования в области ментальной истории: историко-культурологическое (во главе с профессором А. Я. Гуревичем) и уже упоминавшееся ментально-демографическое (во главе с доктором исторических наук Ю. Л. Бессмертным). Продолжал успешно работать сектор истории Византии (во главе с профессором Г. Г. Литавриным, ныне академиком) и сектор истории общественной мысли (тогда во главе с профессором Л. С. Чиколини). Способные медиевисты пополнили сектор историографии и некоторые другие подразделения Института. Все это существенно расширило возможности академической медиевистики, ее ареалы, тематику, методики. Новый важный этап в ее развитии совпал с новым этапом в научной жизни А. С.

Пост главы основного в Институте подразделения медиевистов не был неожиданным ни для А. С., ни для коллектива. Помимо научных и личных свойств А. С. немаловажную роль здесь сыграл ее большой опыт научно-организационной работы. Свои научные занятия она всегда успешно сочетала с организационными и общественными обязанностями, которые, несомненно, требуют особых качеств. Хороший организатор должен быть способен не только отдать другим свои физические усилия и время, но психологически принять и не подавлять научное творчество сотрудников, оценить и поддержать их научные поиски, поделиться с ними собственными идеями.

Организационные обязанности начались для А. С. через полгода после зачисления в сектор, в 1961 г., когда она сменила Я. А. Левиц-

кого на посту ученого секретаря. Спустя восемь лет она становится заместителем зав. сектором С. Д. Сказкина, и остается в этой должности вплоть до его кончины в 1974 г. Выполняя эти обязанности, А. С. вполне уяснила значение сектора, те важные задачи, которые он должен был выполнять в качестве ведущего научного центра отечественных медиевистов. Я имею в виду прежде всего инициативную научную деятельность сектора, выходящую за рамки его внутренних дел: организацию научных проблемных встреч; обсуждение монографий, диссертаций, статей, докладов, учебников и т.д.; общую координацию усилий медиевистов страны и защиту их статуса, их исследовательских интересов. Последняя задача – связи с периферийными научно-преподавательскими кругами (заслушивание докладов, отзывы на труды, организация защит диссертаций, стажировки и др.) – была особенно важна, так как объединяла редкие на периферии кадры медиевистов. Ведь в отдельных городах зачастую работали (и сегодня работают) по два и даже одному специалисту в области западноевропейского средневековья. Координационная деятельность сплачивала медиевистов страны в единую корпорацию, которая поддерживала в своих рядах высокий научный уровень и могла защитить свои кадровые и исследовательские интересы, долгое время считавшиеся «неактуальными», не отвечающими сиюминутным задачам общества.

Политические изменения второй половины 80-х – начала 90-х годов XX в. усложнили задачи, которые стояли перед Центром и, соответственно, перед его руководителем. Легализованный теперь принцип плюрализма в политической и духовной жизни создавал только условия для возможного обновления науки и климата в ней. Но оставалась трудная проблема изменения сознания самих историков.

В этой ситуации А.С. направила усилия на то, чтобы сохранить и сплотить коллектив, влить в него новые силы, сберечь традиции старой школы и преодолеть ее недостатки. Ей удалось выработать для себя ряд конструктивных принципов поведения. Во-первых, не снижая требований, поощрять научный рост сотрудников, в том числе молодого состава. Во-вторых, постараться создать и поддерживать атмосферу доверия, творческой свободы и научного поиска, обстановку открытости всем интересным идеям и методам, контактам с зарубежной наукой и учеными. Под руководством А. С. начал работу семинар «Современная медиевистика: поиски, находки, решения», который успешно функционировал в течение ряда лет, решая до известной степени «об-

разовательные» и информативные задачи, а также по возможности способствуя консолидации медиевистов.

Естественное желание перемен в среде медиевистов стимулировало споры о научном содержании и характере сборника «Средние века». Как руководитель подразделения А. С. стала ответственным редактором сборника. Опираясь на собственные убеждения, мнение редколлегии и коллектива Центра, А. С. возражала против намерения некоторых медиевистов подчинить содержание сборника интересам какого-либо одного направления. Это поставило бы сборник в зависимость от меняющихся в науке увлечений. Позиция А. С. победила, что привело к ряду положительных результатов для данного издания. Она прежде всего предопределила сохранение сугубо академического стиля этого заслуженного сборника, к настоящему времени отметившего свое 50-летие и выпуск 60-го номера. Редколлегия соединила принцип преемственности в науке с открытостью для любого типа новаторских работ и для всех авторов. Заметные изменения были внесены в структуру сборника, где, в частности, сделан акцент на публикацию источников и материалов из истории отечественной медиевистики, а также формирование проблемных блоков. Стремление поддержать дух творческой свободы исключило диктат и цензуру редколлегии. Она отказалась от принятой ранее унификации стиля и языка авторов, а также принимает к публикации статьи, с жанром и направленностью которых может быть не вполне согласна. Контроль касается только научного уровня, профессионализма и аргументированности сочинения, соблюдения в нем необходимой формы.

Правильность решений относительно сборника «Средние века» подтверждается появлением новых периодических изданий, которые сосуществуют с ним. Ими руководят крупные ученые-медиевисты, а в содержании представлен, или по преимуществу, или широко – средневековый материал. Периодические сборники «Одиссей» (отв. ред. А. Я. Гуревич) и возникший чуть позже «Казус» (отв. ред. Ю. Я. Бесмертный) отражают плодотворное усложнение нашей научной жизни, в которой приобрели самостоятельный характер направления по изучению средневековой культуры и микроистории.

Важнейшей стороной деятельности А. С. уже в качестве заведующей Центром и ответственного редактора «Средних веков» оставались контакты с внеинститутскими и периферийными коллегами – на уровне всероссийских научных встреч, публикации тематических сборников,

коллективных обобщающих трудов и др. Новой формой кооперации усилий ученых стала организованная при активном участии юбиляра Всероссийская ассоциация медиевистов и историков раннего нового времени, вице-президентом которой является А. С. Ее научно-организационная деятельность во многом предопределила научную активность Центра в последние годы. Были проведены интересные широкие научные форумы с новой для отечественной медиевистики тематикой, с новыми исследовательскими подходами: «Общности и человек в эпоху средневековья», «Элита и этнос», «Феодалы в городе», «Человек XVI века» и др.

Гибкая структура объединения научных сил, принятая Институтом всеобщей истории в целом и в его подразделениях, включая руководимый А. С. Центр, обеспечивают поддержку творческой инициативы и личной ответственности сотрудников за организацию ими научных проектов, встреч и семинаров со специальной тематикой. Подобная практика, активно поощряемая А. С., открывает новые возможности в решении непростой проблемы взаимоотношения поколений. При содействии А. С. в Центре разрабатываются и реализуются исследования по темам: «Дворянство в раннее Новое время» (В. А. Ведюшкин), «Средневековое право» с ежегодным «круглым столом» (О. И. Варьяш), «Социо-интеллектуальная история» (П. Ю. Уваров), «Россия и Запад» (М. А. Юсим и Д. Г. Федосов), аграрная история (М. В. Винокурова), история христианства и церкви (А. Д. Щеглов, Н. Ф. Чеков, А. И. Решин), политико-институциональная история (С. К. Цатурова). Все начинания сопровождаются, как правило, публикациями материалов (чему весьма способствует организация институтом «малой печати»). В последние годы в рамках Центра опубликовали свои труды М. А. Юсим, М. В. Винокурова, В. П. Буданова, П. Ю. Уваров, Д. Г. Федосов, О. И. Варьяш, В. А. Ведюшкин. Были защищены две докторские и более 10 кандидатских диссертаций.

Научное творчество самой А. С. в период руководства большим коллективом служит убедительным свидетельством потенций ученого, ее способности меняться, отвечая на вызовы времени и личной судьбы, способности, которая никогда не позволяла ей останавливаться в своем развитии.

Суммируя впечатления об этом этапе научного творчества А. С., знаками его в самом общем виде можно было бы назвать изменения в направлениях исследовательского поиска, расширение его хроноло-

гических рамок за счет раннего средневековья и раннего Нового времени; наконец, новые исследовательские приемы, в частности качественно иной уровень обобщающего анализа. Возможность подобных новаций подготовили не только аналитические способности А. С., но и большие знания, накопленные ученым благодаря живому интересу к своей специальности. Этот интерес с самого начала отличался разносторонностью.

Так, при рассмотрении вопросов социально-экономической истории, долгое время бывшей главным направлением исследовательской деятельности А. С. и полностью ею для себя не исчерпанной, она не ограничивалась только тематикой шведского города, сумев осуществить ряд серьезных разработок по истории сельских, горных и рыболовецких промыслов, истории крестьянства в период раннего и классического средневековья, народным движениям, проблемам раннего капитализма и положению наемных рабочих. Она легко переходила от чисто хозяйственных и даже технологических проблем к анализу шведской государственности на ее раннем и последующих этапах, от проблем формирования и особенностей сословной монархии или природы королевской власти – к вопросам истории культуры.

Наконец, не изменяя «главной» стране, А. С. расширила географический диапазон научного интереса за счет сопредельных стран, прежде всего Дании и по мере необходимости также Норвегии и Англии. Она пишет средневековые разделы для «Истории Швеции» (1974) и «Истории Дании» (т. 1, 1997); разделы для второго тома «Истории Европы по всему Северо-Западному региону V–XI вв., включая Британские острова, и по всей Скандинавии XI–XV вв.»; разделы по истории скандинавских стран раннего нового времени для университетского учебника по истории средних веков; главу о так называемой эпохе Возрождения в Северной Европе для впервые созданного университетского учебного пособия по истории европейского Ренессанса и т.д.

Новый уровень обобщающего анализа обнаружил себя как раз в типологических исследованиях регионального характера. Они позволили автору, в частности, сделать заключения о существовании «балтийской общности» как характерной особенности экономической, политической и культурной истории Северо-Западного региона.

Другим любопытным примером служат теоретические разработки А. С. по теме средневековых общностей. Здесь автор обращается к анализу одной из глубинных черт средневекового и в немалой мере

вообще доиндустриального общества – явлению корпоративизма, или (как предпочитает обозначать его А. С.) коммунализма. Интерес к этой теме, известной уже ученым XIX в., проявился и в новой отечественной историографии: при системном анализе духовной жизни средневекового общества (А. Я. Гуревич, 1972), в связи с проблемой собственности и проблемой сословий (Н. А. Хачатурян, 1983, 1989). В исследованиях А. С. эта тема естественно возникла при изучении городской истории, которая шла под выраженным знаком корпоративизма – политического, профессионального, конфессионального, этнического. Объектом внимания автора стала широкая сфера проявления корпоративистских тенденций в повседневной жизни, в самостоятельных социальных организациях общества на внутрисословном и межсословном уровнях.

Это исследовательское направление отвечало постоянному увлечению А. С. социальной историей и в частности стимулировалось ее интересом к «новой социальной школе» в английской историографии, с характерным для нее вниманием к сфере повседневной жизни и малым структурам. Сборник материалов конференции был вскоре опубликован. Заглавный доклад А. С. с выразительным названием «Живые общности, общество и человек в средневековом мире» отразил общее видение автором темы. Ее последующие разработки получили развитие в статье «Средневековый коммунализм как общественный феномен и историческая проблема» (1993), где основное внимание автора было сосредоточено на группировках разного масштаба и характера – как оформленных и даже корпоративно-монопольных, так и «расплывчатых», непрочных, часто случайных, но неизменно объединявших людей по их собственной инициативе, ввиду их собственных интересов, на основе добровольности или традиции, а не по указаниям властей.

Автор усматривает в этом повседневном „живом” коммунализме форму самоорганизации общества, которая противостояла авторитарному властному началу, способствовала выработке самоуважения в среде непривилегированных групп населения и в конечном счете весьма содействовала созданию средних слоев, которые стали основой будущего правового гражданского общества на Европейском Западе. Поставив рассмотрение темы в контекст вопроса о соотношении группового и индивидуального начал в формировании сознания средневекового человека, А. С. высказывает соображение, что при всей значимости группового сознания, особенно норм поведения, от чего не свободен человек в любые эпохи, тогда оставалось достаточно просто-

ра и для индивидуальных проявлений. Сделанный автором вывод, применительно к сфере социальных связей, корректирует представления медиевистов о возможностях средневекового человека, соотношении его внутренней свободы и внешних лимитов.

Не оставляя традиционной темы средневекового города, в 1987 г. А. С. публикует большую работу (4,5 п.л.), посвященную генезису городов в Европе V–XII вв. В контексте обобщающего на европейском уровне анализа автор создает широкую и конкретную картину типологии раннесредневекового градообразования, в которой выделены как регионы, так и последовательные фазы процесса: от эмбриона, «ядра», через так называемый «ранний город» к собственно феодальному городу; обозначены и стимулировавшие процесс факторы, в том числе особая роль государства. Верность системному анализу позволила А. С. наметить общие черты каждой стадии градообразования, а также попытаться сопоставить античный полис и средневековый город. В работе были использованы результаты современной урбанистики и собственные наблюдения автора. Эта разработка по раннему городу внесла серьезный вклад в изменение традиционного для отечественной медиевистики представления о средневековом городе в целом, способствуя в частности преодолению плоского толкования роли экономической функции как главного фактора градообразования и основного признака города. Развернутая автором картина делает очевидной невозможность говорить о городе только в связи с периодом классического средневековья: автор показывает, что город был активным участником самого процесса генезиса новой системы отношений, ее сущностной, а не побочной структурой. Далее, это обобщающее исследование подчеркнуло многофункциональность города, а также несогласованность и многовариантность процесса возникновения и оформления всех этих функций, в частности возможность опережающей роли политического фактора и политической функции в конституировании города даже в регионах с преобладанием античного наследия, где в условиях раннего средневековья сохранялись центры ремесла и торговли.

Показанная автором сложность градообразовательного процесса не отменяет признания исключительного значения производственной функции города, с оформлением которой он приобретал необходимую полноту – состояние, которое автор называет «чеканной формой» средневекового города. Результаты этого исследования содействовали утверждению в нашей литературе комплексного, более глубокого

образа средневекового города, условий его возникновения, значения и места в обществе того времени.

В начале 90-х годов А. С. задумывает огромный проект: первый отечественный обобщающий коллективный труд по истории средневековых городов в Западной Европе, который мог бы подвести итоги научным разработкам, дав им по возможности новое осмысление и наметив новые перспективы в исследовании этой традиционной темы. Издание можно рассматривать и как естественное продолжение структурного анализа средневековья, предпринятого в «Истории крестьянства в средневековой Европе». В данном случае, однако, географический ареал было решено ограничить рамками только Западной Европы, где средневековый город достиг своего наивысшего для данной эпохи развития и более всего изучен историками. Кроме того, если в обобщающем труде по истории крестьянства был использован преимущественно принцип типологического анализа (в те годы очень популярного в отечественной медиевистике), то концепция задуманного А. С. и ее единомышленниками издания предполагала цивилизационный контекст исследования, и уже сам этот подход является весьма убедительным свидетельством обновления отечественной науки.

Первые шаги этого процесса были прежде всего связаны с попытками найти другие, нежели тип производства, точки отсчета в осмыслении исторического процесса. Одну из возможностей предоставляла теория цивилизационного развития. Разработки ее уже в сочинениях XIX в. дали два толкования самого понятия «цивилизация»: в контексте линейного времени, когда цивилизация отождествляется с «цивилизованностью»; или в варианте локальной цивилизации, признающем существование территориальной общности, компонентами которой являются территория, этнос, язык, культура, менталитет, религия и историческая судьба. Такая общность существовала в рамках «длинного времени», т.е. на более или менее протяженном отрезке линейного времени.

Обращение к разработке теории цивилизационного развития в отечественной науке, связанное прежде всего с именем профессора М. А. Барга, несло в себе ряд важных в методологическом плане преимуществ. Новая точка отсчета не противопоставлялась теории стадийного развития и, следовательно, в духе толерантности, к которому обязывал плюрализм, помогала преодолеть крайности в отношении к прошлому самой исторической науки. Кроме того цивилизационный анализ стимулировал интерес науки к проблемам духовной жизни,

способствуя тем самым преодолению антиномии духовного и материального, которая составила едва ли не главную слабость советской, и отчасти, постсоветской историографии.

В конце 80-х годов в докладе на международной конференции по цивилизациям, организованной ИВИ РАН, А.С. попыталась взглянуть на город как на трансстадиальную («трансисторическую», по ее терминологии) структуру, действующую в качестве фактора «цивизованности и реализующую в том числе преемственность исторического развития по вертикали.

Международная конференция «Феномен средневекового урбанизма», серия небольших «круглых столов», проведенных Центром, и ряд тематических сборников подготовили реализацию замысла А. С. относительно коллективного труда по городу. Оргкомитет издания (будущая его редколлегия): О. И. Варьяш, П. Ю. Уваров, А. П. Черных, во главе с А. С., – подготовил проект и собрал большой авторский коллектив из числа сотрудников Центра и параллельных подразделений института, а также ученых из других научных учреждений и вузов Москвы, С.-Петербурга, Саратова, Ставрополя, Калуги, Киева, Троицка. В работе (объем которой достигает почти 120 печ. л.) приняли участие коллеги из Франции, Англии, Бельгии и Дании. Коллектив трудился более восьми лет. В юбилейный год А. С. увидели свет первые два тома четырехтомного издания «Город в средневековой цивилизации Западной Европы: „Феномен средневекового урбанизма» и «Жизнь города и занятия горожан», в 2000 г. выходят остальные два тома, посвященные социополитическим и социокультурным аспектам внутренней жизни города и его роли в основных событиях эпохи.

Концепция издания рассчитана на комплексное осмысление и отображение живой жизни средневекового города, со специальным вниманием к его развитой стадии и к малоизученным в урбанистике или нетрадиционным темам: организации городского пространства (включая замок и монастырь), этнодемографическим и историко-антропологическим сюжетам (быт, обряды, обычаи, нравы), этическим представлениям и моделям поведения, интеллектуальной жизни, персоналиям и событийной истории, связанной с важнейшими политическими конфликтами своего времени, торговле, „небюргерским” и маргинальным слоям и многим другим. Свое место в труде заняли разделы по региональной истории городов, по морфологии власти, о факторах социальной стабильности и деструкции, по праву и правопорядку. Ор-

ганизация материала подчинена центральным задачам труда: раскрыть феномен западноевропейского города и его органичную роль в оформлении особого цивилизационного варианта (локальной цивилизации) Западной Европы. Большой и разнообразный авторский текст в новом труде принадлежит самой А. С., в том числе постановочный и ряд обобщающих разделов.

Если оценивать результаты научного творчества А. С. в цифровом выражении, то количество только опубликованного ею научного материала превысит сегодня 250 единиц. Цифра производит сильное впечатление не только потому, что за каждой из этих «единиц» стоит действительно весьма серьезная и самостоятельная наработка, но и потому, что в трудовой активности А. С. имеется еще один важный отсчет: ее преподавательская деятельность. Большие, разнообразные знания, живой и острый ум, контактность и, я бы решилась написать, веселый нрав – все эти качества обеспечили успех и эффективность работы А. С. в высшей школе. Она начала с чтения спецкурсов по истории Швеции и средневековому городу, первых дипломников и аспирантов на родной кафедре в МГУ. В последние годы преподавательская деятельность проходит также на кафедре всеобщей истории и в российско-шведском центре РГГУ. Профессор А. Сванидзе читает там курсы по шведскому средневековью и раннему новому времени, по повседневной культуре средневековья. Среди тех, кто подготовил и готовит под руководством А. С. свои кандидатские сочинения, англовед (Ю. Баранов) и „ирландовед” (В. Безрогов), первый отечественный медиевист-„дановед” (В. Антонов) и, конечно, специалисты по шведской истории: XVIII в. (Е. Сорокина), XVI в. (А. Щеглов), XIV в. (А. Желтухин), XIII–XIV вв. (А. Фоменкова, Н. Калашникова, Г. Александренков), XI в. (В. Рыбаков) и др. – по существу, целая школа. Некоторые ее воспитанники публикуют свои статьи в настоящем сборнике, в разделе, посвященном юбилею их учителя.

А. С. принадлежит к типу университетских профессоров, которые много работают со своими учениками, помогают им и гордятся их успехами. В последние годы она подчинила процесс подготовки молодых специалистов по шведской истории задачам полного и комплексного освоения источников. По ее инициативе, при ее поддержке и прямом участии в России увидело свет первое средневековое шведское историко-литературное произведение: стихотворный рыцарский роман первой трети XIV в. «Хроника Эрика» (в переводе и с коммента-

риями филолога из С.-Петербурга А. Ю. Желтухина), который выдержал два издания. Вместе со своими учениками, на основе их дипломных переводов, она издала в 1999 г. первое комментированное издание источников по ранней истории Швеции (включая ранние областные и первый городской законы), которое получило поддержку Шведского института в Стокгольме и Посольства Королевства Швеции в Москве.

В течение многих лет, уже будучи полностью загруженной в институте и в вузах, А. С. не оставляла вниманием и среднюю школу. Теперь это работа по обеспечению и развитию школьного исторического образования. Она ответственный редактор, составитель и один из авторов «Книги для чтения по истории средних веков», выдержавшей уже несколько изданий, переведенной на языки многих бывших союзных республик и на английский язык. А. С. участвовала также в выпуске других пособий, долгие годы работала в комиссии по учебникам союзного Министерства, принимала участие в создании историко-географического атласа для учащихся 6–7-х классов.

Масштаб рабочей активности А. С., особенно если вспомнить о восьмилетней задержке на пути в науку, смене специализации и оставляющем желать лучшего физическом здоровье, – говорит о целеустремленности и вместе с тем гармоничности ее натуры. Жизнь и деятельность А. С. в целом демонстрируют не столь уж частое в судьбах людей совпадение творческих порывов и умения реализовать возможности, что стало залогом многих ее свершений и удач. Самоотверженную отдачу ученого ей удалось соединить с нормальной женской судьбой, в которой есть все необходимое для радости – любовь, муж, сын, гостеприимный дом, друзья.

Способность удивлять можно было бы назвать еще одной особенностью личности А. С. В осень своей жизни она сумела сломать «окончателность» своего образа, который сложился у коллег и друзей, опубликовав уже два сборника своих стихов: «Годы-птицы» (1998) и «Качели» (1999). Наука, как оказалось, востребовала не все силы и возможности А. С., а судьба наградила ее еще одним даром. Следует признать, что литературные и в том числе стихотворные увлечения вообще не чужды медиевистам – от Грановского и Кудрявцева до Косминского, Неусыхина и Гутновой. От случая к случаю пишут стихи и некоторые коллеги-современники. Однако для А. С. стихотворчество, как оказалось, – любимое и регулярное занятие. Рискуя опубликовать стихи и сделав жизнь своей души достоянием не только близких и дру-

зей, она проявила, таким образом, свойственные ей решительность и стремление к завершенности.

Анализировать поэзию, по утверждению специалистов – только «размывать фокус», тем более непрофессионалу. Однако есть смысл сказать о некоторых ощущениях, которые возникают при чтении поэтического сборника А. С., так как они дополняют и в известном смысле проясняют некоторые черты уже нарисованного портрета человека и ученого.

Прежде всего при том, что стихи (как это чаще всего и бывает) неравноценны, они профессиональны, искренни (что встречается много реже) и лишены претенциозности. Они написаны в легкой рифме, в хорошей и разнообразной литературной форме: от подражания древним и изысканных, в средневековом духе, сонетов до стихов с традиционной русской мелодикой. Однако поэзия – это не только форма и рифма, но и внутренний мир человека, в котором, по словам автора, «душа с умом беседуют». В этом внутреннем мире читателя не могут оставить равнодушными сопричастность автора сложному мирозданию и глубокое чувство природы, со всеми «переливами земного» – леса, травы, дождя и ветра; точное выражение женских и материнских переживаний; светлое ощущение неповторимости жизни и мучительное – неизбежности конца, радости любви и ее высокой цены; надежды человека, который живет не только обыденностью «вседневной суеты», но «ослепительным завтра»; и наконец, острое чувство современности, с живой реакцией на проблемы сегодняшней России и среды историков, а может быть, любой «живой общности».

70 лет насыщенной жизни... Если это и время подводить итоги, то не окончательные. А. С. – в расцвете творческих сил и возможностей, она полна новых идей и планов. Нерастроченный запас устремлений и душевных сил юбиляра, способность принять жизнь со всеми сложностями и считать ее своей «подругой», неуспокоенность и способность не давать успокаиваться на достигнутом другим, глубокое уважение и симпатии к А. С. в среде коллег – все это позволяет надеяться на ее новые творческие свершения.

Я от души желаю профессору Аде Анатольевне Сванидзе долгих лет жизни, доброго здоровья, плодотворного сотрудничества с коллегами, новых и разных планов и побед, новых способных учеников – и новых творческих трудностей, преодоление которых ее всегда вдохновляет.

ХАЧАТУРЯН Н. А.

ТВОРЧЕСТВО Е. В. ГУТНОВОЙ (1914–1992) В КОНТЕКСТЕ ПОТЕНЦИАЛА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЕДИЕВИСТИКИ²⁴⁸

В статье, посвященной памяти известного ученого-медиевиста Е. В. Гутновой, сделана попытка реализовать обозначенную в ней проблему в пространстве, по преимуществу, субъективного фактора. Подобная задача объясняется личной близостью автора статьи с Е. В. Гутновой, а также желанием оценить не только научный вклад ученого в процесс исторического познания, но выраженный характер осознанного ею восприятия исторического знания и его истории. Материалы статьи систематизированы в разделы с общей, достаточно беглой, характеристикой частной и научной жизни Е. В. Гутновой, которые прошли под знаком советской действительности и последующего глубокого научного и политического кризиса последней трети XX столетия; оценкой ее работ в области политической и государственной истории (проблема сословной монархии); социальной истории с разработками теоретических и социологических проблем (природа средневекового города и бюргерства; типология генезиса феодализма; в принципе типологический анализ); анализ проблемы общественного сознания средневекового крестьянства и работ в области историографии истории западноевропейского Средневековья. Анализ дан в контексте проблемы развития и обновления отечественной медиевистики и роли Е. В. Гутновой в этом процессе.

Ключевые слова: Историописание, историография, эпистемология, рефлексия сознания, принцип относительности, преемственность, саморазвитие, самоидентификация, власть, парламент, сословие, община, корпоративизм.

²⁴⁸ Впервые опубликовано: *Хачатурян Н. А. Творчество Е. В. Гутновой (1914–1992) в контексте потенциала отечественной медиевистики* // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2014. – Т. 5. – Выпуск 6 (29) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840000801-0-1/> (дата обращения: 03.01.2021).

Настоящая статья не предполагает подробного строгого анализа творчества Е.В. Гутновой, как это может показаться из обозначенной нами темы. Ее содержание в материалах, посвященных памяти выдающегося ученого, продиктовано стремлением реализовать этот анализ, по возможности, в пространстве живого субъектного начала. Речь, тем не менее, пойдет не только, точнее не столько о личном восприятии и, тем более, воспоминаниях о Е. В. Гутновой, рядом с которой прошли с некоторыми перерывами, сорок лет жизни автора – студентки кафедры истории Средних веков Истфака МГУ, затем ее ученицы и коллеги.

Сохраняя академический характер анализа, автор позволит себе поставить вопрос не только о месте Е. В. Гутновой в процессе исторического познания в качестве его актора, но, – благодаря специфике ее творчества – осознанном восприятии ею исторического знания и его истории: бережному отношению к накопленному этой дисциплиной огромному эмпирическому материалу, критическому опыту и философскому видению общественного развития. Подобная точка отсчета позволит оценить профессиональную зрелость ученого и собственный вклад в науку, его способность, находясь в определенных условиях конкретно-исторического бытия, т.е. отведенного ему судьбой данного места и времени для жизни и творчества, – не уступить неблагоприятным обстоятельствам, действуя «вопреки»; может быть, увидеть в исторических событиях чуть больше и «дальше» предшествующих или современных ему коллег, не стремясь при этом дискредитировать капризную, но строгую Даму Историю и воспринимая как данность закон преемственного развития, который исповедует постоянное обновление. Такой историк изучает историю, мобилизуя не только свой разум и знания, обнаруживая способность чувствовать ее.

Историческое время, на которое пришлось жизнь и творчество Евгении Владимировны, обстоятельства личного характера неоднократно посылали серьезные вызовы ее судьбе, создавая непростые ситуации. Ее родственные и семейные связи с известными представителями меньшевистского движения в революции 1917 г. – братом отца был Ю. Мартов (Цедербаум), мужем сестры отца – Дан; арест отца, после которого до его последующего расстрела, она вместе с матерью смогла увидеться с ним дважды: на свидании в Бутырской тюрьме и лагере; недолгий и закончившийся благополучно, – но арест мужа – Э. А. Гутнова, художника, известного оформителя книг и председателя МОСХ'а – и невосполнимая потеря сына, талантливого архитектора

и яркого человека, погибшего в расцвете сил – А. Э. Гутнова, – вот основные вехи ее так называемой «частной» жизни, многие из которых тогда имели вполне «публичное» звучание. В частности, ощущаемое ею на протяжении многих десятилетий состояние, по ее собственному признанию, «отщепенца», чья политическая лояльность в советские времена вызывала стойкие сомнения²⁴⁹.

Отнюдь беспокойной и «плавной» оказалась и творческая жизнь историка, которую кризис 60–90-х годов, сопровождаемый принципиальными изменениями не только в научной, но и политической судьбе страны, резко поделил на две части: жизнь в условиях диктата марксистской методологии и далее – последующей ломки ее, с возникшей тогда непростой задачей принятия новых форм научной жизни в условиях свободы методологического выбора.

Благодаря профессионализму и превосходному знанию ею западноевропейской научной литературы, как, впрочем, и подлинных трудов К. Маркса, знакомство с которыми для части историков подчас ограничивалось обращением к их плоскому переложению, – Е. В. Гутнова была не только готова к радикальной ломке в отечественном историческом знании, но соучаствовала в ее подготовке, делая это бережно по отношению к его достижениям и без политизации, исключительно в рамках научного пространства.

Обретя в конце XX столетия «второе дыхание», Е. В. Гутнова оказалась, подобно другим отечественным специалистам, в ситуации болезненного напряжения в научном сообществе, часть которых была чрезмерно увлечена деструктивным настроем, – естественным в условиях кризиса, но, к сожалению, не подкрепленным желанием разобраться – от чего отказывается отечественная медиевистика и историческая наука в целом, и что историки «берут с собой»²⁵⁰. На волне серьезных испытаний из-за глубины научного и политического кризиса научная корпорация не избежала свойственной человечеству способности, точнее слабости – «сжигать старых богов, чтобы поклоняться новым»²⁵¹. Страх быть некогда заподозренными в отступлении от марк-

²⁴⁹ Публикация из личного архива Е. В. Гутновой, подготовленная Д. А. Гутновым: *Гутнова Е. В. «На Истфаке»...* // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1993. № 6. С. 63–77.

²⁵⁰ *Хачатурян Н. А.* Современная отечественная медиевистика в контексте мировой исторической науки // Средние века. 2001. Вып. 62. С. 194–212.

²⁵¹ *Григорий Турский.* История франков / Изд. подгот. В. Д. Савукова. М., 1987. Описание процедуры крещения Хлодвиг со словами епископа Ремигия.

сизма, – сменился для некоторых нежеланием быть заподозренными в какой-либо причастности к нему. Научная честность, смелость, взвешенность, и вместе с тем позиции Е. В. Гутновой, потребовавшие от нее гражданского мужества, усиливают и подчеркивают позитивный вклад ученого в процесс обновления отечественной медиевистики.

Ко всему вышесказанному следует добавить проблемы, неизбежно присутствующие в жизни любого человека, тем более публичного, крупного ученого-историка, – проблемы, связанные с естественным желанием быть услышанной, понятой, востребованной; справедливо, без мифотворчества (явления, распространенного и в научной среде), но по реальным результатам оцененной, – с возможными в этом психологическом пространстве жизни обидами, которые Евгения Владимировна могла эмоционально, по-женски, – даже по-детски, – переживать...

Она не удостоилась за свою более чем полувековую творческую жизнь академических отличий и высоких правительственных наград, – но, – без пафоса и преувеличений, со знанием последних тридцати лет ее жизни и творчества, я позволю себе утверждать, что Евгения Владимировна с честью и достоинством приняла и ответила на вызовы времени, – признанно и победительно обретя статус высокого профессионала, не уронив, но приумножив, по ряду показателей и по тем временам, – достижения отечественной, и не только, – исторической науки в исследуемых ею сюжетах. Ее научные победы обеспечили трудолюбие, которому она не изменила до последнего дня своей жизни, и, конечно, яркий талант, который отличали тщательный исследовательский почерк, внимание к факту и источнику в сочетании со способностями к рефлексии, умением проблемно и ясно мыслить. Эти качества дополняли активная внутренняя воля в сочетании со строгостью, которая освободила ее творчество от стремления к эпатажу, неаргументированной или преувеличенной по значимости, но модной новизне. В своей непростой жизни она не уронила достоинства и чести человека и ученого.

Что касается научного творчества Е. В. Гутновой, то по счастливому стечению обстоятельств начало формирования ее профессиональной зрелости пришлось на время создания исторического факультета в Московском университете, когда по результатам постановления партии и правительства в 1934 г. историческое знание было «реабилитировано» в сфере образования и в качестве научной дисциплины.

Постановление – пусть робко, – но обозначило рубеж, оставляя, в известном смысле, позади чреватый политизированными крайностями и упрощениями, опасный для многих историков и даже стоивший для некоторых из них жизни, – период, когда статус марксизма утверждался в качестве официальной методологии. Новая ситуация создавала возможность более свободного использования присущих марксизму как научному мировоззрению достижений: системного и комплексного подхода к историческому процессу; интереса к экономической и социальной истории; социальному подходу к политической и духовной истории... Она, наконец, существенно облегчала реализацию всегда присущей историческому знанию как форме сознания – способности к саморазвитию, движению вперед, независимо (в большей, или меньшей степени) от политических и идеологических обстоятельств. Нельзя не признать при этом особые условия, в которых пребывала отечественная медиевистика как специальная область знания на «советском этапе» ее существования. Временная удаленность изучаемых сюжетов от острых политических проблем тогдашней жизни, самый предмет изучения ею западноевропейской истории, который делал практически невозможным полный отрыв медиевистики от мирового исторического знания; наконец, сложная профессиональная подготовка научных кадров. Все это служило определенными гарантиями сохранения научного уровня исследований и образования в этой области, которую Евгения Владимировна выбрала в качестве предмета своей специализации.

Окончив в 1939 г. в составе первого выпуска студентов исторического факультета МГУ, кафедру истории Средних веков (тоже обретшую самостоятельность после структурных преобразований 1934 г.) – она становится аспиранткой Е. А. Косминского, тогда члена-корреспондента Академии наук, возглавлявшего кафедру. Она стала любимой ученицей Е. А. Косминского, высоко ценимой им, по его собственным утверждениям, – за ее ум, исследовательский талант

и сильную волю²⁵². Он гордился ее успехами, внимательно и, по его словам, с радостью, знакомился с ее работами, всегда готовый помочь советом и поддержать в трудные минуты жизни. Так случалось неоднократно, в частности в 1956 г., когда Ученый совет истфака МГУ не позволил поставить на защиту рекомендованную кафедрой докторскую диссертацию Е. В. Гутновой, объяснив это странной причиной «молодости» автора (ей тогда было 43 года). Усилиями С. Д. Сказкина и Е. А. Косминского это «недоразумение», которое можно только по наивности посчитать «таинственным», было разрешено через два года. Учитель и ученица оставили нам пример высоких профессиональных и человеческих отношений двух неординарных людей.

Е. В. Гутнова стала достойным членом мощной в научном плане генерации медиевистов на кафедре истории Средних веков истфака МГУ 50–70-х годов: академиков С. Д. Сказкина и Е. А. Косминского, профессоров А. И. Неусыхина, М. М. Смирин, Н. А. Сидоровой, З. В. Удальцовой, А. Р. Корсунского. Их профессиональный талант и знания часто перекрывали, отодвигали на второй план возможные просчеты или вынужденные уступки в научном анализе. Мое утверждение не предполагает призыва к научной терпимости или ложному патриотизму, лишь напоминая о необходимости соблюдения в оценках историографии и историописания – принципа историзма, т.е. подхода, – в котором непременно присутствуют коррективы, в виде факторов времени и относительности в историческом процессе и процессе познания...

Оценку значимости и «особости» научного вклада Е. В. Гутновой в историю изучения западноевропейского Средневековья, который опосредованно демонстрировал потенциал отечественной медиевистики, целесообразно сгруппировать по четырем основным направлениям ее исследовательского поиска.

В их ряду, прежде всего, исследования в области институциональной и политической истории, которые выходят за рамки истории Англии – страны исходной и основной специализации Е. В. Гутновой. Их итоги, – это результаты работы над докторской диссертацией – моно-

²⁵² Письма Е. А. Косминского Е. В. Гутновой (1941–1959) / Публикация подготовлена и реализована д.и.н. А. А. Сванидзе, при участии внука Е. В. Гутновой – Д. А. Гутнова, и ученика Е. В. Гутновой, к.и.н., старшего научного сотрудника ИВИ РАН Д. Г. Федосова. Из письма от 31.VIII.1941 г. // Новая и Новейшая история. 2002. № 1. С. 116.

графия «Возникновение английского парламента» (М., 1960) и последующие исследования по сравнительной истории сословного представительства уже в рамках Западной Европы.

В известной мере резюмируя результаты европейского, в том числе отечественного знания XIX – середины XX в. в этой области, Е. В. Гутнова дала новое видение проблемы, восстановив, в частности, потерянное западной наукой в условиях кризиса рубежа XIX – первой трети XX столетия принципиально важное достижение исторической мысли XIX в. – «социальный» подход к политической и духовной истории, предвосхищавший системное видение процесса развития. Сохранение этого достижения в нашей исторической науке – главным образом благодаря марксизму (в данном контексте я отвлекаюсь от оценки политизированного толкования последним самой «социальной истории»), – позволило отечественной медиевистике существенно продвинуться по ряду показателей в разработках по истории раннесредневековых государств, государственности периода феодальной раздробленности, сословной и абсолютной монархий. Западноевропейская наука смогла вернуть «социальный» подход к политической истории только к началу 60–70-х годов XX в., хотя следует по справедливости признать – в другой исторической эпистеме, обеспечившей более сложную картину социальных связей в средневековом обществе. Новой философии истории в эти годы только предстояло утвердиться в отечественной исторической науке, хотя импульсы движения к ней были очевидны. В этом контексте особый интерес вызывает позиция Е. В. Гутновой, поставившей вопрос о природе сословного представительства. Она возвращает решение проблемы в рамки присущей явлению формы – в качестве отличительного и яркого знака особой формы средневекового государства – сословной монархии, т.е. расширительно толкуя институциональную политическую историю. В традиционной тогда манере «классовой оценки» природы государства, она употребляет распространенное в те времена в нашей исторической литературе понятие «феодальной монархии с сословным представительством», но по существу взрывая узкие рамки этого понятия. В контексте общего актива европейского знания к середине XX столетия автор сумела дать взвешенную оценку природы представительных институтов, лишенную мифа «народной свободы», предложив вместе с тем анализ дифференцированной политики власти и парламента по отношению к сословиям. Пожалуй, впервые это открывало возмож-

ности к последующему признанию отечественной медиевистикой в качестве научной позиции важность факта сложности социальной структуры средневекового общества, которую не исчерпывало классовое деление. Был ли робким этот первый шаг? По справедливости следует дать утвердительный ответ в свете последующих разработок проблемы. Однако для обновления процесса изучения политической истории в отечественной медиевистике он имел принципиальное значение. Следует при этом иметь в виду, что новую постановку проблемы в оценке сословно-представительных учреждений в работе Е. В. Гутновой сопровождало внимание исследователя не только к функции насилия в деятельности верховной власти, но функции протекции в качестве необходимого условия «устойчивости» последней. Эта позиция, достаточно необычная в марксистской исторической литературе того времени, в свою очередь послужила импульсом к более сложному восприятию проблемы государства и появлению в отечественной медиевистике специального интереса к феномену власти в контексте социологического анализа²⁵³.

В начале 80-х годов при обсуждении на кафедре докторской диссертации, посвященной сословной монархии во Франции, Евгения Владимировна отстаивала право ее автора внести в название работы понятие «социальной природы» этой формы государства, отразившее концептуальное содержание исследования. Автором была предложена обозначенная Е. В. Гутновой линия анализа с признанием ею возможности протекции верховной власти, в частности, по отношению к крестьянству, тем более, что его положение во Франции позволяло по материалам верховного судебного органа – Парижского Парламента сделать это довольно убедительно²⁵⁴. В научной жизни кафедры сопротивление ревнителей «чистоты» марксизма стало последней открытой попыткой законсервировать «классовый» подход к политической истории.

В разработках сюжетов собственно социальной истории Е. В. Гутновой наиболее выразительно обнаружил себя факт не просто признания ею результативности исторического исследования в целях непре-

²⁵³ *Хачатурян Н. А.* Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008. Разделы: Теория и социология власти (разд. I); «Европейский феномен сословного представительства. К вопросу о предыстории «гражданского общества» (разд. III). С. 8–30; 156–227.

²⁵⁴ *Хачатурян Н. А.* Сословная монархия во Франции XIII–XV вв. М., 1989.

менного сочетания в нем «эксперимента с фактом» и рефлексии, но присущей самой ученой способности к теоретическому анализу.

Свидетельства этого качества исследователя присутствуют в ее попытке углубить понятие «сословия» еще на этапе работы по истории английского Парламента. В исторической мысли того времени оно включало в себя показатели в виде юридического статуса социальной общности и характера отправляемой ею функции в средневековом обществе. Е. В. Гутнова дополняет характеристику указанием на экономический статус группы – ее отношение к основным формам собственности (земля и орудия труда) и место в производстве, которые в качестве фактора социальной стратификации влияли на юридический статус.

Дальнейшие усилия Е. В. Гутновой уже в сфере собственно социологических исследований отразили и до известной степени определили специфику развития отечественной медиевистики 60–70-х годов. Она была активным участником и одним из организаторов многих научных дискуссий того времени: о генезисе феодализма, о природе средневековых городов и бюргерства. Ее интерес к получившему распространение в исторической науке последней трети XX столетия типологическому анализу, имел своим результатом появление исследований по типологии средневековых городов, а также типологии крестьянских восстаний. Она была одним из авторов концепции типологии генезиса феодализма в Западной Европе, в целом принятой европейским сообществом медиевистов²⁵⁵.

Ее деятельности, в частности в качестве одного из авторов и организаторов научных проектов, отечественная медиевистика обязана появлению двух больших коллективных работ, посвященных истории европейского крестьянства и европейской истории в Средние века, реализованных в контексте типологического и новаторского тогда в нашей науке цивилизационного анализа. Оба исследования убедительно демонстрировали процесс обновления отечественной медиевистики²⁵⁶.

Наиболее выразительным свидетельством творческого потенциала Е. В. Гутновой и, опосредованно, отечественной медиевистики со-

²⁵⁵ Гутнова Е. В., Удальцова З. В. Генезис феодализма в странах Европы: Доклад на 13 МКИ в Москве. 1970 // XIII Международный конгресс исторических наук: Доклады конгресса. М., 1973. Т. I.

²⁵⁶ История крестьянства в Европе. М., 1985–1986. Т. 1–2; История Европы. М., 1992. Т. 2 / Отв. ред. Е. В. Гутнова.

ветского и постсоветского периода, стало ее обращение к теме общественного сознания средневекового крестьянства.

Исключительность ситуации заключалась в самой попытке обращения к теме сознания как объекту исследования в 50–60-е годы, т.е. в рамках господствующей тогда марксистской идеологии. Последняя руководствовалась традиционной для XIX в. альтернативой в решении вопроса о соотношении материи и духа, воспринимала подобный сюжет в контексте дуальной схемы базиса и надстройки, объявляя сознание «вторичным» явлением, которое можно было посчитать неактуальным для исследования. Более того, следует иметь в виду, что в исторической литературе бытовало мнение, согласно которому крестьянству было отказано в возможности самоидентификации себя в обществе, благодаря якобы исключительному влиянию на его сознание церковной и официальной политической идеологии. Однако реальная ситуация и в средневековой действительности, и в науке не была столь однозначна.

Любопытно, что и в советский период в отечественной медиевистике не был потерян интерес к духовной жизни и проблемам сознания – как продолжение сильного в дореволюционный период культурологического направления, с крупными представителями его в стране и после революции: за рубежом – ...как знак неумирающего импульса в человеке – желания «услышать музыку сфер».

В августе 1941 г. Е. А. Косминский в письме к Е. В. Гутновой, когда оба находились в эвакуации, с глубоким сожалением вопрошает: «Почему нет спецкурса – “История человеческих страданий?” Как надо учиться не только объяснять и излагать, но и любить и ненавидеть, жалеть и презирать? Какими безжизненными и тусклыми представляются мне все читанные нами курсы, и как хочется новых, небывалых интонаций мысли и слова, которых у нас, историков, нет, и для которых нужны не наши силы»²⁵⁷. Вряд ли этот неожиданный, если иметь в виду установки официальной науки, эмоциональный всплеск ученого можно объяснить только состоянием войны, в котором находилась страна. Тем более что в этом же письме Е. А. Косминский пишет о «необходимости учиться не только “объяснять и излагать” историю, но понимать и чувствовать ее»... декларируя, таким образом, другой принцип позна-

²⁵⁷ Косминский Е. А. Письмо Е.В. Гутновой от 31-VIII-1941 // Письма Е. А. Косминского Е. В. Гутновой (1941–1959). С. 116.

ния, чем диктуемый позитивистской «теорией отражения», в плену которой оставался отечественный марксизм XX столетия: рационализм, эксперимент с материальным фактом, как объективной данностью, – строгий академический анализ с выверенными приемами анализа и наивной верой в возможность получить «объективный» результат...

Архивные материалы С. Д. Сказкина, доступные нам после его смерти, открыли его глубинный интерес к средневековому мирозерцанию с особым вниманием не только к секуляризированным формам средневекового сознания, как это могло показаться из опубликованных им работ по гуманизму, – но его религиозным формам. Читаемый им на кафедре курс по западноевропейской средневековой культуре отличало исключительное внимание к средневековой и античной философии, а также европейской философской мысли XIX–XX вв.²⁵⁸

Его ученица – Н. А. Сидорова на рубеже 40–50-х годов (!) защищает докторскую диссертацию по городской средневековой культуре с выходом на проблемы теологии, схоластики, рационализма. Публикацию монографии на подобную тему в известной мере гарантировали возможность автора подчеркнуть факт формирования в обществе свободомыслия и протеста против официальной католической идеологии, а также тщательно выстроенные исследователем «оборонительные сооружения» в виде цитат из работ классиков марксизма, «оправдывающих» подобную смелость. Нетерпеливый читатель, сегодня открывая работу Н. А. Сидоровой, часто не может преодолеть этот барьер и оценить серьезность и глубину на то время в решении затронутых в ней проблем в истории средневекового сознания и культуры.

Содержание работы несет на себе печать идеологической ангажированности, в частности, в оценке автором вопроса о соотношении роли католической церкви как института и религиозного сознания средневекового человека в качестве естественной формы восприятия им мира. Вместе с тем, спустя более чем полвека после публикации монографии (1953 г.) – актуально выглядит самый факт обращения к теме сознания, а также сюжетным линиям жизни героев – Абеяра и Элоизы – духовного лица и молодой женщины, живущей в рамках сугубо частной жизни, – которые оказались способными на девиантное поведение, бросив вызов обществу.

²⁵⁸ Сказкин С. Д. Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в среднике века: материалы научного наследия. М., 1981.

Впервые в этой работе в отечественной медиевистике автор оценила тему народной культуры как специальную и важную научную проблему²⁵⁹.

Продолжая этот список, можно назвать имя известного германиста М. М. Смирин, оценившего историю Германии эпохи Реформации и Крестьянской войны в контексте марксистской теории раннебуржуазных революций, что не исключило весьма профессионального анализа им философских и теологических концепций Томаса Мюнцера и Себастьяна Франка²⁶⁰.

Б. Ф. Поршнев, крупный специалист по истории Франции раннего Нового времени, стал автором парадоксальной даже с точки зрения марксизма, теории классовой борьбы.

Она вызвала многолетние дискуссии, в которых нашим медиевистам приходилось защищать теорию учителя от его ученика, объявившего именно классовую борьбу главной силой общественного развития. Но в 1996 г. – он публикует работу, посвященную социальной психологии²⁶¹. Иными словами, картина научной жизни была весьма неоднозначной задолго до радикальной перестройки в области философии истории, которая в отечественной медиевистике происходила в 70–90-х годах. В области духовной жизни этот рубеж был открыто обозначен работами А. Я. Гуревича, посвященными проблемам социальной психологии и народной культуры, выразительно отразившими влияние направления Анналов. Однако именно предшествующий перелому этап 50-х и особенно 60-х годов, корректируя проблему «влияния», не только подчеркивает, что факт воздействия «отдающей стороны» непременно предполагает готовность «принимающей», но подтверждает, как уже было отмечено выше, способность науки и ее авторов к саморазвитию в зависимости от более или менее благоприятных обстоятельств...

Хотела бы обратить внимание на хронологию и глубину интереса Е. В. Гутновой к проблеме общественного сознания средневекового крестьянства: первые две публикации в виде статей, посвященных «некоторым соображениям» о проблеме и характеристике основных

²⁵⁹ Сидорова Н. А. Очерки по истории раннегородской культуры во Франции. М., 1953.

²⁶⁰ Смирин М. М. Германия эпохи Реформации и Великой крестьянской войны. М., 1962.

²⁶¹ Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1966.

источников и литературы на материалах английской истории, появляются в 60-е годы. И далее, уже в 1986 г. последовал выход в свет ее монографии «Классовая борьба и общественное сознание крестьянства в средневековой Западной Европе XI–XV вв.», где она сумела сказать свое аргументированное, новое и масштабное слово. Об этом свидетельствуют хронологические рамки исследования (XI–XV вв.), – географический ареал, включивший более или менее подробный анализ материалов истории основных стран Западной Европы и, наконец, – обобщающая характеристика эволюции форм крестьянских движений на двух этапах средневековой истории: XI–XIII, XIII–XV вв. в качестве базы для решения автором обозначенной темы. Центральной проблемой стала не народная культура или особенности крестьянского быта и обычаев, – но осторожная попытка увидеть в формах *общественного* сознания (т.е. самоидентификации страты в обществе) – зарождение крестьянской «идеологии». Возможность подобной постановки вопроса Е. В. Гутнова справедливо объясняет наличием в крестьянской среде института социального самосознания – сельской общины. Сегодня ход мысли ученого в мотивации поставленной ею проблемы существенно дополняют разработки по процессу корпоративной самоорганизации в социальной истории средневекового общества, в частности, в отечественной литературе²⁶².

В завершение своей статьи я хотела бы поделиться своими соображениями о значении творчества и личности Е. В. Гутновой как историка в области историографии.

Судя по письмам Е. А. Косминского, он и Евгения Владимировна были озабочены в начале 50-х годов состоянием историографических исследований в нашей науке. Евгений Алексеевич назвал их «заманчивой, но опасной областью, в которой наши историки не нашли правильного пути»²⁶³.

Ее можно было назвать «заманчивой», если иметь в виду отсутствие в научной литературе отрефлексированной оценки специфики собственно предмета дисциплины. «Опасной», можно думать, Е. А. Косминский ее воспринимал по причине идеологизированной в

²⁶² Хачатурян Н. А. Средневековый корпоративизм и процессы самоорганизации в обществе: Взгляд историка-медиевиста на проблему коллективного субъекта // Власть и общество... С. 31–45. См. также: Европейский феномен... С. 178–188.

²⁶³ Косминский Е. А. Письмо Е. В. Гутновой от 9.VI.1955 г. // Письма Е. А. Косминского Е. В. Гутновой (1941–1959). С. 22.

нашей литературе оценки марксизма, которая, в нарушение принципа историзма только его полагала решающей точкой отсчета в развитии «верного» исторического знания. Подобная позиция в контексте развития сознания и философских знаний делала неизбежной его консервацию в качестве методологии истории.

В отечественной медиевистике важные принципы новой дисциплины создавались на первых порах усилиями главным образом Е. А. Косминского, Е. В. Гутновой и М. А. Барга. В Ленинграде подобные сюжеты разрабатывались О. Вайнштейном. По инициативе и благодаря усилиям А. И. Данилова, выпускника кафедры и ученика А. О. Неусыхина, в стране возник и ныне действует специализированный центр историографических исследований при Томском университете с собственным изданием.

Постепенно в отечественной медиевистике формировался новый образ историографии как научной дисциплины, имеющей собственный предмет исследования, а также особенности развития, которые не позволяли уподобить ее библиографическим очеркам. Формула предмета историографии в качестве неперменных компонентов анализа включала требования конкретно-исторического контекста в качестве его условия, оценки природы используемых источников и исследовательской «технологии», а также способов видения исторического процесса²⁶⁴. Последнему требованию отечественные медиевисты придавали особое значение, тесно связав предмет историографии с философией истории. Любопытно, что эту задачу в нашей науке решали историки, а не социологи, что принципиально отличало и до известной степени отличает сегодня отечественную историографию и историю от западной науки, представители которой часто избегают обращения к философским рефлексиям, предпочитая, за редким исключением, – конкретику.

Главным образом благодаря усилиям Е. А. Косминского и Е. В. Гутновой именно в этой форме курс историографии был введен в университетскую образовательную программу подготовки отечественных медиевистов в качестве важнейшей спецдисциплины. Е. В. Гутнова обеспечила курс учебными материалами, реализовав публикацию лекций по историографии Е. А. Косминского (Средние века – до нача-

²⁶⁴ Хачатурян Н. А. Эпистемология истории исторического знания: (к постановке вопроса) // Средние века. 2009. Вып. 70 (3). С. 12–31.

ла XVII в.) и сама совершила научный подвиг, написав и издав учебник по истории медиевистики XIX в.²⁶⁵ К учебнику следует присоединить ее многочисленные статьи, в том числе по проблемам философии истории. Она работала как трудолюбивый и внимательный летописец советской медиевистики, публикуя статьи за 10, 30, 50 лет ее существования, всегда будучи в курсе всего нового, что появлялось в ней. Упомянутые ею авторы могли рассчитывать на вдумчивое отражение и анализ их творчества.

Конечно, с позиции сегодняшнего дня и спустя 22 года после ухода ученого, можно найти в ее теоретических рефлексиях и исторических оценках повод для критических замечаний. Однако это потребовало бы специального рассмотрения вопроса в контексте трудного процесса эволюции и обновления исторических знаний, что выходит за рамки настоящей статьи.

В данном случае целесообразнее вспомнить о позиции Е. В. Гутновой, когда она открыто и бескомпромиссно в 90-е годы, – период деструктивного этапа, переживаемого исторической наукой кризиса, защищала важный принцип системной, генерализирующей истории от ожесточенной критики его сторонниками таким образом понимаемого ими «обновления» методологии²⁶⁶. Не менее важно отметить ее способность, приняв новое, – внести коррективы в свои прежние оценки²⁶⁷.

Следует, наконец, вспомнить о тех уроках, которые она преподавала всем нам своим отношением к истории исторических знаний: пониманием задач той дисциплины, которая изучает эту историю, и принципов поведения историков в их научной жизни. Последнему обстоятельству она придавала особое значение, может быть разделяя мнение, высказанное, если не ошибаюсь, Ф. Бродезем, который так по-французски легко и точно заметил, что кризисы происходят не в науке, а в умах людей. Наиболее важными из принципов поведения ученого, которым следовала сама Евгения Владимировна в научной жизни – это

²⁶⁵ *Косминский Е. А.* Историография средних веков. М., 1963; *Гутнова Е. В.* Историография средних веков. М., 1985 (2-е изд.).

²⁶⁶ *Гутнова Е. В.* Возможен ли и нужен ли синтез в истории? // *Средние века.* 1993. Вып. 56. С. 284–289.

²⁶⁷ *Гутнова Е. В.* 1) Место и значение буржуазной позитивистской историографии второй половины XIX в. в развитии исторической науки // *Средние века.* 1964. Вып. 25. С. 283–298; 2) О «кризисах» в европейской историографии XIX–XX вв. // *Средние века.* 1992. Вып. 55. С. 39–49.

уважение к авторам прошлых поколений историков, их восприятие в полноте творчества – с достижениями, лимитами или неудачами.

Это позволило ей воссоздать историю исторических знаний XIX–XX вв. как сложную конструкцию с удачами, движением к постижению сущности явлений в результате изменений в подходах к истории или изменений в исследовательской методике. Всем своим творчеством – историка и историографа она подтвердила истину, которую безусловно обрела – и, если не отрефлексировала на страницах своих работ, – то, не декларируя – чувствовала и демонстрировала ее своим конкретным анализом.

За этой конкретикой, на мой взгляд, стояло убеждение, что творчество отдельных историков (особенно серьезных и талантливых) – никогда не укладывается в жесткую систематизацию направлений, которые предлагают историографы. Со своей стороны я бы добавила, что историографы вынуждены это делать, систематизируя и типологизируя историческую продукцию, – иначе историография не выйдет за рамки библиографии. С коррективой на эту специфику, Е. В. Гутнова показала, что для историографа отнюдь не закрыты все краски движения исторической мысли – с ростками нового, находками и предвосхищениями, на какое-то время неотрефлексированными в качестве специальной позиции. Более того, созданная ею живая картина «отраженного» в сочинениях медиевистов исторического процесса в регионе Западной Европы на этапе Средневековья, позволяет историку, избравшему своей специальностью такую субъективную «неверную» дисциплину, – не разочароваться в своем выборе. Если исторический процесс часто не реализует прогнозы историков – во всяком случае, в предполагаемой ими форме, – вызывая, стимулируя критическое отношение к истории как научной дисциплине, – то историография, отражая движение исторического познания, скорее питает оптимизм исследователя. Медиевисты, к примеру, могут сказать, что сегодня мы знаем о Средневековье больше, чем вчера.

Именно такое, разумное и жизнеутверждающее начало в понимании исторической эпистемологии делало невозможным для Е. В. Гутновой нетерпимость к мнению другого, голое неаргументированное отрицание даже чуждой ей позиции. Толерантность во взаимоотношениях историков, умение слушать и признать (даже в случае несогласия) поиск и право на свое мнение при условии его пусть неполной, но мотивированности; настрой на синтез при выработке исследовательских

позиций в качестве залога конструктивного развития исторического познания, – с таким опытом знакомят нас ее исторические и историографические сочинения.

Сегодня, когда обилие знаний, темпы жизни, революция в информатике, порождаемое ими нетерпение в поисках нового сопровождаются не востребованностью и даже забвением прошлого знания, забвением уже известного и равнодушием к творчеству коллег-современников, – делает ее опыт для нас бесценным.

О НАСЛЕДИИ Н.А. ХАЧАТУРЯН

А. О. ЧУБАРЬЯН, С. Е. ФЕДОРОВ¹

ЗА ПРЕДЕЛАМИ «МАТЕРИАЛЬНОГО СОБЛАЗНА»²

Нина Александровна Хачатурян принадлежит к блестящей плеяде отечественных историков, научное наследие которых не только отразило пути становления отечественной медиевистики последней четверти XX века, но и предвосхитило тенденции обновления российской исторической науки и гуманитарного знания в целом уже в начале этого столетия. Оригинальность научного почерка Нины Александровны, сочетавшая в себе глубину в анализе эмпирического материала с достойной восхищения теоретической рефлексией, наиболее последовательно проявилась в ее исследованиях фундаментальных проблем западноевропейского общества XIII–XV веков и, прежде всего, явлении средневекового корпоративизма и связанного с ним феномена сословно-представительной монархии.

Обозначившиеся в общем виде еще в конце 1960-х годов, эти сюжеты последовательно «добраивались», а их теоретико-познавательные компоненты, обновляясь, совершенствовались как по мере развития самого исторического знания, так и под воздействием значительного обновления отечественной медиевистики за последние десятилетия. Выросшие на эмпирически насыщенном материале француз-

¹ Чубарьян Александр Оганович – доктор исторических наук, академик РАН, научный руководитель Института всеобщей истории РАН; dir@igh.ru
Федоров Сергей Егорович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории средних веков Санкт-Петербургского государственного университета; s.fedorov@spbu.ru

² Одна из излюбленных фраз Н. А. Хачатурян, отражающая суть ее подхода к анализу политических и социальных структур западноевропейского Средневековья.

ской истории классического Средневековья, отрефлексированные до уровня целостной концепции на примере взаимоотношений институтов сословного представительства и феодальной монархии при поздних Капетингах и Валуа, они же составили основу для последующей экстраполяции оригинальных авторских наблюдений уже за рамками сугубо французского материала. Н. А. Хачатурян во многом продолжает в свое время прервавшуюся в отечественной историографии позитивистскую традицию с ее глубоким интересом к институциональной истории, но при этом, рассматривает ее в широком социальном контексте, методологически сближаясь с работами Б. Гене и Дж. Стрейера.

Осмысление – и при этом само восхождение от частного к общему – подпитывалось стремлением Нины Александровны первоначально «уравновесить», не выходя за рамки марксистской методологии, традиционное «соотношение» политического, социального (в известных типах взаимодействия – классового) и экономического факторов. Затем, уже на волне известной либерализации исторических исследований, пришло осмысленное видение «политической системы», а в перспективе – и других «систем» как самостоятельных данностей, автономных, но небезучастных по отношению к другим видам реальности. Переросшее впоследствии «в осознанное и принципиально иное понимание» взаимодействия этих факторов в историческом процессе, оно, сместившись в сферу политической теологии, окончательно «снимает их традиционную альтернативу». Постепенно в результате такого переосмысления формировалось не только иное видение истории сословного представительства во Франции, но и самого феномена сословно-представительной монархии. Представленный уже в его европейском масштабе, скоординированный в параметрах политической, социальной и экономической реальностей, он превращался в неотъемлемую часть куда более значительного и по своим пространственно-временным характеристикам более длительного системного образования – западноевропейской феодальной монархии.

Необходимые для реализации такого исследовательского проекта ресурсы во многом аккумулировались в работах, опубликованных Ниной Александровной в начале 1990-х годов. Именно в них был впервые изложен типологически насыщенный и богатый в теоретико-познавательном плане материал, который на двух важных для творческого развития Нины Александровны этапах (кандидатская и докторская диссертации) не только закономерно дистанцировал ее работу от ха-

рактерной для советской историографии проблематики. Демонстрируя развивавшиеся в западной науке 1980-х годов тенденции, этот материал, по большей части не вошедший в две опубликованные прежде монографии, раскрывает характерный для всех работ Нины Александровны потенциал, не только реабилитирующий саму политическую историю, но и снимающий характерную для предшествующей историографии «бинарность» познавательных и исследовательских практик.

«Пути» такой реабилитации, первоначально предметно и регионально ограниченной, реализовались Ниной Александровной в двух взаимодействующих плоскостях европейской истории XIII–XV вв. Речь идет о вынесенном на уровень межсистемного взаимовлиянии социальной организации и властных институтов средневекового общества, и – как следствии этого взаимовлияния – властных отношениях, со свойственной им практикой репрезентации, «текущего» и последующего воспроизводства.

Характерный уже для ранних работ Нины Александровны акцент на сословной, а не классовой организации средневекового общества усложнял, но не исключал исходное для марксистской историографии представление о функциональном единстве «господствующего класса». Раздвигаемые таким образом границы исследуемого феномена открывали перспективы для анализа определявших его конфигурацию внутригрупповых отношений и наиболее показательно-социальных связей, объединявших средневековое дворянство и духовенство в однородное в структурном отношении целое. В свою очередь, такая однородность «господствующего класса» раскрывалась в определении «общественная структура», в котором Нина Александровна усматривала сущностное и универсальное для средневекового социума явление корпоративизма.

Корпоративизм рассматривается ею как системообразующий (структурный) и фактообразующий (в своей основе выходящий за пределы дворянства и духовенства) «концепт-явление» средневекового общества. В оценке системообразующего значения этого феномена Нина Александровна во многом отталкивалась от взглядов своих предшественников, историков-компаративистов, усматривая в нем важнейшее с точки зрения понимания средневековой реальности явление, определявшее не только сам факт наполнения «общественной структуры», но и оптимальные с точки зрения средневековой реальности

формы жизнедеятельности³. Системный характер средневековой корпорации обеспечивался не только ее органической внедренностью во все сферы средневекового общества (институциональный аспект, выраженный в понимании сеньориально-вассальной модели «общественной структуры»), но и господством лежавшего в ее основе принципа в формальных классификациях социальной, политической и духовной жизни у современников (интеллектуальный аспект). Рассматривая средневековый корпоративизм как факторообразующее явление, Нина Александровна уже за рамками корпоративной теории, отстаивала точку зрения, сближавшую ее позицию со взглядами сторонников так называемого системного подхода. Полагая, что корпоративизм не только обеспечивал реализацию оптимального по своей сути политического диалога существовавших в «определенных условиях места и времени» социальных образований с верховной властью, она обогащает исследовательскую практику принципиально важными для оценки этого феномена наблюдениями. Наиболее очевидной являлась связь средневекового корпоративизма с репродукцией «субъектообразующего» механизма в системе средневековых властных отношений. Характеризовавшиеся динамикой самовыражения авторитарных (личностных) и коллективных (групповых) начал, такие отношения рассматривались ею как своеобразный импульс, обуславливавший процесс становления корпоративных объединений. Оставаясь горизонтально подвижными социальными коллективами, средневековые корпорации не только могли видоизменять свои формально-юридические признаки, но и обнаруживали способность к различным формам вертикальной мобильности, игравшей исключительную роль в отстаивании политических интересов.

Выдвигаемые ею положения четко вписывались в известную для современной социологии полемику между двумя направления, отстаивающими конструктивность, с одной стороны, так называемых реляционистских⁴ и так называемых системных концепций власти —

³ Более подробно о преемственности исследований Н. А. Хачатурян с корпоративной теорией см. статью А. А. Паламарчук, написанную для данного издания.

⁴ Реляционистская концепция власти берет свое начало в работе Макса Вебера «Экономика и общество» (1922): *Weber M. Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology*/ed. G. Roth, C. Wittich. 2 Vols. London, 1968. Нина Александровна высоко оценивала эту и другие работы Вебера (в ее творчестве есть не только прямые, но и скрытые ссылки на эту и другие работы немецкого социолога), считая его одним из первых, раскрывшим ограниченность бинарной

с другой.⁵ Как известно, реляционистские концепции или концепции «власть над» рассматривают само явление властных отношений как открывающие возможность для одного индивида/группы индивидов изменять поведение другого индивида или группы. В этом смысле властные отношения интерпретируются реляционистами прежде всего как отношения двух или нескольких партнеров, не только взаимодействующих друг с другом, но и воздействующих друг на друга в процессе такого взаимного общения. Трактруемая таким образом власть превращает подчиненных ей индивидов в средства достижения определенных целей, вынуждая их в своих действиях руководствоваться волей властвующих субъектов.

Системные концепции или концепции, основанные на идее «власть для», позиционируют само явление власти как особое безличное свойство политической системы, как присущий этой системе функционал, не принадлежащий индивиду или группе индивидов. При этом такого рода функционал предполагает неравномерное распределение привилегий, субординированное расположение социальных субъектов и как следствие – их определенным образом выстроенную иерархию, влияющую на характер и формы дистрибуции властных полномочий. Заметим, что в релятивистских концепциях инициативной стороной властных отношений выступает властвующий субъект, а в системных концепциях акцент смещается на роль, которую играют в этих отношениях принявшие такую субординацию индивиды.

Реляционисты усматривают суть власти в особой форме социальных отношений. Властный субъект, наделенный правом определять нормы поведения других субъектов (иными словами, легитимирован-

системы мышления, характерной для сторонников марксистской методологии. При этом отдельные положения концепции Вебера вызывали у нее вполне естественное неприятие. В частности, она считала, что значение «духовного фактора» в историческом процессе излишне абсолютизировано в его схеме.

⁵ Системные концепции власти обязаны своим существованием Толкотту Парсонсу: *Parsons T. Politics and Social Structure*. New York, 1969. Работы Парсонса также были хорошо известны Нине Александровне. В последние годы она с интересом читала переведенные на русский язык исследования его наиболее интересного с ее точки зрения последователя, классика немецкой социологии XX в., Никласа Лумана. Его работа «Общество обществ» привлекала Нину Александровну своей центральной идеей аутопойезиса, отражавшей в наиболее концентрированном виде ее собственные наблюдения относительно «лимитов» западноевропейского средневекового общества и, в частности, перспективной с ее точки зрения проекции «долгого Средневековья»

ный субъект), и собственно подчиненные ему индивиды как таковые находятся во взаимной, но при этом асимметрически структурированной связи, предполагающей бинарность⁶ такого взаимодействия как неперенное и непреодолимое условие для дальнейшего функционирования.

Сторонники системного подхода, сохраняя бинарность такого взаимодействия как условие реализации властных отношений (по словам Х. Арендт, власть способна возникнуть и существовать лишь «в бытии-друг-с-другом»)⁷ стремятся снять характерную для субъектов властных отношений субстанциональную асимметрию, рассматривая такие отношения как своего рода генерализированную возможность достичь желаемого подчинения. В свою очередь генерализированная возможность, обеспечивающая условия для подчинения, реализуется в ходе публичного по своей природе диалога между субъектами властных отношений – особой формы системной коммуникации. Именно такая коммуникация смягчает конфликтное соотношение между вертикальным иерархически устроенным господством и горизонтальным, всеми поддерживаемым стремлением к коллективному общежитию⁸. Смягчение, как правило, трактуется как действенная форма компромисса, предполагающего поиск альтернативных, взаимовыгодных решений. Уникальность их сочетания во многом определяет одну из важнейших системных характеристик властного механизма – его способность реализовать генерализирующий подход и предотвратить тем самым не только конфликт несовпадающих интересов, но и возможное неподчинение.

⁶ Бинарность такого взаимодействия, помимо поддержания асимметрически выстроенной связи между субъектами властных отношений, согласно реляционистам, способствует своеобразному расколу между вертикальным и иерархически выстроенным механизмом господства, с одной стороны, и горизонтальной потребностью осуществлять коллективное общежитие – с другой. Именно таким образом формируются различные спектры обусловленного таким расколом социального конфликта, на разрешение которого и ориентированы властные отношения.

⁷ Арендт Х. *Vita activa*, или о деятельной власти. СПб., 2000. С. 266.

⁸ При этом власть позиционируется как системное явление, сочетающее в себе два парадоксальным образом сосуществующих момента – релятивный и собственно системный. Более того, существенна характерная для такого рода проявлений взаимоисключающая природа, раскрывающая их соприсутствие как неотъемлемое свойство власти как целостного феномена.

Характерный для сторонников системного подхода акцент на двух противоположных полюсах «единого измерения власти» свидетельствует не столько в пользу «расколотости» феномена власти в ее реляционистской интерпретации, сколько раскрывает своеобразное в функционировании самого властного механизма – амбивалентность его природы. Заметим, что у Нины Александровны именно такого рода амбивалентность определяет основные векторы возможного компромисса, оптимизирует потенциальный выбор консенсуального по своей природе решения, превращая основанный на принципах согласия результат в системное проявление действующего властного механизма и исключая тем самым серьезные с точки зрения последствий функциональные конфликты.

Речь идет о вполне очевидных и лежащих на поверхности аналогиях, связывающих исследования Нины Александровны со сторонниками системного подхода к интерпретации властных отношений, прежде всего в сфере их социальной и антропологически ориентированной обусловленности. Обращает на себя внимание характерное уже для ее ранних работ стремление смягчить традиционное для отечественной медиевистики конфликтное определение властных отношений в перспективе иных, в том числе консенсуальных трактовок⁹. Лежащий в основе «генерализирующей возможности» (консенсуального принуждения) принцип во многом предопределен в работах Нины Александровны неоднозначной, но при этом нацеленной на конструктивный диалог природой взаимодействия бинарно соприсутствующих субъектов властных отношений – верховной власти и собственно «динамичных» по своей природе корпораций. Стремящиеся избежать, как показывает опыт Средневековья и особенно раннего Нового времени, безальтернативных по своей сути решений,¹⁰ такие субъекты были нацелены на

⁹ В современной немецкой историографии идеи консенсуального правления нашли свое развитие в работах Бернда Шнайdmюллера: *Schneidmüller B. Karolingische Tradition und frühes französisches Königtum. Untersuchungen zur Herrschaftslegitimation der westfränkisch-französischen Monarchie im 10. Jahrhundert* (Frankfurter Historische Abhandlungen 22). Wiesbaden 1979; *Ordnungskonfigurationen im hohen Mittelalter* / hg. von B. Schneidmüller, S. Weinfurter (Vorträge und Forschungen 64). Ostfildern 2006; *Schneidmüller B. Grenzerfahrung und monarchische Ordnung. Europa 1200-1500* (C. H. Beck Geschichte Europas). München 2011.

¹⁰ Наблюдения во многом опираются на британский опыт и, в частности, на характер взаимоотношений верховной власти и парламента в эпоху ранних Стюар-

снятие/смягчение потенциального конфликта, который «раскалывал» саму власть как системное явление. Акцент на власти как на приобретающем определенную гармонию системном явлении во многом позволял рассматривать ее как преодолевающее свою амбивалентность явление, проявляющее свою основную сущность в процессах большой исторической длительности. Речь шла о власти как явлении, являющемся результатом формирования, становления, а затем и изменения самой общественной структуры, определенными элементами которой с неизменным постоянством оставались меняющие свою природу индивидуальные и корпоративные субъекты властных отношений.

В центре исследований Нины Александровны всегда оставался феномен сословного представительства, а на его периферии – политическая и социальная реальность, предшествовавшая и соответственно пришедшая на смену этому межсистемному явлению. Институционализация сословного представительства в форме сословно-представительной монархии рассматривалась Ниной Александровной как результат общегосударственной материализации основ средневекового корпоративизма, заложенных в самой сословной структуре средневекового общества, присущей только этому явлению системе норм и практик. При этом не только системное единство этого явления, но и его возможные «национальные» варианты определялись его соотношением с «исходной формой общины» (славянской или германской), «наличием или отсутствием синтеза развитого античного общества с варварским миром, а также связанной с этим судьбой правовой традиции», «влиянием внутренних связей в самой цивилизационной общности или ее регионах». Модифицированная в результате такой материализации «реальность большой исторической длительности» – феодальная монархия рассматривается в контексте «социальной наполненности» характерных для нее «государственных» форм и институтов, а также стадийно обновляемой практики взаимоотношения с сословиями. «Оформившаяся» таким образом сословная монархия интерпретируется как одна из форм средневековой государственности с присущим только ей «набором отличительных признаков и связей». Способные не только к саморазвитию, но и к реализации особого типа

тов. В свое время консенсуальная природа такого рода взаимоотношений была поднята в работах ревизионистов первого поколения, лидером которых был Конрад Расселл: *Russell C. Parliaments and English Politics, 1621–1629*. Oxford, 1979.

властования и характерной для него культуры властных отношений, эти признаки и связи «стабилизируют» и даже «удерживают» саму политическую систему в ее исходных рамках.

Открывая в одном из ее возможных вариантов длительную перспективу формирования гражданского общества в Западной Европе, подобного рода признаки указывают на неразрывную связь «общественной структуры» средневекового общества с процессами становления «нового государства» или же *l'Etat Moderne* в его привычной интерпретации. При этом условия и способы распространения такой культуры диктовались особым характером взаимодействия «двух автономных систем» – королевской власти и наделенных иммунитетом сословий, определявших «дуализм» основной «политической структуры» на данном этапе развития феодальной монархии.

Дуализм такой «политической структуры» понимается Ниной Александровной как одна из глубинных черт, свойственных феодальному обществу и – одновременно через дисперсию властных начал – его политической организации, не только предопределявшей, но и в известной степени предвосхищавшей формообразующие принципы «нового государства». Воплощенная в специфическом распределении принципов верховенства между короной и сословными группами, оформленная особой (договорной по своей природе) юридической базой и правом сословий, эта черта обладает свойствами, способными обеспечить жизнеспособность, по меньшей мере, двух взаимосвязанных процессов.

Речь идет о том, что на определенном этапе политической централизации государства верховная власть, утрачивая ресурсы к воспроизводству и обновлению своей «патримониальной» основы, начинает использовать преимущества активного диалога с сословиями, эволюционируя в направлении своего публично-правового варианта. Обретение ею нового содержания сопровождается, с одной стороны, централизацией исполнительного аппарата и армии, формирующейся системы постоянных налогов, новыми судебными и законодательными полномочиями, а также «деперсонализацией» личностных основ монархии – с другой. В свою очередь, защищенные иммунитетом сословия, идя на диалог с монархией, обеспечивают себе не только количественный рост, но и более последовательную групповую консолидацию. Заметно активизируясь на общегосударственном и провинциальном (местном) уровнях, они способствуют расширению со-

циальной базы сословно-представительной монархии, актуализируют вектор публично-правового развития, вовлекая в систему властных отношений средневековой Европы нетрадиционные для этой сферы социальные элементы.

Вытесняя на этом пути традиционные вассальные связи контрактными и договорными отношениями с центральной властью, сословия, а затем и иного рода корпоративные образования активно заполняют в соответствии с их местом в социальной иерархии доступные, но при этом «административно» и «территориально» рассредоточенные звенья в развивающемся таким образом государственном аппарате. Формирующаяся в ходе этого процесса последовательная «этакратизация» общества, сменяя его нормативно-культурную модель, порождает противоречия, возникающие при различных вариантах освоения и использования государственного аппарата, «драматизируя» процесс государственного строительства. За редким исключением, обычно стимулирующие тенденцию на усиление корпоративных начал в политической и нормативно-культурной ориентации социальных образований, они определяют не только «лимиты» монархии в ее взаимодействии с обществом, но и основные векторы «естественной репродукции коллективных начал» в основных структурах западноевропейского социума.

Возобновлению подобной «репродукции» в ее западноевропейском варианте способствует «институциональная оформленность корпоративных форм или выраженная тенденция к ней, с более или менее жесткими нормами членства и закрытости». Юридическая определенность средневековых корпораций, смыкающаяся с их институциональной целостностью, обогащает коллективный опыт частной и публичной жизни ее отдельных членов. «Санкционируя» их групповую идентичность, она свидетельствует не только о «наличии волевой активности и выраженной изначальной инициативности» сословных образований, но и тесно смыкающейся с нею формой ответственности в реализации «общественного блага».

Такая форма «субъектной активности и ответственности» реализуется прежде всего «в сословной структуризации средневекового общества» и характерных для него институтах сословного представительства. Возникновение такого рода институтов закономерно определяет не только формы социальной и политической активности сословий. Мобилизуя потенциал всего корпоративного типа социальности, сословное представительство вовлекает в орбиту политических инте-

ресов средневековой монархии не только членов политической элиты, но и нетитулованное дворянство, духовенство, а также непривилегированные слои населения, неминуемо осознававших свою «особость в словесном самоопределении». Индивидуализируя процессы выработки «норм общения», последовательно переводя властный диалог монархии и сословий на язык права, оно не только сдерживает характерную для политической практики Средневековья авторитарную тенденцию, но и снижает ее потенциал на подавление корпоративных начал.

Связанный с «иерархической структурой собственности, реализовавшейся с помощью политических прерогатив», авторитарный (личностный) принцип не только преобладал, но и органично вытекал из феодальной природы средневекового общества. Соперничавший с коллективным, не менее важным для Средневековья принципом, он не только сохранял и обеспечивал «дуализм общей политической структуры». Провоцируя неизбежную при этом «дисперсию» властных структур, такой принцип не только укреплял корпоративную по своей сути «автономию на местах», но и парадоксальным образом гарантировал ее дальнейшее развитие. Оставаясь структурной и «инструментальной» доминантой, авторитарный принцип определял динамику становления средневекового «театра власти», репрезентирующего его господство практически во всех формах проявления «потестарных» начал, но при этом не исключал идущей от самого факта «организованных» сословий тенденции к его самоограничению.

Характерный для Нины Александровны акцент на ограничительных практиках средневековых сословно-представительных монархий, с одной стороны, и росте самосознания и ответственности самих сословий и иного рода корпоративных образований – с другой, был исходным для ее представлений о динамике становления основных параметров «нового» государства. Оставаясь феноменом большой исторической длительности, такого рода «новое» государство закономерно вписывалась в процессы «долгого Средневековья», демонстрируя возможности и лимиты свойственных для него форм организации верховной власти и более широко – его «общественной структуры» в целом.

Такой подход к интерпретации «нового» государства, во многом согласуясь с позицией участников проекта *l'Etat Moderne*,¹¹ обнару-

¹¹ Под проектом *L'État Moderne* обычно подразумеваются две его составляющие – собственно «французская», начало (1984 г.) которой было положено серией научных коллоквиумов Национального центра научных исследований в

живает присущие позиции Нины Александровны отличительные особенности. Прежде всего, речь идет об известном смягчении аксиологической установки, заложенной в оформлении особо выраженного у участников проекта телеологического подхода в интерпретации l'Etat Moderne, ориентирующего все исследовательские практики медиэвистов на функциональную близость позднесредневековых западноевропейских монархий с национальными государствами Нового времени.

Суть этого подхода состоит в том, что государству как таковому приписывается актуальная цель (другими словами – целевая причина), обуславливающая его движение от примитивных к институционально развитым (высшим) по своей сути формам. При таком подходе целесообразность средневековых форм государства напрямую зависит от объема заключенных в самом явлении форм и функций. Важной или точнее – наиболее существенной оказывается связь этой целесообразности с современным государством. Средневековая государственность представляет интерес для исследователя на столько, на сколько она во-

Фондевро, и «общеевропейская», поддержанная Европейским научным фондом в 1988 г. и материализовавшаяся в семитомном издании «Истоки государства раннего Нового времени» под редакцией Ж.-Ф. Жене и В. Блокманса. Основные публикации по «французской части проекта включали: *Genèse de l'État Moderne. Prélèvement et Redistribution* / éd. par J.-P. Genet, M. Le Mené. Paris, 1987; *État et Église dans la Genèse de l'État Moderne* / éd. par J.-P. Genet, B. Vincent. Madrid, 1986; *La Ville, la Bourgeoisie et la Genèse de l'État Moderne XIIe–XVIIIe siècles: actes du colloque de Bielefeld, 29 novembre – 1er décembre 1985* / éd. par J.-P. Genet, N. Bulst. Paris, 1988; *L'État Moderne: Genèse, bilans et perspectives* / éd. par J.-P. Genet. Paris, 1990; *L'État moderne: le droit, l'espace et les formes de l'État* / éd. par J.-P. Genet et N. Coulet. Paris, 1990; *Visions sur le développement des États Européens. Théories et historiographies de l'État Moderne* / éd. par J.-P. Genet, W. Blockmans. Rome, 1993; *L'État Moderne et les Élités, XIIIe–XVIIIe siècles. Apports et limites de la méthode Prosopographique* / éd. par J.-P. Genet, G. Lottes. Paris, 1996; *Genet J.-P. La Genèse de l'État moderne Culture et société politique en Angleterre*. Paris, 2003. «Общеевропейская» часть проекта представлена: *The Origins of the Modern State in Europe, 13th to 18th Centuries* / ed. W. Blockmans and J.-P. Genet. 7 vols. Oxford, 1995–2000. Названия отдельных томов таковы: *Economic Systems and State Finance* / ed. R. Bonney. Oxford, 1995; *Power Elites and State Building* / ed. W. Reinhard. Oxford, 1996; *The Individual in Political Theory and Practice* / ed. J. Coleman. Oxford, 1996; *Resistance, Representation and Community* / ed. P. Blickle. Oxford, 1997; *Legislation and Justice* / ed. A. Padoa-Schioppa. Oxford, 1997; *Iconography, Propaganda, and Legislation* / ed. A. Ellenius. Oxford, 1998; *War and Competition between States* / ed. P. Contamine. Oxford, 2000.

площает в себе определенные функциональные структуры государства XIX–XX веков.

Известно, что телеологический способ описания государства как исторически обусловленного явления обозначился еще во второй половине XIX в., когда в исторической науке сложился подход, согласно которому это явление стало рассматриваться в качестве основного конституирующего элемента национального строительства и более широко – модернизации. Именно идея национального государства XIX и XX вв. стала восприниматься в этой связи как особого рода матрица, определявшая набор базовых критериев – собственно исторических параметров для уходящего вглубь веков ретроспективного анализа.

Благодаря работам М. Вебера конкретизировался основной репертуар исторических и не только исторических исследований по данной проблематике. Идея рационально устроенного бюрократического государства не только детализировала исходные представления об его возможных, как правило, национально окрашенных вариантах, но и открыла путь для последующей типологизации государственного строительства со стороны специалистов. В исследовательское поле историка были включены важнейшие конституирующие само явление параметры, такие как централизация, территориализация и бюрократизация.

Обновленная веберовскими критериями исследовательская практика оставалась безупречной в фреймировании определявших социальную динамику политических процессов. Используя ее в качестве исходной, историки стремились подчеркнуть успехи государства в установлении внутренней и внешней монополии на принуждение, укреплении бюрократических институтов и учреждений, а также собственно централизации. При этом многие из них не только обнаруживали весьма серьезные расхождения с потенциально ожидаемыми результатами, но и терялись в доказательствах решающей роли определяемых этими параметрами процессов.

Рассматривая идею преемственности как неотъемлемую в движении от средневекового государства к современному, историки подчас настойчиво игнорировали вполне очевидные факты. Стоявшие у истоков этого процесса государства вплоть до второй половины XVII в. лишь в редких случаях обладали четко обозначенной территорией или же строго идентифицируемым населением. При этом собственно верховная власть, как правило, оставалась персонально монополизированной. Более того, воспринимая веберовскую модель в качестве аналитиче-

ски исходной, они заведомо отказывались от других параметров и критериев, которые могли бы по праву считаться не менее значимыми в определении средневекового государства.

Ж.-П. Жене – один из наиболее ярких организаторов проекта считал, что «новое» государство – это такой тип политического и институционального образования, материальная база которого основывается на публичном налогообложении, необходимость и целесообразность которого осознается политическим обществом, включающим значительную часть социально привилегированного и активного населения, объединенного общей территорией.

В представлениях Жене, феномен *l'État Moderne* неразрывно связан с самой идеей «политического общества» – особой структуры, одновременно организующей и мобилизующей объединенное общей территорией население к участию в принятии политических решений.¹² Показательно условие, превращающее таким образом организованную часть населения в собственно «политическое общество». Речь идет о сложном диалоге с верховной властью по поводу налогообложения, содержание которого актуализируется в XVI–XVII веках. Иницилируя такой диалог, само «новое» государство не только вовлекает социально привилегированную часть населения в политический процесс, но и гарантирует ему определенные формы представительства и собственности, обозначая тем самым исходные границы и базу для финансовой и экономической эксплуатации. Политический диалог во всех своих

¹² Жене полагает, что наиболее показательным образом процесс оформления обновленного политического диалога сложился в Англии благодаря возникновению особым образом оформленного сословного представительства. Речь идет о том, что рыцарство, составившее опору королевской администрации в самих графствах, а также джентри, освобожденное от опеки феодальных сеньоров не только образовывали основу «депутатского» корпуса на местах, но и составляли функциональное ядро «политического сообщества». *Genèse de l'État Moderne. Prélèvement et Redistribution / éd par. J.-P. Genet, M. Le Mené. Paris, 1987. P. 7–15; Genet J.-P. La Genèse de l'État moderne Culture et société politique en Angleterre. Paris, 2003. P. 23ff.* На самом деле, уже при Эдуарде I практика парламентского вोटирования налогов приобретает устойчивый характер, а лежавший в основе сословного представительства принцип обеспечивает воспроизводство партиципаторной культуры – культуры участия, гарантируя тем самым особую векторность в последующей «демократизации» политической организации общества в том самом токвилевском понимании существа этого процесса – тенденции, как представляется недооцененной участниками проекта.

возможных проявлениях не только фреймировал в его представлениях само «политическое общество», исключая любые формы персонифицированной солидарности и противостояния, но и определял оптимальный, ориентированный на коллективно консолидированного субъекта ракурс сотрудничества и сосуществования с государством.

Ж.-П. Жене в отличие от Н. А. Хачатурян лишь в самом общем виде намечает, а сам проект, к сожалению, не реализует порождающие партиципаторную культуру¹³ отношения и тенденции. Хотелось бы подчеркнуть, что в основе такой культуры лежит не столько особый тип ориентации «политического» субъекта, концентрирующейся на так называемых «специализированных политических объектах» (сюжет – в той или иной степени исследованный участниками проекта). Более существенной представляется то, что связано с «релевантностью» и «разнообразием» различных видов деятельности такого субъекта в отношении самой «политической» системы в целом, а также социальной наполняемости и «адекватности» самого субъекта как «политического» целого – перспективы сполна реализованной в исследованиях Нины Александровны¹⁴. (Напомним, что уже в эпоху сословно-представительной монархии не только сословия, но и другие непривилегированные группы как коллективные субъекты не только склонны к самоорганизации и самореализации, но и корпоративной и более широко – консолидированной ответственности).

Партиципаторная культура чаще всего понимается как такая культура, при которой сплоченные ею разнородные члены «политического сообщества» ориентируются на систему вообще, а также на определяющие ее форму политические, а также управленческие структуры и процессы. В определении Нины Александровны партиципаторный тип отражает так называемую «сильную» ориентацию индивидов и групп различного происхождения не только на дисперсно функционирующую верховную власть (независимо от ее положительной или же отрицательной оценки), но и на активное участие в «политической» жизни общества в целом. «Политическое сообщество» во всех его социальных проявлениях стремится играть существенную роль на раз-

¹³ Н. А. Хачатурян не использует этот термин в своих исследованиях, но логика ее анализа во многом обуславливает его целесообразность.

¹⁴ Хачатурян Н. А. Представительный режим в контексте проблем «l'État Moderne» и «гражданское общество» // Хачатурян Н. А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008. С. 225–228.

личных стадиях политического процесса. Артикулируя свои интересы через «национально» и «регионально» обусловленные формы сословного представительства, а также формирующиеся за пределами представительных учреждений группы интересов, они осваивают навыки «политического» общения с верховной властью. При этом само «политическое сообщество» неизменно демонстрирует свою лояльность к верховной власти и политической системе в целом. В свою очередь верховная власть и более широко – сама политическая система идут на ответные компромиссы. Таким образом, сама система и свойственная ей «общественная структура» остаются самодостаточными и, демонстрируют свой потенциал, не выходя за рамки средневековой государственности.¹⁵

В последние годы Нина Александровна была озабочена и активно вовлечена в дискуссии о соотношении прежних представлений о Средневековье и попытками коренным образом изменить наше понимание сущности и соотношения Средневековья и феодализма, а также сопутствующими им явлениями и структурами.

К этому времени в российской науке явственно обозначились различные точки зрения. Для одних – старые формулы, касающиеся оценок Средневековья, определения роли сословий, городской инфраструктуры, особенностей самого феодализма, представлялись неизблемыми и непоколебимыми. Для других – ориентировавшихся на точки зрения западных ученых взгляд на Средневековье в целом и его отдельные проявления нуждался в переосмыслении.

Нина Александровна, как и многие другие отечественные медиависты, была вовлечена в современные дискуссии по отмеченным вопросам. Она многократно обращалась к этой тематике. Отношение к историографическому наследию и инновациям в науке воспринима-

¹⁵ Схожие наблюдения о политическом и социальном потенциале позднесредневековых монархий содержатся в работах историков, упрекающих участников проекта в недооценке роли непривилегированных образований в процессе государственного строительства: *Mathieu J.* Geschichte der Alpen 1500–1900. Umwelt, Entwicklung, Gesellschaft. Wien, 1998. S. 149–76; *Holenstein A.* ‘Gute Policy’ und lokale Gesellschaft im Staat des Ancien Régime. Das Fallbeispiel der Markgrafschaft Baden-Durlach. 2 Bd. Epfendorf, 2003. Bd.1. S. 25-106; *Brakensiek S.* Germany: Fonctionnaires d’Etat et bourgeoisie urbaine en Allemagne // Histoire, Economie, Société. Epoques moderne et contemporaine. 2005. Vol. 2. P. 253–278. *Maissen T.* Die Geburt der Republik. Staatsverständnis und Repräsentation in der frühneuzeitlichen Eidgenossenschaft. Göttingen, 2006.

лось ею очень лично и эмоционально. Она глубоко переживала, когда сталкивалась с примерами жесткой и порой весьма уничижительной критики прежних представлений и тех, кто имел к ним прямое отношение.

Представляется, что Нина Александровна придерживалась разумной позиции, которую разделяли, пожалуй, подавляющее большинство российских специалистов. Она придерживалась идеи синтеза, возможности соединения установившихся понятий и оценок с новыми подходами, особенно с теми, которые были широко представлены в зарубежной историографии. Нина Александровна имела тесные и дружеские отношения со многими исследователями из Франции, разделявшими идеи о комплексном и интегративном подходе к изучению сложных и противоречивых процессов средневекового периода мировой истории.

Главным для Нины Александровны и для всех тех, кто стоял на «компромиссных» позициях, было неприятие тех ярлыков и того осуждения, с которыми сталкивались те, кто призывал справедливо оценивать результаты исследований советских историков. А таких «ярлыков» было предостаточно, особенно в начале 1990-х гг., да и в последующий период.

В советское время было немало сделано для изучения европейского Средневековья, его восточного варианта, а также российского феодализма. Но столь же очевидным было и то, что господство марксистской теории и связанного с нею метода препятствовало раскрытию сложного и противоречивого процесса происхождения, эволюции и утверждения так называемого феодального периода в мировой истории, антропологического (личностного) содержания Средневековья, взаимодействия человека и общества и т. п.

В условиях «раскрепощения» исторической науки от догм и упрощения многие историки сохранили понимание места марксизма особенно в оценке процессов социально-экономического развития средневекового общества.

Главная дискредитация марксизма была связана не только с его теоретическими построениями, но с периодом его практической реализации в построении советского социалистического государства. В этой связи важно отметить большой вклад Нины Александровны в разработку и в преподавание курсов историографии для студентов-медиевистов. Широкая образованность, прекрасное знание трудов и сочинений прошлого и современной исторической литературы позволи-

ли Нине Александровне создать историографические курсы и школу, лишенные какого-либо упрощенчества, проникнутые духом глубокого уважения и терпимости. Именно эти качества привлекали студентов и аспирантов, прививали им навыки уважения предшественников и понимания преемственной связи между поколениями и школами исторического знания.

В контексте проходивших дискуссий Нину Александровну особенно интересовали проблемы формирования сословной монархии и сословного представительства в целом. Отсюда вытекала более общая теоретическая и конкретно историческая тема о соотношении и взаимосвязи власти и общества, роли различных институтов, рожденных в эпоху Средневековья.

В самое последнее время Нина Александровна подошла к теме “l’Etat Moderne”. Понимание сущности этого феномена служило предметом острых споров еще в прежние периоды, но в наше время трактовки “l’Etat Moderne” оказались тесно связанными с общей периодизацией мировой истории, с пониманием сущности Средневековья и раннего Нового времени.

Характерной чертой деятельности Нины Александровны, особенно в последние 15–20 лет, было не только отстаивание своих взглядов, но и доведение их до широкой научной общественности. Фактически была создана целая серия публикаций по проблеме королевского двора; к этому присоединились издания о сословных представительствах, формах репрезентации верховной власти.

Нина Александровна оставила не только прекрасные труды и школу ее последователей, но и память о себе как о великолепном лекторе и доброжелательном человеке. А таким людям очень часто не хватало внимания со стороны коллег, что в немалой степени компенсировалось признанием и почитанием со стороны студентов и аспирантов.

С. К. ЦАТУРОВА¹⁶

ЕВРОПЕЙСКИЙ ФЕНОМЕН СОСЛОВНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ НИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ ХАЧАТУРЯН

Книга Н. А. Хачатурян «Возникновение Генеральных Штатов во Франции»¹⁷ была первой научной монографией по истории Средних веков, которую я сознательно купила. Тогда я только закончила 1-й курс Исторического факультета МГУ, о медиевистике не помышляла; мне просто понравилась книга, которую я увидела в книжном киоске на факультете журналистики МГУ. Её тема и её внешний вид покорили меня. Это приобретение оказалось предзнаменованием. Спустя всего полгода встреча с Ниной Александровной, которая вела в нашей группе семинар на 2-м курсе, изменила мои жизненные планы и предопределила путь в науку.

Сейчас, анализируя творческое наследие Нины Александровны после четырёх десятилетий нашего научного и дружеского общения, беру на себя смелость утверждать, что тема сословного представительства в средневековой Западной Европе была не только сквозной в её научном творчестве, но и ключевой в восприятии ею западной цивилизации в Средние века. Это была «первая и главная любовь» Нины Александровны, ставшая путеводной нитью в её дальнейших широких и разносторонних научных исследованиях по медиевистике.

Знаменательно, что она сама выбрала эту тему для кандидатской диссертации, сама же нашла и релевантные источники. Научным ру-

¹⁶ Цатурова Сусанна Карленовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН; tsatourova@mail.ru

¹⁷ Хачатурян Н. А. Возникновение Генеральных Штатов во Франции. М., 1976.

ководителем Нины Александровны была в то время Н. А. Сидорова, которая предлагала ей другую тему, из области политической мысли и духовной культуры, с известным антиклерикальным уклоном¹⁸. Но такая тематика не отвечала ни стилю мышления, ни научным приоритетам Нины Александровны. Хотя она отдавала должное научному вкладу Нины Александровны Сидоровой и сожалела о его поверхностной недооценке новыми поколениями российских медиевистов. Но одним из своих главных учителей и наставников она неизменно называла Сергея Даниловича Сказкина, под чьей редакцией, хоть и посмертно, вышла эта первая монография Нины Александровны¹⁹. В нём её привлекали не только человеческое достоинство, но широта и системность подходов к анализу исторических процессов.

Первая тема и монография очень важны для статуса и реноме человека, приходящего в науку. Это, по сути, заявка учёного на определённое место в научном сообществе. Но далеко не так часто бывает, особенно для входивших в науку в советский период с его внешним идеологическим диктатом, чтобы первая работа историка стала стержнем его дальнейших исследований, основой всего последующего широкого и плодотворного научного творчества. К таким нечастым явлениям принадлежит творческий путь Нины Александровны. История возникновения во Франции органов сословного представительства позволила Н. А. Хачатурян уверенно двигаться вширь и вглубь анализа исторических процессов в средневековой западноевропейской цивилизации, включая историю власти и государства.

Избранный Н. А. Хачатурян подход к исследованию первых собраний Генеральных Штатов во Франции в начале XIV в. можно условно охарактеризовать как соединение, сопряжение политического и

¹⁸ Отголосок этой первоначальной темы – первая научная статья Нины Александровны, опубликованная в «Средних веках». См.: *Денисова Н. А.* Из истории политической борьбы во Франции в начале XIV в. (трактаты легиста Дюбуа об уничтожении ордена тамплиеров) // *Средние века*. Вып. 20. М., 1961. С. 208–224.

¹⁹ Она пронзительно и в высшей степени уважительно почтит его память в небольшой статье для подборки воспоминаний о С. Д. Сказкине, осуществлённой в журнале «Средние века» в ситуации, когда стало модным чернить советский период в историографии, в особенности за приверженность марксизму, и навешивать ярлыки «соглашателей» на тех, кто внёс большой вклад в медиевистику и просто спас нашу науку в весьма непростых условиях. См.: *Хачатурян Н. А.* Оценить и понять / Вспоминая С. Д. Сказкина. К 30-летию со дня кончины // *Средние века*. Вып. 65. М., 2004. С. 281–288.

социального компонентов исторического процесса. Такой подход был не характерен для западных, в том числе французских коллег. До сих пор анализ представительных собраний во Франции эпохи Средневековья сводится к изучению политических обстоятельств их созыва, намерений и расчётов властей, а кроме того, к ходу и итогам дебатов на этих собраниях. Социальный аспект – движение снизу, от сословий и социальных групп, их интенции и политический потенциал – практически не учитываются в этих исследованиях. Уже само отличие подходов Нины Александровны к анализу сословно-представительных собраний, которое задавало принципиально иной вектор научного поиска, привлекало внимание зарубежных коллег к её работам по данной теме, опубликованным на французском языке²⁰. Я не раз встречала ссылки на них в трудах французских коллег как на пример «иногo взгляда» на представительную систему западного Средневековья.

Классический образец подхода французских коллег к истории представительных институтов в средневековой Франции – книга Жана-Франсуа Лемаринье «Средневековая Франция. Институты и общество», изданная в 1970 г., выдержавшая с тех пор несколько изданий и считающаяся эталонной работой по данной теме²¹. В этом комплексном исследовании прослеживаются трансформации во французском обществе от поздней Античности до конца XV в., нашедшие воплощение в различных социально-политических институтах, включая Церковь и государство. Пристальное внимание уделяет автор изменениям в положении и статусе сословий, в том числе горожан и крестьян. При этом, конкретный анализ сословно-представительных институтов (Генеральных и Провинциальных Штатов) концентрируется, в значительной степени, на событийной канве, акцентируя победы и поражения обоих участников «диалога», власти и общества, в ходе тех или иных ассамблей.

²⁰ Показательно, что работы Нины Александровны именно по истории представительных институтов публиковались на французском языке. См.: *Denissova-Khatchatourian N. A. Du rôle restrictif des ordres dans les États Généraux de France au début du XIVe s. // Études présentées à la Commission Internationale pour l'histoire des assemblées des États Généraux. XIII Congrès international des sciences historiques, Moscou, 1970. Varsovie-Moscou LII. Varsovie, 1975. P. 111–120; Denissova-Khatchatourian N. Organisation et structure sociale des premiers États Généraux en France // Anciens pays et assemblées d'états. L'Album François Dumont. Louvain, 1974. P. 69–98.*

²¹ *Lemarignier J.-F. La France médiévale. Institutions et société. P., 2002.*

Как ни странно, исключение из этого «канона» составляют работы французских историков средневекового права, которые более явственно связывают возникновение и развитие представительных институтов с социальными изменениями в обществе. Яркий пример тому – монография Клода Суля «Генеральные Штаты во Франции (1302–1789)»²². Помимо широкого хронологического охвата – по сути вся история Генеральных Штатов вплоть до их преобразования в Национальную Ассамблею в ходе Великой Французской революции, в подзаголовке ясно обозначен масштабный и комплексный подход: не только сама история представительных собраний во Франции, но и их сравнительно-исторический анализ (сопоставление с аналогичными ассамблеями в Испании, Англии, Нидерландах), а также история идей и политических теорий о представительной системе, особенно в раннее Новое время, отразивших становление данного института.

Это исследование К. Суля, как и в трудах Нины Александровны, начинается с анализа изменений во французском обществе, которые обусловили созыв Генеральных Штатов во Франции в начале XIV в. Важное место в монографии К. Суля занимает анализ мандата депутата как фактора связи представителя с выдвинувшим его сообществом или социальной группой. Именно этот мандат делал представительные ассамблеи «сословными», т.е. собранием депутатов от различных сословий, корпораций и социальных групп. Хотя тот же мандат позднее тормозил реализацию принципа представительства всего общества, который является правовой основой современных парламентов. Так что отмена императивного мандата в ходе Революции 1789 г. стала фактором рождения нового типа представительных институтов Новейшего времени. Исследование Клода Суля реализовало самый масштабный подход к истории представительного режима во Франции. Стоит отметить, что эта книга была остро актуальной, поскольку писалась в эпоху кардинальных политических трансформаций в Западной Европе, в период создания институтов Европейского Союза, в том числе Европарламента. В этом контексте книга имела политическую задачу: она призвала учесть прошлый исторический опыт представительных институтов, дабы взять из него всё лучшее и избежать допущенных в прошлом ошибок.

²² Soule C. Les États Généraux de France (1302–1789). Étude historique, comparative et doctrinale. Heule, 1968 / Études présentées à la Commission Internationale pour l'histoire des assemblées d'états. XXXV.

Более свежий пример аналогичного подхода к представительным институтам в контексте социальных изменений в средневековой Франции – исследование тоже юриста и историка права Жана Барбея «Быть королём. Король и его правление от Хлодвиг до Людовика XVI»²³. В этой монографии также чётко прослеживается связь представительных институтов с социальной организацией общества, с оформлением различных групп, корпораций и сословий. Однако все эти параметры рассматриваются применительно к сословно-представительным институтам исключительно с точки зрения власти (нужда в получении одобрения своей политики со стороны депутатов), а не с позиции общества и социальных групп, без учёта их активности и политических притязаний.

В современной медиевистике социальный аспект истории сословно-представительных собраний во Франции разрабатывает лишь немецкий историк Н. Бюльст, используя методы просопографии для изучения состава депутатов двух знаковых собраний Генеральных Штатов позднего Средневековья, 1468 и 1484 гг.²⁴

Рассматривая вклад Н. А. Хачатурян в исследования сословно-представительных институтов в средневековой Франции, позволю себе не останавливаться подробно на основных положениях её многочисленных работ по данной теме, поскольку, в значительной части, мною уже был сделан такого рода анализ в юбилейной статье для сборника в честь 70-летия Н. А. Хачатурян, а также в рецензии на её последнюю монографию «Власть и общество»²⁵, в которой отдельный большой раздел был посвящён комплексному исследованию феномена сословного представительства в средневековой Западной Европе.

²³ *Barbey J. Être roi. Le roi et son gouvernement en France de Clovis à Louis XVI.* P., 1992.

²⁴ *Bulst N. Vers les états modernes: le tiers état aux États Généraux de Tours en 1484 // Représentations et vouloir politique. Autour des états généraux de 1614.* P., 1982. P. 11–24; *Idem. The Deputies au the French Estates General of 1468 and 1484: A Prosopographical approach // Medieval Prosopography.* 1984. Vol. 5. No. 1. P. 65–79; *Idem. Die französischen Generalstände von 1468 und 1484, Prosopographische Untersuchungen zu den Delegierten.* Sigmaringen, 1992.

²⁵ См. подробнее: *Цатурова С. К.* Нина Александровна Хачатурян: портрет ученого в зрелости // *Искусство власти. Сборник в честь профессора Н. А. Хачатурян.* СПб., 2007. С. 5–38; *Цатурова С. К.* Рец. на книгу: *Хачатурян Н. А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века.* М., 2008 // *Средние века.* 2012. Вып. 73 (1–2). С. 335–344.

Давая общую оценку этим трудам, хотелось бы подчеркнуть их новизну и масштабность в контексте мировой медиевистики: впервые институты сословного представительства были поставлены в самые разные контексты – изменений природы верховной власти, нововведений в сфере права, социальных трансформаций, политических процессов и т.д. Сегодня оценивая, в целом, вклад Нины Александровны Хачатурян в разработку темы средневековых сословно-представительных институтов, хотелось бы заострить внимание на историографическом значении этих работ в отечественной медиевистике.

Избранная Ниной Александровной в самом начале творческого пути тема научного исследования находилась в то время на пике интересов не только западноевропейского общества, но и исторической науки на Западе. В 1950-1960-е гг. в Западной Европе шли научные дискуссии о социальной стратификации и динамике обществ прошлого, о месте и природе представительных институтов, активно работали международные комиссии по данной теме. Этот интерес историков отвечал на запросы общества, диктуемые атмосферой складывания общеевропейских институтов, властных и представительных, и поиска общих знаменателей в истории и культуре стран Западной Европы.

По контрасту с этой атмосферой жгучей общественной актуальности темы представительных институтов на Западе, в нашей стране данная проблематика была далека об общественных запросов. Можно даже сказать, она была *rag contre* к общественно-политической ситуации. Изучение этого феномена стимулировалось не столько его общественным значением (об адекватной системе представительства в условиях советского строя говорить не приходится), сколько чисто научным интересом к неизученной в российской медиевистике теме и стремлением по-новому взглянуть на привычные сюжеты, используя новейшие подходы и эпистемологические повороты.

Первооткрывателем темы сословного представительства в советской медиевистике была, безусловно, Е. В. Гутнова, чей фундаментальный труд «Возникновение английского парламента» впервые реализовал новый, системный подход, соединивший, на новом витке развития исторического знания, политическую и социальную историю²⁶. Нина Александровна и в научных трудах, и в личном общении

²⁶ Гутнова Е. В. Возникновение английского парламента. (Из истории английского общества и государства). М., 1960.

всегда признавала большое влияние Евгении Владимировны Гутновой как своего учителя на собственные подходы к данной теме, подкреплявшееся их многолетней дружбой. Оценивая вклад Е. В. Гутновой в разработку темы и, в целом, новизну её исследований по истории представительных институтов в средневековой Западной Европе, Нина Александровна особо отмечала восстановление потерянных западной наукой к середине XX в. достижений, которые отличали историческую мысль в XIX в. Прежде всего, это касалось системного видения процессов исторического развития и социального подхода к политической истории. В отечественной историографии, благодаря марксизму (не в его узко догматическом и политизированном толковании), такой подход был возрождён и даже углублён. Взвешенная оценка Е.В. Гутновой природы сословного представительства позволила ей выйти за узкие рамки исключительно классового подхода при анализе социальной структуры европейского общества. При этом, в работах Е. В. Гутновой об эволюции властных институтов впервые в советской медиевистике подчёркивалась не только функция насилия в природе государства, но и функция протекции как необходимого фактора устойчивости всей структуры управления. Особое значение для исследовательских подходов Н. А. Хачатурян имели попытки Е. В. Гутновой углубить понятие «сословия», включив в него не только правовые и юридические параметры, но и экономические характеристики²⁷.

Именно эти новации были успешно развиты в трудах Нины Александровны применительно к институтам сословного представительства во Франции. Социальный подход к анализу истории французских Генеральных Штатов позволил Н. А. выйти за рамки прежнего чисто политико-юридического, институционального ракурса исследования. Благодаря этому, в трудах Нины Александровны представительные учреждения во Франции выглядят ещё более объёмными, сложными и даже, как это ни покажется странным, более перспективными в плане научного поиска, чем это традиционно считалось.

На этом хотелось бы заострить внимание, поскольку, с точки зрения типологической, представительные институты во Франции, Генеральные и Провинциальные Штаты, выглядят значительно более слабыми политически и институционально в сравнении с английским

²⁷ См. подробнее: *Хачатурян Н. А.* Творчество Е. В. Гутновой (1914–1992) в контексте потенциала отечественной медиевистики // *Средние века*. 2015. Вып. 76 (1–2). С. 291–307.

Парламентом. Более того, нередко можно встретить утверждение, что созыв Филиппом IV Красивым первых собраний депутатов трёх сословий в 1302-1308 гг. был «подражательным жестом», лишь следующим за английским образцом, но никак не продиктованным внутренними потребностями французской монархии. Возможно, поэтому история сословно-представительных собраний во Франции не привлекает большого интереса новых поколений российских медиевистов; у нас так и не сложилась школа исследователей этой проблематики применительно к французскому классическому и позднему Средневековью. Увы, после Нины Александровны отечественные исследователи редко обращаются к конкретной истории представительных собраний во Франции XIV–XV вв. Не в последнюю очередь, такая ситуация может быть обусловлена значительностью вклада самой Н. А. Хачатурян в разработку этой проблемы, а новые ракурсы темы учёными пока не найдены. Во всяком случае, исследования Н. А. о сословно-представительных собраниях в средневековой Франции придали авторитетности этим институтам, «приподняли» их на уровень важнейшего показателя определённого этапа в эволюции власти и общества в Средние века.

В трактовке Н. А. Хачатурян, сословно-представительные собрания во Франции предстают органичной частью трансформации самих основ верховной светской власти, эволюционирующей от патримониальной к публично-правовой. Но они свидетельствуют об изменениях внутри средневекового общества, самоорганизующегося в различные сообщества, корпорации и сословные группы, способные уже корректировать решения власти и влиять на неё. Характерно, что в комплексной монографии «Сословная монархия во Франции XIII–XV вв.»²⁸ Н. А. Хачатурян поставила сословно-представительные институты в общий контекст формирования властных структур монархического государства, вслед за судопроизводством, налогами и армией. Однако и тут они были призваны сыграть двойную роль: и в качестве новых органов власти, и как институты влияния самоорганизующегося общества на власть. Эта двойственная природа сословно-представительных институтов делается особенно наглядной благодаря тому, что историю собраний Штатов во Франции Н. А. выносит в самый финал исследования, чем достигается эффект демонстрации взаимовлияния власти и общества, как и значимого политического потенциала общественных сил.

²⁸ Хачатурян Н. А. Сословная монархия во Франции XIII–XV вв. М., 1989.

Глубокую органичность явлению сословного представительства в исследованиях Нины Александровны придавал именно социальный подход к характеристике этого политического института. И в монографии о первых Генеральных Штатах, и во второй монографии, посвящённой сословной монархии во Франции, Нина Александровна начинает анализ с характеристики эволюции сословий и даёт, впервые в историографии, комплексное определение самого понятия «сословие» как особой правовой и социально-политической общности, складывающейся внутри средневековой общественной структуры. Она убедительно и аргументированно соединила экономические и юридические параметры в характеристике природы сословного деления общества. Здесь автор разглядела главную специфику устройства и функционирования феодального общества, где особым образом, но вполне органично и неразрывно переплетались частные и корпоративно-общинные связи. Надо заметить, что докторская диссертация Н. А., где вместо узко классового подхода к характеристике общества и государства во Франции XIII–XV вв. отстаивался качественно новый ракурс, через более сложную сословную структуру, была написана и защищена во второй половине 1980-х гг. на излёте монопольного диктата «единственно верной» методологии. На обсуждении этой работы на кафедре средних веков Исторического факультета МГУ ревнители «чистоты марксизма», по мнению Нины Александровны, дали и проиграли свой последний бой, пытаясь законсервировать «классовый подход» к политической истории. Как очевидец этого обсуждения, могу засвидетельствовать, что картина была весьма неприглядной, а победа Н. А. более чем убедительной.

Между тем, исследование институтов сословного представительства во Франции через призму сложного устройства французского общества, осуществлённое Ниной Александровной, только и позволило дать убедительный ответ на вопрос, почему все сословия, в итоге, поддерживали в ходе представительных собраний растущие прерогативы королевской власти, хотя этот процесс, в значительной мере, напрямую ущемлял их интересы. Благодаря анализу эволюции сословий и разгоравшихся межсословных и внутрисословных конфликтов Н. А. удалось и доказать необходимость созыва короной сословных собраний для получения одобрения своей политики, и раскрыть особенность структуры этих собраний во Франции, отразившей расстановку политических сил, и объяснить позицию депутатов по предлагавшимся к

обсуждению вопросам. Растущие prerogatives верховной власти, легитимированные, в том числе, поддержкой депутатов собраний Штатов, предстают адекватным отражением сложного общества, нуждающегося в независимом и авторитетном арбитре в лице монарха.

В русле этого, основной акцент Н. А. сделала на активности и зрелости политической позиции общества, прослеживая его сознательное участие в построении сильного монархического государства. Такой ракурс исследования принципиально отличался от прежних подходов к анализу представительных собраний, трактовавшихся по преимуществу как форма легальной оппозиции общества в отношении властей. В концепции Нины Александровны акцентировались не столько конфликты, сколько взаимовыгодный диалог власти и общества, их продуктивное сотрудничество во имя «общего блага» страны.

В трактовке Нины Александровны собрания депутатов трёх сословий вносили вклад в кардинальное изменение баланса сил между двумя фундаментальными принципами функционирования власти – авторитарного и коллективного, имманентно присущими средневековой политической структуре²⁹. Признаки усиления коллективного начала Н. А. усматривала в том, что собрания Штатов способствовали утверждению идеи контракта между обществом и властью и взаимных обязательств сторон, закладывая тем самым основы будущих демократических теорий властвования. Собрания Штатов предстают, в интерпретации Н. А., предысторией гражданского общества, вырабатывая через институт выборов и теории представительства фундаментальное правило ответственности депутата перед направившей его группой, на этом раннем этапе – в форме получения мандата. Хотя «императивный мандат», строго очерчивая круг полномочий депутата, узаконивал партикуляризм и главенство преимущественно локальных или узко сословных интересов, так что на последнем этапе монархического государства именно он тормозил внедрение принципа представительства депутатами всего общества. Вместе с тем, сословно-представительные собрания формировали «политическое мышление» и «государственный подход» у депутатов, что, по мнению Нины Александровны, рас-

²⁹ О соотношении этих двух фундаментальных принципов властвования см. подробнее: *Хачатурян Н. А.* Авторитарный и коллективный принцип в политической эволюции средневековой государственности // *Власть и политическая культура в средневековой Европе* / Отв. ред. Е. В. Гутнова. М., 1992. С. 14–23.

крывает значительную роль самого европейского общества в процессе построения сильных централизованных государств.

Задумываясь над типологией средневековых парламентов, Нина Александровна предложила свою весьма новаторскую трактовку источников силы и слабости тех или иных представительных институтов в Западной Европе. Так, бесспорно, французские Штаты уступали в силе и успешности английскому Парламенту. Однако успех английского института Нина Александровна усматривала в известной «недоразвитости» Парламента – в нерасчленённости функций Королевской курии, из которой он не до конца выделился. В силу наличия в его компетенции функций совета, суда и управления, генетически восходящих к Королевской курии, английский Парламент добился большей регулярности созыва и сохранил право соучастия в законодательной сфере.

А вот во Франции чёткое разделение Королевской курии к середине XIV в. на три ветви – совет, суд и финансы – закрывало Штатам перспективу стать регулярно созываемым органом. Тем более, что определённые законодательные функции (в форме верификации, регистрации и оглашения королевских указов) оказались в руках верховной судебной палаты – Парижского парламента. К тому же, большая сговорчивость депутатов английского Парламента, чаще готовых вотировать налоги на предприятия и запросы короны, резко контрастировала с несговорчивостью депутатов французских Штатов, при этом неизменно перекладывавших «на соседа» запрашиваемые короной налоговые сборы. В итоге, по мнению Нины Александровны, экономическая сила и политические амбиции сословий во Франции обернулись ослаблением их позиции в рамках представительных собраний, поскольку выражаемые депутатами требования оказывались чересчур радикальными и неприемлемыми для власти.

Однако сравнение всех иных вариантов западноевропейских представительных институтов с «эталоном» явления, с английским Парламентом, не должно снижать конечной оценки значимости самих органов сословного представительства. Более того, в интерпретации Н. А., именно в такой «слабой форме», как во Франции, оказались отчётливее видны сущностные параметры данного феномена. Как явствует из анализа Нины Александровны, французское общество оказалось сложнее устроенным, в сравнении английским, а внутри него был сильнее потенциал оппозиции, особенно в лице знати. На этом-то и сумела успешно сыграть власть, перетягивая на себя функции арбитра

в бесконечных спорах между отдельными стратами или корпорациями и выступая гарантом защиты прав и привилегий всех сословий и социальных групп³⁰.

Комплексный и системный подход Нины Александровны к истории сословно-представительного режима в Западной Европе Средних веков органично выводил её дальнейший научный поиск на магистральные пути наиболее актуальных вопросов в отечественной медиевистике. По собственному признанию Н. А., выбор ею именно сословно-представительного режима в средневековой истории оказался счастливым, удачным и перспективным. Эта тема органичным образом получила развитие в двух разных, хотя и взаимосвязанных сферах исследовательского поиска Н. А.: в разработке проблематики социально-политической структуры средневекового общества и в истории власти в Средние века, во всех её формах, от двора и дворцового управления до государственных институтов и *État moderne*, а также в новаторских для отечественной медиевистики ракурсах, включая театр власти, сакральные и ментально-психологические аспекты властвования и подчинения.

Так, разработка темы сословного представительства способствовала размышлениям Н. А. о специфике социальной структуры средневекового общества, позволив углубить и по-новому осветить понятие корпоративизма, нашедшего отражение в социально-политическом оформлении сословий: не только привилегированных групп, но также горожан и даже крестьян³¹. В трактовке Нины Александровны, ин-

³⁰ Подробнее см. большой раздел «Европейский феномен сословного представительства. К вопросу о предыстории гражданского общества» в монографии: *Хачатурян Н. А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века*. М., 2008. С. 156–227.

³¹ Размышления о корпоративизме и связанной с ней специфике различных социальных групп средневекового общества см. подробнее: *Хачатурян Н. А. Город в системе феодальной формации* // Вопросы истории. 1983. №1. С. 67–84; *Она же. Социальная организация французского крестьянства XIII–XIV вв. (по материалам Парижского парламента)* // Феодальная рента и крестьянские движения в Западной Европе XIII–XIV вв. М., 1985. С. 222–253; *Она же. Французское крестьянство в системе сословной монархии* // Классовая и социальная структура феодального общества. М., 1988. С. 103–111; *Она же. Феномен корпоративизма* // Общности и человек в средневековом мире. М.- Саратов, 1992. С. 17–23; *Она же. Статус западноевропейского дворянства, его внутренняя стратификация и социальные потенции* // Бюллетень Всероссийской ассоциации медиевистов и

ститут сословного представительства становится кульминацией творческого потенциала средневекового корпоративизма, сообщая этому политическому институту социальную глубину и органичную принадлежность к самой структуре общества.

Как следствие этих исследований, Нина Александровна сумела высказаться и по фундаментальной, ставшей остро актуальной в современной отечественной медиевистике проблеме сущности феодализма как системы, в том числе по вопросу о социально-правовой специфике средневековой собственности. Выступив в 2005 г. на Круглом столе в Институте всеобщей истории, инициированном докладом А. Я. Гуревича «Феодализм перед судом историков, или о средневековой крестьянской цивилизации», Н. А. затем переработала свой текст в развёрнутую статью. А её статья о природе средневековой собственности и об историографических коллизиях в исследованиях данной темы в XIX–XXI вв. стала одной из последних научных работ Нины Александровны³². Предлагая системное видение явления феодализма, автор усматривает его специфику в уникальном сочетании собственности на основной источник существования – землю в руках феодалов и наличие мелкого производителя – собственника орудий труда и навыков, без участия которого это владение землёй по большей части оставалось бы бесплодным. Такая общественная система таила в себе огромный потенциал, который и был реализован на средневековом этапе исторического развития европейских обществ. Из этого во многом «гармоничного» сочетания прав обеих сторон вырастали, по мнению Нины Александровны, и переплетение вещных и персональных социальных связей, и полицентризм, и дисперсия власти, и самоорганизация людей в корпорации, цехи, гильдии, общины, коммуны, и успешный торг сословий с властью, заинтересованной в союзе с основными

историков раннего Нового времени. № 8. М., 1997. С. 10–14. См. также соответствующие разделы в монографии: *Хачатурян Н. А.* Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008.

³² *Хачатурян Н. А.* Общественная система и принцип относительности // Феодализм: понятие и реалии. М., 2008; *Она же.* Общественная система и принцип относительности. К вопросу о содержании концепт-явления «феодализм» // Средние века. Вып. 68 (1). М., 2007. С. 6–35; *Она же.* Проблема «материального соблазна» в историческом знании конца XIX – начала XXI столетий (лимиты и достижения) // Концепт-явление «собственность» в общественной структуре западноевропейского Средневековья / отв. ред. Н. А. Хачатурян. СПб., 2020. С. 30–59.

социальными группами общества, который во многом реализовался в форме сословно-представительных собраний.

Опираясь на историю сословно-представительных институтов, Н. А. последовательно углубляла и развивала исследования проблематики власти и государства в западноевропейском Средневековье, обретшие «второе дыхание» в конце XX – начале XXI вв. Эти сферы научного поиска получили новый импульс в период раскрепощения методологических подходов в отечественной исторической науке в начале 1990-х гг., которое, надо отметить, было успешно подготовлено новациями в отечественной медиевистике, проявившимися уже с конца 1960-х гг.³³ В новой ситуации открывшихся возможностей Нина Александровна обращается к прежде «запретным» темам и придаёт им несвойственную доселе масштабность. Основными мотивами в творчестве Нины Александровны стали в этот период исследования природы власти в Средние века, включая сакральные и репрезентативные её компоненты, а также трансформации форм властвования от двора государя к *État moderne* как модернизационному процессу и матрицы современного государства. Эти направления были успешно реализованы Н. А. Хачатурян в рамках созданной ею на базе кафедры истории Средних веков Исторического факультета МГУ и возглавляемой почти тридцать лет научной группы «Власть и общество». Усилиями Н. А. были проведены масштабные научные форумы и выпущено семь коллективных монографий. Последняя конференция, организованная Ниной Александровной, состоялась в феврале 2019 г. и была посвящена одной из центральных исследовательских проблем в современной мировой медиевистике рубежа XX–XXI вв.: «*État moderne* в Западной Европе XIII–XVII веков». По результатам конференции Нина Александровна успела подготовить коллективную монографию, которая была опубликована буквально накануне её ухода³⁴.

В гуще этих прорывных и разнообразных научных разработок Нина Александровна не упускала из виду и сословно-представительные институты, возвращаясь к ним на новом витке размышлений о

³³ Хачатурян Н. А. Современная медиевистика России в контексте мировой исторической науки // Средние века. Вып. 62. М., 2001. С. 195–212.

³⁴ Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 10 (96): От патримониальной монархии к публично-правовому государству в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / Отв. ред. Н. А. Хачатурян. [Электронный ресурс] URL: <https://history.jes.su/s207987840011669-4-1/>

природе средневековой европейской цивилизации и углубляя свои прежние выводы. В ряде работ Н. А. Хачатурян последних лет средневековые институты сословного представительства получили ещё более объёмную характеристику как важнейшие показатели специфики европейской цивилизации в Средние века.

В изданном коллективном труде по материалам проведённой в 2006 г. Ниной Александровной конференции «Власть, общество и человек в средневековой Европе» она посвятила статью сословно-представительным институтам как фактору модернизации государства в русле научной проблематики *État moderne*. В докладе на конференции 2015 г. в Институте всеобщей истории РАН, приуроченной к 800-летию юбилею Великой хартии вольностей, Нина Александровна поставила этот уникальный документ в общий контекст социальной трансформации средневекового общества, способствовавшей повышению политической активности социума и предопределившей, в конечном итоге, появление институтов сословного представительства. Наконец, в пленарном докладе на большой международной конференции 2013 г. в связи с юбилеем Земского собора 1613 г. «Сословное представительство в России в контексте европейской истории. Вторая половина XVI – середина XVII в.», переработанном затем в отдельную статью, Нина Александровна придала институту сословного представительства в средневековой Европе масштаб цивилизационного явления³⁵.

Позволю себе объединить анализ этих нескольких последних работ Нины Александровны, поскольку они в той или иной форме доносят до аудитории основные выводы автора о значении сословно-представительных институтов для характеристики средневекового общества и, шире, особенностей европейской цивилизации.

В трактовке Нины Александровны, режим сословного представительства не только отражал, но и сам способствовал радикальному

³⁵ Хачатурян Н. А. Феномен сословного представительства в контексте проблемы *État moderne* // Власть, общество, индивид в средневековой Европе / отв. ред. Н.А. Хачатурян. М., 2008. С. 34–43; Она же. Великая хартия вольностей. Документ и знаки времени в контексте историописания // Средние века. Вып. 77 (1-2). М., 2016. С. 49–61; Она же. Европейский средневековый парламентаризм: опыт сравнительного анализа // Представительные институты в России в контексте европейской истории XV – середина XVII в. М., 2017. С. 7–17; Она же. Средневековый парламентаризм: к вопросу о предыстории европейского гражданского общества // Новая и Новейшая история. 2017. № 4. С. 16–23.

обновлению социально-политической жизни средневекового общества. Разумеется, такие институты могли появиться только на этапе усиления централизации верховной власти в форме обретения ею публично-правовых функций. При этом, представительные институты отображали сословную реструктуризацию общества, при которой личностные и индивидуальные контракты вытеснялись в пользу корпоративных сообществ, обеспечивавших права индивида по соучастию в группе. В результате, подчёркивала Н. А., корпоративизм как сущностная особенность доиндустриальных обществ приобрёл в средневековой Европе начиная с XIII в. исключительные организационные формы и способствовал повышению политической активности общественных сил. Вследствие этих процессов само понятие «общества» получило принципиально новое наполнение: политические притязания смогли оформиться не только у традиционной элиты, но и у среднего и мелкого дворянства, у рядового духовенства и низшего клира, у горожан и даже у крестьян.

Обе эти отмеченные Н. А. тенденции, в сфере власти и общества, напрямую были предопределены рецепцией римского права, по-новому выстраивавшей их диалог. Так возникло наиболее яркое достижение средневековой политической структуры и своего рода кульминация творческого потенциала средневековой корпоративности – соединение авторитарного и коллективного принципов управления в форме созыва сословно-представительных собраний.

Это явление – вовлечённость в политическую жизнь широких слоёв самого средневекового общества – Нина Александровна считала уникальным феноменом во времени и в пространстве, поскольку оно не только не было известно предшествующей мировой практике, но и не наблюдалось нигде за пределами Европы. При этом наиболее выразительные формы этого института появились именно в Западной Европе. Более того, это явление обозначило вектор дальнейшего мирового политического развития. Основной акцент здесь она делала на активности самого общества, на формах его самоорганизации, на наличии внутри него волевого начала, политического сознания и способности принудить власть к диалогу. В результате западноевропейское общество сумело заявить о себе как о политической силе, от которой власть напрямую теперь зависела, и не только из-за вотиrowания налогов, но и из-за необходимости получить одобрение своей политики в целом.

При всей средневековой специфике сословно-представительных собраний (консервация личных и вассальных связей в форме прямых назначений депутатов от всех сословий; многоуровневая и гетерогенная природа корпоративных объединений; ограничения прав городских низов и крестьян на участие в выборах депутатов; сословный характер выборов и наличие императивного мандата, мешающего формированию общегосударственной позиции депутатов на собраниях) они способствовали зарождению «гражданского сознания» и идеи ответственности депутатов за интересы всего общества. Этому содействовали такие новации в политической практике Средневековья, как выборный характер представительства, участие в работе собраний представителей от непривилегированной части населения, от «трудящихся» (горожан и частично крестьян), публичный характер статуса депутата, получающего мандат на право представлять интересы направившей его группы (коллектива выборщиков). Таким образом, в трактовке Н. А., сословно-представительные собрания явились новым по своей природе, публично-правовым органом, по-иному решавшим извечную проблему взаимодействия власти и общества. С другой стороны, формирующиеся публично-правовые элементы в представительном режиме напрямую коррелировали с трансформацией статуса монарха: наряду с сохраняющейся сакральной природой его власти возникают представления о новых функциях государя как главы «политического тела»: соблюдение им законов страны, гарантии охраны прав людей, поддержание мира и справедливости, защита общественного блага.

Знаменательно, что Россию Нина Александровна рассматривала в качестве органичной части этого общеевропейского цивилизационного ареала, в согласии с новейшими разработками в медиевистике, в том числе в русистике. В этой связи, она предостерегала от противопоставления менее совершенных вариантов представительных органов их «эталонному» образцу, подчёркивая ценность каждого такого рода института. Более того, Н. А. призывала «отказаться от преувеличенной оценки западноевропейского образца», напоминая, что в Византии и в городах-государствах на Апеннинском полуострове такие учреждения и вовсе отсутствовали. Да и английский Парламент может считаться самым успешным среди аналогичных органов лишь по некоторым показателям: закреплённое право регулярного созыва и соучастие в законодательной сфере власти. При этом он не был «чистой» формой представительного учреждения, сохраняя тесную связь с системой

государственного управления. В этом контексте, Нина Александровна предлагала обратить внимание на факторы сословного самоопределения и на активизацию общественных сил в российской средневековой реальности, прежде всего, на материале истории черносошных крестьян и казачества, что вполне сопоставимо с аналогичными процессами в западноевропейском обществе.

Объяснения же специфики российских реалий и их отличий от западной модели Нина Александровна предлагала искать глубже в истории, выходя за рамки сугубо средневекового периода. Одним из факторов, предопределивших вектор развития общества, она считала тип общины. Принципиальное различие между славянской и германской общинами Н. А. усматривала в разном соотношении присущего обеим индивидуального и коллективного начал. В германской общине индивидуальные начала были выражены сильнее, что нашло выражение в большей динамике развития и в волевой активности индивида. Напротив, в славянской общине сильное коллективное начало подавляло индивидуальные импульсы. Однако подобная исходная «матрица» не означала, по мнению Н. А., фатальной предопределённости. В дальнейшем развитии Западной Европы кардинальную роль сыграл фактор синтеза с наследием римской государственности, прежде всего, римского права и античной политической культуры. Не меньшее воздействие на весь «ландшафт» социальной жизни оказывали и географические и политико-культурные факторы: климат, качество земли, экономическое, политическое и культурное развитие соседних народов. Эти факторы, в значительной степени, определяли также функции верховной власти и её роль в общественном развитии.

Крайности в соотношении сил власти и общества могли в одинаковой мере препятствовать установлению сословно-представительного режима. Там, где верховная власть была главным реформатором и модернизатором общества, там слабее были как сословные группы и корпорации, так и институты сословного представительства, например, в Византии. Точно также чрезмерная сила сословий и корпораций препятствовала оформлению сильных представительных институтов, как это происходило в итальянских городах-государствах. Лишь более сбалансированное соотношение сил власти и общества, наблюдавшееся в ряде стран Западной Европы, смогло породить наиболее успешные формы сословно-представительных учреждений.

При этом Нина Александровна обращала внимание исследователей на необходимость учитывать постоянное и вечное балансирование «чаши весов» – в сторону власти или общества. Так, «звёздные часы» сословно-представительных институтов в XIV–XVI вв. сменились в Европе явным реваншем авторитарного принципа властвования в форме абсолютизма. Такого рода регулярные чередования двух форм властвования, авторитарной и коллективной, пронизывают всю историю европейской цивилизации и заслуживают отдельного исследования.

Однако именно в способности к самоорганизации общественных сил и в их умении навязать власти содержательный диалог Нина Александровна усматривала главный залог преимущества западноевропейской цивилизации, впервые проявившегося на этапе Средневековья. В этом плане, на мой взгляд, как раз самоорганизация общественных сил и их политическая активность, умение принудить власть к диалогу и конструктивному сотрудничеству породили экономическое чудо – «рождение капитализма», которое предопределило пресловутый «взлёт Запада» в Новое и Новейшее время. Залог силы и выживаемости, адаптивности западной цивилизации Нина Александровна усматривала именно в этой сфере.

В завершение этого небольшого очерка о вкладе Н. А. Хачатурян в разработку истории сословно-представительных институтов в средневековой Европе, мне хотелось бы подчеркнуть, что потенциал темы далеко не исчерпан. Более того, в трудах Нины Александровны заложены многие идеи и подходы, которые открывают широкие перспективы и ждут новых пытливых и таких же увлечённых исследователей, влюблённых в европейское Средневековье, каким была и оставалась до последних своих дней Нина Александровна.

Летом 2020 г. Нина Александровна собиралась засесть за новую книгу. Замыслом она не успела поделиться, но явно испытывала творческий подъём. Даже в условиях пандемии и режима самоизоляции она видела плюсы для людей интеллектуального труда – возможность уйти от суеты и заняться чем-то по-настоящему важным...

Сегодня, подводя итоги вклада Н. А. в исследование истории сословно-представительных учреждений в средневековой Западной Европе, я отчётливо усматриваю тесную взаимосвязь этой темы с личностными достоинствами самой Нины Александровны. Институты сословного представительства приобрели объёмность и масштабность в творчестве Н. А. Хачатурян благодаря её влечению к широкому тео-

ретическому взгляду на исторические явления. Но исследования Н. А. по этой проблематике отвечали каким-то глубинным свойствам её личности. Их отражением я бы назвала поразительный, ослепительный контраст между царственной внешностью и искренней доброжелательностью. При несомненном, сразу бросающемся в глаза, врождённом аристократизме облика и осанки, Нина Александровна была органично и неизменно демократичным человеком. Она умела найти общий язык с любым собеседником, уважая в каждом личность. И при этом, оставалась человеком твёрдых принципов, которым не изменяла никогда. Кстати замечу, что именно такое на равных отношение к людям и есть свойство истинного «аристократа», чуждого снобизму и высокомерию. Этот глубокий демократизм Нины Александровны подчас становился потрясающим открытием для тех, кто судил о ней по внешности – ослепительной красоте, царственной осанке и аристократической выдержке. Тем сильнее оказывалось впечатление от близкого общения с Н. А. Она умела дружить, любила принимать гостей, всегда была готова помочь – советом или сочувствием.

Уважение к каждому человеку, к иному мнению и другой позиции было в ней продолжением самоуважения и чувства собственного достоинства. Кстати, это свойство личности Нины Александровны убедительно проявлялось также в её отношении к своим учителям и вообще к предшественникам, к историографии как наследию и плоду усилий целых поколений учёных. Нина Александровна очень ответственно, глубоко и увлечённо разрабатывала и преподавала курс историографии истории Средних веков, в котором это свойство её личности отражалось вполне отчётливо. И в этом курсе, и в её научных трудах неизменно выдерживался уважительный тон к работам коллег, учителей и предшественников. Она умудрялась обходиться без огульной критики западных «буржуазных» коллег, доказывая, что и так можно было писать в годы «идеологического противостояния». При этом Н. А. твёрдо, последовательно и бесстрашно отстаивала достоинства отечественной школы медиевистики, от русской дореволюционной до позднесоветской и новейшей. И сама она олицетворяла лучшие достоинства российской науки.

Вспоминаю, как Н. А. высоко оценивала искусство научных дискуссий у французских коллег. Хотя иногда и язвительный, но неизменно уважительный тон их выступлений, на которых ей довелось присутствовать, например, в Сорбонне, оставил заметный след и повлиял

на ведение ею такого рода споров. Этот стиль научного общения был органично присущ и самой Нине Александровне, поэтому она умела изысканно, образно и артистично, но всегда уважительно и по делу вести научную дискуссию.

Разумеется, Нина Александровна всегда сохраняла дистанцию, и даже в близком душевном и искреннем общении оставляла пространство тайны. Она умела «держать удар» и не опускалась до сведения счётов, какие бы обиды или нападки не сопровождали её не такой уж безоблачный научный и жизненный путь. При всём этом она обладала «железным» терпением и доброжелательностью. И она умела прощать...

До тонкости знаю эти качества Н. А. по себе: её вера в меня, терпение и несгибаемая доброжелательность, и при этом сохранение твёрдых научных принципов, определяли мой путь в науке. Она никогда не хвалила меня, зато давала всегда ценные замечания. И чем их было больше, тем, я понимала, интереснее ей была данная моя работа. Для меня наше общение было и оставалось неизменным счастьем: даже иметь право просто звонить ей, говорить на самые разные темы, слушать её волшебный голос и всегда прозорливые суждения.

Думаю, все её ученики и многочисленные прошедшие её школу выпускники, дипломники, бакалавры и магистры кафедры Средних веков Исторического факультета МГУ со мной согласятся: отношение Н. А. было всегда доброжелательным, уважительным и, при этом, щедрым в плане науки.

Посвятив множество новаторских работ истории монархической власти в средневековой Западной Европе, Нина Александровна подспудно, часто даже неосознанно, но неизменно отдавала предпочтение обществу. Она была убеждена, что «взлёт Запада» произошёл, в значительной степени, из-за самоорганизации и активности общественных сил, а не только вследствие умело выстроенной структуры власти. Именно люди, по её мнению, внесли самый ценный вклад, в том числе, в возникновение сильных централизованных государств на Западе. В этом заключался особый взгляд Н. А. на политическую сферу: оставаясь убеждённым «государственником», она всегда защищала интересы общества.

В этой связи мы с ней вели интересные научные споры, главным образом, вокруг неоднозначной позиции французской бюрократии в этом процессе. Как и всякая иная профессиональная группа, фран-

цузское чиновничество оформилось в особую социальную группу, в корпорацию и даже в «четвёртое сословие», которое власти даже пытались включить в структуру Штатов на правах отдельной палаты. При этом чиновники всячески приуменьшали значимость собраний Штатов, пытаясь присвоить себе роль «рупора общественного мнения», особенно когда власти предпочитали обходиться без созыва сословных собраний. Такова была специфика расклада политических сил именно во французском монархическом государстве. И это противостояние, в числе прочих факторов, определяло судьбы сословно-представительных собраний во Франции.

Мне представляется, что в этих политических притязаниях чиновничества проявился тот же корпоративизм и политически активная позиция различных социальных групп общества, которые предопределили возникновение сословно-представительных институтов. Ведь чиновники, особенно в XIV–XV вв., получали доступ к рычагам власти не по праву рождения (как монархи и знать), а через образование и сознательный выбор сферы деятельности. И они были плотью от плоти самого общества, выходцами из самых разных социальных групп, неся глубоко в себе изначальные политические представления. Характерно, что нередко чиновники избирались депутатами на собрания Штатов от всех провинций, социальных групп и корпораций. Но Нина Александровна обращала внимание на принципиальную разницу в исходной позиции депутатов Штатов и служителей королевской администрации. Первые выступали от лица общества, пусть даже защищая интересы отдельной социальной или локальной группы. А вторые в своих притязаниях на политическую компетенцию, в конечном счёте, действовали на стороне власти, защищая закон и свои представления о функциях властных институтов и «общем благе» страны. Поэтому она полагала, что депутаты Штатов выступали с позиции коллективных начал, а чиновники отстаивали авторитарный принцип властвования, даже если в какой-то момент эти противоположные позиции соединялись в одном лице. Жаль, что мы не доспорили, это было увлекательно...

Когда уходит близкий человек, горечь утраты усугубляет сознание того, что не успел сказать главные слова. В этом плане «печаль моя светла»: я успела сказать Нине Александровне всё, что хотела и думала о ней и её творчестве. И даже без слов Н. А. знала о моём глубоком уважении, искреннем восхищении и преданной любви.

А. А. ПАЛАМАРЧУК³⁶

ВЗГЛЯД НА КОРПОРАТИВИЗМ С РАЗНЫХ БЕРЕГОВ ЛА-МАНША, ИЛИ УРОКИ Н.А. ХАЧАТУРЯН ДЛЯ АНГЛОВЕДА

Несмотря на всю многогранность творчества Нины Александровны Хачатурян и разнообразие изучаемых ею сюжетов, в российском историческом сообществе ее традиционно принято причислять к франковедом. История королевства Франция, источники по французской социальной, политической и правовой истории были опорной и отправной точкой ее исследовательского кругозора, который выходил далеко за пределы привычно понимаемого страноведения и охватывал все наиболее фундаментальные проблемы современной медиевистики. Стремление Нины Александровны вывести любое исследование на уровень концептуальных обобщений, ее умение не только замечать значимые аналогии и закономерности в политическом и социальном развитии европейских монархий, но и исследовать глубинную сущность потестарных процессов делают ее тексты значимыми для любого медиевиста. Погружение в ее творчество – а свойство ее текстов таково, что поверхностного прочтения они не терпят – побуждает взглянуть на историю Западной Европы в классическое Средневековье и раннее Новое время как на единую ткань, где власть и общество, кристаллизующиеся в онтологическом конфликте индивидуального и коллективного начал, представлены во всем многообразии региональных и историко-культурных вариаций.

Особая честь участвовать в конференциях группы «Власть и общество», созданной Ниной Александровной, выпала мне уже на эта-

³⁶ Паламарчук Анастасия Андреевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории средних веков Санкт-Петербургского государственного университета; a.palamarchuck@spbu.ru

пе подготовки кандидатской диссертации. Поэтому те идеи, которые высказывались ею в докладах на тематических конференциях группы «Власть и общество», и прежде всего ее представления о государстве и процессах государственного строительства, были постоянным поводом для размышлений и, разумеется, для их осмысления в контексте истории Британии тюдоровского и раннестюартовского периода. Как известно, английская и французская модели развития средневековой государственности и вассально-сеньориальных отношений по давней традиции – скорее общекультурной, чем в строгом смысле историографической – противопоставлялись друг другу. В современной науке это противопоставление во многом нивелировано, а распространение компаративных штудий продемонстрировало не только знаковые различия, но и многочисленные аналогии между инсularным и континентальным вариантом. Гораздо уместнее говорить не столько о противопоставлении институтов или потестарных схем, существовавших на континенте или на Британских островах, сколько о специфике исследовательских подходов к явлению. В данном очерке речь пойдет о вариантах восприятия и концептуализации одного из самых сложных и при этом ключевых феноменов средневековой цивилизации – о корпоративизме. Обозначив вначале самобытность региональной английской традиции осмысления корпоративных явлений, я постараюсь воспроизвести ту оригинальную концепцию корпоративизма, которую последовательно предлагала научному сообществу Н. А. Хачатурян.

* * *

В британской историографии традиция изучения явлений корпоративного характера возникает и развивается в рамках конституционной и правовой мысли.

Не будет ошибочным заключить, что ключевые направления и векторы подобного «конституционного» контекста **видения** корпораций были определены Ф. У. Мейтлендом и, в силу исключительного авторитета последнего – а также, несомненно, благодаря глубине и фундаментальности его наблюдений – остаются своеобразным фреймом для современных англоязычных исследователей³⁷.

³⁷ См. критическое издание работ Мейтленда: *Maitland F.W. State, Trust and Corporation* / Ed. By D. Runciman and M. Ryan. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

При разработке конституционных сюжетов Мейтленду представилось важным реконструировать логику мышления юристов конца XV–XVII столетий. Особенностью всей британской историко-правовой школы было то, что используемый ею понятийный аппарат был практически полностью заимствован из юридической практики и правовой рефлексии; в общих чертах он сложился уже в начале XVII века и продолжал развиваться в последующие столетия. Следовательно, не возникало и характерного для подавляющего большинства историографических подходов разрыва между позднейшим аналитическим инструментарием и аутентичным терминологическим словарем современников. Свою роль сыграло и то, что многие британские историки-конституционалисты получили юридическое образование, преподавали право или были на том или ином этапе карьеры практикующими юристами. Эти обстоятельства, разумеется, не означали тотального континуитета идей и представлений, в том числе касавшихся сущности корпораций от позднего Средневековья до начала XX столетия. До Мейтленда в английской традиции доминировала так называемая концессионная концепция, согласно которой корпорация обретала правовую субъектность лишь после формального дарования корпоративного статуса короной, что значительно ограничивало диапазон попадающих под такое требование объединений. С точки зрения Мейтленда, явление корпоративизма охватывало также групповые объединения, формально не инкорпорированные (например, судебные инны) и попадавшие под юридическое понятие траста.

Картина, складывавшаяся в результате применения подобной логики, была очевидно «центроориентированной», поскольку ключевым ее элементом становилась корона-корпорация (*corporation sole*). И для юристов раннего Нового времени, и для историков-конституционалистов переход к восприятию верховной власти в качестве короны-корпорации имел определяющее значение. Правовая концептуализация короны-корпорации нивелировала персональный, а, следовательно, субъектный компонент королевской власти.

В качестве эпиграфа к эссе «Корона как корпорация» Мейтленд поместил исключительно показательную цитату из работы своего соавтора Ф. Поллока: «Пользуясь политической терминологией, государство – величайшая из искусственно созданных (*artificial*) персон, однако оно определяется правовыми институтами и формами, существующими в конкретной общине, и тем, в какой степени государство

или его титулярный глава воспринимаются в качестве искусственно созданных персон»³⁸.

Историко-правовая логика и характерный для данной сферы исследований инструментарий определили тот формальный способ рассмотрения явлений, который стал характерным для британских конституционалистов. Следовательно, в рамках историко-правовых исследований корпорация подвергалась анализу прежде всего как формально определяемый компонент конституционного устройства королевства.

Внутренняя интегральность короны-корпорации и устойчивая трактовка последней в качестве центра всего конституционного порядка в определенном смысле исключала или, по крайней мере, нивелировала возможность рассмотрения корпораций как субъектов целенаправленного действия, а конституционной системы в целом – как системы динамичной.

Изучение представлений британских позднесредневековых теоретиков о «политическом теле» королевства – ярком примере корпорации, понимаемой как *persona ficta* – также предполагало определенную акцентуацию формы и структуры над генезисом, практикой и динамикой. Структурированное единство политического тела в том «классическом» виде, в котором описал его Э. Канторович, обуславливалось наличием или отсутствием персоны монарха; государство–корпорация обретало структуру и упорядоченное существование как устойчивая иерархическая система в момент коронации монарха и утрачивала его в момент смерти последнего.

Во многом учитывая аналитический опыт Мейтленда, Вальтер Ульманн также отдавал должное рассмотрению эволюции правовой теории, а поскольку сфера его научных интересов затрагивала не столько британскую, сколько континентальную политико-правовую проблематику классического Средневековья, то функцию формы, определяющей процессы управления феодальными монархиями (в том числе папской монархией) для него выполняли идеи, вырабатывавшиеся канонистами. Сам характер схоластического знания предполагал, что правовые идеи и, следовательно, определяемые ими судебные и административные практики опирались на принципы божественного права. Божественное право, проистекавшее из Откровения, рассматривалось

³⁸ Pollock F. A First Book of Jurisprudence for Students of the Common Law. Third Edition. London: Macmillan, 1911. P. 113.

ими в качестве универсальной устойчивой системы, отражавшей порядок божественного мироустройства. Параллельно с формальной стороной корпоративизма Ульманн освещал и его сущностную сторону, имманентную средневековому обществу как обществу христианскому, единство которого на самом фундаментальном уровне проистекало из факта единства всех крещеных. Богословская реальность христианского народа как Тела Христова в то же время демонстрировала все отличительные признаки корпорации в том виде, в каком ее определяло римское право³⁹. Таким образом, для Ульманна реальность бытия корпоративных объединений, так же как и формально-правовой аспект их существования были неотделимыми друг от друга проявлениями определяющего влияния христианской религии, этики и христианского мировоззрения в целом. «Корпорацией по преимуществу» для Ульманна являлась Церковь, «высокоинтегрированная, органичная и корпоративная по сути общность»⁴⁰, управление которой неизбежно задействовало правовой, идейный и понятийный аппарат. Как и Мейтленд, Ульманн в своей работе с корпоративной проблематикой логичным образом следовал за словарем и идеями своих источников – рефлексией канонистов и богословов.

Переходя к описанию корпоративного характера средневековой монархии (в частности, на примере Англии в нормандский и анжуйский период) Ульманн обращает внимание на то, что «община королевства является конституционной абстракцией “общины” (*body*) баронов»⁴¹. Ульманна, бесспорно, занимает механизм возникновения правовых абстракций; феодальные корпорации – корона, с одной стороны, и корпорация знати, или «община королевства», представленная через своего актора – Парламент – с другой, формируя разнообразные институты для переговоров, достижения и закрепления компромиссов, становились действующими агентами многоступенчатого процесса абстрагирования права и восприятия его в качестве конституционного порядка. Одновременно, с точки зрения Ульманна, в рамках двойственного процесса контрактуализации отношений и абстрагирования концептов происходило и становление корпораций как таковых.

³⁹ Marion N. La Méthode juridique en histoire selon Walter Ullmann // Les Cahiers de droit. Vol. 38 №4. 1997. P. 919–944.

⁴⁰ Ullmann W. Principles of Government and Politics in the Middle Ages. Routledge Revivals. New York: Routledge, 2010. P. 68.

⁴¹ Ullmann W. Principles of Government P. 117

В рамках «новой локальной истории» начиная с Х. Кэм⁴², фокус внимания английских медиевистов отчасти сместился с центральных институтов в сторону изучения британской периферии и территорий пограничья с характерной для них сохранностью средневековых автономий, в том числе и корпоративного характера. Тем не менее, конституционно-правовая сторона вопроса (объем корпоративных прав и привилегий, их источник и соответствующие механизмы их реализации и сохранения) остается для них весьма значимой. Совершенное в рамках данного направления открытие конституционной периферии в ее институциональном и корпоративном разнообразии не отменяло, а в известной степени опиралось на восприятие английской конституции как *определяющей формы* административных и судебных практик⁴³. В знаковой публикации под редакцией М. Прествича «Свободы и идентичности на Британских островах в Средние века»⁴⁴ с участием С. Невилл и К. Стрингера дофеодальные этнокультурные и феодальные автономии, существование которых было закреплено правовым статусом «свобод», осмыслены авторами в качестве первичных по отношению к возникавшим на их основе региональным территориальным корпорациям и периферийным идентичностям. Территориальная корпорация, таким образом, воспринимается как производная устойчивого и поддерживаемого правового статуса.

Достижения британской конституционной истории (в таких ее вариациях, как концессионализм, историко-правовой формализм и контрактуализм) продолжают давать современным англоведам богатую пищу для размышлений, в чем я смогла убедиться в процессе собственных исследований юридических корпораций и административно-правовых автономий в позднетюдоровской и раннестюартовской Англии. Однако знакомство с концептуальными разработкам и Н. А. Хачатурян позволяет выйти за пределы доминирующих в британских исследованиях подходам и увидеть новые грани в тех явлениях, ко-

⁴² Cam H. Liberties and Communities in Medieval England: Collected Studies in Local Administration and Topography. Cambridge: Cambridge University Press, 1944. 267 p.

⁴³ Паламарчук А.А. Композитарная монархия и правовой полиморфизм в раннестюартовской Англии: к постановке проблемы // История. Электронный научно-образовательный журнал. 2018. № 1(65).

⁴⁴ Liberties and Identities in the Medieval British Isles / Ed. By M. Prestwich. Woodbridge: The Boydell Press, 2008. 225 p.

торые в англоведческом сегменте либо становились объектами своего рода «историографической консервации» либо, напротив, ускользали из поля зрения специалистов.

* * *

Оценить то, как Н. А. Хачатурян рассматривала в своем творчестве явление средневекового корпоративизма невозможно без ряда предварительных характеристик ее научного метода. Н. А. Хачатурян осуществляет «первое в отечественной медиевистике использование структурного анализа применительно к политической истории»⁴⁵. Под структурой она подразумевает прежде всего «повторяющийся вариант отличительных признаков и связей, *способных к саморазвитию* (то есть по сути своей структура является динамичной и, в свою очередь, оказывается результатом динамического развития ее элементов. — А. П.) и определяющих условия и способы реализации политической власти».⁴⁶

Однако было бы ошибочным охарактеризовать метод Н. А. Хачатурян, как в чистом виде структуралистский.

Детальное изучение взаимодействия верховной власти и сословий, критически важное в период становления во Франции территориальной сословной монархии, определило появление в рассуждениях Н. А. Хачатурян категории субъектности в оценке действий акторов социального и политического поля. Неповторимый концептуальный облик работ Н. А. Хачатурян обусловлен непростым (особенно для восприятия англоведа) сочетанием структурного видения реальности (государственной, социальной, корпоративной и т.д.) и признания субъектности не только индивидуальных, но прежде всего групповых, коллективных участников анализируемых ею процессов государственного строительства.

Субъектный фактор обнаруживался ею во взаимодействии сторон как на макроуровне (например, при взаимодействии варварских народов с Римской империей), так и на микроуровне (скажем, во взаимодействии монарха и сословного представительства, при реализации

⁴⁵ Хачатурян Н. А. Полицентризм и структуры в политической жизни общества // Хачатурян Н. А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М.: Наука, 2008. 318 с. С. 8–14.

⁴⁶ Хачатурян Н. А. Полицентризм и структуры... С. 9.

центростремительных или центробежных импульсов в отдельных регионах и т.д.).

Практический опыт как результат субъектных усилий членов общества результировал в разворачивании «общественной структуры», узловыми элементами которой оказывались коллективные субъекты, в том числе и корпорации. Н. А. Хачатурян полагала, что в конечном счете объяснение феномена корпоративизма выходит за пределы средневекового периода и кроется в невозможности человека существовать вне общества и вне коллектива; однако именно в период Средневековья корпоративизм впервые обретает полноценную структурную завершенность, правовую и институциональную оформленность. При этом институциональная завершенность корпораций, выраженная юридически, закрепляла уже приобретенный коллективный опыт совместного действия⁴⁷.

Само понимание корпоративизма для Н. А. Хачатурян также было структурно определенным. В основе средневекового корпоративизма, по ее убеждению, находилась первичная консолидация и социальная активизация земельных собственников, то есть феодальных держателей. Эта консолидация, сформировавшая вассально-сеньориальный вариант общественной структуры, порождала присущую ей этику, экономические практики и правовые нормы. Так, по мнению Н. А. Хачатурян, в схематизированном виде выглядел механизм возникновения «военного сословия, получившего статус нобилитета»⁴⁸. Структурный элемент консолидации, повторяемость ее механизмов становился, главным *генерирующим* импульсом для становления корпоративных объединений. Как емко сформулировала это сама Нина Александровна, «процессы сословного самоопределения и активизации общественных сил протекали в рамках корпоративного движения»⁴⁹.

⁴⁷ Хачатурян Н. А. Средневековый корпоративизм и проблемы самоорганизации в обществе. Взгляд историка-медиевиста на проблему коллективного субъекта // Хачатурян Н. А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М.: Наука, 2008. 318 с. С. 31-45. С. 39-40.

⁴⁸ Хачатурян Н. А. Явление «публичность» в высшей форме политической организации – государстве в средневековой Западной Европе. Текст доклада на пленарном заседании первого Петербургского исторического форума.

⁴⁹ Хачатурян Н. А. Средневековый парламентаризм. К вопросу о предыстории европейского гражданского общества. // Новая и новейшая история. 2017. Вып. 4. С. 16-23. С. 19.

Поскольку формальный компонент (то есть юридическая формализация) бытования корпораций в данной схеме оказывался производным от уже наличествовавшего опыта коллективных действий, то очевидной становилась корпоративная природа таких коллективных субъектов, как сословия, города-республики, региональные объединения знати, крестьянские общины и т.д. При этом сословие определялось ею как подвижный (то есть способный изменить правовой статус, увеличив объем привилегий) социальный коллектив, обладавший потенциальной вертикальной и горизонтальной мобильностью⁵⁰. «Политическая автономия сословий предполагала их право на диалог с монархом, который приобретал самые разнообразные формы»⁵¹

Однако Н. А. Хачатурян отмечает, что с течением времени уже в позднесредневековом обществе, где верховная власть приобретала все больше возможностей для реализации своих авторитарных устремлений, возникает механизм консолидации, не связанный с владением феодальной собственностью. Речь идет о «корпоративных началах внутри административной государственной системы, в частности, в государственном аппарате»⁵². Если корпоративные объединения, возникавшие как объединения земельных держателей представляли собой для центральной власти такой сдерживающий фактор, который был схож с ней с точки зрения генезиса (владение феодальной собственностью), то объединения, зарождавшиеся в управленческих структурах монархии раннего Нового времени такой основы, роднившей их с верховной властью, уже не имели. Желание превратить престижные должности в наследуемые, стремление закрепить обретенные должности за собственным семейством создавало не только кланы и династии королевских слуг, но и «чиновную общность, тяготевшую к автономности вплоть до противоречий с центральной властью»⁵³. Примером, иллюстрирующим данный процесс, становится для Н. А. Хачатурян опережающее ведомственное развитие судебной власти во Франции.

Институты – парижский Парламент, Генеральные штаты и прочие – становились пространством, в котором коллективная воля и интересы корпоративных по своей природе субъектов («сословных групп», сословий, социопрофессиональных объединений, городских

⁵⁰ Хачатурян Н. А. Сословная монархия ...с. 30

⁵¹ Хачатурян Н. А. Полицентризм и структуры... С.10.

⁵² Хачатурян Н. А. Полицентризм и структуры ... С. 12.

⁵³ Хачатурян Н. А. Полицентризм и структуры ... С. 12.

общин и короны) артикулировались, входили в конфронтацию, получали разрешение, обретали структурность в документальной форме и, в конечном итоге, стимулировали процесс эволюции государства. Специфика территориальных монархий XV–XVII вв. заключалась, с точки зрения Н. А. Хачатурян, в балансе, достигавшемся путем постоянной конкуренции между авторитарным и коллективным началами, каждое из которых в одинаковой мере было органично присуще феодальному обществу с его сословно-корпоративной природой.

Практически во всех работах, где Н. А. Хачатурян обращалась к теме корпоративизма, она упоминала о двойственности явления корпорации: с одной стороны, корпоративные объединения становились для их членов гарантией выживания, безопасного существования и устойчивого социального статуса. С другой стороны, на определенном этапе (главным образом уже в период распада патримониальной модели государства) корпоративное право, комплекс писаных и неписаных правил, корпоративный церемониал сдерживал и даже подавлял волю и инициативу отдельных индивидов, перераставших корпоративные лимиты⁵⁴. Для нее было принципиальным подчеркнуть, что реальность коллективного субъекта, коим являлись средневековые корпорации, до конца никогда не заслоняла ни индивидуального сознания, ни индивидуальной воли ее членов, хотя и могла привести к внутриобщинной «уровнировке»⁵⁵. Отсюда проистекал принципиально важный для Нины Александровны вопрос: в какой степени институциональная оформленность корпорации сдерживала индивидуальные поведенческие стратегии и волеизъявление ее членов? В ответе, который Нина Александровна дает на этот вопрос, мы видим воспроизведение принципа конкуренции авторитарного и общинного начал, который она формулирует в своих рассуждениях о средневековой феодальной государственности. Однако на этот раз «авторитарный», «контролирующий» импульс исходит от коллективного субъекта – корпорации; противовесом ему становится направленная воля индивидуума. Подобное противодействие корпоративному авторитаризму одновременно могло преобразовываться в механизм трансформации для самой корпорации и для ее адаптации к меняющимся социальным условиям⁵⁶.

⁵⁴ Хачатурян Н. А. Средневековый корпоративизм... С. 43.

⁵⁵ Хачатурян Н. А. Полицентризм и структуры... С. 11.

⁵⁶ Хачатурян Н. А. Средневековый корпоративизм С. 39–42.

Принципиально важным видится сопряжение в творчестве Н. А. Хачатурян двух концептов или, используя ее же формулировку, «концепт-явлений»: корпоративизма и полицентризма власти⁵⁷. Полицентризм власти оказывался неизбежным политическим воплощением той общественной структуры, в основании которой находились автономии вотчинников и городских общин. Н. А. Хачатурян подчеркивает, что «полицентризм воплощал, в первую очередь, сущностные особенности земельной собственности феодалов и масштабность связанного с этим ослабления центральной власти»⁵⁸.

Дисперсия, то есть множественность носителей и, по выражению Н. А. Хачатурян, «генераторов власти», является «постоянной величиной» реализации власти в обществах Европы классического Средневековья и с неизбежностью проистекает из права феодальных держателей на принадлежащие им земли. Отмечу, что к «генераторам власти» следует отнести и коллективные субъекты – корпоративные объединения.

В исследовательской литературе нередко можно встретить точку зрения, которая, пусть и в небольшой мере, предполагает скорее негативную оценку феномена дисперсии власти (предполагается, что изначальный «нормативный» объем центральной власти – как выразились бы средневековые правоведы – «объем империума» – был намеренно или спонтанно разделен и делегирован по нисходящему вектору). Для Н. А. Хачатурян состояние дисперсии власти представлялось внутренне присущим феодальному обществу, а «явление полицентризма одним из каналов формирования в обществе его социальной зрелости, накопления социального опыта и активности»⁵⁹.

Этой установкой объясняется и видение Ниной Александровной процесса централизации как постоянно присутствующего в средневековом обществе авторитарного вектора, направленного на усиление правового и административного контроля над коллективными и индивидуальными акторами. Таким образом централизация, с ее точки зрения, не была связана единственно с периодом становления территориальных монархий позднего Средневековья. Централизаторские тенденции могли проявляться в конкретных региональных и исто-

⁵⁷ Хачатурян Н. А. Полицентризм и структуры в политической жизни общества // Хачатурян Н. А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М.: Наука, 2008. 318 с. С. 8–14.

⁵⁸ Хачатурян Н. А. Явление «публичность»...

⁵⁹ Хачатурян Н. А. Явление «публичность» ...

рических условиях и определялись не только материальными ресурсами доминирующей в регионе власти, но и ее субъективной волей и способностью к политическому доминированию. Централизация оценивалась Н. А. Хачатурян как двухэтапный, а точнее двухуровневый процесс (поскольку, как она отмечала, «оба этапа не всегда были четко разьединены во времени»⁶⁰) интеграции на уровне провинций и крупных феодальных территорий, и на уровне государственного объединения. Централизация, рассмотренная как механизм, не противоречила гораздо более укорененному в средневековом социальном и территориальном устройстве полицентризму, поскольку эффективное взаимодействие с корпоративными объединениями, особенно со столь крупными, какими являлись сословия, продолжало быть источником легитимности. «Оформление высшей судебной власти, государственной налоговой системы, централизации военных сил и унификации права отличалось большой постепенностью и, главное, не устранило полицентризма в обществе, но умножило его»⁶¹.

В процессе разворачивания централизаторских инициатив верховная власть сама переживает трансформацию. Публично-правовые ее аспекты начинают превалировать над частноправовыми, приводя к рождению государства нового типа, в котором сюзеренитет уступает место идее, а затем и явлению суверенитета, а вассально-сеньориальные связи – идее подданства.

Фундаментальный отказ от статичного восприятия структуры в пользу восприятия динамического и генерирующего позволяет Н. А. Хачатурян обозначить закономерности исторического процесса в ее понимании. Она демонстрирует, что на определенном этапе (условная зрелость системы) субъект, оказывающий на связующие элементы той общественной структуры, в рамках которой он находится, последовательное направленное воздействие, в конечном итоге не только трансформирует элементы этой структуры, но и качественным образом трансформируется сам, вплоть до изменения собственной природы.

⁶⁰ Хачатурян Н. А. Сословная монархия во Франции XIII–XV вв. Москва: Высшая школа, 1989. 272 с. С. 25.

⁶¹ Хачатурян Н. А. Полицентризм и структуры... С.10.

В заключение позволю себе обозначить ряд сюжетов, связанных с корпорациями в тюдоровской и раннестюартовской Англии, при изучении которых идеи, предложенные Н. А. Хачатурян обогащают и расширяют спектр возможных интерпретаций. Определенные ею закономерности структурного развития коллективных субъектов и связующих их отношений применимы к инсулярным реалиям в не меньшей степени, чем к континентальным; при этом, как представляется, специфика инсулярного этнокультурного, правового и институционального развития не нивелируется, а, напротив, обозначается более рельефно.

Не претендуя в рамках данного очерка на всестороннее освещение английского корпоративизма в позднее Средневековье и раннее Новое время, перечислю ряд специфицирующих его по сравнению с континентальным (французским) вариантом характеристик.

В период правления Тюдоров и Стюартов в Англии сосуществовали и проявляли активность как старые и традиционные корпоративные формы (скажем, знаменитые ливрейные компании лондонского Сити), так и сравнительно новые, развивавшиеся на основе социопрофессиональных групп (англиканское духовенство, юристы общего и гражданского права, торговые компании) и этнокультурных автономий. «Корпоративизм нового типа» отличался от средневековых форм корпоративной организации заменой клятвенного союза на более гибкую систему, основанную на общности профессиональных и предпринимательских интересов, территориальных и феодальных лояльностей, этнического происхождения и т.д.

Корпоративный ландшафт составного, а затем композитарного государства отличался от французского варианта более выраженным присутствием этнотерриториальных автономий, задача интеграции которых стояла перед верховной властью особенно остро. (Разумеется, такие автономии – скажем, кельтская Бретань – существовали и во Франции, однако давно сложившиеся и развитые феодальные формы управления значительно упрощали интеграционные процессы). История государственного строительства при Тюдорах и Стюартах иллюстрирует тезис Н. А. Хачатурян о процессе централизации, а точнее консолидации, проходившем одновременно на двух уровнях: на уровне центральной власти и на уровне территориальных автономий. На первом уровне (центральная власть) консолидация принимала форму

увеличения числа коммуникативных каналов для персонифицированного взаимодействия монарха с «общиной королевства» (к такого рода каналам следует причислить не только центральные административно-судебные институты, но и королевский двор). На втором уровне (территориальные автономии) наблюдалась консолидация региональных сообществ знати; в рамках региональных консилиарных институтов⁶² артикулировалась коллективная воля периферийных корпоративных объединений. Эти же институты играли и роль коммуникативного пространства между короной и корпорациями. Широкий спектр центральных и периферийных институтов консилиарного характера, дополнял (а в ряде случаев уравнивал или компенсировал) инициативы центрального сословно-представительного института – парламента, и открывал пути для диалога с верховной властью для менее крупных, чем традиционные сословия, групп.

Этот двухуровневый коммуникационный процесс – поиск компромиссов между верховной властью, корпорациями и институтами – представляет собой яркий пример той закономерности, на которую указывала Н. А. Хачатурян: конкуренция авторитарного и коллективного начал приводит к трансформации самих участников конфликта: английская монархия вынуждена «разворачивать» и расширять публичную сферу своей власти, а стремление реализовывать групповые интересы стимулирует активное развитие и формальное становление институтов.

Парадокс английского варианта состоял, по-видимому, в том, что и стремления монарха, и коллективное направленное действие корпоративных групп и институтов будучи, по сути, перспективно ориентированными и действительно отражавшими процесс перехода к публично-правовым формам, эксплуатировали ретроспективно ориентированную риторику («восстановление искаженного обычая»).

Система разноразрядных административно-судебных институтов, достигшая своего расцвета при первых Стюартах, представляла собой гибкую и легко адаптируемую к кризисным ситуациям систему как вертикальных (институты – монарх), так и горизонтальных (институты – сообщества и клиентелы, межинституциональная конкуренция)

⁶² Подробно см.: *Паламарчук А. А.* Консилиаризм в теории и практике административно-правовых институтов в Англии XI–XVI веков // Электронный научно-образовательный журнал История. L'etat Moderne: история вопроса. 2020. № 11, 10(96)

социальных взаимодействий. В системности заключалась ее устойчивость; однако системообразующим фактором оставалось субъектное взаимодействие, воспроизводившее модель отношений между сеньором (королем Англии) и вассалом (институты, корпорации, общины). Эта же схема еще раз воспроизводилась на уровне институтов: обладатели судебно-административных должностей, по-видимому, воспринимали их как своего рода «феод», а сам институт – как феодальную корпорацию (напомню, что даже в классическом Средневековье термин значение термина «феод» не сводилось лишь к земельному держанию).

Возможности проявления авторитарных способов управления в английском варианте видятся более ограниченными благодаря наличию в английской политико-правовой традиции концепта «обычая», конституировавшего все существование королевства. Верховная власть при этом стремилась сохранить за собой статус гаранта «обычая королевства» по преимуществу. В тех случаях, когда авторитарный импульс все же реализовывался, для его легитимации привлекались аргументы и идеи, отсылавшие к традиционным для вассально-сеньориальных отношений категориям, главной из которых оказывалась королевская prerogative.

Потестарные контуры английской монархии при Тюдорах (так называемая составная монархия) и Стюартах (композиционная монархия) как нельзя более явственно иллюстрируют тезис Н.А. Хачатурян о роли корпораций в качестве ключевых элементов организации общества. XVI и XVII столетия в Англии с уверенностью можно назвать «веком корпораций».

ДВОР ЕВРОПЕЙСКОГО МОНАРХА В ТРУДАХ Н. А. ХАЧАТУРЯН

Проблема двора как властного института далеко не сразу вошла в число приоритетных для Нины Александровны Хачатурян тем. В сфере ее исследовательских интересов двор оказался в 1990-х годах, стимулом к чему в определенной степени послужило общение с коллегами в рамках исследовательской группы «Власть и общество». Для многих из них всё очевиднее становилось растущее внимание историков, представлявших самые разные национальные школы, к феномену двора в эпоху Средневековья и раннего Нового времени. Присущий Нине Александровне живейший интерес к новым направлениям, в которых устремлялась мысль профессионального сообщества, подчас неожиданно меняя русло, привел к тому, что она с энтузиазмом приняла «вызов» двора. В 2001 г. вышла первая коллективная монография участников проекта «Власть и общество», посвященная западноевропейским дворам⁶⁴, которой Нина Александровна предпослала теоретическое введение, ярко отразившее специфику ее подхода к этому явлению.

Со свойственным Нине Александровне стремлением к системности и комплексности в рассмотрении любого вопроса, она начала введение в тему с анализа общих тенденций в современной историографии, которые обусловили обращение профессионального сообщества к феномену двора, связав этот поворот с новыми подходами к изучению

⁶³ Дмитриева Ольга Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории средних веков исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; ovdmit@list.ru

⁶⁴ Двор монарха в средневековой Европе. Явление. Модель. Среда. М.-СПб., 2001.

политической истории – влиянием социальных штудий, исторической антропологии и микроисторического анализа на изучение политической культуры. Под воздействием этих импульсов изменились подходы к оценкам средневековой государственности: традиционные акценты на принудительных, репрессивных функциях государства уступили место более сбалансированной оценке его социальной «протекционистской» функции, коммуникационных практик, направленных на достижение согласия власти и общества как условия стабильности любого политического режима.

Важной предпосылкой обращения медиевистов к «куриальным» штудиям, по мнению Н. А. Хачатурян, стало интенсивное изучение самого феномена власти, «анатомии» и специфических условий реализации ее политического потенциала в эпоху Средневековья и раннего Нового времени. Основное содержание этого периода исследовательница видела в подъеме центральной власти монарха (в противовес дисперсии властных функций и политическому плюрализму), осуществлявшей упорядочивающую миссию посреди хаоса различных автономий и корпоративных вольностей, а также в постепенной эволюции власти от частной к публично-правовой⁶⁵. Учитывая то, что Нина Александровна в своих исследованиях уделяла много внимания феномену средневекового корпоративизма⁶⁶, сосуществованию и взаимодействию «авторитарного» и «демократического» принципов управления⁶⁷, стремлению различных слоев общества получить доступ к политической власти, в своих рассуждениях об укрепляющемся авторитете монарха она также подчеркивала, что сильная монархическая власть не исключала проявлений «инициативы снизу», а напротив, рассчитывала на активность и сотрудничество со стороны местных выборных органов и корпораций.

Одной из важнейших составляющих, предопределивших поворот исследователей к изучению двора, стала интенсивная разработка темы, которая казалась бесперспективной, оставаясь практически запретной в период доминирования марксистского подхода к истории в

⁶⁵ *Хачатурян Н. А.* Запретный плод...или Новая жизнь монаршего двора в отечественной медиевистике // Двор монарха в средневековой Европе. С. 7–10.

⁶⁶ *Хачатурян Н. А.* Феномен корпоративизма // Общности и человек в средневековом мире. М.–Саратов. 1992.

⁶⁷ *Хачатурян Н. А.* Авторитарный и коллективный принципы в политической эволюции средневековой государственности // Власть и политическая культура в средневековой Европе. М., 1992.

отечественной науке⁶⁸ – тема сакральности королевской власти. Обращение историков к представлениям о сакральной природе правителя на разных этапах развития общества, к важнейшим ритуалам перехода – помазаниям и коронациям, рождениям и смертям, а также иным ритуальным практикам и составляющим королевского церемониала, в которых обнаруживала себя харизма правителя, подготовило почву для осознания роли двора как специфической «сцены», на которой разворачивались эти впечатляющие церемонии. Таким образом, прежде «лишенный научной привлекательности» двор стал постепенно обретать в исследованиях медиевистов центральное место, которое по праву принадлежало ему среди потестарных институтов Средневековья и раннего Нового времени⁶⁹.

В свете переосмысления эвристических возможностей, связанных с изучением двора, Н. А. Хачатурян настаивала на необходимости всестороннего исследования этого универсального феномена, поскольку как властный институт он «фокусировал все стороны жизни общества». В эпоху, предшествовавшую Новому времени с его разделением властей, вся полнота законодательных, исполнительных и судебных полномочий концентрировалась в руках суверена, занимавшего исключительное положение в государственно-политической системе, чем и определялась совершенно исключительная роль монаршего двора как ее центра⁷⁰.

Несмотря на многообразие конкретно-исторических форм и моделей двора в истории различных европейских государств, Н. А. Хачатурян стремилась в первую очередь выявить общую линию и логику его развития как института, отмечая его неразрывную связь с формирующимися административными структурами и исключительно важную роль в становлении самой средневековой государственности. Изначально курия короля – сеньора и собственника большого массива зе-

⁶⁸ Впрочем, Н. А. Хачатурян, великолепный знаток историографии, подчеркивала, что в западноевропейской медиевистике также был период забвения темы двора, связанный с утратой интереса к изучению истории «отживших» монархических режимов в эпоху буржуазных революций XIX столетия (Там же. С. 11).

⁶⁹ Радикальный перелом в отношении к двору Н. А. Хачатурян справедливо связывает с появлением ставшей классической работы Норберта Элиаса «Придворное общество» (Там же).

⁷⁰ Там же. С. 13.

мель, в которой концентрировались все нити «дворцового правления», была важным фактором государственного строительства. Она являлась центром отправления правосудия, именно здесь формировались административные органы, призванные обеспечивать общественный порядок, а также гарантировать права собственности, как в пределах королевского домена, так и в границах более широких территориальных образований. Таким образом, королевская курия с самого начала сочетала в себе как частное, так и публично-правовое начала, в неразрывной связи и динамике которых Н. А. Хачатурян видела основное содержание и «мотор» движения к государству Нового времени⁷¹.

Курия короля равным образом инициировала изменения в государственной системе и испытывала на себе обратное влияние последней. Из дворцового управления вырастали, отпочковываясь и разрастаясь, судебное, финансовое и военное ведомства, разветвленный административный аппарат. Но в то же время, как показывает Н. А. Хачатурян, само дворцовое ведомство оказывалось подвержено бюрократизации: постепенно складывались куриальные структуры и должности, четче оформлялись их функции и иерархия, складывался относительно постоянный персональный состав придворных служб. Социальный аспект этих изменений был также подмечен Н. А. Хачатурян, акцентировавшей внимание на эволюции самого характера службы при дворе – от вассальных личностных связей к оплачиваемой службе должностных лиц, чиновников, при этом отношения последних с сувереном продолжали сохранять «личностный оттенок».

Отделение финансового, судебного, военного ведомств, характер которых приобретал публично-правовой характер, от двора, не колебало позиции последнего как центра государственной системы, поскольку он продолжал оставаться местом, где концентрировалась высшая политическая власть суверена, где вместе со своим Советом монарх принимал важнейшие решения. Новая конфигурация властных органов и укрепление авторитета монарха самым непосредственным образом влияли на куриальные структуры, их престиж, функции, социальный состав и самоидентификацию придворных служащих.

Проблеме двора как особой социальной среды Н. А. Хачатурян уделила особое внимание. Придворное общество виделось ей «неформально конституировавшейся корпорацией», консолидирующейся

⁷¹ Там же. С. 14-15.

вокруг монарха группой лиц, связанной родственными и дружескими связями. Близость к государю была доминирующей чертой, определявшей характер этой социальной общности, члены которой были способны облегчить или затруднить для остальных доступ к персоне короля, повлиять на характер получаемой им информации и принятие решений. Размышляя о специфике “*vita curialis*”, Нина Александровна видела интересные перспективы в изучении различных групп придворного сообщества, прежде всего его «олигархии», представленной членами королевской Канцелярии и Королевского Совета (связанными в силу занимаемых ими постов с публично-правовой функцией монархии). Постоянное присутствие при особе короля превращало эту группу официалов в «публичный центр двора». Характер последнего как политического центра определялся также присутствием здесь принцев крови, влиятельных министров самого дворцового ведомства, королевских фаворитов. Впрочем, не меньший интерес, по мнению Н. А. Хачатурян, представляли и иные социальные страты придворной среды – гвардейцы, представители духовенства, должностные лица дворянского происхождения и неблагородный штат многочисленных дворцовых служб.

Важное место в системе представлений Н. А. Хачатурян о дворе как политическом центре королевства занимал тезис о том, что социальные связи этого специфического сообщества не ограничивались лишь элитарной средой. Двор активно взаимодействовал с провинциальным дворянством, рекрутируя его представителей в свои ряды, служил каналом перераспределения должностей, пожалований и пенсий, порождая острое соперничество родственных кланов и обширных дворянских клиентел, но в то же время, демонстрируя способность к сплочению и проявлению солидарности в отстаивании коллективных интересов своих членов. Одним словом, двор представлен у Н. А. Хачатурян как важный фактор социальной жизни, влияние которого выходило далеко за рамки королевской резиденции и столицы⁷², как эффективный посредник в диалоге власти и общества и инструмент, обеспечивавший возможности социального продвижения.

Наряду с социальными проблемами в поле зрения Н. А. Хачатурян попадает и экономическая сторона жизни двора, связанная, прежде всего, с обеспечением непосредственных жизненных потребностей мо-

⁷² Там же. С. 16.

нарха. Однако и необходимость содержать растущий штат двора, как во время его постоянного пребывания в какой-то из королевских резиденций, так и в ходе его частых перемещений по стране, представлялась исследовательнице достойной внимания. Ежедневные запросы двора требовали масштабных закупок продовольствия, определяли коммерческие потоки, включавшие как продукты первой необходимости, так и предметы роскоши. Само по себе строительство королевских дворцов, масштабное преобразование окружавшего их ландшафта было еще одной составляющей, определявшей важную роль двора в экономической жизни общества⁷³.

Среди важнейших институционных функций двора Н. А. Хачатурян выделяла его участие в публичной репрезентации власти, обеспечении ее «нематериальных» символических форм. Двор был сценой великолепного «театра власти», именно здесь вырабатывались знаковые системы поведения, находившие выражение как в торжественном публичном королевском церемониале (дипломатические аудиенции, религиозные процессии, праздничные банкеты, турниры, выезды в военные походы и на охоту), так и в церемониальных нормах, связанных с повседневной жизнью монарха и носивших условно «частный» характер (утренний подъем монарха и его отход ко сну, процедура одевания и совлечения одежд, прием пищи и т.д.). При дворе формировались правила этикета, моды, новые культурные тенденции. Н. А. Хачатурян акцентировала внимание и на не менее важной, чем церемониальная, функции двора как центра политической культуры и культуры в самом широком смысле⁷⁴.

Подводя итоги своим размышлениям о сути монаршего двора как властного института, Н. А. Хачатурян констатировала, что он был важнейшим элементом государственного механизма, центром политической власти и политической культуры, корпорацией, сложившейся вокруг государя, но имевшей широкие контакты с обществом, что позволяло говорить об этом сообществе как о своеобразном «микрокосме средневекового мира». Многообразие его характеристик как политического, социального, экономического и культурного феномена и определяло, по мнению профессора Хачатурян, эвристические возможности, связанные с разработкой отдельных направлений этой темы⁷⁵.

⁷³ Там же. С. 18.

⁷⁴ Там же. С. 18.

⁷⁵ Там же. С. 19.

Ряд высказанных Н. А. Хачатурян теоретических положений впоследствии получил дальнейшее развитие и более детальную проработку в ее трудах, в частности, активно обсуждающийся в кругах специалистов по истории королевских дворов тезис о невозможности провести четкое разграничение между частным и публичным началами в организации дворцовых служб и принципах их функционирования. Не отказываясь от утверждения о том, что движение от патримониального принципа к публично-правовому составляло суть процесса модернизации власти, исследовательница констатировала, что он отнюдь не был прямолинейным. По ее словам, «институциональная история двора ... убедительно демонстрирует ... зыбкость границ между частным и публичным началами в характере власти и практиках управления, а также отнюдь не триумфальное и весьма постепенное развитие процесса изживания частных компонентов в эволюции государственности в целом. Что касается двора, то красноречивым показателем ... служат примеры ... совмещения должностей частной и публичной службы, неоднозначный и неодномоментный процесс публичного характера вознаграждения за службу, в котором следует учесть источник формирования казны (домениальные доходы монарха или налоги, тем более «прямые»), а также некоторые другие моменты»⁷⁶.

К тезису о важности «личностного фактора» в жизни двора и способах реализации власти Нину Александровну подвели размышления о необходимости социального анализа придворной среды. В работе 2014 г. исследовательница особо подчеркивала «значимость «личностного» фактора в качестве средства реализации любого вида власти, тем более на высшем государственном уровне. В общем пространстве государственного управления именно двор оставался прибежищем для сохранения личностного принципа в социальных и служебных связях... Близость к королю неизбежно сопрягалась с прямой или опосредованной причастностью к политике верховной власти: служба «рта и тела», публичные службы в суде, в финансовом и военном ведомствах двора, дипломатической деятельности. Связанные с этим возможности...позволяли придворным выступить в качестве регулято-

⁷⁶ Хачатурян Н. А. Тема королевского двора в российской медиевистике: рефлексии и эксперимент // Французский Ежегодник 2014: Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV. М., 2014. С. 16–17.

ров и проводников правительственной политики или, наоборот, силы, блокирующей ее»⁷⁷.

Социальный анализ специфики придворной корпорации был дополнен наблюдениями Н. А. Хачатурян о формировании в куриальной среде особого социального типа – «дворянина-куртизана», характер службы и самой жизни которого радикально отличался от военной службы дворянина-вассала. Новый статус придворного «требовал не просто образованности, но знания принципов жизни в свете», сообщая правилам чести и придворного поведения значение «цивилизующего» фактора в жизни общества в целом»⁷⁸.

К осмыслению особого характера придворной культуры и ее социальных основ Н. А. Хачатурян вернулась в 2009 г. в связи с участием в конференции «Придворная культура эпохи Возрождения», организованной Комиссией по культуре Возрождения научного совета «История мировой культуры» РАН. В докладе на конференции и в статье, вышедшей по ее итогам, профессор Хачатурян предприняла попытку теоретического осмысления природы средневековой придворной культуры, ее основных характеристик и места в культурном пространстве эпохи⁷⁹. Отталкиваясь от идеи особой субкультуры двора («монады» в культуре, понимаемой в самом широком смысле), носителями которой была специфическая социальная общность, теснейшим образом связанная с властью, Нина Александровна выделила некоторые параметры культуры двора, подчеркнув исключительное влияние на формирование последней политического фактора, светскую направленность и прямую зависимость характера придворной культуры от уровня развития государственности, непреходящее значение классического наследия, воспринятого интеллектуальной и социальной элитой средневекового общества, сосредоточенной при дворе, вдохновляющую «креативную» роль самих монархов как «актеров культурного процесса», меценатов и покровителей искусств, наук и образования⁸⁰. Расцвет средневековой и ренессансной придворной культуры Н. А. Хачатурян связывает с участием этого института в идейном и художественном

⁷⁷ Там же. С. 18.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Хачатурян Н. А. Придворная культура: параметры явления // Придворная культура эпохи Возрождения / Отв. ред. Л. М. Брагина, В. М. Володарский. М., 2014. С. 5–16.

⁸⁰ Там же. С. 6.

оформлении «театра» королевской власти, ее репрезентации, организации ритуалов и пропаганде идеи сакральности персоны монарха.

Исследователь также отмечала формирование этно-национального характера придворной культуры западноевропейских стран, которое она рассматривала в широком контексте становления их государственности. С другой стороны, она подчеркивала активное взаимопроникновение и взаимовлияние национальных культур, в особенности в эпоху Возрождения.

Если, занимаясь социальным анализом двора, Н. А. Хачатурян была склонна делать акцент на его широких контактах с самыми разными, в том числе не-элитарными слоями общества, то, рассматривая феномен придворной культуры, она также полемизирует с тезисом об элитарном характере последней, настаивая на ее плодотворном взаимодействии с так называемой «народной культурой» в широком понимании этого термина⁸¹.

Наряду с теоретическим осмыслением характера двора с позиций социально-политического и институционного анализа, Н. А. Хачатурян разрабатывала данную проблематику и на конкретно-историческом материале, обратившись к истории Бургундского герцогства. В ее статье «Бургундский двор и его властные функции в трактате Оливье де ля Марша»⁸² ярко проявились черты профессора Хачатурян как исследователя и ее интеллектуальные приоритеты. Анализируя трактат об устройстве Бургундского двора, написанный крупным чиновником, политиком и дипломатом, главным мэтром Отеля бургундских герцогов, содержание которого позволяло заняться самыми разными вопросами – структурами и социальным составом куриальных служб, их функциями и иерархией, организацией церемониальной жизни, этикетом и так далее, Нина Александровна Хачатурян выбрала иную «оптику», поставив более масштабные вопросы, которые неизменно привлекали ее интерес. Она увидела в описании де ля Маршем административных структур возможность оценить соотношение частной и публичной сфер и на этом основании сделать выводы о масштабе политической власти герцогов Бургундских, об уровне «государственности», которого достигла политическая организация этого принципата,

⁸¹ Хачатурян Н. А. Тема королевского двора... С. 21–22.

⁸² Хачатурян Н. А. Бургундский двор и его властные функции в трактате Оливье де ля Марша // Двор монарха в средневековой Европе. Явление. Модель. Среда. С. 121–136.

претендовавшего на самостоятельность и независимость от Франции⁸³. Именно этим целям был подчинен анализ структур «публичных» департаментов Бургундского двора – герцогского совета, финансового, судебного и военного ведомств, а также изучение церемониальной стороны судебных заседаний с участием герцога и прочих публичных церемоний, которыми славился блестящий Бургундский двор, считавшийся в этой сфере образцом для прочих европейских дворов.

В контексте анализа степени публично-правового оформления власти в Бургундском герцогстве рассматривались в статье Н. А. Хачатурян и организация военной службы Отеля, и его финансового департамента, при этом автор убедительно продемонстрировала в обоих случаях неразрывное переплетение частных и публичных функций этих ведомств. Сходный вывод был сделан и относительно принципов взаимодействия бургундских герцогов с церковными структурами двора.

В высшей степени элитарный по своему характеру Бургундский двор, носитель позднекуртуазных идеалов, был, согласно наблюдениям Н. А. Хачатурян, важным инструментом верховной власти герцога, которого Оливье де ля Марш представлял «принцем-протектором», носителем справедливости, представителем интересов всех слоев общества, то есть государем, целью которого провозглашалось общее благо подданных⁸⁴.

Первый опыт Н. А. Хачатурян в изучении Бургундского двора был продолжен ею в статье «Светские и религиозные мотивы в придворном банкете «Обет фазана» герцога Бургундского в XV в.», посвященной грандиозному придворному празднеству и принесению рыцарских обетов, связанных с попытками европейских правителей организовать крестовый поход против Османской империи в 1454 г. Хорошо известное историкам событие, беспрецедентная «манифестация горделивой роскоши», по выражению Й. Хейзинги, получило у Н. А. Хачатурян принципиально новую интерпретацию. Банкет, устроенный Филиппом Добрым, исследовательница рассматривала через призму претензий последнего на «государственную» роль Бургундии и политическое лидерство в Западной Европе. Анализ самых разных приемов репрезентации персоны герцога (эмблематика, символика цвета, идейное содержание живых картин, разыгрывавшихся в ходе банкета, функции

⁸³ Там же. С. 125–126.

⁸⁴ Там же. С. 133.

образа Геракла, которому был уподоблен Филипп Добрый, претензии на генеалогическое родство бургундских герцогов с этим культурным героем, присутствие иных мифологических персонажей, а также христианских святых и религиозной символики) позволил Н. А. Хачатурян увидеть в этом действе «политическую акцию», в которой религиозно-политические цели и моральные идеалы Бургундского двора раскрывались посредством светских форм искусства, прежде всего, театрального⁸⁵. Таким образом, был сделан еще один важный шаг в изучении роли придворного «театра власти» в политической пропаганде и формировании публичного образа правителя в глазах его подданных.

В завершение уместно привести мнение, которое подытоживало размышления Н. А. Хачатурян о сущности поворота отечественной медиевистики к пристальному и всестороннему изучению двора как государственного института и центра политической власти. По ее словам, «эти исследования не были погоней за модой, а также не были продиктованы только желанием преодолеть характерную для медиевистики советского периода недооценку политической истории, но поисками путей обновления исторического знания в целом», и работы самой Нины Александровны Хачатурян немало способствовали тому, что она называла «переходом исторической науки в новое методологическое пространство»⁸⁶.

⁸⁵ Хачатурян Н. А. «Светские и религиозные мотивы в придворном банкете «Обет фазана» герцога Бургундского в XV в. // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория. Символика. Церемониал. М., 2004. С. 177–199.

⁸⁶ Хачатурян Н. А. Тема королевского двора в российской медиевистике. С. 22.

М. В. ВИНОКУРОВА⁸⁷

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА ХАЧАТУРЯН О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «ФЕОДАЛИЗМ»

Трудно привыкнуть к мысли о том, что Нины Александровны нет с нами. Кажется, что вот-вот она войдет, улыбнется своей незабываемой улыбкой и – все пойдет как прежде, как в то прекрасное время, когда все еще были живы... Какой неожиданный уход, какая потеря! И все же: в душе продолжает жить стойкое ощущение того, что она рядом, что ничего не случилось, что стоит поднять телефонную трубку – и опять зазвучит ее голос, продолжится начатый разговор... Слушать ее было сплошным удовольствием, как и общаться лично. Она не просто внушала глубокое уважение и почтение как большой ученый, она обладала даром невольно внушать человеческую любовь к себе, восхищаться ею и постоянно желать продолжения общения. Меня поражал тот необыкновенный факт, что внешняя красота и очарование Нины Александровны (ею всегда хотелось любоваться – и было трудно не делать этого!) сочетались в ней, как говорят, с «железной логикой» и необыкновенно высоким теоретическим уровнем ее ума и речи. Она умела думать как-то по-особому, говорить и писать тоже по-особому. Она умела дружить и находить общий язык с людьми – не только со своими сверстниками, с коллегами по цеху, но и со студенческой молодежью. Она сама всегда была молодой, время не властвовало над нею...

⁸⁷ Винокурова Марина Владимировна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН; vinocurova@mail.ru

Научное наследие Нины Александровны глубоко и многогранно; мы будем постоянно обращаться к нему⁸⁸. Признанный авторитет в области изучения средневековой политической истории Средневековья, основатель и руководитель научной группы «Власть и общество», создатель целой школы ученых по истории Франции в Средние века, Н. А. Хачатурян особенно основательно исследовала (преимущественно на примере развития средневековой Франции) такие проблемы, как природа политической власти и ее институтов, трансформации в сфере власти (от дворцовых служб к государству), роль права в развитии форм властвования, формы политической культуры и диалога власти с обществом, сословно-представительные институты, корпоративизм и социальная структура общества, городская история, история общественно-политической мысли и многое другое.

Но существовала еще одна сфера научного знания, к которой Нина Александровна относилась по-особому, стремясь понять основные тенденции общественного развития периода Средневековья в их – как она любила говорить – «системном выражении». Речь идет о такой вечной (и всегда новой) проблеме, как «феодализм».

Так, в своей работе «Власть и общество в Западной Европе в Средние века», увидевшей свет в 2008 г., Н. А. Хачатурян представила очерк⁸⁹, вызванный к жизни научной дискуссией в среде московских медиевистов. В этой дискуссии принимали участие не только специалисты по развитию средневекового Запада, но также – исследователи отечественной истории феодального периода и историки-востоковеды. Дискуссия возникла по поводу доклада А. Я. Гуревича «Феодализм перед судом историков или о средневековой крестьянской цивилизации» (2005 г.), посвященного теоретическим проблемам феодализма; он был позднее опубликован⁹⁰. Дискуссия оставила основательный след в сре-

⁸⁸ О наследии, оставленном Н. А. Хачатурян на страницах журнала «Средние века», не столь давно исчерпывающе написала С. К. Цатурова. См.: *Цатурова С. К. Наследие Нины Александровны Хачатурян в «Средних веках»* // Средние века. М., 2020. Выпуск 81 (3). С. 10–18.

⁸⁹ *Хачатурян Н. А. К вопросу о содержании концепт-явления «феодализм»* // Она же. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., Наука, 2008; См. также: *Хачатурян Н. А. Общественная система и принцип относительности. К вопросу о содержании концепт-явления «феодализм»* // Средние века. М., 2007. Вып. 68 (1). С. 6–35.

⁹⁰ Доклад бы прочитан на круглом столе по феодализму, прошедшем в ИВИ РАН в апреле 2005 г. См. его итоги в: Ключевые проблемы изучения и преподавания

де медиевистов. Она передала атмосферу противоречивости в настроениях научного сообщества по отношению к общим проблемам истории феодализма – феномена, который и по сей день является предметом споров и обсуждений в ученой среде⁹¹. Эта дискуссия отразила также специфику того кризиса, который пережила отечественная медиевистика в рамках развития мировой историографии второй половины прошедшего столетия.

Н. А. Хачатурян выделяет два этапа этого кризиса. На первом этапе (60–70 гг. XX в.) его содержание было определено попытками преодоления «специфики» марксистской методологии и принятия «философии нового знания», характерного для западной науки указанного времени. Второй этап (конец 80 – начало 90 гг.), по мнению Нины Александровны, был связан с влиянием на отечественную медиевистику постмодернизма; сказались также попытки историков усвоить «новый синтез» в историческом знании, привнесенный как школой «Анналов», так и направлением «новой социальной истории» – с ее особой когнитивной стратегией, структурным анализом и использованием теоретических моделей социальных наук.

Критическое отношение большей части профессионального сообщества к «советской» исторической науке в то время способствовало, как не без основания считала Нина Александровна, проявлению этих фаз «кризиса», поскольку очевидным образом «нарушало преемственность в развитии отечественной медиевистики в целом и долгое время не позволяло по достоинству оценить ее вклад в изучение феодального общества».

Указанная дискуссия выдвинула в качестве важнейших вопросов следующие: 1. оценка понятия «феодализм» медиевистами и 2. проблему системного видения феодализма.

истории средних веков. М., ИВИ РАН. 2006. В основу понимания феодализма А. Я. Гуревичем была положена проблематика экономической антропологии, которая связывает процессы хозяйственного развития с культурой, верованиями, духовными ценностями и общественным поведением людей, во многом основанным на системе личных связей, характерной для того времени.

⁹¹ Так, в частности, не столь давно состоялась очередная дискуссия по указанной проблематике, проходившая в ИВИ РАН в рамках конференции «Переосмысление Средневековья или аудит российской медиевистики». См. о ней: *Винокурова М. В.* Что удалось обсудить в ходе сессии по феодализму на конференции «Переосмысление Средневековья или аудит российской медиевистики» // *Средние века*. Выпуск 81 (1). М., 2020. С. 48–56.

Нина Александровна отметила, что желание участников упомянутой выше дискуссии обрести «новую когнитивную точку зрения»⁹² на средневековое общество более всего активизировало усилия части из них в отстаивании мнения о необходимости «отменить» термин «феодализм»; о том, что термин «устарел», сообщал и сам А. Я. Гуревич. Нередко (и в дискуссии в апреле 2005 г., и в публикациях) звучали слова об изрядной «дискредитации» этого понятия, о недостаточности его конструктивного значения применительно к западноевропейскому Средневековью и о его «нефункциональности» по отношению к странам Центральной Европы и России.

По этому поводу Нина Александровна писала следующее: «Мое собственное отношение к понятию «феодализм» не является ни отрицательным, ни уничижительным; оно не связано с желанием придумать какое-то другое понятие или мнением, что можно вообще обойтись без такового в процессе познания. Убедена, что устаревает, как правило, не понятие, а толкование его содержания, которое неизбежно должно и может обновляться и по подходам к анализу обозначаемого им явления, и по наполнению»⁹³.

Она считала, что этот привычный термин разделяет недостатки любого общего понятия, которое всегда условно. Он даже обладает некоторым преимуществом, так как начало его оформления относится к эпохе позднего Средневековья и – далее – Просвещения, а, главное, восходит в своей этимологии к документальным свидетельствам социальной практики – названию условной и наследуемой земельной собственности (феоду). Стоит согласиться с мыслью Нины Александровны о том, что «часто предъявляемое в войне с терминами требование быть непременно примененными или придуманными его современниками, кажется не просто излишним, но ошибочным ригоризмом». Для формирования терминов характерна постепенность, стадийность в эволюции человеческого сознания. И нередко рождение терминов лежит во времени за рамками полного расцвета самой «социальной модели»⁹⁴.

⁹² Хачатурян Н. А. К вопросу о содержании концепт-явления «феодализм» // *Она же. Власть и общество в Западной Европе в Средние века*. М., Наука, 2008. С. 287.

⁹³ Там же. С. 288.

⁹⁴ Участники дискуссии по феодализму, проходившей во время упомянутой выше конференции «Переосмысление Средневековья или аудит российской medie-

Обращаясь к истокам формирования термина «феодализм», отражающего особую сословно-классовую структуру доиндустриального (аграрного) общества, основанного на принципе «личной верности» вассала сеньору, Н. А. Хачатурян отмечает важную особенность его возникновения и дальнейшего бытования.

Она считает, что уже первоначальная абстракция в предыстории термина «feodalté» «не только перекрыла и, в известной мере, вытеснила применительно к Западной Европе сугубо временное по номинации и содержанию понятие «средние века» (*medium aevum*)»⁹⁵, но обнаружила принципиальное изменение в оценочных суждениях в обществе того периода, когда *исторический процесс воспринимался в первую очередь как политический* (курсив мой – М. В.).

Изменение заключалось в постепенном сопряжении политической истории (и сложившейся политической иерархии) – с социальными связями в обществе, проявляемыми, в частности, по отношению к земле. Если говорить об истории вопроса, то указанные тенденции проявились как в идеологии Просвещения, так и в рамках зарождавшейся историографии «социального направления» последующего (XIX) столетия, связанной прежде всего с именем Франсуа Гизо. Он уже в 30-е годы XIX в. сумел обозначить основные черты в характеристике «феодальной земельной собственности»: ее условный характер и иерархическую структуру, соединение с политической властью и зависимыми мелкими землевладельцами⁹⁶. В дальнейшем научные разработки в рамках позитивистской методологии породили многообразные исследования по экономической, социальной и социально-политической истории строя, обозначаемого термином «feodalité», детализировав та-

вистики» также согласились в том, что, какой бы аспект или сумму аспектов в бытовании средневекового социума ни отражал термин «феодализм» (систему власти – систему землевладения – систему права), он является не только историографическим феноменом и, как важный объект познания, наполнен не только онтологическим смыслом. Для практикующих историков этот термин, которым удобно и привычно оперировать, по-прежнему несет утилитарную, служебную нагрузку и, по всей видимости, на сегодняшний день совсем не обязательно нуждается в поисках новых значений. См. Винокурова М. В. Указ. соч., С. 54. См. также: Дубровский И. В., Уваров П. Ю. Феодализм в представлении современных медиевистов // Всемирная история: В 6 т. М., 2019 (издание 2-е, исправленное и дополненное). Т. 2. Мир в Средние века. С. 31.

⁹⁵ Хачатурян Н. А. Власть и общество... С. 289.

⁹⁶ Там же.

кие важные понятия как «община», «вотчина» («манор», «сеньория»), «город», «товарная экономика», «рынок» и многие другие, но не «отменив» при этом основные характеристики, данные Гизо и связанные с базовыми социальными чертами феодализма. Добавлю, что большой вклад в разработку указанных вопросов в конце XIX – первой половине XX в. внесли историки права – в частности, Фридерик Мейтленд и его школа «критического направления»⁹⁷. Это направление проявило себя в ревизии социальной истории (в частности, истории средневековой Англии) под «правовым уклоном» ввиду разочарования в познавательных возможностях позитивизма.

В исследованиях такого рода все отчетливее проступали основные признаки феодализма: соединение верховной власти с землевладением, замена полной земельной собственности (аллода) условной, установление вассальной иерархии. В частности, эти признаки феодального строя выделял П. Г. Виноградов⁹⁸. Ф. Мейтленд и Ф. Поллок подчеркивали идею об особом значении связей между сеньором и держателем, отмечая наличие личных отношений между ними (коммендация); отношений военной или административной службы, связанной с землей, и судебных прерогатив господина – права принуждать зависимое население сеньории или манора судиться в курии лорда⁹⁹. Последнее обстоятельство, в частности, важно в связи с особенной чертой феодализма – наличием юрисдикции в частных руках, что неоднократно подчеркивал Ф. Мейтленд. Это мнение впоследствии разделили многие известные историки – такие как Д. М. Петрушевский, М. Блок, А. Я. Гуревич¹⁰⁰ и др., особо выделявшие не только наличие социаль-

⁹⁷ В хронологическом отношении «критическое направление» в англо-американской историографии охватывает период с 80–90 гг. XIX в. примерно по 50-е гг. XX столетия. Его представители на протяжении первой половины XX в.: Дж. Адамс, А. Баллард, М. Бейтсон, Ф. Давенпорт, Дж. Джойлифф, Д. Дуглас, Р. Грасс, Г. Грей, Э. Кэм, А. Леветт, Н. Нельсон, Т. Плакнетт, Ф. Поуик, Г. Ричардсон, Ф. Стентон, Дж. Сэйлз, Дж. Хаскинс и др. Список трудов историков «критического направления» см. в.: *Сидорова Т. А.* Фридерик Уильям Мейтленд и английская историография критического направления. СПб., 2014. С. 542–548.

⁹⁸ *Vinogradoff P.* Villainage in England. N.Y., 1967.

⁹⁹ *Pollock F., Maitland F.* The History of English Law before the Time of Edward I. Cambridge, 1985. 2-d ed. 1898.

¹⁰⁰ *Петрушевский Д. М.* Очерки из истории английского государства и общества в Средние века. 4-е изд. М.; Л., 1937; *Гуревич А. Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970; *Блок М.* Апология истории или ремесло историка / пер с фр. 2-е изд. М., 1986; *Он же.* Феодальное общество / пер. с фр. М., 2003.

ных отношений по типу «феод – зависимое земельное держание», но – личный договор между вассалом и господином¹⁰¹, основанный на службе одного другому и защите первого вторым.

Таким образом, понятие феодализма, наполнившись конкретным содержанием, основанным на специальных изысканиях «практикующих историков», в том числе и в области средневекового права, при всей его условности, оказалось «живым явлением», которое развилось в познавательном процессе. Главное то, что, по справедливому мнению Н. А. Хачатурян, его содержание «заполнила сумма несовершенных, но и не выдуманных, а добытых исследователями знаний». Именно с учетом данного обстоятельства и в настоящее время возникает вопрос: насколько продуктивна и необходима замена старого понятия на новое...

Мы уже упоминали выше, что большая часть историков (тех, кто непосредственно имеет дело с «анатомией» исследовательского процесса, основанного на детальном изучении средневековых источников, и постоянно «осваивает» этот процесс на практике, не занимаясь лишь исключительно оторванным от жизни теоретизированием) все же считает – как показывают обсуждения, имеющие место в среде ученых вплоть до настоящего времени, – что термин «феодализм» вполне соответствует своему назначению. Однако не будем исключать и того, что, возможно, в дальнейшем новые исследовательские направления, практики или изменения угла «научного зрения» в восприятии классических проблем средневековья смогут явиться побудительными мотивами для рождения новой «терминологической парадигмы» в этой области.

Хотя, по мнению Н. А. Хачатурян, представленном ею в 2008 г., попытка создания любого буквально-смыслового наименования, идущего от какой-то отдельной стороны или особенности развития феода-

¹⁰¹ Так, А. Я. Гуревич считал, что феодализм не может быть сведен к экономическим, аграрным отношениям, что последние являются его основой в том лишь смысле, что «военный класс общества, связанный узами взаимных личных обязательств, господствовал над классом крестьян, причем это классовое господство, то есть верховенство дворянства *in соgro*, обязательно и неизбежно принимало формы личного господства отдельных членов высшего сословия, объединенных в иерархию, над зависимыми от них крестьянами». См.: Гуревич А. Я. Избранные труды. В 4-х т.т. Том 1. Древние германцы. Викинги. М.–СПб.: Университетская книга. 1999. С. 224.

лизма, все-таки не сможет передать его сложности и, следовательно, всегда останется неполным и условным. Само желание найти «волшебное слово», которое смогло бы передать суть такого комплексного явления как «феодализм», выглядит в принципе нереально. С учетом всего вышесказанного борьба с номинацией понятия – во всяком случае, на тот момент, когда Нина Александровна разрабатывала указанную проблему, – казалась ей «если не бесславной, то лишенной глубокого смысла»¹⁰².

Гораздо более серьезной представлялась историку ситуация с пониманием содержательной стороны интересовавшего ее понятия, недостатки с отчетливым восприятием которого в среде ученых она связывала на тот момент с очевидным неприятием значительной частью медиевистов *системного видения* (курсив мой – М. В.) того явления, которое мы до сих пор называем феодализмом. Частичное отсутствие ясности в этом вопросе объяснялось, по ее мнению, игнорированием философской стороны вопроса, связанной с особенностями познавательного процесса и, я бы сказала, недостаточной корреляцией между спецификой конкретных исследований и достижениями теории познания.

По мнению Н.А. Хачатурян, далеким именно от исследовательской практики выглядело осознание рядом историков таких «данностей» эпистемологии, как, к примеру, неизбежность расхождения постигаемой реальности с результатами познания – факт, казалось бы, очевидный при условии понимания относительности знаний. Плохо разрешимыми оказывались и противоречия в вопросе о соотношении частного и общего и связанной с ними необходимости различать разные уровни анализа – конкретный и абстрактный. Подчас, по ее мнению, игнорировались и неизбежные противоречия между историческим и логическим (теоретическим) вариантами познания – при всей взаимной «переплетенности» этих противоположностей как фундамента, обеспечивавшего самое познание. Все это были те «правила игры», которые должны были существенно корректировать исследовательский поиск и «предостерегать как от грубого или плоского объективизма историка, так и от легкомысленного субъективизма в его творчестве»¹⁰³.

Нина Александровна считала, что в общественной системе на ее различных временных этапах следует различать сущностное содержа-

¹⁰² Хачатурян Н. А. Власть и общество... С. 290.

¹⁰³ Хачатурян Н. А. Общественная система и принцип относительности... // Средние века. М., 2007. Вып. 68 (1). С. 14–15.

ние системы – определенную модель, раскрывающую механизм функционирования как самой системы, так и создаваемую с ее помощью картину общества, отражаемую, в том числе, и в достижениях науки. Она полагала, что «система», существуя объективно, в то же время должна была явиться «более или менее гибким результатом логической рефлексии» (своего рода теоретической «моделью») – как итога обобщающей работы ума, – рефлексии, создающей образ общества в предельной форме его выражения и служащей, таким образом, средством постижения сути явления и его идентификации. Конкретную картину, воссоздаваемую с помощью модели, свойственной тому или иному этапу познания, историк может углублять, уточнять и обновлять, взвешенно оценивая при этом природу и масштаб новаций, их способность разрушить механизм модели и определяемый ею образ общества – или до определенного момента только конкретизировать имеющиеся о нем представления. От правильного решения вопроса о соотношении конкретного и абстрактного анализа (что я бы назвала антитезой полученного прикладного знания и – практикой его возведения на теоретический уровень) зависит и проблема вариативности развития в рамках системы. Таким образом, системный подход в применении к сложной многоликой реальности, как считала Нина Александровна, может выглядеть корректным и перспективным при условии соблюдения исследователями-практиками принципов эпистемологии, учитывающих особенности познавательного процесса и человеческого сознания.

Рассуждая о содержательной стороне проблемы системного видения, Н. А. Хачатурян считала, что аргументы в пользу его права на существование при анализе, в частности, проблемы феодализма, может дать история вопроса. Так, она признавала, что системный подход был подготовлен непосредственно утверждением позитивизма с его широким спектром видения исторического процесса на экономическом, социально-политическом и культурно-психологическом уровнях, а также признанием закономерностей развития. Это не могло не направить исследовательскую мысль на поиски единства в многообразии факторов. Иными словами, по ее мнению, именно позитивизм, при всей его «спорности» в качестве *исчерпывающего* инструмента познания, подготовил первые шаги структурного анализа и системного подхода к видению исторического процесса.

В связи с этим Ниной Александровной было подчеркнуто и то важное обстоятельство, что одним из «систематизирующих критери-

ев» явилась выработка исторической наукой XIX в. понятия «цивилизация», из двух наиболее общих параметров исторического развития – место и время – подчеркнувшее *территориальное* (локальное) разграничение людских сообществ. Их внутреннее единство определялось такими показателями, как природные условия, быт, нравы, религия, культура и историческая судьба. И хотя понятие включало в себя представление о преходящем характере цивилизаций, время жизни каждой из них было временем «долгой протяженности»¹⁰⁴. В то же время, начиная по крайней мере с XVII в. и особенно в период Просвещения века XVIII (Ж. Б. Вико, Ж. А. Кондорсе¹⁰⁵) – в связи с утверждением идеи органического развития – оформляется и представление о стадийности исторического процесса, которое нашло отражение в понятии «структура» или (в рамках марксистской идеологии) «формация». Это понятие, по словам Нины Александровны, «раздвинуло территориальные границы человеческой общности до масштабов планеты в целом, выделяя *временное деление* исторического процесса и обеспечив возможность синхронного анализа»¹⁰⁶.

Системный принцип в *марксистской трактовке* (курсив мой – М. В.), как мы знаем, долгое время не «вбирал» идеи цивилизацион-

¹⁰⁴ См.: *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада / пер. с фр., общ. ред. Ю. Л. Бессмертного. М., 1992; *Бродель Ф.* Структуры повседневности: возможное и невозможное. 2-е изд. М., 2006; *Барг М. А.* Категории и методы исторической науки. М., 1984.

¹⁰⁵ *Vico G.* Principi di Scienza Nuova. Milano, 1816; *Condorcet Marie Jean.* Esquisse d'un tableau historique des progres de l'esprit humain. P., 1795; На русском: *Кондорсе М. Ж.* Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / пер. с фр. И. Шапиро. 1936. Здесь же отметим, что научная мысль XIX – начала XX в. отдала заметную дань системному принципу: цивилизационные теории А. Тойнби (см.: *Тойнби А. Дж.* Постижение истории / пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М., 2001; *Он же.* Цивилизация перед судом истории / пер. с англ. М., 2002; *Он же.* Исследование истории: В 3 т. / пер. с англ., вступ. статья и комментарии К. Я. Сожурина. СПб., 2006.) и Ф. Броделя, особое направление структурализма, синергетика и, наконец, «системология», занятая изучением законов формирования и развития структур в их абстрактной форме, привели, по мнению Н. А. Хачатурян, к обретению исторической наукой XX в. «новой философии истории», в свою очередь, обогатившей системный анализ.

¹⁰⁶ *Хачатурян Н. А.* Общественная система и принцип относительности... // Средние века. М., 2007. Вып. 68 (1). С. 17.

ного подхода¹⁰⁷, сделав единицей отсчета способ производства и форму собственности в рамках подхода «формационного» и связав, по словам Н. А. Хачатурян, «ранжированные в некоей последовательности уровни общественного развития единой экономической доминантой». Детерминированность исторического процесса с подразделением на первичные, базисные (экономические) и вторичные, «надстроечные» (политические и прочие) явления в рамках формационного подхода, действительно таила в себе опасность его упрощенного понимания. В отечественной медиевистике советского времени, как известно, эту опасность усугубила – по справедливому мнению Нины Александровны – «сакрализация» марксистского метода, акцентировавшего необходимость апелляции к факторам экономического развития и недооценивавшего фактор сознания. Что касается марксистской интерпретации феодализма, то и в ней основной объявлялась «экономическая структура», характеризующаяся особым способом производства, в основе которого лежала «собственность феодала на землю», реализуемая с помощью мелкого производителя. В социальных отношениях акцентировался факт эксплуатации земельным собственником зависимого крестьянина, противоречия между которыми в обществе оценивались как классовые и опять-таки «основные».

С учетом указанных выше тенденций Н. А. Хачатурян посчитала нужным выделить наиболее важные из эпистемологических достижений, которые, при всех трудностях поступательного роста истории как науки, все же вели к освобождению «системного видения» общественного развития от прежних ограничений, обеспечив ему известную гибкость в свете требований современного знания. Эти достижения на начало XXI столетия сводились, по ее мнению, к следующему:

1. Новое решение давнего, почти вечного вопроса о соотношении материи и духа, благодаря которому была преодолена их традиционная

¹⁰⁷ Нина Александровна всегда подчеркивала, что цивилизационный фактор применительно к западноевропейской средневековой истории выглядел «весьма красноречиво». Говоря об этом, она имела в виду проблему синтеза варварских и античных начал в эпоху крушения Западной римской империи и образования варварских королевств, которые позже, в условиях «вторичного синтеза», оказали огромное влияние на все стороны средневекового общества, благодаря взаимодействию последнего с социальными, политическими и культурными структурами Античности. Одним из наиболее заметных результатов этого влияния стало более динамичное развитие западноевропейского региона в сравнении с Восточной Европой.

альтернатива, будь то в ее идеалистической или материалистической форме. Эту принципиально важную новацию, провозглашенную еще первыми «Анналами»¹⁰⁸, Ж. Дюби и А. Я. Гуревич в свое время определяли формулой: «материальное в духовном и духовное в материальном». Указанный фактор («переплетение» этих двух начал, их взаимная дополняемость) позволил дать новое толкование такой, казалось бы, сугубо экономической категории, как «производственные отношения», подчеркнув ее связь с компонентами сознания.

2. Легализация современной наукой явления относительности, которое свойственно и общественному историческому процессу, и частной жизни людей, и теории ее познания. В контексте современной науки этот принцип побудил принять факт вариативности развития и, не разрушая системы, не позволил ее догматизировать. Вместе с тем, принцип относительности, «усугубляя сопутствующее исследовательскому поиску смятение человеческого сознания, которое всегда стремится к ясности, чреват незаметным переходом к релятивизму»¹⁰⁹.

3. Разработка проблемы «временных ритмов». Этот подход позволил постигать природу исторических явлений не только с точки зрения отнесения их к тем или иным традиционным сферам развития общества, но и на основе их принадлежности к периодам «долгой протяженности» (отождествляемым с «социальным временем») и – к периодам «короткого времени». В рамки «долгой протяженности» историки стали вписывать явления, действующие на разных уровнях исторического процесса: экономическом (форма собственности и тип производителя), политическом (природа верховной политической власти и условия ее реализации), социальном (социальная стратификация), ментальном (духовные начала). А вот событийная история и судьбы индивидов были признаны в качестве черт, характеризующих переходящую сферу «короткого времени». Однако явления обеих сфер дей-

¹⁰⁸ См.: Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов» М., 1993.

¹⁰⁹ Хачатурян Н. А. К вопросу о содержании концепт-явления «феодализм» // *Она же. Власть и общество в Западной Европе в Средние века*. М., Наука, 2008. С. 293-294. Считаю очень важной характеристику, столь точно подчеркнутую Н. А. Хачатурян, – о «смятенности» человеческого сознания, стремящегося к ясности и в этом смысле не всегда выдерживающего натиск факторов, свидетельствующих об относительности явлений. Действительно важно понять, насколько принцип относительности может приближать исследователя к релятивизму. Или – напротив – давать толчок новому научному поиску.

ствуют в пространстве взаимовлияния, хотя и не одинаковом по силе или продолжительности воздействия. Смысл такого деления, считала Нина Александровна, заключается в возможности выделить в рамках общественной структуры компоненты определяющего значения, но, что особенно важно, – подчеркнуть разные ритмы в их развитии¹¹⁰.

4. Признание современной наукой внутренней гетерогенности общественной системы, неизбежно связанной с ее многоукладностью¹¹¹.

С учетом этого «нового», основательно меняющего в современной историографии природу исторического анализа, Нина Александровна предпринимает попытку обращения к «системной картине» феодального общества, делая важный шаг на путях реализации задачи соеди-

¹¹⁰ Это, в частности, позволило исследователям «развести» ранее подменявшие друг друга понятия «Средние века» и «феодализм». Было также введено понятие «раннего Нового времени», что, по словам Н. А. Хачатурян, «придало качество относительной цельности переходного периода XVI–XVII в. в Западной Европе». Справедливо, однако, и то, что «новое решение не избавило новое понятие от условности, благодаря неоднозначности исторического процесса. Не случайно Ж. Ле Гофф, корректируя представление о раннем Новом времени, вводит дополнительное понятие «Долгое Средневековье»: Le Goff J. Pour un autre Moyen Age Temps, travail et culture en Occident, 18 essais 1956–1976. P., 1977.

¹¹¹ Средневековое общество на всех этапах своего развития, начиная с раннефеодального периода, отличалось многоукладностью (или, по словам А.Я. Гуревича, – «разноукладностью»). Так, наряду с остатками рабовладения и колоната позднего Рима в первые века после его падения в Европе существовал родоплеменной уклад варваров и общинные отношения в их начальных формах. Вряд ли можно поэтому сводить все многообразие этих отношений лишь к идее синтеза «римского начала» с «общим варварским началом», приведшим в конечном итоге к «торжеству феодализма» – а такой подход был нередок в литературе конца XIX и значительной части XX в. Многоукладность экономики зрелого (и даже отчасти – позднего!) Средневековья проявлялась в существовании – наряду с различными категориями зависимого крестьянства – достаточно широкого слоя свободных собственников внутри манора или сеньории (фригольдеры, цензитарии), составлявшего подчас большую часть крестьянства. При всем значении института феода не исчезают окончательно ни аллод, ни свободная община, сохраняется институт дворовых слуг и т.д. Принципиально новым явлением становится возникновение и развитие мелкотоварного уклада, связанного с ростом городов, торговли, ремесленников, купечества; причем городской уклад Средневековья вряд ли может интерпретироваться как феодальный. См. об этом подробнее: *Гуревич А. Я. Избранные труды*. В 4-х т. Том 1. Древние германцы. Викинги. М.–СПб.: Университетская книга. 1999. С. 196–198.

нения обновленной методологии с «системным образом» феодализма. Главной задачей этого анализа она считает стремление проследить глубинные связи «подсистем» феодального общества, являющихся частями одного живого организма, в их историческом развитии, и способных в конкретных условиях оказывать важное воздействие на общественную структуру в целом.

Итак, во-первых, Н. А. Хачатурян выделяет «*экосистему*» феодализма, связанную с особенностями природы собственности – и прежде всего крупной собственности сеньоров на главное средство производства – землю в обществе, где аграрный сектор был основным. Она подчеркивает также значение собственности на орудия труда крестьянина в деревне и ремесленника в городе, реализующих мелкое производство. Историк считает, что человеческое сообщество в Европе именно на витке Средневековья создало особый тип зависимого мелкого производителя, не просто соответствующего состоянию производительных сил, но способного обеспечивать необходимую для развития орудий производства меру его заинтересованности в результатах своего труда.

Известно, что средневековый крестьянин не являлся собственником обрабатываемой им земли, но лишь ее держателем на определенных условиях – вплоть до права наследственного держания. Его экономическая зависимость от сеньора (лорда) реализовывалась в виде ренты (отрабочной, продуктовой или денежной), то есть в виде работы или платежей в пользу господина. Однако на земле, отданной ему в держание, крестьянин вел самостоятельное мелкое хозяйство, имея дом (в котором проживала его семья), хозяйственные постройки, скот и, что особенно важно, орудия труда, с помощью которых он обрабатывал отданный в его распоряжение участок, а также запашку господина (в случае отрабочной ренты). Таким образом, в отношении к владению землей обе стороны – сеньор и непосредственный производитель – выступали как взаимно заинтересованные друг в друге партнеры, хотя и не равные по положению. Без крестьянских рук земля являлась мертвым капиталом, в то время как самостоятельное ведение своего мелкого хозяйства и наличие орудий труда давали крестьянину известную экономическую независимость.

В связи с указанными основополагающими вопросами добавлю, что, говоря о взаимоотношениях сеньора и крестьянина, стоит иметь в виду, прежде всего, сложность понимания проблемы собственности. Думаю, что, по сути дела, исчерпывающего и однозначного определе-

ния этого понятия, учитывающего не только правоимущественные, но и личностные, и социокультурные его аспекты, можно сказать, до сих пор не существует. Да надо признать, что вряд ли возможно дать такое единое определение, особенно с учетом исторической и региональной динамики этого правового института¹¹².

Известно, что в римском праве и в кодексе Юстиниана, во многом реципировавшего идеи римских юристов, собственность определялась через триаду полномочий. Это, во-первых, право владения (или неотъемлемое обладание вещным объектом, исключающее его насильственное отчуждение извне) – то есть возможность удержания объекта при себе. Во-вторых, право пользования – возможность извлечения из вещного объекта доходов или иных полезных свойств. И, наконец, право распоряжения: возможность изменять вещь, отдавать ее в залог, и главное – отчуждать (продавать, менять, дарить и особенно передавать по наследству). В римском праве к тому же превалировала идея о недопустимости двух прав собственности на объект (или одновременном существовании права на вещь, принадлежащую двум разным лицам).

Но с появлением и развитием феода как пожалования вассалу земли в пользование и распоряжение на условиях военной, административной или придворной службы, в XII–XIII вв. глоссаторам Болонской школы (Ирнерий, Азо, Аккурсий)¹¹³ пришлось приспособить идею о недопустимости двух прав собственности на объект к феодальным реалиям и заимствовать из римского права понятие «узуфрукта».

Узуфрукт это, как известно, вещное право пользования чужим имуществом с присвоением доходов (или их части, оговоренной договором) от этого имущества с условием сохранения его целостности и хозяйственного назначения. Узуфрукт мог выступать в качестве обособ-

¹¹² См. *Филиппов И. С.* Собственность между правом и экономикой // Средние века. М., 2020. Выпуск 81 (1), С. 84–115. В статье показано, что собственность – правовое явление, изучение которого методами юридической науки позволяет узнать очень многое о праве, социуме и экономике древних и современных обществ. А. Я. Гуревич также подчеркивал, что понятие собственности принадлежит к кругу правовых проблем, что она «выступает в виде категории вещного права», владения некоторым объектом (распоряжения им и свободного отчуждения) в соответствии с известной римской формулой «*jus utendi et abutendi*». См.: *Гуревич А. Я.* Избранные труды. В 4-х т. Том 1. Древние германцы. Викинги. М.–СПб.: Университетская книга. 1999. С. 205.

¹¹³ В Англии XIII в. разработкой этих правовых вопросов занимался, как известно, Генри Брактон (ок. 1210–1268).

вания феодальным юридическим нормам и главной среди них – феоду; благодаря наличию этого понятия в феодальном праве в Средние века возник тезис о расщеплении феодальной собственности, поддержанный умами периода Просвещения. Согласно ему, по поводу одного вещного объекта (земли, например), могло возникать два типа «собственности» (владения): *dominium directum*¹¹⁴ и *dominium utile*. Будем иметь в виду, однако, что тезис о расщеплении собственности, при которой верховное распоряжение землей принадлежит феодалу, а правом пользования наделен крестьянин – как писал А. Я. Гуревич, – «фикция юридического мышления нового времени, чуждая как исторической действительности, так и правосознанию Средневековья». Понятия «власть», «присвоение», «владение» подходят к этим отношениям гораздо больше, чем понятия «частная собственность», «верховная собственность», «монополия на землю» и т.п. Для феодальных отношений существенно было установление и поддержание *личной зависимости* (курсив мой – М. В.) крестьян от сеньора в самых различных ее формах: от «сословной неполноправности» до крепостничества в полном смысле этого слова¹¹⁵.

Анализ документов также свидетельствуют о том¹¹⁶, что вряд ли можно говорить об аллодиальном (то есть чисто безусловном, полном, независимом) характере собственности на недвижимость в пределах средневекового манора или сеньории, коррелирующим с понятием «full ownship» – на любом ее уровне. Источники с большой надежностью представляют исследователю мир владельческих иерархий, бытование которого даже и в XVI в. все еще основано на феодальном принципе подчинения «земли земле». Земли, представленные, например, в описях маноров, можно квалифицировать как *fee tail* (юридически

¹¹⁴ При этом *dominium directum* интерпретировалось как верховное владение (собственность), господство и власть, а *dominium utile* – как «подчиненное» правовое состояние.

¹¹⁵ Гуревич А. Я. Указ. соч. С. 221.

¹¹⁶ Винокурова М. В. Правоимущественные отношения в английском маноре XVI – первой трети XVII в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Выпуск 8 (62) «Собственность в средневековой Западной Европе: земля-власть-право». [Электронный ресурс] URL: <http://history.jes.su/S207987840001887-4-1>. Она же. Английский манор XVI – начала XVII в. как мир владельческих иерархий // Концепт-явление «собственность» в общественной структуре западноевропейского Средневековья / Отв. ред. Н. А. Хачатурян. СПб., 2020. С. 210–221.

ограниченное, условное владение) по отношению к их верховному собственнику, королю, так как они принадлежат владельцам поместий на условии административной и военной службы. Лорды поместий представляют собой т.н. *tenants in chief* (*vassals in chief*) и являются владельцами первой руки от короля. В общей иерархии феодального класса их собственность можно представить как условную, отягощенную службой. В то же время – внутри манора и по отношению к зависимому населению – эти же земли являлись и *fee simple* – то есть безусловным владением лордов с полной свободой его отчуждения. И если рассматривать владельческий титул лордов по отношению к подвластному населению, то он наполнялся абсолютным содержанием. Перед лицом своих зависимых крестьян лорд – обладатель свободного, неделимого, безусловного владения, а его право – олицетворение монопольного права на землю как важнейшего средства производства со стороны господствующего класса в целом. Это подтверждается тем простым, но очень важным обстоятельством, что лорды и сеньоры – получатели, а не плательщики ренты, которая сама по себе являлась материальным воплощением их владельческих прав и «властной воли».

Зависимые же крестьяне не являлись, как указывалось, собственниками, а были держателями своих участков (верховным собственником был господин). Однако феодальная собственность (в том числе и в форме *possession*) предполагала такой порядок, в силу которого непосредственный производитель должен был иметь в своем распоряжении средства производства (дом, инвентарь, участок земли) – о чем говорилось выше. В то же время «разделение собственности» на землю и на орудия труда между феодалами и крестьянами сообщали последним известную автономию, породив в средневековом обществе явление «внеэкономического принуждения»¹¹⁷. Явление предполагало насилие над личностью производителя (ограничение в гражданских правах) в качестве средства, которое должно было обеспечить поступление

¹¹⁷ Степень внеэкономического принуждения могла быть различной – от жестких форм личной зависимости (отсутствие свободы в праве наследования или брака, прикрепление к земле, продажа крестьян, физические наказания) до подчинения судебной и административной власти феодала и ограничений в политических правах на общегосударственном уровне (сословная неполноправность). Эти особенности проявлялись, например, в положении английского вилланства, закрепленном юридически в правовой доктрине Г. Брактона. См.: *Барг М. А. Исследования по истории английского феодализма XII–XIII вв. М., 1962.*

ренды. Реализация подобной задачи в условиях западноевропейского варианта развития ложилась по преимуществу на плечи каждого из земельных собственников (не государства). Ситуация диктовала необходимость соединения феодальной земельной собственности с политической властью вотчинника, которые формировали отношения господства (*dominium*) не только над землей, но и над людьми.

Далее. По мере развития феодального, по преимуществу аграрного, общества в его экономике возрастало и развитие ремесел. Именно прогресс в области развития ремесла, в конечном счете, предопределил перспективу развития феодального общества в целом и переход к новой общественной системе с крупным производством – капитализму. «Натуральная» экономика средневекового общества вначале включала соединение сельского и ремесленного труда в главном аграрном секторе хозяйства (например, в маноре¹¹⁸).

Но в результате развития производительных сил происходит разделение труда и постепенная автономизация этих двух сфер производства, что, в свою очередь, вызвало уже с XI в., как считает Н. А. Хачатурян, развитие товарно-денежных отношений. Поэтому назвать натуральную экономику отличительной особенностью феодального общества или ее системообразующим фактором было бы, по ее мнению, некорректно. Хотя крестьянский аграрный мир в условиях денежной ренты не изжил натуральных форм хозяйствования в реализации своих семейных потребностей, тем не менее, феодальная экономика в течение многих веков существовала в рамках товарного производства. И речь в данном случае идет не о «торговле» – внешней или вызванной естественным разделением труда, – которая всегда была известна средневековой Европе, включая ее ранний период. Товарная экономика, основанная на производственном разделении труда, действовала как фактор динамики общества и на определенном этапе – как фактор его разложения.

¹¹⁸ См. Барг М. А. Исследования по истории английского феодализма XI–XIII вв. М., 1962. М. А. Баргу, в частности, на основе статистического анализа Книги Страшного суда и Сотенных свитков, удалось показать, что в изученный им период в «порах манора» развивалось ремесло – благодаря тому, что некоторые крестьяне, «...порвавшие с земледелием, но не порвавшие с манором», занимались ремесленным трудом. Благодаря ранней связи манора с ремеслом и рынком объясняется движение экономики средневековой Англии по пути «опережающего развития» в сравнении с экономиками других стран Запада – что к XVI в. проявилось, в частности, в интенсивной аграрной революции в Англии.

Во-вторых, характеризуя «системную сущность» феодализма, Н. А. Хачатурян выделяет в ней социально-правовую структуру. Она считает, что ее отличало сложное переплетение реальных (вещных) и одновременно персональных социальных связей – сеньориально-вассальных, протекционистских, семейных и клановых; связей личной и поземельной зависимости крестьян от феодалов; корпоративные связи в сельской общине, цехах, гильдиях и сословиях – в той или иной мере получавших правовое подтверждение. Н. А. Хачатурян связывает особенности социальных отношений в указанных группах с «особенностями собственности», которая для исследователя является «не только экономической категорией». В частности, сеньориально-вассальные связи определялись, по ее мнению, условным характером собственности.

Нина Александровна прослеживает в связи с этим исторические формы отношений по поводу собственности, считая, что в западноевропейском варианте феодализма формирование крупной земельной собственности началось в рамках общины, и исторически ее первой формой стал аллод – безусловная и наследуемая собственность. Его развитие шло в двух направлениях: в одном случае происходило превращение в зависимое держание благодаря потере права собственности для части общинников. Другой стороной процесса становилось превращение аллода в крупную собственность, владелец которой реально и тем более формально, ничем не был связан. Его сменила «промежуточная и быстросменяемая форма» – бенефиций, то есть условная собственность, получаемая пожизненно и за военную службу. Бенефиций, в свою очередь, трансформируется в самую развитую форму – феодал или лен; он представлял собой наследственную условную земельную собственность, связанную с несением военной службы и выполнением некоторых других обязательств в пользу вышестоящего сеньора, уступившего (или переуступившего) ему часть своего земельного фонда. Реальное и юридическое разделение собственности оформило ее иерархическую структуру с несколькими уровнями соподчинения среди земельных собственников, связанных вассально-ленными отношениями¹¹⁹. Система вассальных отношений получила правовое оформление, которое отражало более или менее выраженную степень централиза-

¹¹⁹ Хачатурян Н. А. Власть и общество.. С. 297. О проблеме собственности и ее исторических формах см. также: Гуревич А.Я. Избранные труды. В 4-х т. Том 1. Древние германцы. Викинги. М.–СПб., 1999. С. 205–228.

ции, определяя возможности монарха как верховного сюзерена оказывать влияние на эту систему (точнее, контролировать ее). Слабость центральной власти в период оформления системы могла способствовать наиболее жестким нормам частных связей. Так случилось с французским господствующим классом, в среде которого действовал правовой принцип «вассал моего вассала не мой вассал», ограничивавшей взаимодействие монарха с земельными собственниками.

Как показывает сравнительный анализ, развитость вассальных связей была наиболее отчетливо выражена в обществах, где частный сектор в земельном фонде преобладал над государственным. Подобная ситуация стимулировала социальную активность сеньора. Н. А. Хачатурян считает, что в этом смысле показательным мог являться вариант восточной модели общественного устройства, который характеризовала верховная собственность государства на землю. Последняя отличалась от западной модели, где государь располагал лишь номинальным правом верховной собственности. Это не исключало наличия на востоке частных владений (латифундий), однако их позиции были слабыми: земельная собственность обычно контролировалась государством; политические права собственников подвергались ограничениям; социальная иерархия и система вассально-ленных связей были развиты недостаточно.

Таким образом, «собственность» в условиях средневекового общества в действительности являлась «владением». И хотя средневековая правовая мысль сближала условность «владения-собственности» феодалов с «владением-держанием» крестьянина – их реальное содержание принципиально отличалось. Экономическая зависимость крестьянина от сеньора, независимо от различий в юридическом статусе отдельных категорий этой общественной границы, – выводила социальные отношения на уровень классовых, отражающих системообразующее противоречие феодального общества¹²⁰.

Анализ сеньориально-вассальных отношений привел Н. А. Хачатурян к осознанию еще одной важной черты социальных связей в средневековом обществе, сближавшей консолидированную социальную группу владельцев земли с другими стратами, действующими, в частности, в среде непривилегированной части общества. Этой особенностью являлся свойственный средневековому обществу корпо-

¹²⁰ Хачатурян Н. А. Власть и общество... С. 299.

ративизм, то есть включенность человека Средневековья в коллектив и его зависимость от последнего. Отмеченная особенность определялась уровнем незащищенности человеческой личности перед лицом природы и социальных трудностей: «слабость индивида, – как пишет Нина Александровна, – компенсировалась силой коллектива». Так, ремесленники реализовали свое право на труд в качестве членов цеха, сеньоры, в свою очередь, реализовывали свое «право собственности» в рамках сеньориально-вассальных связей, которые, таким образом, тоже организовывали их в корпорацию; отношение к земельным владениям церкви в среде западного духовенства во многом определялось дисциплиной церковной корпорации в целом и уставами монастырей, крестьянство даже и в раннее Новое время (в отдельных регионах Запада) все еще оставалось в рамках сельской общины, которая определяла их производственную деятельность на земле. Корпоративизм как социально-правовое явление был, конечно, характерной особенностью не только феодального, но и всех обществ доиндустриального периода. Однако средневековый западноевропейский вариант развития дал пример выраженного «институционального и юридического оформления этой особенности, а впоследствии и решительного разрыва с ней в капиталистической структуре с ее принципами свободной частной собственности и юридической формулой свободы личности»¹²¹.

В-третьих, характеризуя «системную сущность» феодализма, Н. А. Хачатурян выделяет *политическую структуру* феодального общества – с отличающим ее властным полицентризмом и преобладанием его авторитарной природы. В этом полицентризме просматривается, по ее мнению, некая «дуальная связка»: власть монарха в центре – политическая власть на местах. Последняя могла быть разной: по объему возможностей и природе власти в форме автономии земельного собственника, города и корпораций с их особым юридическим статусом или привилегиями и, наконец, автономии сословий. Линия «автономии сословий» начиная с XIII в. становится постепенно ведущей в социальных и политических связях центра с обществом, не вытесняя до конца другие автономные силы (в частности, автономию вотчинников), но сосуществуя с ними и умножая полицентризм¹²².

¹²¹ Хачатурян Н. А. Общественная система и принцип относительности... // Средние века. М., 2007. Вып. 68 (1). С. 28.

¹²² Там же.

В-четвертых, характеризуя феодализм, Н. А. Хачатурян дает оценку роли *духовной жизни* в феодальной системе. Она считает, что модель западноевропейского *poblesse* равным образом связана как с оформлением земельной собственности, так и с «особым состоянием ума» (*état d'esprit*). Сопряженность духовного и материального мира весьма красноречиво демонстрирует история христианской церкви на средневековом Западе – в форме католической конфессии, роль которой предопределила выраженная религиозность средневековых людей. Их ментальность, как подчеркивала Н. А. Хачатурян, отличали особенности сознания (способность к сакрализации явлений земного мира, универсализм и символизм мышления), а также особенности социализации средневекового человека (сословная принадлежность общности и личности). Исключительная роль католической церкви дала основание некоторым исследователям оценивать ее в качестве системообразующего фактора феодальной системы в целом. Например, Жорж Дюби в своей общей характеристике феодализма называет ее «основным ключом всего свода феодальных отношений» или их главной движущей силой¹²³. О том же свидетельствует ссылка авторов очерка «Феодализм в представлении современных медиевистов» на теорию французского историка Алена Геро, подчеркивающего значение двух основных факторов в развитии средневекового общества: *dominium* (термин, как уже отмечалось выше, определяющий одновременно власть и над землей и над людьми) и *ecclesia* (Церковь не только как институт, но и как форма человеческого общежития – «община верных»)¹²⁴.

Нина Александровна писала о том, что духовенство как сакрализованная часть христианского сообщества в сознании мирян не только воплощало общность в целом, но реализовало непосредственную связь человека и общества с Богом. Церковь находилась в сердце общественных отношений, сама являясь крупным земельным собственником, включенным в экономические и социальные условия их реализации. Она не только выступала в качестве одной из основных политических сил западноевропейского общества вместе с главами национальных государств и империй, но нередко притязала на роль арбитра в конфликтах светского мира и даже на подчинение себе светской власти (спор

¹²³ Duby G. Pour un théorie du féodalisme. P. 2004.

¹²⁴ См.: Дубровский И. В., Уваров П. Ю. Феодализм в представлении современных медиевистов // Всемирная история: В 6 т. М., 2013. Т. 2. Мир в Средние века. С. 31–32.

за инвеституру). Она «являлась важным условием легитимации королевской власти, коронуя и сакрализуя монархов; участвовала в формировании института рыцарства, который консолидировал земельных собственников; контролировала время (годы работы, мира и войны), образование, мораль и культурную жизнь (скульптуру, музыку, живопись, пение), частную жизнь живых (браки, исповедь и причастие, крещение) и мертвых (кладбища, культ предков, отпевание). Даже государственное право (в форме правовой мысли или судебной практики) в качестве фактора исключительного значения в развитии государства и личности испытало на себе влияние канонического права»¹²⁵.

Подводя итоги своей попытке показать многозначность каждой из подсистем «системы феодализма», Н. А. Хачатурян подчеркивала, что ее результаты служат убедительным аргументом в пользу комплексного видения явления. Эти результаты, с одной стороны, корректируют позиции любителей «выборочной тактики», которые предпочитают сводить содержание понятия к какой-то одной стороне явления – чаще всего к отношениям *féodalité* или ментальности, а с другой, – побуждают сторонников «системного видения» признать, что каждая из «подсистем» может стать неким индикатором более частного явления в обширной общественной системе феодальных связей Средневековья. Главное же состоит в том, что в своей «особости» подсистемы всегда несут на себе печать целого, не существуют вне этого целого – разве только в исследовательском поиске ученых¹²⁶.

Более десяти лет прошло с тех пор, как Ниной Александровной была опубликована монография «Власть и общество в Западной Европе в Средние века», содержащая, наряду со многими важными познавательными проблемами, и ее концепцию феодализма, опирающуюся на парадигму системного анализа.

Жизнь, а вместе с ней и наука, не стоят на месте... За истекшее время в этой области появились важные наработки, вносящие дополнительные исследовательские нюансы в изучение указанной важнейшей проблемы, – как самой Ниной Александровной, так и ее коллегами-медиевистами. Так, в Институте всеобщей истории РАН было осуществлено издание фундаментального труда «Всемирная история» (главный редактор – А. О. Чубарьян), второй и третий тома которого

¹²⁵ См. *Хачатурян Н.А.* Общественная система и принцип относительности... // Средние века. М., 2007. Вып. 68 (1). С. 32.

¹²⁶ Там же, С. 33.

посвящены западноевропейскому Средневековью и раннему Новому времени; базовой концепцией томов явилась проблема зарождения и последующего развития феодализма – во всех сферах средневекового общества. Так, в частности, на страницах второго тома («Мир в Средние века»; отв. редактор тома П.Ю. Уваров) присутствуют оригинальные трактовки понятий, связанных с феноменом «феодализм». Это разделы «Феодализм в представлении современных медиевистов»¹²⁷, «"Великая мутация" Запада (X–XII века)»¹²⁸ и некоторые другие. Совсем недавно, в 2019 г., Институтом всеобщей истории РАН было осуществлено второе издание (исправленное и дополненное) этого капитального труда.

Историки-медиевисты проводят также научные конференции (с приглашением коллег из российских университетов и из-за рубежа), в рамках которых обсуждаются важные проблемы, связанные со спецификой феодализма. Так, 17–18 апреля 2017 г. в ИВИ РАН прошла конференция «Собственность в средневековой западной Европе (земля-власть-право)». Организованная Отделом западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени (а также Центром социальной истории) ИВИ РАН, кафедрой истории Средних веков исторического факультета МГУ и научной группой «Власть и общество», она была посвящена как классическим, так и некоторым новым аспектам проблемы феодализма, традиционно представляющей базис отечественной медиевистики. Материалы конференции вышли в сентябре того же года в электронном научно-образовательном журнале «История»¹²⁹ – под редакцией Н. А. Хачатурян и ее коллег. Нина Александровна всегда мечтала, в дополнение к электронной, и о «бумажной версии» (именно так она говорила) этого свода исследовательских работ по проблеме собственности – одной из важнейших в трактовке феодализма на любом временном срезе исследования этой проблемы.

¹²⁷ Дубровский И. В., Уваров П. Ю. Феодализм в представлении современных медиевистов // Всемирная история: В 6 т. М., 2013. Т. 2. Мир в Средние века. С. 19–35.

¹²⁸ Уваров П. Ю., Арнаутова Ю. Е. «Великая мутация» Запада (X–XII века) // Всемирная история: В 6 т. М., 2013. Т. 2. Мир в Средние века. С. 442–497.

¹²⁹ Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Вып. 8(62) «Собственность в средневековой Западной Европе: земля–власть–право» / Отв. редакторы: Хачатурян Н. А., Уваров П. Ю., Винокурова М. В., Кириллова Е. Н., Майзлиш А. А., Цатурова С. К. [Электронный ресурс]

Она очень много работала в этом направлении, взяв на себя организацию этой большой научной работы. Совсем недавно, летом 2020 г., с появлением издания «Концепт-явление «собственность» в общественной структуре Западноевропейского Средневековья»¹³⁰ ее мечта – как и мечта всех нас – тех, кто является авторами этого труда, – осуществилась. Нина Александровна еще успела застать выход этой книги и очень радовалась ему¹³¹.

Продолжим. 16-18 сентября 2019 г. в ИВИ РАН прошел еще один научный форум: «Переосмысление Средневековья или аудит российской медиевистики», в рамках которого наряду со многими важными проблемами Средних веков, обсуждались и проблемы западноевропейского феодализма. Результаты работы двух сессий этой конференции – посвященных проблемам власти в Средние века и «новым интерпретациям» проблемы «феодалного развития» средневекового Запада – были опубликованы в журнале «Средние века»¹³². В ходе работы этих двух сессий были представлены современные трактовки многих важных проблем – в том числе и под углом зрения регионального развития средневековой Западной Европы¹³³.

Отметим также, что ныне в поле изучения феодализма медиевисты помещают и новые трактовки т.н. «старых понятий», примером чему может служить исследование феномена «сейзины». Определяемый в начале XX столетия в исследованиях П. Г. Виноградова и

¹³⁰ См.: Концепт-явление «собственность» в общественной структуре западноевропейского Средневековья / Отв. ред Н. А. Хачатурян. СПб., 2020.

¹³¹ 2 июля 2020 г. мы говорили об этом по телефону; Нина Александровна была в приподнятом настроении; мы намечали дальнейшие творческие планы. А 9 июля ее не стало...

¹³² Ход работы этих сессий представлен в публикациях С. К. Цатуровой и М. В. Винокуровой: *Цатурова С. К.* Власть в средние века: некоторые актуальные тенденции в отечественной медиевистике // Средние века. М., 2020. Выпуск 81 (1). С. 10–20; *Винокурова М.* Что удалось обсудить в ходе сессии по феодализму на конференции «Переосмысление Средневековья или аудит российской медиевистики» // Там же. С. 48–56.

¹³³ См., в частности: *Ауров О. В.* Феодализм как форма организации власти: пример Кастилии и Леона XI – середины XIV века // Средние века. М., 2020. Выпуск 81 (1). С. 57–65; *Он же.* Средневековая власть : начало (на примере римской Испании) // Там же. С. 31–39; *Федоров С. Е., Паламарчук А. А.* Рассуждения о формуле власти // Там же. С. 21–30; *Праздников А. Г.* К вопросу о «бастардном феодализме» // Там же. С. 72–78; *Щеглов А. Д.* Был ли феодализм в Швеции? Там же. С. 79–84; *Срединская Н. Б.* Феодальная собственность? // Там же. С. 66–71.

Д. Г. Петрушевского в качестве эквивалента понятию «собственность», в наши дни этот социально-правовой институт получил современное «прочтение» – как отраженного в средневековом праве своеобразного явления «защищенного свободного владения», на ранних этапах развития Средневековья представлявшего публичный символический акт передачи имущественных прав, но на протяжении развития средневекового общества эволюционировавшего в особое вещное право – не только на имущество (особенно – на землю; как, например, в средневековой Англии), но, – что весьма необычно и малоизвестно, – и на должность (пример Франции XIV–XV в.). Правовые особенности сейзины были исследованы в работах А. А. Касатова, М. В. Винокуровой, С. К. Цатуровой¹³⁴.

Важно и то, что ныне медиевисты по-прежнему не оставляют без внимания разработки зарубежных коллег – в том числе и в области исследования феодализма и его особенностей. На страницах журнала «Средние века» публикуются рецензии, критические обзоры, исследовательские статьи по указанной проблеме. В частности, хотелось бы в этой связи напомнить об интересной работе И. С. Филиппова «Размышления о книге С. Рейнольдс “Феоды и вассалы” и ее восприятии в современной медиевистике». В ней были выдвинуты многие важные вопросы, связанные со Средневековьем, его феодально-вассальной основой, проблемой собственности и другими понятиями правоимущественного характера¹³⁵. Следует также акцентировать внимание на работе П. Ю. Уварова «Территория как проблема: *in ecclesiamento* и/или

¹³⁴ Касатов А. А. Сейзина. Право, власть и общество в англо-нормандском королевстве XI–XIII веков. СПб., 2019; Винокурова М. В. Сейзина в обычном праве малых городов средневековой Англии // Средние века. 2017. Вып. 78 (1-2). С. 115–153; Она же. Исследование института сейзины на страницах журналов «Средние века» и ЭНОЖ «История» // Средние века. М., 2019. Вып. 80 (2). С. 14–43; Цатурова С. К. «Ввести во владение и сейзину должности»: правовые основы возникновения «собственности на власть» во французской королевской администрации XIV–XV вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Вып. 8 (62): «Собственность в средневековой Западной Европе: земля–власть–право» [Электронный ресурс] URL: <http://history.jes.su/S207987840001892-0-1>

¹³⁵ Филиппов И. С. Размышления о книге С. Рейнольдс «Феоды и вассалы» и ее восприятие в современной медиевистике // Средние века. 2015. Вып. 76 (3-4). С. 8–57.

incastellamento в современной французской медиевистике»¹³⁶. В связи с вниманием зарубежных медиевистов к «пространственному повороту» автор статьи выдвинул проблему территории как научной проблемы и, в частности, показал, что особое место в сердцевине социального мира средневекового Запада занимала *ecclesia* в ее различных ипостасях (в том числе и в форме церковного прихода). Так что базовой клеточкой феодальной эпохи могли быть не только сеньория или манор, но также и церковный приход – его церковь, кладбище как освященная территория «общины верных» и форма социальной организации локальных обществ.

Отмечу в заключение, что Нина Александровна, конечно же, не только была в курсе всех указанных разработок в области исследования феодализма (и «проблемы собственности» как его основы) последнего времени. Она, как видно из того, о чем написано выше, активно участвовала в поиске этого «нового». Казалось, время не властно над ней. Пытливость и острота ее ума, его высокий теоретический «уровень», отражавшийся в стиле ее научного письма, стремление к анализу, соединенное с искусством препарировать исторический источник и исторический факт и на этой основе генерировать оригинальные идеи, ее – подчас, казалось, почти физическая – погруженность в Средневековье, в тот особый мир, в котором многим из нас дано судьбой проводить часть своей жизни, ее высокая духовность и соединенная с этой духовностью изысканность внешнего облика всегда давали уверенность в том, что Нина Александровна являла собою человека необыкновенного, по-особому преданного служению науке. Ее всегда отличало исключительное внимание и доброжелательность к людям, к ученикам и коллегам, к их научным изысканиям, к их судьбам. Она останется в нашей памяти не только как крупнейший ученый, но и как истинный интеллигент – порядочный, бескорыстный, отзывчивый, всегда готовый оказать поддержку. Долго будут помниться ее прекрасная улыбка и лучистые глаза. А слова «Я в Вас верю!», которые, думаю, довелось слышать многим из нас, будут помогать быть выше жизненных трудностей, черпать вдохновение в любимой работе, в общении с близкими по духу людьми. Нина Александровна как большой историк, создавший особую научную школу, будет продолжать жить в своих учениках, в своих книгах, в нашей светлой и благодарной памяти о ней...

¹³⁶ Уваров П. Ю. Территория как проблема: *inecclesiamento* и/или *incastellamento* в современной французской медиевистике // Средние века. 2018. Вып. 79 (3). С. 50–73.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА В ТВОРЧЕСТВЕ Н. А. ХАЧАТУРЯН

История средневекового города была не центральным, но и не проходным сюжетом для Н. А. Хачатурян.

К проблемам городской истории – точнее, места города в истории средневековой Западной Европы – Н. А. обращалась в нескольких своих работах, ключевыми из которых были статья в журнале «Вопросы истории» 1983 г.¹³⁸ и объемный раздел о политической организации города в четырехтомном академическом издании «Город в средневековой цивилизации Западной Европы», вышедшем в 1999-2000 гг. под редакцией А. А. Сванидзе¹³⁹. Обе работы в несколько переработанном виде были включены автором в опубликованную в 2008 г. монографию «Власть и общество в Западной Европе в Средние века»¹⁴⁰. Отдельные принципиальные для урбанистики и для средневековой истории вопросы рассматриваются и в других ее исследованиях: социальная

¹³⁷ Кириллова Екатерина Николаевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; kkirillova@mail.ru

¹³⁸ Хачатурян Н. А. Город в системе феодальной формации // Вопросы истории. 1983. №1. С. 69–84.

¹³⁹ Хачатурян Н. А. Политическая организация средневекового города // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Отв. ред. А. А. Сванидзе. М., 1999. Т. 1. Феномен городского урбанизма. С. 313–340.

¹⁴⁰ Хачатурян Н. А. Город в системе феодальных отношений // Она же. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008. С. 46–61; Хачатурян Н. А. «Вольный город» и городское сословие (формы самоорганизации городской общности) // Она же. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. С. 62–91.

активность горожан, роль мелкого производства и другие¹⁴¹, но здесь прежде всего речь пойдет о статье 1983 года.

Причины такого выбора состоят в том, что именно в этой работе сосредоточены основные идеи Н. А. о месте города в истории Средневековья и дано их обоснование, а также в том, что эта работа рассматривалась самим автором как ключевая в ее творчестве в плане обращения к урбанистической проблематике.

Н. А. имела вкус к теоретическим построениям и умела увидеть общую картину развития науки. Размышляя о своей работе 1983 г., она обозначила ее место и значение, подчеркнув, что эта статья «закрывает» дискуссию о феодальной или нефеодальной природе средневекового города, «переведя решение проблемы из традиционной для споров среды товарных отношений в сферу производства, форм собственности в городе и положения производителя»¹⁴². Посчитав необходимым зафиксировать свою позицию и свое новаторство, но не желая вносить радикальные изменения в выстроенное ранее изложение, она поместила эту характеристику, принципиальную для нее, в примечание, а не в основной текст монографии.

Занимаясь подготовкой этого раздела, я сопоставила две редакции работы о средневековом городе, 1983 и 2008 гг., которые разделяет смена парадигмы в истории отечественной науки. Успешная и долгая научная жизнь профессора Хачатурян дает возможность увидеть, как ученый подходит к своим собственным исследованиям, как воспринимает свои собственные идеи, созданные в другую эпоху и по иным правилам, впоследствии «вышедшим из обращения», в свете новых научных подходов.

Проведенное сопоставление позволяет не только проследить преемственность позиции исследователя и развитие высказанных ею идей, но и обнаружить ряд знаковых расхождений. Прежде всего, и это было неизбежным следствием изменений в исторической науке и в общественной жизни, определение «формация» исчезло и из названия работы, и почти полностью из текста, будучи замененным на ряд других, — хотя не во всех случаях. Там, где в 1983 г. был использован тер-

¹⁴¹ О значении этой проблематики в творчестве ученого см.: *Цатурова С. К.* Нина Александровна Хачатурян: портрет ученого в зрелости // *Искусство власти. Сборник в честь профессора Н. А. Хачатурян* / Отв. ред. О. В. Дмитриева. СПб., 2007. С. 20–21.

¹⁴² *Хачатурян Н. А.* Город в системе феодальных отношений. С. 46. Прим. *. См. также: *Цатурова С. К.* Указ. соч. С. 20.

мин «формация», в 2008 г. появился целый спектр понятий: «отношения» (в заголовке), «общество», «система», «экономическая система» и «структура». Последнее понятие виделось автору предпочтительным, оно вводилось с помощью уточнения «говоря более современным языком»¹⁴³. Замене подлежал не только термин «формация», но и производная от него дефиниция «формационный», вместо которой теперь использовалось определение «стадиальный».

Однако в некоторых ситуациях «формация» как концептуальное понятие сохранилась, поскольку другие термины оказались неприменимы: когда речь идет о «формационном единстве» города и деревни, о «характеристиках феодальной формации», об «основных компонентах в социально-экономической характеристике феодальной формации – типе производителя и производства, а также организации, с помощью которой производитель реализует собственность» (выделенные курсивом слова добавлены в 2008 г.)¹⁴⁴.

Изменение терминологии позволяет более отчетливо говорить о том, как именно Н. А. представляла формацию. Этот термин выступал всеобъемлющим определением, охватывавшим разные стороны общественного бытия: и экономику, и социальную составляющую, и этапность в развитии общества как живого организма («стадиальный»), и, самое главное, его цельность («система», «структура»). Вынужденная сменой парадигмы замена терминов потребовала от автора четкой расстановки акцентов при каждом словоупотреблении, строгой оценки разных сторон сложной, но в то же время цельной и гармоничной, как видела ее Н. А., системы общественных отношений. Ей она посвятила большую работу, которая вышла в 2007 г. в академическом журнале «Средние века», а в книге 2008 г. предстала заключительным аккордом¹⁴⁵, позволив всему труду о власти и обществе в эпоху Средневековья завершиться фразой об «общественной системе, которые многие предпочитают по-прежнему называть “феодализмом”»¹⁴⁶.

¹⁴³ Хачатурян Н. А. Город в системе феодальных отношений. С. 49.

¹⁴⁴ Там же. С. 71, 73, 83. Хачатурян Н. А. Город в системе феодальных отношений. С. 48, 50, 57.

¹⁴⁵ Хачатурян Н. А. Общественная система и принцип относительности. К вопросу о содержании концепт-явления «феодализм» // Средние века. 2007. Вып. 68 (1). С. 6–35; Она же. Общественная система и принцип относительности. К вопросу о содержании концепт-явления «феодализм» // Она же. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. С. 285–309.

¹⁴⁶ Там же. С. 307.

Этому термину также следует уделить внимание, говоря об эволюции взглядов исследователя: «феодализм» являлся еще одним синонимом «феодальной формации», и проведенное сопоставление показало, что его употребление в работе 2008 г. во всех случаях точно совпадает с текстом 1983 года.

Присущее современному этапу познания «ощущение относительности знаний» подчеркивалось Н. А. в необходимости более строгого различения разных уровней познания, и в общественной системе она выделяла совокупность компонентов, «пребывающих в стабильно повторяющихся связях», различая сущностное содержание системы, модель, «раскрывающую механизм функционирования системы», и конкретную «картину общества»¹⁴⁷, что позволило ей создать и ввести в научный оборот понятие «концепт-явление». Феодализм рассматривался ею именно в таком качестве.

Основным стремлением автора в статье 1983 г. было определение места города в феодальном мире – как его органической части, не ломавшей сложившуюся систему отношений, а гармонично встроенной в нее. Позднее, в опубликованной к юбилею А. А. Сванидзе работе, Н. А. подчеркивала, что город был и «активным участником самого процесса генезиса новой системы отношений, ее сущностной... структурой»¹⁴⁸, однако непосредственно к раннему городу Н. А. не обращалась.

Добавлю, что в варианте 2008 года из первоначального текста статьи 1983 г. были исключены объемные пассажи об общине в целом и о городской общине¹⁴⁹; определение «общинная» (организация) автор заменила на «общественную» и, соответственно, «общину» на «общность»¹⁵⁰, что, с одной стороны, позволило более концентрировано выразить идеи об экономической составляющей специфики средневекового города, но, с другой, несколько ограничило изначально задуманный контекст изложения. Неизменной сохранилась фраза из статьи 1983 г. о «разложении» такого явления как город: «когда город уже сложился как явление и, достигнув своего расцвета, еще не вступил в

¹⁴⁷ Там же. С. 290–291.

¹⁴⁸ *Хачатурян Н. А.* А. А. Сванидзе – личность, труды, поколение // СВ. Вып. 61. М., 2000. С. 21.

¹⁴⁹ *Хачатурян Н. А.* Город в системе феодальной формации. С. 78–80, 82–83.

¹⁵⁰ Там же. С. 82, 83; *Хачатурян Н. А.* Город в системе феодальных отношений. С. 56, 57.

полосу разложения»¹⁵¹, что следует воспринимать в контексте «разложения» феодализма, но никак не города как феномена мировой истории. Задав вопрос о том, когда «разложился», например, Париж? – исследователь не мог бы не усомниться в справедливости идеи расцвета или стадильности в том виде, как она представлена в двух редакциях текста.

Основной пафос статьи 1983 года был направлен против позиции С. М. Стама, который в своих работах развивал противоположные идеи, полагая город автономным и принципиально отличным в рамках феодальной системы¹⁵². К 2008 году такой взгляд на историю города представлял собой, скорее, историографический феномен и не был близок новым поколениям исследователей, однако Н. А. считала нужным сохранить полемическую направленность неизменной. Имя С. М. Стама в тексте статьи 1983 года не было названо, присутствуя лишь в примечаниях, что, вероятно, может вызвать у современного читателя недоумение. Я вижу в этом деликатность автора, хорошо знавшей, чем были и к чему приводили публичные разоблачения «неверных» позиций в советской науке. Историк скажет, что в этом отношении 1980-е годы представляли уже другую эпоху, но для современника это были весьма недавние события, памятные их участникам и свидетелям. И следует безусловно добавить то, что ссылки на труды С. М. Стама присутствуют у Н. А. рядом с другими работами отечественных историков о средневековом городе¹⁵³.

Общую характеристику развития отечественной историографии – а именно, в области истории средневекового западноевропейского города, – составленную ею на начало 80-х годов, в 2008 г. Н. А. оставила неизменной, поскольку речь шла о советской урбанистике, к этому моменту ставшей феноменом прошлого. Она выделила и расширение географии исследований западноевропейского города, что было логично и необходимо для выхода за пределы двух наиболее изученных вариантов (французского и немецкого), и углубление научного анализа, охарактеризованное ею как научная конкретность вместо «компи-

¹⁵¹ Там же. С. 49.

¹⁵² Там же. С. 48–49. Город, как полагал автор, не был «сущностно феодальным» (Стам С. М. Некоторые актуальные вопросы изучения истории средневекового города // Средневековый город. 1981. Вып. 6. С. 8. Цит. по: Хачатурян Н. А. Город в системе феодальных отношений. С. 60).

¹⁵³ Там же. С. 48. Прим. 7; С. 52. Прим. 27.

лятивности и схематизма» предшествующих работ, а также усложнение исследовательских методик. При этом главная для нее проблема природы средневекового города оценивалась как «сквозная»¹⁵⁴, что нуждается в пояснении и, мне представляется, должно быть понято здесь как присутствовавшая во всех урбанистических работах, но при этом представленная неполно, неосновательно, без углубленного понимания сути вещей – что и вызывало у нее потребность ответить на отчетливо звучащий вызов. Природа процесса, явления, института всегда интересовала исследователя, и отсылка к природе – к сущности процесса или явления – в определении ее позиции служила последним аргументом и достаточным основанием (*principium rationis sufficientis*).

Принципиально важными представляются размышления ученого о высказанной в работах отечественных исследователей идее «об изменении сферы труда в городе», когда земля перестала служить основным средством производства, а хозяйство ремесленника не производило земельной ренты. С ее точки зрения, подобная позиция вела к заключению об «отрыве города от феодальной системы», о его автономности и его выводе за пределы формации или, в 2008 г., – «за пределы средневековой общественной структуры»¹⁵⁵. Н. А. не занималась детальным исследованием сферы производства: эта проблематика интересовала ее в теоретическом плане. Обращаясь к ней, она подчеркивала: если земля и не являлась средством производства, то была условием жизни и труда горожанина¹⁵⁶. Однако такое качество, как «условие жизни и труда», земля имела не только в Средневековье, что выводит данную оценку за рамки достаточной и необходимой аргументации в решении вопроса о природе средневекового города. Противоположную позицию – зависимость города от земельной собственности – Н. А. аргументировала видоизменением ренты как формы реализации феодальной собственности: фиксированный ценз, который шел в казну города, происходил из прямого поземельного побора «за право жить и трудиться на земле»¹⁵⁷.

Н. А. пришлось провести целое расследование, чтобы разъяснить обозначенный Марксом «землевладельческий» характер собствен-

¹⁵⁴ Там же. С. 46–47.

¹⁵⁵ Там же. С. 48. Здесь необходимо уточнить понятия: речь идет все же не о «сфере труда», охватывающей рынок рабочей силы и непосредственное использование трудовых ресурсов в общественном производстве, а о «сфере производства».

¹⁵⁶ *Хачатурян Н. А.* Город в системе феодальных отношений. С. 53.

¹⁵⁷ Там же.

ности в городе. Этот автор был краток в своих определениях, тогда как Н. А. полагала необходимым расшифровывать скрытое, но подразумевавшееся, и содержательно и непротиворечиво, на конкретно-историческом материале эпохи Средневековья, раскрыть суть такого характера. Не занимаясь ни историей конкретных городов, ни экономическими сюжетами, ни ремеслом, ни торговлей, ни городским землевладением, Н. А. подходила к рассматриваемым проблемам с иными инструментами.

Логика объяснения этого, «безусловно, неоднозначного», как она его видела, определения со временем для нее изменилась. В 1983 г. на первое место она выдвигала «специфическую (корпоративную) форму собственности в городе»¹⁵⁸. В 2008 г. это место, хотя только по порядку перечисления, а не по значимости, занял «примитивный, особенно на первых порах, характер орудий труда в городе»¹⁵⁹. «Корпоративные формы собственности» стали вторым критерием¹⁶⁰. А основным аргументом, подтверждавшим «землевладельческий» характер городской собственности, была выдвинута зависимость двух видов собственности (земельной и корпоративной, если следовать тексту), в статье 1983 г. выступавшая не ключевой, а одной из характеристик. Она проявлялась в «выраженном аграрном характере средневековых городов»: значительном удельном весе аграрных занятий в экономике даже крупных городов и в целом в «неполном отделении ремесла от сельского хозяйства»¹⁶¹.

¹⁵⁸ *Хачатурян Н. А.* Город в системе феодальной формации. С. 75.

¹⁵⁹ Такое определение можно рассматривать только в качестве «относительного»: средневековые инструменты, как и приемы, бывали сложны, с одной стороны, а с другой, как и современные, унаследовали идеальные формы, найденные в очень далеком прошлом: скребок, веретено, топор, игла, молоток и многие другие не «становятся» примитивными из-за того, что позднее были изобретены станки. И к какому периоду истории следует тогда относить иной, не-«примитивный» характер орудий труда, слитый в оценках Н. А. с другим критерием – «ручным трудом»? См.: *Хачатурян Н. А.* Средневековый корпоративизм и процессы самоорганизации в обществе. Взгляд историка-медиевиста на проблему коллективного субъекта // *Она же.* Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008. С. 33, 35; *Она же.* Проблема «материального соблазна» в историческом знании конца XIX – начала XXI столетий (лимиты и достижения) // Концепт-явление «собственность» в общественной структуре западноевропейского Средневековья / Под ред. Н. А. Хачатурян. СПб., 2020. С. 38.

¹⁶⁰ *Хачатурян Н. А.* Город в системе феодальных отношений. С. 52.

¹⁶¹ Там же.

Исследователь приводит данные о населении средневековых городов в Западной Европе, подчеркивая, что 75% из них «остановились на полпути между городской и сельской жизнью», однако не высказывает сомнений в том, что такие поселения были «городами». Автор не ставит вопроса о том, что определяет город – это не было ее задачей, и кроме количества жителей в работе возникает лишь такой критерий, как соотношение земледельческих и неземледельческих занятий его жителей. Однако менялась ли природа города вследствие того, что горожане занимались земледелием?¹⁶² Или от того, что им занимались подавляющее большинство горожан? .

Полностью цитата из работы Маркса, на которую ссылалась Н. А., звучит следующим образом: «сама промышленность, ее организация и соответствующие ей формы собственности имеют в большей или меньшей степени землевладельческий характер; промышленность или целиком зависит от земледелия, как у древних римлян, или, как в средние века, она в городе и в городских отношениях имитирует принципы организации деревни. Сам капитал в средние века – в той мере, в какой он не есть чисто денежный капитал, – имеет в виде традиционных орудий ремесла и т. д. этот землевладельческий характер»¹⁶³.

Это «Экономические рукописи 1857–1859 годов», первоначальный вариант «Капитала». Принятые в отечественной науке традиции оформления ссылок на работы К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина позволяли современникам легко «прочитывать» отсылки, в которых не назывались сами работы. Все и так знали, что 3 том собрания сочинений – это «Немецкая идеология», а 23 – первый том «Капитала». В данном случае автор четко обозначила работы, на анализе которых было основано ее исследование, как «Экономические рукописи», так и другие¹⁶⁴, хотя позднее, в тексте 2008 г., она исключила этот абзац. Подчеркну, что мы имеем дело с предварительными набросками Марк-

¹⁶² О трудностях определения самой многочисленной категории городских центров Средневековья – малых городов, и о разных видах деятельности их жителей см.: *Анисимова А. А.* Малый город в Средние века: определение и особенности развития // *Средние века*. 2019. Вып. 80 (2). С. 64–95. О роли ремесла в средневековом городе: *Кириллова Е. Н.* Средневековый город: о новых старых критериях // *Средние века*. 2017. Вып. 78 (3). С. 77–93.

¹⁶³ *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 годов // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. М., 1968. Т. 46, ч. 1. С. 44.

¹⁶⁴ *Хачатурян Н. А.* Город в системе феодальной формации. С. 72–73.

са, текстами, которые не предполагались к публикации¹⁶⁵ и служили фиксации прочитанного, размышлениям и оттачиванию авторской позиции. И это – опять же, в исключенном абзаце – было указано Н. А., полагавшей, что подобные наброски «позволяют глубже понять идеи Маркса и Энгельса относительно докапиталистических формаций, места феодальной формации и специфики феодальной собственности»¹⁶⁶. Если подходить к приведенному отрывку не как к аксиоме и устоявшимся убеждениям, а как к свидетельству о процессе осмысления и как к историческому источнику, то очевидно, что его автор *всё* перечисленное им оценивал как имевшее «землевладельческий» характер: не только собственность, но и промышленность, и ее организацию, и даже капитал. Маркс начинает с «пастушеских народов», а вся фраза посвящена «народам с оседлым земледелием», что свидетельствует о таком движении его мысли, когда он стремится охватить весь путь развития человечества, никак не концентрируясь на эпохе Средневековья, а двигаясь от начала земледелия и оседлости (для Маркса – от античности) к буржуазному обществу. «Конечной целью исследователя», т.е. Маркса, был «анализ капиталистического способа производства»¹⁶⁷. Это соображение из статьи 1983 г. Н. А. впоследствии исключила, переформулировав его в 2008 г. следующим образом: «экономическая история феодального общества... не являлась главным объектом этих исследователей, интересуя их по преимуществу в качестве предыстории современного им капитализма»¹⁶⁸. Исследователь акцентирует одну из базовых характеристик анализируемого ею текста, определяющую истинные задачи Маркса, среди которых не было потребности в изучении эпохи Средневековья и в выявлении его специфики.

Идея о «землевладельческом» характере была для ее автора мимолетным соображением, не получившем дальнейшего развития, и современное научное знание в ней вряд ли нуждается, как идея непродуктивной уже для ее создателя: если обратиться к «Капиталу», как итоговому произведению, где предварительные наброски обрели

¹⁶⁵ «Эти рукописи были впервые полностью опубликованы на языке оригинала Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1939–1941 гг.» ([Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС] Предисловие // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. Т. 46, ч. 1. С. V).

¹⁶⁶ *Хачатурян Н. А.* Город в системе феодальной формации. С. 72.

¹⁶⁷ Там же. С. 78.

¹⁶⁸ *Хачатурян Н. А.* Город в системе феодальных отношений. С. 49.

окончательное и наиболее соответствующее концепции автора выражение, то ни характеристики «землевладельческий», ни ее эквивалентов в указанном выше контексте в «Капитале» *вообще нет*. Подчеркну еще раз *характер* «Экономических рукописей» Маркса – и человеку пишущему особенно близко понимание того, как осторожно следует подходить к идеям из неопубликованного и не предназначавшегося к публикации произведения, а также – *контекст* приведенного выше высказывания, именно для историка наполненный красными флажками. Медиевист, получивший прекрасное образование у ведущих специалистов, умный и тонкий исследователь, умеющий видеть явление в его конкретике, контексте, развитии, перспективе и – что было ее страстной потребностью – сути, Н. А. Хачатурян оценила эти базовые для исторического исследования особенности источника, на котором были основаны важнейшие для нее выводы: работы Маркса и Энгельса для нее не были выведены за пределы категории «исторический источник», она анализировала их именно таким образом.

Наброски Маркса были интересны Н. А. тем, что давали основу для ее собственных построений. Особенно ярко это видно, если проследить логику исследователя в объяснении, которое Н. А. предлагала для понимания собственности городского ремесленника как «естественно сложившегося капитала», в соответствии с определением, данным Марксом и Энгельсом в «Немецкой идеологии», написанной – уточню – в 1845–1846 гг., впервые опубликованной только в 1932 году, однако, в отличие от «Экономических рукописей», произведения законченного и подготовленного к изданию.

Н. А. указывала, что Маркс и Энгельс подчеркивали «условность этого термина применительно к средневековому городу»¹⁶⁹, однако в реальности такой акцент делали не они, а она сама, стремясь соединить высказанное классиками соображение о составе этого капитала (жилище; инструменты и «естественно сложившаяся» клиентура) с их же идеей о неотделимости этого капитала от его владельца и потому капитала «сословного».

Вывод о том, что главное богатство ремесленника составлял его труд, тоже принадлежит Хачатурян, а никак не Марксу или Энгельсу, не выделявшим труд в качестве ключевого элемента в понимании специфики средневекового городского ремесла: их мысль заключалась

¹⁶⁹ Там же. С. 55.

в идее о капитале, который «был непосредственно связан со вполне определенным трудом владельца» (этого капитала)¹⁷⁰.

Но выстроенная Н. А. логика позволяла ей провести линию от «естественно сложившегося» и «сословного» капитала к идее об ограничении ремесленника в его возможности трудиться – и далее к сословно-корпоративному характеру городской собственности – понятию, которое отсутствовало у Маркса. В «Экономических рукописях» сказано: «существенный характер цехового корпоративного строя (ремесленного труда, конституирующего субъекта труда в собственника) следует рассматривать с точки зрения отношения к орудию производства (орудию труда как собственности) в отличие от отношения к земле (к первоначальному сырью) как к своей собственности», а также: «разложение таких корпоративных отношений, которые предполагают и собственность работника на орудие труда, и его собственность на самый труд как определенную ремесленную сноровку (а не только труд как источник собственности)»¹⁷¹. В «Немецкой идеологии»: «Этой феодальной структуре землевладения соответствовала в городах корпоративная собственность, феодальная организация ремесла»¹⁷².

Принципиальную важность для позиции Н. А. имело разделение Марксом двух исторических состояний собственности, второе из которых предполагало «параллельное с земельной собственностью и автономное существование собственности на орудия труда», что и было воплощено в средневековом городе. Именно собственность на орудия труда в этот период, по мнению Н. А., «проявила свою феодальную природу в характере мелкого производства и типе непосредственного производителя, наделенного орудиями труда»¹⁷³. Н. А. исключительно выделяла роль «зависимого мелкого и основного производителя» как «системообразующего элемента общественных отношений» в эту эпоху¹⁷⁴, в другом месте этой работы определяя его как «зависимого мелкого производителя», что соответствовало состоянию производительных сил в целом и обеспечивало заинтересованность производителя (здесь – именно крестьянина) в результатах своего труда, точнее –

¹⁷⁰ Там же; Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. М., 1955. Т. 3. С. 52.

¹⁷¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. С. 490, 493.

¹⁷² Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. С. 23.

¹⁷³ Хачатурян Н. А. Город в системе феодальных отношений. С. 54–55.

¹⁷⁴ Хачатурян Н. А. Общественная система и принцип относительности. С. 306.

взаимную заинтересованность собственника и производителя друг в друге, и выражалось в невозможности одного иметь, а другого – пользоваться тем, что у них было¹⁷⁵. «Ремесленник в городе тоже являлся мелким производителем, имеющим в собственности орудия труда», и потому, по типу соединения собственности с трудом город «оставался в рамках “феодальности”»¹⁷⁶, будучи органичным для этой общественной системы.

В вышедшей в 2020 г. статье, представляющей собой переработанный текст ее доклада 2017 года на конференции «Собственность в средневековой Западной Европе (земля – власть – право)», Н. А. развернула свою мысль, рассмотрев феномен «разделенной» собственности, «разделенность собственности на землю и орудия труда» и «“деление собственности” на уровне общественного производства»¹⁷⁷, но основной акцент в работе был сделан на земельной собственности, а не на средневековом городе.

Говоря о корпоративном характере собственности, Н. А. вслед за Марксом называла «конституирующим элементом данного вида собственности специальный навык ремесленника, его искусство, мастерство, утверждающее этого ремесленника собственником орудия»¹⁷⁸. Главное богатство ремесленника она усматривала в его способности и возможности трудиться, которая «не была безусловной», так как была ограничена необходимостью «войти в состав цеховой организации» – с оговорками о разных формах проявления корпоративного характера собственности: это не обязательно должен быть именно цех, ремесло могло регулироваться и городским магистратом¹⁷⁹. Возможно, что в развитие именно этой логики – рассматривать корпоративность в связи с производственными отношениями, а не с общиной – ею и были исключены в 2008 году разделы об общине.

Слова Маркса о том, насколько «в условиях цехового строя» орудие труда «срослось с самим живым трудом» и «по-настоящему еще не втянуто в обращение» (из «Экономических рукописей»)¹⁸⁰, также вос-

¹⁷⁵ Там же. С. 296–297.

¹⁷⁶ *Хачатурян Н. А.* Город в системе феодальных отношений. С. 51.

¹⁷⁷ *Хачатурян Н. А.* Проблема «материального соблазна» в историческом знании конца XIX – начала XXI столетий. С. 46–47, 51.

¹⁷⁸ *Хачатурян Н. А.* Город в системе феодальных отношений. С. 56.

¹⁷⁹ Там же. С. 55–56; С. 61. Прим. 44.

¹⁸⁰ Там же. С. 61. Прим. 40; *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 годов. С. 496.

принимались ею и отечественной медиевистикой как базовая характеристика ремесла в средневековом городе. В учебнике истории средних веков 1952 г.¹⁸¹ подчеркнуто наследование семейных занятий ремесленников, связи ремесленника с его мастерской, и приведена цитата из «Капитала», где эта связь уподобляется «улитке с раковиной»¹⁸². Однако какова мера такой «сращенности» или, используя выражение из статьи Н. А., «единства труда и собственности в ремесле»¹⁸³? И не противоречит ли данная идея «базовому» тезису об автономности собственности на орудия труда, имевшей исключительное значение для средневекового города и в целом для перспектив общественного развития?

Н. А. это противоречие видела, но определяла его как «кажущееся», что аргументировала необходимостью при рассмотрении форм собственности «оценивать не только отношение человека к... средствам производства, но и отношения между людьми, собственниками и несобственниками орудий труда»¹⁸⁴. И далее излагала идею о труде, как главном богатстве ремесленника.

Я произвела перестановку, рассмотрев эту идею выше, чтобы акцентировать значение, которое Н. А. – в тексте 1983 г. – отвела человеческим отношениям, рассматривая вопрос о собственности.

Итак, «в реализации своего труда производитель выступал как собственник и в то же время как непрменный член объединения таких же, как он, производителей, вне которого они не могли реализовать свою способность трудиться и уставу которого они подчинялись»¹⁸⁵. Именно таким образом она понимала сословно-корпоративный характер собственности, и именно в таком отточенном выражении эта идея повторялась ею для учеников. Я проверила себя, обратившись и к учебнику, и к изданию «Город в средневековой цивилизации Западной

¹⁸¹ Н. А. Денисова защитила диплом в 1955 г., но, возможно, изучала историю Средневековья не по этому, а по предыдущему учебнику, 1941 года.

¹⁸² История средних веков / Под ред. ак. Е.А. Косминского и чл.-корр. АН СССР С. Д. Сказкина. М., 1952. Т. 1. С. 270. Глава 10 «Экономическое развитие Западной Европы с XI в. Возникновение и рост средневековых городов» была написана Е. А. Косминским и Я. А. Левицким.

¹⁸³ Хачатурян Н. А. Город в системе феодальных отношений. С. 55.

¹⁸⁴ Там же. Полагаю, что отмеченное противоречие нуждается сейчас в более глубоком исследовании.

¹⁸⁵ Хачатурян Н. А. Город в системе феодальных отношений. С. 56.

Европы», где нет таких формулировок, хотя я была уверена в том, что встречала их в этих книгах.

Университетский учебник «История Средних веков» говорит о «корпоративно-сословном, феодальном в своей основе характере городского строя»¹⁸⁶. В большом вступительном разделе к четырехтомнику о средневековом городе А. А. Сванидзе отметила, что «город утвердил бытие и значение мелкой и средней собственности, основанной не на обладании землей, а на личном труде и товарном обмене. Эта собственность также имела характерный для эпохи корпоративный характер, но в известных моментах была менее условной»¹⁸⁷. Приведенный пассаж находится в середине абзаца, начинающегося с упоминания коммунального движения, а заканчивающегося политической централизацией и складыванием народностей – он не выделен в особый раздел, его можно найти, только если специально искать.

В контексте всего вышесказанного совершенно неудивительно то, что феномену средневекового корпоративизма Н. А. посвятила отдельную главу в книге 2008 года¹⁸⁸, специально для нее написанную, открывавшую раздел о проблемах социальной истории и предпосланную главе о средневековом городе. Целью анализа была характеристика средневекового корпоративизма как «социального феномена, который отображал зависимость человека от коллектива, превращая его в “несвободного субъекта”»¹⁸⁹. Н. А. определяла эту зависимость как многозначную, оценивала ее как своеобразное «внеэкономическое принуждение», отражающее именно «средневековую» форму «общественной природы» человека, подчеркивая – и сегодня хорошо знакомого с разными формами сотрудничества (а можно сказать и иначе – зависимости), однако, среди «юридически свободных и равных в своих правах индивидов»¹⁹⁰.

¹⁸⁶ Сванидзе А. А. Возникновение и рост средневековых городов // История средних веков / Под ред. З. В. Удальцовой и С. П. Карпова. М., 1990. С. 199; Сванидзе А. А. Возникновение и рост средневековых городов // История Средних веков / Под ред. С. П. Карпова. М., 2008. Т. 1. С. 288.

¹⁸⁷ Сванидзе А. А. Средневековые города Западной Европы: некоторые общие проблемы // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 1. С. 30.

¹⁸⁸ Хачатурян Н. А. Средневековый корпоративизм и процессы самоорганизации в обществе. Взгляд историка-медиевиста на проблему коллективного субъекта // Она же. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. С. 31–45.

¹⁸⁹ Там же. С. 33.

¹⁹⁰ Там же. С. 33–34.

В этой работе были рассмотрены разные виды средневековых корпораций, с акцентом на соединении «двух начал – субъективного и объективного, личного и вещного»¹⁹¹. Автор начинает с «корпоративной общности феодалов» или «земельных собственников», как они обобщенно определяются далее, – дворянства и духовенства, которых рассматривает в их цельности, и я бы сказала, скорее, как класс и сословие, чем как «корпорацию». Затем автор переходит к крестьянству, формы корпоративности которого она описывает в совершенно иных масштабах – через общину, и далее – к горожанам, ремесленникам и купцам, продемонстрировавшим «наиболее динамичные и сложные по сравнению с крестьянством профессиональные и социальные формы общественной жизни»¹⁹². Здесь рассматриваются ремесленные цехи, купеческие гильдии, городская община и «наиболее крупные объединения – патрициат и бюргерство»¹⁹³.

Принципиально отличные масштабы «корпораций» не позволяют заменять это определение на принятый для него в исторической науке синоним «сообщество», но дают возможность говорить о том, что для исследователя термин «корпорация» послужил равноценной заменой «классам» и, возможно, «социальным слоям». Однако – не «сословиям», которые рассматривались ею традиционно, как социальные группы с особым юридическим статусом в обществе, которые «увенчали исконно присущий ему корпоративизм в наиболее сложном варианте воплощения явления в контексте как его структурной формы, так и его политической роли»¹⁹⁴. Органы сословного представительства в этом контексте оценивались ею как «кульминация творческого потенциала средневековой корпоративности» и одновременно как проявление «сословной самоорганизации общественных сил и... волевое начало, заложенное в сословной структуре общества»¹⁹⁵.

Характерными особенностями средневекового корпоративизма Н. А. называет следующие: «институциональная оформленность корпоративных форм», «юридическая оформленность корпораций» и, наконец, «волевая активность и выраженная изначальная инициативность, присущие западноевропейским корпорациям»¹⁹⁶.

¹⁹¹ Там же. С. 36.

¹⁹² Там же. С. 38.

¹⁹³ Там же. С. 38–39.

¹⁹⁴ Там же. С. 40.

¹⁹⁵ Там же. С. 41.

¹⁹⁶ Там же. С. 39–40.

Все это очевидным образом демонстрирует исключительное стремление исследователя отойти от «экономического детерминизма», присущего марксизму, и одновременно не ограничивать себя юридическими критериями в определении социального статуса группы, а дать уникальную для современной исторической науки обобщающую оценку средневековой специфике социальной системы. В этих характеристиках она стремилась кратко и одновременно предельно емко охватить не только ощутимые и очевидные итоги социальных, а также политических и экономических процессов, но и возможности, и – подчеркну – потребности отдельных индивидов и сообществ, как состоявшихся, так и не сложившихся.

Обобщая свои идеи, Н. А. указывала, что корпоративизм обеспечивал средневековому человеку «другую среду», помогая ему сопротивляться и выживать в сложном и часто враждебном окружении, но, самое главное, он формировал «социальную зрелость средневекового общества»¹⁹⁷. Многочисленные отсылки к социологической науке в работах Н. А. позволяют и мне оценить эти характеристики в понятийной системе современной социологии как близкие такой категории как «социальный капитал», при всем разнообразии в его понимании специалистами – социологами и историками¹⁹⁸.

Перечитывая работу 1983 г., не могу охарактеризовать ее иначе как сложную, в первую очередь, по логике изложения идей. В нее надо вчитываться или, если сказать иначе, отнестись к ней так же, как к историческому источнику. В академических работах предполагается, что позиция, не подкрепленная отсылкой, принадлежит автору. Но построение текста, насыщенного цитатами из трудов Маркса и Энгельса, постоянные отсылки к ним и показательное стремление прояснить их идеи, значительно усложняют выявление личной позиции автора, вероятно, еще и потому, что реперные точки, упрощавшие такую задачу для читателя, автором не были проставлены ни в 1983 г., ни позднее, в 2008 г.

Н. А. была ученым, имевшим собственную позицию, творческое теоретическое видение, и внимания заслуживает как формирование этой позиции, так и ее пересмотр – несомненно, концептуальный. Ею двигало стремление к преодолению «монизма» любого рода, модели-

¹⁹⁷ Там же. С. 43–44.

¹⁹⁸ Применительно к «долгой истории» торговых корпораций см. работу: *Ogilvie Sh. Institutions and European Trade: Merchant Guilds, 1000–1800. Cambridge, 2011. P. 427–428.*

рование исторического феномена феодализма в его сущностной целостности. Она концентрировалась на классическом Средневековье, не занимаясь другими периодами, но феномен «большой длительности», «долгого Средневековья» был органичной частью ее концепции, доказывавшей жизнеспособность этих структур и их историческую ценность.

Н. А. не была урбанистом, она была теоретиком, видевшим общество и весь средневековый мир как сложную систему взаимосвязанных элементов. Исследователи, непосредственно изучающие проблемы истории средневекового города, не обращаются специально к вопросам, поставленным Н. А., – только имя Хачатурян назвала в обобщающей статье о городе А. А. Сванидзе, по достоинству оценив предложенные ею решения как «новое осмысление характера городской собственности»¹⁹⁹.

Высокая планка, которую Н. А. задавала себе своим стремлением к теоретическому осмыслению исторического опыта, побуждала ее максимально широко видеть конкретные события и индивидов, историю институтов, политических структур. Средневековый город и горожане были для нее идеей, моделью и лабораторией, но не мастерской историка. Ее мастерской было поле политической истории и истории политических институтов.

¹⁹⁹ Сванидзе А. А. Средневековые города Западной Европы. С. 17.

Т. П. ГУСАРОВА²⁰⁰

ИСТОРИЯ ДЛИННОЮ В ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА: ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ И ИХ ЖИЗНЬ В ПРОЕКТЕ Н. А. ХАЧАТУРЯН

В исторической науке, как и в любой другой, важны не только индивидуальные усилия отдельно взятого ученого, но и их совместная работа в одном из направлений, над проблематикой, выбранной среди множества интересных, актуальных и слабо изученных тем. Однако для этого необходим обладающий глубокими знаниями человек, который может найти верный вектор исследования, теоретически и методологически обосновать его, предложить коллегам, заинтересовать их и, наконец, сплотить в коллектив, способный реализовать и развивать задуманные им идеи и планы. Таким человеком была профессор Нина Александровна Хачатурян. Начиная с 1992 г. и до конца своей жизни, она возглавляла созданную ею же научную группу «Власть и общество». Результаты ее инициатив воплотились в интереснейших научных проектах, находивших выход в конференциях и коллективных монографиях. Именно этому уникальному проекту и прекрасному творческому периоду в жизни многих коллег, работавших в нем благодаря Нине Александровне, посвящена моя небольшая статья-воспоминание.

Нельзя составить более полного и точного представления о новизне, актуальности и привлекательности проектов профессора Хачатурян, не обратившись к тому времени, когда они задумывались. Мы же сами учим студентов: тема сочинения историка обязательно должна опираться на исторический контекст! Перестройка и изменения, ко-

²⁰⁰ Гусарова Татьяна Павловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры средних веков исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; gusarova174@yandex.ru

торыми она сопровождалась в течение ряда последующих лет, открыла границы – не только с другими странами. Перестройка взорвала и разрушила идеологические преграды перед науками, особенно гуманитарными, и в образовавшийся прорывом поток волей или неволей были вовлечены очень многие. Это, без преувеличения, мощное движение сопровождалось сопротивлением, сомнениями и даже разочарованиями, растерянностью одних, но больше – воодушевлением и исканиями других. Хотя эти потоки вряд ли можно так просто развести по отдельным руслам. Одни решительно и демонстративно порывали с марксистской методологией в истории, другие, не то чтобы искали компромисса, но, обращаясь к открывшимся возможностям, не забывали и не сбрасывали со счетов серьезных и признанных достижений марксистской школы, в том числе в области отечественной медиевистики, да и в целом – сильных сторон марксистской методологии.

Думаю, для Нины Александровны, историка с философским складом ума, склонным к теоретическим обобщениям, умением видеть историческое явление в его логической ретроспективе и перспективе, было совсем не просто найти и отстаивать свою исследовательскую позицию. И у нее было свое видение и кредо, от которых она не отступилась, хотя, безусловно, не законсервировалась в них. Получив прекрасную подготовку на кафедре истории средних веков Московского университета у выдающихся отечественных медиевистов Е. А. Косминского, А. И. Неусыхина, С. Д. Сказкина, Н. А. Сидоровой, М. М. Смирна, В. В. Стоклицкой-Терешкович и др., она впитала в себя лучшие традиции и достижения отечественной медиевистики как дореволюционной, так и послереволюционной школ, в том числе марксистской. К концу 1980-х гг. Нина Александровна была далеко не новичком в изучении политической истории, эволюции средневекового государства – на классическом примере Франции и ее сословно-представительных учреждений.

Нина Александровна была прекрасно знакома со старой и современной зарубежной историографией, связанной с изучением проблем власти и общества, высоко ценила ее достижения, творчески опиралась на них, привлекала внимание читателей и слушателей (в том числе студенческой аудитории) к именам выдающихся ученых, особенно французских. В то же время она никогда не заискивала перед ними, не принижала в противовес им заслуги отечественных медиевистов, хотя и не замалчивала слабые стороны, упущения и ошибки нашей

исторической науки. Так, именно ее методологическим достижением Н. А. Хачатурян считала «социальный» подход к изучению политической истории, благодаря которому наши медиевисты на некоторое время оставили позади зарубежных коллег²⁰¹. И это – учитывая то, что отечественным ученым было значительно труднее, чем их зарубежным коллегам, в известных условиях изживать сложившиеся окаменевшие постулаты марксизма, вроде базиса и надстройки, а в области политической истории – тезис о подавляющей, репрессивной, эксплуататорской роли государства вообще, и феодального, в частности, а также «общую недооценку политического и духовного факторов в общественном развитии»²⁰².

Но уже в 1980-е гг., по замечанию Н. А. Хачатурян, такая недооценка начинает, наконец, преодолеваться. Подходы и суждения историков становятся более взвешенными, и в отношениях между государством и обществом ими признается не только существование оппозиции сторон, но и возможность компромисса, согласия, а в деятельности государства – протекционистских и созидательных функций²⁰³. В связи с этим смещаются объекты исследовательского интереса в сторону изучения самого феномена власти и ее анатомии. Как один из первых ученых, работавших в новом исследовательском поле, Нина Александровна поднимала такие ключевые теоретические проблемы, касающиеся особенностей политической власти в эпоху Средневековья, как ее дисперсия, связанная с условиями реализации собственности; ее трансформация от частноправовой к публичной, а также принципы и способы ее реализации²⁰⁴.

Знаковым событием послужило проведение в 1993 г. группой «Власть и общество» Круглого стола «Харизма королевской власти», одним из организаторов которого явилась Нина Александровна²⁰⁵.

²⁰¹ Хачатурян Н. А. Запретный плод или новая жизнь монаршего двора в отечественной медиевистике // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда / Под ред. Н. А. Хачатурян. Вып. 1. М.-СПб.: Алетейя, 2002. С. 7.

²⁰² Там же. С. 8.

²⁰³ Там же. С. 9.

²⁰⁴ Там же. С. 10.

²⁰⁵ См.: «Харизма королевской власти: мифы и реальность. Материалы Круглого стола // Средние века. Вып. 58. М., 1995. С. 144–188. Объектом обсуждения послужила проблема сакральности королевской власти. Были рассмотрены разные ее проявления: в ритуале похорон, коронаций, в коронационных инсигниях, а также ее теоретические обоснования.

Предваряя публикацию материалов Круглого стола небольшой историографической статьей, Нина Александровна подчеркнула в качестве огромного достижения историографии XX в. признание необходимости социального контекста политической истории, и что еще более существенно – новое наполнение самого понятия «социальной истории». В связи с этим она особо отмечала успехи социологии и структурализма, которые позволили углубить и расширить представления о природе власти, создали возможности предпринимать анализ структуры, стратегии и функционирования власти на обобщающем уровне. В то же время присущие данным наукам определенную абстрактность и схематичность при новом повороте в изучении политической истории удалось уравновесить обращением к истории человека и признанием ментальности как факторов развития²⁰⁶.

Эта научная встреча стала отправной точкой научно-организационных инициатив проф. Н. А. Хачатурян, прямым результатом которых явились шесть научных конференций и созданных на их основе коллективных монографий. Многолетняя кропотливая работа в данном направлении неоднократно получала поддержку РГНФ, как в исследовательских, так и в издательских проектах. Повседневная работа в них сопровождалась также обсуждением отдельных тем в семинарах²⁰⁷. Необходимо особо отметить, что научная деятельность группы проходила в тесном взаимодействии с другими творческими научными коллективами, среди которых, конечно же, особое место занимает Комиссия по культуре Возрождения при Научном Совете по истории культуры Российской Академии наук, много лет, по сути, возглавлявшаяся профессором кафедры истории средних веков МГУ, доктором исторических наук Лидией Михайловной Брагиной. В организованных Комиссией научных симпозиумах – особенно тех, которые так или иначе были связаны с проблематикой власти, участвовала и сама Нина Александровна, и коллеги по созданной ею группе²⁰⁸.

²⁰⁶ *Хачатурян Н. А.* Предисловие к материалам Круглого стола «Харизма королевской власти». С. 146–147.

²⁰⁷ Так, на одной из таких встреч участников группы «Власть и общество» выступал С. Е. Федоров с интереснейшим докладом о своих исследованиях в области истории композитарной монархии в раннее Новое время и, собственно, привлек внимание к этому аспекту изучения монархии, ввел в исследовательский «актив» проекта.

²⁰⁸ Среди этих конференций и опубликованных на их основе сборников статей наиболее тесно с проблематикой группы «Власть и общество» связаны «Куль-

Заявленные подходы Н. А. Хачатурян последовательно реализовала во всех своих проектах. Три из них были посвящены непосредственно вопросам истории королевского двора. Первый открыла международная научная конференция «Двор монарха в средневековой Европе», состоявшаяся в 1999 г. на базе исторического факультета МГУ. Ядро участников научной встречи составили члены исследовательской группы «Власть и общество». По ее результатам в 2001 г. увидела свет коллективная монография «Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда»²⁰⁹. Авторский коллектив монографии, прежде всего, включал непосредственных участников проекта, среди которых были С. В. Близнюк, М. А. Бойцов, Т. П. Гусарова, О. В. Дмитриева, А. Л. Пономарев, Н. Ф. Усков. Но, как и в дальнейшем, состав авторов далеко не ограничивался ими. Доклады и тексты для монографии предложили коллеги из МГУ, других московских научных учреждений, историки Санкт-Петербурга, Ставрополя, и других российских городов, а также приглашенные немецкие ученые – в общей сложности 21 автор. Надо сказать, что участники этого первого проекта работали с особым воодушевлением и напряжением, понимая, что от него зависит дальнейшая судьба начинания. Помимо творческой стороны они принимали активное участие в вычитке и редактировании материалов, выборе оформления книги, координационной работе с авторами издания и издательством и т.д.

В открывавшем том аналитическом обзоре историографии Нина Александровна нарисовала перспективы будущих исследований группы, а среди тем выделила монарший двор, в научном исследовании которого наметила основные направления, в которых, по ее замыслу, должна была раскрыться его комплексная природа²¹⁰. Это: 1) двор как властный институт; 2) двор как резиденция государя или принца и как политический центр; 3) двор как хозяйственный организм; 4) двор как театр власти, нашедший выражение в его символических, художественных и идеологических образах, а также культуре и искусстве в

тура Возрождения и власть». М., Наука, 1999; «Человек в культуре Возрождения». М., Наука, 2001; «Придворная культура эпохи Возрождения». / Отв. ред. Л. М. Брагина, В. М. Володарский. М., Политическая энциклопедия, 2014.

²⁰⁹ Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда / Под ред. Н. А. Хачатурян. Вып. I. М.-СПб., Алетей, 2001. (Изд. проект РГНФ № 00-01-16191д).

²¹⁰ Хачатурян Н. А. Запретный плод... С.7–30.

целом. Монарший двор средневековой Европы предполагалось исследовать с позиций эволюции средневековой государственности – как универсальное явление, но в то же время в разнообразии форм, структур и функций, с меняющимся во времени и пространстве обликом ²¹¹.

Все это дало возможность уже в первой научной конференции и монографии показать двор во всем разнообразии стран, времен и проявлений. Он был представлен как властный институт, как микрокосм, тесно связанный с обществом прямыми и обратными связями. В исследованиях отразились организационная история и политическая активность двора; репрезентация власти, выраженная в придворном церемониале, этикете и символике, а также некоторые стороны придворной культуры. Несмотря на разнообразие сюжетов, представленных в докладах и главах монографии, они обеспечили возможность комплексного видения общей темы королевского двора в средневековой Европе. Том делился на четыре раздела: 1) двор как институт власти ²¹²; 2) политический театр власти: этикет, церемониал и символика двора²¹³; 3) гости при дворе: «чужие» в качестве придворных – взгляд со стороны ²¹⁴; 4) двор как центр культурной жизни ²¹⁵. Исследования выходили за рамки Средневековья и захватывали раннее Новое время, что стало составной частью последующих конференций и монографий.

Тема монаршего двора была продолжена в научной конференции «Королевский двор в политической культуре Европы в Средние века и раннее Новое время» (МГУ, февраль 2001) и оформлена монографией, вышедшей в 2004 г.²¹⁶ К этому времени состав участников проек-

²¹¹ Хачатурян Н. А. Запретный плод...» С.14.

²¹² Авторы исследований раздела: Н. А. Хачатурян (МГУ), Н. Ф. Усков (МГУ), Т. Ю. Стукалова (ГИМ), И. И. Варьяш (МГУ), М. А. Бойцов (МГУ), О. В. Дмитриева (МГУ), В. В. Шишкин (СПб ГУ), Гусарова Т. П. (МГУ).

²¹³ Авторы статей в разделе: Т. Ю. Игошина (МГУ), Л. М. Брагина (МГУ), И. А. Краснов (СПб), М. Ю. Медведев (СПб., ИИ ЛОИИ РАН), С. А. Польская (Ставрополь, ГУ).

²¹⁴ О. С. Воскобойников (МГУ), А. К. Масиель-Санчес (МГУ), С. В. Близнюк (МГУ).

²¹⁵ П. Шрайнер (Кельнский университет), Челлини К. Г. (МГУ), Каплан А. Я. (ИВИ РАН), Пименова Л. А. (МГУ).

²¹⁶ Королевский двор в политической культуре средневековой Европы: теория, символика, церемониал / Отв. ред. Н. А. Хачатурян. М., Наука, 2004. (Изд. Проект РГНФ № 02-01-00321д).

та, поддержанного РГНФ, пополнился: в него вошли И. И. Варьяш и Е. В. Калмыкова.

В отличие от первой публикации, охватывавшей практически все основные аспекты жизни и функционирования двора, исследования, помещенные во втором выпуске, сосредоточены на проблематике политической культуры, на разных аспектах пропаганды власти. В первом разделе тома («Двор в развитии властной пропаганды») можно увидеть работы девяти авторов ²¹⁷. Вопросы пропаганды власти при дворе рассматриваются ими скорее в политических реалиях и идеологическом аспекте: в условиях политической борьбы, в публичном пространстве, в изображении сторонников власти и оппозиции, в официальной пропаганде внешней политики, в представлениях гуманистов и т.д.

Вторая часть коллективной монографии («Политический театр власти») включила в себя статьи также девяти исследователей ²¹⁸, обращенные к истории развития ритуала в церемониале и этикете процедур репрезентации: в парламентских церемониях, торжественных въездах монархов, при объезде владений, праздничных банкетах, королевских процессиях, в церемониях поднятия орифламмы, посвящения королей и др. Особо рассматривается распределение ролей в подобных мероприятиях между светскими и духовными иерархами. Наконец, в третьем разделе – весьма скромном по объему (в нем участвуют всего четыре автора) ²¹⁹ – нашли место работы в области истории искусств и наук при дворе. Несмотря на тематический разброс, статьи этого раздела все же связывает проблема политического заказа и протекции наукам и искусствам со стороны монарха.

Отдельная конференция была посвящена представлениям о сакральной природе верховной политической власти в Европе в Средние века и раннее Новое время. Ее материалы опубликованы в 2006 г. в коллективной монографии «Священное тело короля: ритуалы и мифо-

²¹⁷ Л. С. Чикколини (ИВИ РАН), И. Я. Эльфонд (Саратов), В. В. Шишкин (СПб), Новоселов (Москва, Музеи Московского Кремля), Брагина Л. М. (МГУ), Калмыкова Е. В. (МГУ), Федоров С. Е. (СПбГУ), Игошина Т. Ю. (МГУ), Пименова Л. А. (МГУ).

²¹⁸ Н. А. Хачатурян (МГУ), Т. Ю. Стукалова (Москва, ГИМ), С. К. Цатурова (ИВИ РАН), С. А. Польская (Ставрополь, ГУ), И. И. Варьяш (МГУ), Т. В. Кравченко (ГИМ), М. А. Бойцов (МГУ), О. В. Дмитриева (МГУ), А. К. Левыкин (ГИМ).

²¹⁹ О. С. Воскобойников (МГУ), Е. Д. Смирнова (Минск, БГУ), Т. П. Гусарова (МГУ), Т. Е. Самойлова (Москва).

логия власти»²²⁰. В предваряющей том статье Н. А. Хачатурян прослеживала развитие в мировой историографии темы королевской власти от чисто событийной в XIX в. к тому богатству, которым отличается ее современное состояние. В том числе она назвала тему сакральности королевской власти. Автор объясняет причины этого явления, отмечает его особенности в средневековой Европе, сущность состязательности светского и духовного начал в ритуалах, связанных с королевской особой и т.д.²²¹.

Материалы тома размещены в трех разделах. В первом рассматриваются сакральная и правовая легитимизация власти²²²; во втором – ритуал и символика²²³, в третьем – мифология власти в политической мысли и искусстве²²⁴. Среди авторов мы встречаем не только уже ставшие привычными в этих научных публикациях имена, но и новые, особенно – в разделе, посвященном культуре и искусству. Шире, чем в предыдущих конференциях и трудах, представлена география рассматриваемого явления: Франция, Англия, Германия, Испания, Венгрия, Чехия, а также Россия и Византия. Такой богатый диапазон расширил возможность увидеть разнообразие изучаемого феномена в пространстве и на протяжении долгого времени. В целом же публикуемые материалы позволили воспроизвести сложный и гетерогенный образ монарха, в личности которого оказались слитыми его сущности обычного человека и лица, наделенного божественной благодатью.

В последующие годы границы научных исследований группы «Власть и общество», первоначально заявленных как «Королевский двор», расширялись, что проявилось и в конференциях, и в монографиях. В 2006–2008 гг. Н. А. Хачатурян получила поддержку РГНФ в

²²⁰ Священное тело короля: ритуалы и мифология власти / Отв. ред. Н. А. Хачатурян. М., Наука, 2006.

²²¹ Хачатурян Н. А. Сакральное в человеческом сознании. Загадки и поиски реальности // Священное тело короля. С.5-16.

²²² Авторы материалов: Н. А. Хачатурян, М. В. Бибилов (ИВИ РАН), И. И. Варьяш (МГУ), С. К. Цатурова (ИВИ РАН), Т. А. Сидорова (Сочи), Е. В. Калмыкова (МГУ), Т. П. Гусарова (МГУ), К. Т. Медведева (МГУ).

²²³ Авторы: С. Е. Федоров (СПбГУ), М. А. Бойцов (МГУ), С. А. Польская (Ставрополь, ГУ), О. С. Воскобойников (МГУ).

²²⁴ Авторы: И. Я. Эльфонд (Саратов), С. Л. Плешкова (МГУ), О. В. Дмитриева (МГУ), А. А. Паламарчук (СПбГУ), О. В. Мареева (Москва), Н. В. Квивилидзе (Москва), И. Пикалова (РГГУ), А. В. Деньщикова (Москва).

проекте ««Формы и организация власти в средневековой Европе»²²⁵. В результате четвертый по счету выпуск коллективной монографии (2008 г.) затрагивал институциональный и государственный аспекты средневековой политической истории. Широкий спектр вопросов, в котором они рассматривались, отразился в названии тома: «Власть, общество, индивид в средневековой Европе»²²⁶. Заглавие книги, как нельзя более ясно, раскрывало связь между «этажами» политической жизни: отдельной личностью, представленной писателем, политиком, государственным деятелем; ее связью с корпорацией, союзом, общественной организацией, в которых в конкретную эпоху в общую волю аккумулировались индивидуальные посылы и интенции. Замыкается эта линия на государстве: оно, в свою очередь собирая импульсы, исходящие от общества, отражает их в своей политике. В этой книге особенно отчетливо отразилась позиция руководителя проекта, его научные аттракции, заявленные уже на первых этапах осуществления проекта. Ставилась задача проследить эволюцию средневековой государственности от патримониального, базирующегося на частно-правовой основе и личных связях политического образования, к *État moderne* – государству публично-правового характера, в котором монарх становился сюзереном, ограничивал притязания носителей частной и корпоративной власти, превращал население своих владений в подданных²²⁷. На сей раз представленный к публикации материал нашел отражение в двух разделах: 1) авторитарная власть, институты государства и общества²²⁸; 2) идеи, пропаганда, церемониал²²⁹. В этой

²²⁵ Исследовательский проект РГНФ №06-01-00486а.

²²⁶ Власть, общество, индивид в средневековой Европе / Отв. ред. Н. А. Хачатурян; сост. О. С. Воскобойников. М., Наука, 2008. (Проект № 07-01-16068г РГНФ). Как и предыдущий том, этот создавался и издавался под эгидой МГУ им. М. В. Ломоносова и Института всеобщей истории РАН.

²²⁷ Хачатурян Н. А. Суверенитет, закон и «вся община»: взаимодействие и дихотомия власти // Власть, общество, индивид... С. 6.

²²⁸ В первом разделе нашли место статьи А. Г. Глебова (Воронеж, ГУ), В. И. Уколовой (МГИМО), Н. А. Хачатурян (МГУ), Т. П. Гусаровой (МГУ), А. Ю. Прокопьева (СПб, ГУ), Н. В. Рыбалко (Волгоград, ГУ), И. И. Варьяш (МГУ), С. К. Цатуровой (ИВИ РАН), В. Р. Новоселова (Музеи Московского Кремля), А. Ю. Серегиной (ИВИ РАН)).

²²⁹ См. статьи М. А. Бойцова (МГУ), А. А. Сванидзе (ИВИ РАН), М. А. Морозова (СПб, ГУ), О. С. Воскобойникова (МГУ), А. Б. Герштейна (РГГУ), Е. В. Калмыковой (МГУ), Ю. В. Кривошеева (СПбГУ), И. А. Красновой (Ставрополь, ГУ),

публикации участвовало наибольшее за весь проект число авторов из разных городов и научных и учебных учреждений (27). В результате том получился самых объемным из всех (600 страниц).

В публикации 2008 г. впервые был заложен особый интерес к проблеме средневековых империй как явлению универсализма в средневековой истории. Логическим продолжением темы стала Всероссийская научная конференция «Империи и национальные государства V–XVII вв. в средневековой Европе», состоявшаяся в феврале 2008 г. на базе МГУ с участием иностранных коллег. В 2011 г. ее материалы сложились в коллективную монографию, посвященную специально империям и этно-национальным государствам²³⁰. Эти высшие формы политических образований в Средние века и раннее Новое время исследуются в книге в их сопоставлении друг с другом, с особым вниманием к их, идущим от Римской империи, корням, а также в связи с цементирующим их христианским универсализмом.

Конкретные примеры позволили увидеть более сложную картину эволюции средневековой государственности, чем можно было ожидать. С одной стороны, общепризнанный факт, что возникшие в Средние века и имевшие долгую жизнь империи по сравнению со складывавшимися на определенном этапе политического развития этно-национальными государствами со временем стали анахронизмом, не имевшим исторических перспектив. Часть материалов конференции и монографии подтвердили, как отметила во вступительной статье Н. А. Хачатурян, политическое поражение имперской государственности в ее средневековой форме и победу этно-национального начала, воплощавшего перспективы развития²³¹. С другой стороны, в ряде статей была показана необычайная живучесть империй. Были рассмотрены факторы, сделавшие это явление возможным: «вариативность форм воплощения» подобных государственных образований, связь с между-

О. И. Тогоевой (ИВИ РАН), Р. М. Асейнова (Москва, БРЭ), И. Я. Эльфонд (Саратов, ГУ), В. А. Дятлова (Чернигов, ГПединститут), О. В. Дмитриевой (МГУ, Музеи Московского Кремля), С. Е. Федорова (СПбГУ), А. А. Паламарчук (СПбГУ), В. А. Ковалева (СПбГУ), Е. И. Эциной (Гос.Эрмитаж).

²³⁰ Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / Отв. ред. и сост. Н. А. Хачатурян. М., Наука, 2011.

²³¹ Хачатурян Н. А. Горизонты темы: типичность, преемственность и креатив политических форм в истории западноевропейского средневековья // Империи и этнонациональные государства... С. 12.

народной политической конъюнктурой, религиозной ситуацией, военными факторами, но также – сила традиционных личностных связей на уровне взаимоотношений центра и местной сеньориальной власти. Более того, трансформируясь, империи переключивались в раннее Новое время, что особенно явственно обнаружилось на материалах поздней Священной Римской империи. В монографии отдельно прозвучала тема композитарных монархий в Европе раннего Нового времени, как новой формы государственности, отличавшихся и от династических монархий, и от империй Средневековья. В представленных работах, на конкретных примерах Англии и монархии австрийских Габсбургов, были продемонстрированы и эти отличия, а также новые пути и средства, благодаря которым верховной власти удавалось достичь компромисса между весьма различными композитами таких, весьма неоднородных объединений. Широта тем и сложность проблематики обусловили и структуру данной монографии. В первом ее разделе рассматривается политическая организация пространства и народов в имперских образованиях, выраженная в процессах интеграции и дезинтеграции²³². Вторая часть посвящена вопросам формирования средневекового суверенитета и его институционализации²³³. Наконец, в третьей главе нашли место работы, освещающие идеологические и правовые аспекты в жизни империй и этно-национальных государств²³⁴.

«Этно-национальную» линию исследовательских проектов Н. А. Хачатурян продолжили конференция (МГУ, февраль 2012 г.) и последовавшая за ней монография «Этносы и «нации» в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время»²³⁵. «Этническое» и «протонациональное» рассматривается в книге на обширном историческом

²³² Авторы этого раздела: В. И. Уколова (МГИМО), С. П. Карпов (МГУ), Н. А. Хачатурян (МГУ), М. А. Бойцов (НИУ Высшая школа экономики, МГУ), А. Ю. Прокопьев (СПб ГУ), Т. П. Гусарова (МГУ), С.А. Прокопенко (Ульяновск, Гос. пед. ин-т), С. Е. Федоров (СПб ГУ), О. В. Дмитриева (МГУ, Музеи Московского Кремля).

²³³ Авторы: А. Г. Глебов (Воронеж, ГУ), Анхель Г. Гордо Молина (Чили, Университет христианского гуманизма), И. И. Варьяш (МГУ), И. А. Краснова (Ставрополь, ГУ), С. К. Цатурова (ИВИ РАН), Т. Н. Таценко (СПб, ИИ РАН).

²³⁴ Авторы: П. П. Шкаренко (РГГУ), И. И. Варьяш (МГУ), И. Я. Эльфонд (Саратов, ГУ), Е. В. Калмыкова (МГУ), А. А. Паламарчук (СПб ГУ).

²³⁵ Этносы и «нации» в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / Под ред. Н. А. Хачатурян // СПб, Алетейя, 2015. (При поддержке РГНФ, проект № 06-01-00486а).

материале в контексте эволюции средневековой государственности от раннего Средневековья до раннего Нового времени. На теоретическом уровне особое внимание было уделено анализу понятийного аппарата, представляющего особую сложность из-за различных смыслов, вкладывавшихся в то или иное время в широко использовавшийся уже в Средние века термин «нация», не совпадающий с его современной интерпретацией. Учитывая эти особенности, ученые говорят о возможности множественных подходов при выработке понятий для этнических явлений Средневековья, не забывая в то же время об их условности. Этой проблематике посвящен первый раздел книги²³⁶. В практическом же плане в работах исследуется то, как в результате трансформации аморфных социумов в средневековой Европе складывались более прочные этнические и государственные образования, ведущие к возникновению современных наций и государств. Так, во второй части тома авторами изучаются формы этно-национальной самоидентификации и их отражение в исторических трудах, правовой мысли, в культуре²³⁷. В третьем разделе собраны исследования, затрагивающие уже утвердившуюся в науке, в том числе и в медиевистике, проблематику «свой – чужой», но не в ментальном или идеологическом ее выражении, а на практике: в государственном управлении и даже в производственной сфере. Предложенная тема анализируется в контексте антитезы: конфликты и сотрудничество²³⁸. Из приведенного материала выясняется, что в сложных этно-национальных государственных объединениях залогом самого их существования становилось именно сотрудничество, и верховная власть в силу своих возможностей стремилась не допускать конфликтов, а в случае их возникновения преодолевать, идя на компромиссы. Особенно очевидным это становится в композитарных монархиях раннего Нового времени, в которых формирование коллективной общности сопровождалось большими усилиями по преодолению партикуляризма отдельных частей такого союза.

²³⁶ Раздел называется «Этнонациональные процессы: факторы, результаты, номинация явлений». Несмотря на внешнюю эклектичность подборки материалов, в них отражено современное состояние изучения теоретической стороны вопроса. (Авторы статей: Н. А. Хачатурян, М. А. Юсим, Р. М. Шукуров, А. В. Громова)

²³⁷ Авторы: С. К. Цатурова, А. М. Асейнов, И. Я. Эльфонд, С. Е. Федоров, О. В. Дмитриева, А. А. Паламарчук, В. А. Ковалев.

²³⁸ Авторы этого раздела: Т. Н. Таценко, Т. П. Гусарова, Е. Н. Кириллова, И. И. Варьяш.

В предисловии к этому, шестому тому трудов коллектива Н. А. Хачатурян подводила итоги (промежуточные!) исследовательской и издательской работы группы «Власть и общество», подчеркнув ее несомненную плодотворность и результативность в постановке и решении многих важных и малоисследованных проблем политической истории Средневековья. Руководитель особо отметила актуальность и остроту затрагиваемых в предпринятых группой исследованиях вопросов, их востребованность в условиях современной глобализации мира, но главное – при новом состоянии научного знания, связанного с изменениями в эпистемологии ²³⁹. Действительно, деятельность возглавляемой профессором Н. А. Хачатурян группы показала свою результативность. Достаточно сказать, что монография «Королевский двор в политической культуре средневековой Европы» была отмечена дипломом «Серебряная литера» на Невском книжном форуме 2004 г. с формулировкой «За вклад в теорию исторической науки и изучение политической культуры и менталитета власти».

Но эффективность деятельности Н. А. Хачатурян и возглавляемой ею группы проявилась не только в рассмотренных в настоящей статье конференциях и проектах. Параллельно ей и в контакте с ней создавались и другие труды, действовали и действуют другие творческие центры и коллективы. Подтверждением этому служат дружба и тесные научные контакты Н. А. Хачатурян, ее учеников и коллег с медиевистами Института истории Санкт-Петербургского университета, работающими в том же направлении исторических исследований – в области политической истории. Осенью 2019 г. в рамках Первого международного Петербургского исторического форума проходила научная конференция «Публичность в развитии западноевропейской государственности в Средние века и раннее Новое время», организованная по инициативе профессора Института истории Университета С. Е. Федорова и проходившая под его руководством. Это был настоящий праздник единения медиевистов и «новистов» Санкт-Петербурга, Москвы и других российских городов. Это была, пожалуй, последняя конференция, в которой участвовала Нина Александровна – и не только выступила с докладом. Все три дня научного форума она принимала активнейшее участие во всех заседаниях, председательствовала на

²³⁹ Хачатурян Н. А. Этносы и нации: преемственность и проблемы «актуального Средневековья» // Этносы и нации... С. 7.

некоторых из них, комментировала многие доклады, выступала в прениях и подведении итогов – была настоящей королевой бала: умной, мудрой, энергичной, красивой, элегантной.

Сегодня Нины Александровны с нами нет, но есть надежда, что ее замыслы найдут продолжение и воплощение в работе созданной ею группы, объединяющей не узкий круг специалистов, а многих ученых разных поколений, избравших – часто не без влияния профессора Н. А. Хачатурян – путь изучения политической истории Средневековья и раннего Нового времени.

О ТОМ, КАК КАРЛИКИ ВЗБИРАЛИСЬ НА ПЛЕЧИ ГИГАНТОВ

Имя Нины Александровны Хачатурян в российском научном сообществе ассоциируется, в первую очередь, с изучением политической истории. Это неудивительно, ведь и основные труды, принадлежащие ее перу, были посвящены проблемам власти в широком смысле, и академическая группа, которую возглавляла Нина Александровна, называлась «Власть и общество». Однако она была не менее известна среди коллег своей склонностью к философскому осмыслению, теоретизации, системному видению процессов и деликатному, подчас благородному отношению к труду предшественников. Со всей определенностью Нина Александровна высказывалась в защиту ценности каждой добытой учеными истины, поскольку, в свое время, равным образом и тезисы, ныне отринутые, сыграли важную роль в понимании того или иного явления. В этой связи неслучаен выбор заголовка к текущей статье. По мнению Нины Александровны, фраза средневекового интеллектуала Бернарда Шартрского²⁴¹, «карлики на плечах гигантов», отражала самую суть исторической науки, значимость преемственности в историческом знании. Для того, чтобы взобраться и опереться на плечи, нужно сначала постичь масштаб гигантов.

²⁴⁰ Савельер Оксана Викторовна – аспирантка исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; acharnee@inbox.ru

²⁴¹ Выражение «карлики на плечах гигантов» (лат. *nanos gigantum humeris insidentes*), вероятнее всего, авторства Бернарда Шартрского, известно нам в изложении Иоанна Солсберийского. *Иоанн Солсберийский*. Металогик // Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков. М., 1972.

Долгие годы Нина Александровна преподавала историографию на кафедре истории средних веков, где у студентов специалитета был полный учебный год на лекции и семинары по этому предмету. С переходом в 2015 г. на систему бакалавриата и магистратуры Нина Александровна заметно трансформировала программу. Она решила помимо общего курса историографии у бакалавров, чей весенний семестр заметно сократился, создать для магистрантов своего рода продолжение, специальный курс, посвященный историко-философским достижениям XX в. Мы по привычке именовали его «историографией», хотя формальным названием было «История знания и новации в философии истории», именно так его и позиционировала Нина Александровна; то есть содержательно он предполагал не столько обзор исторических исследований предыдущего столетия, сколько некий вектор развития мысли и методологии в гуманитарном знании. Мне посчастливилось прослушать его полностью будучи магистранткой, и волей случая, присутствовать на многих лекциях из этого цикла с медиевистами следующих лет.

2020 г. бросил новый вызов – самоизоляция и проведение лекций дистанционно. Нестандартность ситуации, в которой мы все оказались, заставляла каждого выходить за рамки привычных форматов, оперативно реагировать на изменения. Нина Александровна, стоит признаться, не питала нежных чувств к новым технологиям, предпочитая живое общение – электронной почте, бумагу и неизменный черный гелиевый стержень – клавиатуре и чтению с экрана. Однако карантин объявили, едва начался семестр, и половину курса предстояло прочесть удаленно. Нина Александровна не растерялась и с достоинством нашла выход, примиряющий новые реалии с приверженностью к консервативным средствам: диктофонные записи. Практически все технические вопросы в тот момент взяла на себя И. Д. Вавочкина, именно она осуществляла аудиозапись и пересылала готовые файлы на кафедральную почту, откуда их впоследствии распространяли слушателям курса. Благодаря этому многочасовому труду у нас сохранилось не только точное содержание последних лекций, но и чарующий голос Нины Александровны. Итоговый экзамен проводился по телефону. Студенты слаженно организовались в очередь звонков, а Нина Александровна внимательно опрашивала каждого. В общей сложности, по моим воспоминаниям, этот процесс занял около семи часов и произвел неизгладимое впечатление и на меня, и на слушателей, как пример пре-

данности своему делу, безмерной ответственности, серьезности подхода и фактически педагогического подвижничества.

Прежде чем приступить к написанию этой статьи я вновь прочитала свои конспекты периода обучения в магистратуре, затем записи некоторых других студентов и, наконец, прослушала аудиофайлы 2020 г., что было сложнее всего в силу психологического фактора, ведь в последние годы мы много работали вместе, а злосчастной карантинной весной созванивались буквально каждый день, зачастую проводя на телефоне бесчисленное количество часов: готовились к изданию коллективная монография по проблеме собственности²⁴² и номер ЭНОЖ «История»²⁴³; в обоих Нина Александровна выступала как ответственный редактор и одновременно автор статей. В мои задачи входили набор ее текстов, внесение правок, корреспонденция с другими авторами и представителями издательства. В «рядовое» время мы решали большую часть технических вопросов вживую, но вынужденная самоизоляция не оставила нам иных средств, кроме телефона. Слушать диктофонные записи потому для меня необычайно трудно, слишком живы воспоминания о долгих разговорах, которые, разумеется, не ограничивались лишь работой.

Во всем, что делала Нина Александровна, непременно нашел отражение ее творческий почерк. Казалось бы, почти любой лекционный курс самым предметом задает параметры, вынуждающие лекторов преподносить материал относительно одинаково. Очевидно, это не случай Нины Александровны. Яркость ее личности делали любой курс авторским, неповторимым. Дело и в том, какие сюжеты она выбирала, и в том, как их излагала. Для того, чтобы в какой-то мере передать исключительность манеры ведения лекций, в своем обзоре я постараюсь обратиться к их содержанию в тех категориях и с теми акцентами, которые были свойственны автору.

Нина Александровна начинала беседу с достижений предыдущих поколений историков, уделяя большое внимание кризису рубежа XIX–

²⁴² Концепт-явление «собственность» в общественной структуре западноевропейского Средневековья / Отв. ред. Н. А. Хачатурян. СПб.: Алетейя, 2020.

²⁴³ Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Выпуск 10 (96): От патримониальной монархии к публично-правовому государству в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / Отв. ред. Н. А. Хачатурян. [Электронный ресурс] URL: <https://history.jes.su/s207987840011669-4-1/>

XX вв.²⁴⁴ Переосмысление идей Г. Гегеля и И. Канта привели ученых того времени к протесту против позитивизма и материализма, к разработке проблемы места иррационального в процессе познания. Однако долгое время рефлексия неогегельянцев и неокантианцев приводила лишь к радикальному отрицанию предыдущего эпистемологического опыта и уходу в противоположные крайности. Нина Александровна была убеждена, что преодоление кризиса стало возможным в момент, когда историки осмыслили ценность актива исторического знания XIX в. и попытались одновременно с этим ответить на вопросы идеалистов рубежа веков о значении «вчувствования» в гносеологии. Тем не менее, сама Нина Александровна считала, что антиномия материи и духа не преодолена до конца и в наши дни. Смею предположить, что эта идея занимала ключевое место в ее курсе.

Для Нины Александровны было важным показать, что на изменения в исторической науке повлияли и грандиозные политические, экономические и социальные катаклизмы, и открытия в области естествознания, в частности, сформулированная теория относительности не могла остаться лишь в границах физики, но пошатнула веру историков в определенность и познаваемость их предмета. Принципы релятивизма, затронувшие все науки о человеке, заставили исследователей пересмотреть роль познающего субъекта в картине прошлого.

Конструктивный выход в новую философию истории XX в., по мнению Нины Александровны, предложили французская и российская исторические школы²⁴⁵. В этом процессе неизменно подчеркивалось значение оформления социологии как науки, роль Э. Дюркгейма и М. Вебера. Оба ученых отметили важность религиозного воздействия на жизнь общества. Особое место в лекциях отводилось личности А. Берра и его программе культурно-исторического синтеза, воспринятой впоследствии основателями школы «Анналов». Всегда внимательная к терминам, со свойственной ей деликатностью, Нина Александровна обозначала несогласие представителей с именованием их «школой», но поскольку корректное определение «новая историческая наука» было слишком длинным для многочисленного употребления лектором, предпочитала компромиссный вариант: «направление».

²⁴⁴ Предполагалось, что основные вехи, условно говоря, от Ж. Бодена до У. Мейтланда, были хорошо усвоены в бакалавриате.

²⁴⁵ Курс был построен почти исключительно на трудах французских и российских/советских авторов.

Разумеется, довольно много занятий было посвящено наиболее видным ученым первых трех «поколений»: М. Блоку, Л. Февру, Ф. Броделю, Ж. Ле Гоффу, Э. Ле Руа Ладюри.

Отличительной чертой Нины Александровны была чуткость в отношении к личной истории каждого из предшественников. Она не упускала ни формальной стороны, вроде дат, мест, образования, ни особых биографических эпизодов, повлиявших на творчество. В некоторых случаях речь шла и о событиях, отличавшихся своей драматичностью, примером которых могут служить последние годы жизни М. Блока или, забегая вперед, А. Я. Гуревича. Мне представляется, что целью, однако, было не столько сочувствие, сколько своего рода «посвящение в профессию». Таким образом каждый студент имел возможность ощутить единство корпорации, влияние друг на друга ее представителей, осмыслить значение учителей, коллег, оппонентов, присмотреться к роли подчас случайных событий, характеров, отношений, в каком-то смысле – причаститься от живого водоворота истории историков. Это погружение служило бесценным опытом осознания юным поколением преемственности. С того момента и впредь каждый чувствовал личную ответственность за дело будущей исторической науки. Заслугу Нины Александровны в создании исключительной атмосферы приобщенности сложно переоценить.

Несомненно, большая часть лекций была посвящена творчеству ученых, их специальным методам, взглядам, конкретным достижениям. Говоря об основателях новой исторической науки, Нина Александровна подчеркивала признание ими принципов комплексности и вариативности исторического процесса. Предметом исследования стал человек во времени. Так, М. Блок наполнял «человеческим содержанием» аграрную и юридическую историю, предвосхитив появление антропологического подхода в третьем поколении школы «Анналов». Изменилось и отношение к историческому времени. М. Блок определял феномены, плавающие в «плазме истории», как нечто, что может быть объяснено только в среде своего времени. Имеет значение не продолжительность, а место в определенном хронологическом отрезке, соответствующем природе предмета, его внутреннему ритму, а не конкретным строгим единицам измерения. Была предложена новая методология работы с источниками, Нина Александровна называла ее «психологией свидетельства», то есть внимание не только к достоверным фактам, но и к умышленной и неумышленной лжи, попытка интерпретации ее мотивации. Иные акценты расставлялись при

изучении творчества Л. Февра. Прежде всего, подчеркивался курс на междисциплинарность, попытку воссоздать стереоскопическую, всеобъемлющую картину прошлого. Эта «глобализация» получила еще большее развитие в цивилизационных исследованиях Ф. Броделя с его теорией «долгого времени». Нина Александровна неуклонно обращала наше внимание на то, что все «бои за историю» имели место на родине О. Конта.

Далее обычно следовали лекции другой проблематики, но, чтобы закончить с темой новой исторической науки, я позволю себе перегруппировать сюжеты и изменить их последовательность. Имея вкус к философскому осмыслению историографии, Нина Александровна рассматривала творчество М. Блока и ранние труды Ж. Ле Гоффа в контексте феноменологии. Однако круг интересов последнего «анналиста» настолько широк, что чаще всего разговор о его вкладе как историка растягивался не на одно занятие. Не перечисляя здесь все анализируемые Ж. Ле Гоффом вопросы, я обобщу их в один большой – изучение ментальностей. Нина Александровна рассматривала это направление в связи с проблемой познания. Она стремилась показать на примере работ историков ментальности возможность преодоления бинарности мышления через формулу «материальное в духовном, духовное в материальном». Нина Александровна всегда подчеркивала неразрывность двух составляющих в исторических явлениях, объясняя это тем, что в них нет альтернативы, но может быть несовпадение наличия факта и его осмысления. Тезис о том, что в своей полноте любое явление предполагает его осознание, на лекциях иллюстрировался примером: крестьянин восстает, не когда увеличивается рента, а когда она понимается как невыносимая. Таким образом преодолевался механицизм исторического анализа XIX в. Вслед за Ж. Ле Гоффом, Нина Александровна отмечала связь ментальностей с социальными структурами, одновременно с этим предостерегая от опасных обобщений: ведь всякое сознание многокомпонентно.

С проблемой ментальности «маленького человека» была неразрывно связана микроистория с ее особой методологией. Значительное место в лекциях занимали творчество Э. Ле Руа Ладюри и К. Гинзбурга. Как мне видится, главная мысль, на которой сосредотачивалась Нина Александровна, была в отказе от увлеченности крайностями. Микроистория максимально плодотворна не в противопоставлении себя генерализирующей истории, а в сопоставлении изучаемых казусов с

тем, что нам известно из обобщающих трудов. В этих соотношениях на лекциях выражались лимиты и потенциал направления.

Нина Александровна отмечала взятый в тот период в мировой исторической науке курс на междисциплинарность. Само то, что «анналисты» использовали в своих исследованиях методы, традиционно относящиеся к другим дисциплинам: географии, социологии, психологии, лингвистике, – породило новые направления. На примере квантитативной истории, захватившей в 60–70 гг. Европу, США, СССР, студентам демонстрировалось сформировавшееся к тому периоду единое историографическое пространство.

Пожалуй, в этом месте самое время вернуться к началу. Я неслучайно обозначила, что конструктивный выход из кризиса рубежа XIX–XX вв. Нина Александровна видела не только во французской школе, но и в особом пути развития отечественной медиевистики, непреложно помещая ее в контекст мировой исторической науки. Не отрицая факторов нередкого отставания от новых тенденций, она, тем не менее, мужественно выявляла позитивный потенциал российской и советской школ.

Нина Александровна начинала рассказ с истории России, предопределившей, по ее мнению, теологизм русской философской мысли XIX столетия. Пришедший в начале XX в. марксизм был встречен частью культурного общества негативно, поскольку не учитывал духовный фактор. В то время как пережившая Реформацию и эпоху Просвещения Западная Европа прониклась идеями позитивизма, уповая на рациональную познаваемость истории «такой, как она была»²⁴⁶, в России никогда по-настоящему не забывали о социальной и культурной сторонах. Нина Александровна приводила в пример «первого русского позитивиста» П. Н. Кудрявцева, ученика Т. Н. Грановского. Его отличало не только применение социального подхода при изучении реформационного движения, но и внимание к человеческому характеру и психологии. Таким образом, Нина Александровна демонстрировала: возникшие в его творчестве новации опередили свое время. Она называла П. Н. Кудрявцева основоположником российского культурологического направления, взлет которого, с точки зрения Нины Александровны, был обусловлен тем самым устойчивым теологизмом русского сознания. На лекциях рассматривались судьбы и творчество

²⁴⁶ Формула Л. фон Ранке: “Wie es eigentlich gewesen war”.

В. И. Герье, И. М. Гревса, О. А. Добиаш-Рождественской, Л. П. Карсавина, П. М. Бицилли, А. Д. Люблинской, — целой плеяды ученых, настаивающих на важности духовной составляющей в историческом процессе. Насколько мне запомнилось, в лекциях по историографии культурологическое направление позиционировалось как некий альтернативный ответ на вопросы кризиса рубежа веков.

Разумеется, магистральной методологией отечественного исторического знания 1920–1970-х гг. был марксизм. Его истоки — в социально-экономическом направлении конца XIX — начала XX вв., то есть в творчестве А. С. Лаппо-Данилевского, М. М. Ковалевского, Н. И. Кареева. Нина Александровна ставила своей задачей, и озвучивала это на лекциях, преодолеть распространенный среди современников «негативизм и излишний критицизм» в оценке отечественной исторической школы XX столетия, выдвинуть на первый план успехи советской медиевистики. Лектору претило пренебрежительное отношение к наработкам предыдущих поколений и это не было банальной данью университетской традиции. Нина Александровна представляла научный процесс как единый актив знаний, отказ от части этого «фонда» наносил, в ее понимании, ущерб всему капиталу.

Ключевые разработки советской медиевистики, так или иначе, были сопряжены с областью социальной истории, как например: социальная стратификация средневекового общества, внеэкономическое принуждение как сущностный показатель феодализма, сеньориально-вассальная структура в классе земельных собственников, форма средневековой государственности и т.д. Каждой из таких тем посвящалась отдельная лекция. Иногда заявленная проблематика рассматривалась как в контексте отечественной, так и западной историографии, скажем, «общинная теория», «генезис феодализма» или «природа средневекового города». Здесь не имеет смысла перечислять все фамилии, вышел бы внушительный список, отмечу лишь, что Нина Александровна всегда с большим вниманием подходила к вкладу каждого исследователя, к дискуссиям в среде медиевистов, в особенности советских, поскольку часть этой истории вершилась перед глазами самого автора курса.

Наибольший интерес, по моим впечатлениям, вызывал у студентов период оттепели, когда достижения западноевропейской историографии, в частности новой исторической науки, стали доступны советским историкам. Он характеризовался, с одной стороны, попыткой

пересмотра некоторых идей, иногда весьма радикально, с другой, неготовностью части ученых к подобной ревизии. Ряд вопросов и методов в этот период впервые получили свое развитие в отечественной историографии.

Примером может служить историческая антропология и история повседневности. Эти области не были из тех, которым Нина Александровна отдавала предпочтение в личных исследованиях, но они, бесспорно, занимали ее как читателя. Возьмем проблему смерти, которой в этом курсе отводилась целая лекция. Нина Александровна, будучи очарованной самой постановкой вопроса, с большим сочувствием раскрывала тему на примере монографий Ф. Арьеса и Ю. Л. Бессмертного. Безусловно, она не могла обойти разумную критику французской монографии А. Я. Гуревичем, как и, в целом, методологические опасности, которые поджидают исследователя в этой области. Тем не менее, чувствовался восторг и в некоторой степени преклонение лектора перед смелостью историков, взявшихся приоткрыть завесу в мир восприятия и переживания смерти, сложный в силу влияния на него целого комплекса факторов: социокультурного, демографического, психологического, идеологического, религиозного.

С особым трепетом Нина Александровна рассказывала о структурной антропологии, структурализме и постструктурализме. Разговор на эти темы никогда не ограничивался лишь сферой исторического знания, но рассматривался автором в широком философском контексте. Сама идея универсальных структур была чрезвычайно симпатична лектору. В частности, и свои научные наработки она видела в русле этого течения. Я бы предположила, что мир представлялся Нине Александровне как отношения и отношения между отношениями, образующие определенные переносимые модели, и именно в их потенциальной применимости в разных областях и вопросах она видела преимущество самого направления. Беседа начиналась с имен К. Леви-Стросса и В. Я. Проппа и непременно приводила к творчеству Ж. Делеза, Ж. Дерриды, Ж. Бодрийяра, Ж. Ф. Лиотара, У. Эко и, конечно же, горячо любимого лектором М. Фуко. Через неординарность личности, судьбы и трудов последнего Нина Александровна демонстрировала, что конец XX в. характеризовался своеобразной ломкой в общественной жизни, пафосом релятивизма в научной среде с очевидным вектором в сторону постмодернизма. Особо значимыми для нее лексическими единицами были «дискурсивные практики» и «эпистема»,

понимаемая как совокупность векторов познания во всех видах дискурса. Ввиду этого факта никого не удивит, что дискурсивному анализу отводилась отдельная лекция. Нина Александровна считала метод прочтения источников, включающий выявление и интерпретацию дискурсов внутри одного текста и их связей с дискурсами в других памятниках, важной находкой и безусловным достижением гуманитарных наук конца XX столетия.

Было бы непростительным не упомянуть целый ряд лекций об исследованиях последних пятидесяти лет в области политической истории. Здесь анализировались труды и точки зрения зарубежных и отечественных медиевистов на тему раннесредневековой государственности, становления патримониальной монархии, перехода к сословному представительству, возникновения *État moderne*. Все это невозможно было бы изучать без размышлений о сакральной и публично-правовой природе власти. Разумеется, самостоятельное место занимала тема королевского двора, процедур репрезентации королевской власти, ритуалов и символического контекста, в частности концепция потестарной имагологии М. А. Бойцова.

Свой лекционный курс Нина Александровна начинала и заканчивала кризисами рубежей столетий. Она была убеждена, что все мы претерпеваем новый кризис познания, постмодернистский. Каждый год заключительная лекция трансформировалась, и я знаю, что Нина Александровна предполагала написать статью на эту тему, время от времени озвучивая мне все более дерзкие рабочие названия. Я надеюсь, что однажды будет опубликован текст всего курса историографии, включая последнюю лекцию от 22.04.20 г., где раскрываются рассуждения Нины Александровны о постмодернизме в наиболее полной форме. Попытаюсь наметить здесь ключевые замечания автора курса. Это явление представлялось как новое мироощущение человеческого социума постиндустриального периода. Нина Александровна отмечала, что его отличает чувство разочарования, пессимизма, усталости, энтропии. Казалось бы, это ощущение противоречит исключительным успехам человечества в науке, культуре и искусстве, а также в технике и в достигнутых материальных удобствах. Однако механизация жизни, как подмечала Нина Александровна, противоречива по своим последствиям. Осознание человеком своих возможностей не исключало опасного разрыва с природой, стихийных бедствий, техногенных катастроф, и вместе с тем условности индивидуальной свободы, отсут-

ствия равенства, крайней бедности определенных регионов, военного насилия и масштабной гибели людей. Парадоксальность наблюдаемых явлений привела к серьезным деструктивным настроениям в гуманитарном знании. Повсюду фиксируется крайняя субъективность процесса познания, циркуляция ускользающих смыслов. Тем не менее, Нина Александровна считала, что даже у самих постмодернистских авторов отсутствует претензия на полный разрыв с научной традицией, но имеет место сдержанная самокритика в оценке собственных новаций. Она была убеждена, что из нового кризиса человечество выйдет с перерожденным, более глубоким пониманием мира, с признанием достижений науки предыдущих эпох, и, вместе с тем, с открытием, быть может, новой методологии, новых способов познания. В этом очевиден неизменный оптимизм Нины Александровны, ее вера в будущие поколения исследователей.

До самого последнего времени интерес Нины Александровны к историографии, равно как и к средневековой истории, не только не угасал, но обретал новые созидательные стимулы. Она непрерывно дорабатывала, переосмысляла и обновляла материал лекций. Я уверена, что в памяти студентов останется не только информативная составляющая, но и серьезность подхода Нины Александровны к истории и философии, а также то внимание, с которым она относилась к размышлениям младших коллег. Выслушивая всегда благожелательно и вдумчиво, она не уставала прививать верность высокой науке, вдохновлять на собственные оригинальные поиски и открывать новые горизонты исследования.

ПАМЯТИ НИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ ХАЧАТУРЯН

Нина Александровна останется в нашей жизни человеком, общения с которым никогда не могло быть достаточно, – если вообще так можно сказать о человеке дорогим и значимым во всех отношениях.

Оказалось, что трудно писать *о ней* – все время представляешь ее как такого близкого собеседника, за которого, конечно, невозможно интерпретировать все то, что осталось в памяти. Мы, правда, не успели так многое обсудить. Она же и не любила чужих интерпретаций себя – цельная, страстная в своих убеждениях, готовая отстаивать свои взгляды, идеи и идеалы. Можно было восхищаться системой ее аргументации, четкостью, ясностью мыслей и каким-то очень стройным видением мира.

Ею нельзя было не восторгаться. Становящаяся все более и более элегантной (хотя, казалось бы, как можно было стать еще красивее) – статной, гордой, с безукоризненным чувством собственного стиля, она поражала своим умением сочетать яркие вещи так, как будто бы не боялась представить себя в необычном свете: она как бы играла с вещами, которые носила – украшениями, платками, шарфами. Украшения были крупные, часто необычные. Все, что оказывалось рядом с ней – детали ее туалета или даже интерьера, цветы, какие-то безделушки – приобре-

²⁴⁷ Пичугина Ирина Сергеевна – старший научный сотрудник, Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН (до 2014 г.); maria.zolotukhina@icloud.com;

Золотухина Мария Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социокультурных практик и коммуникаций факультета культурологии Российского государственного гуманитарного университета; maria.zolotukhina@icloud.com;

тали совсем иное звучание, чем если бы ее не было рядом. Когда она вдыхала аромат цветов или духов, у тебя создавалось ощущение, что и ты его чувствуешь. Такой силы была притягательность этого человека.

О ней хочется сказать – дерзкая, с мощным зарядом “озорства”. Так она умела и любила смеяться – искренне и самозабвенно. Как истинно умному человеку, ей было присуще великолепное чувство юмора (но всегда в сочетании с чувством меры и тактом).

Привожу слова Ирины Сергеевны, моей мамы : “я так и не смирилась и не смирюсь с этой потерей. Нина была другом, умным другом. Добрым – и надежным. И у меня было так много возможностей в этом убеждаться”. Проговорили много-много часов... Тетя Нина звонила маме читать свои работы. Со временем это превратилось в обычай и даже некий талисман – перед выступлением или тем, как сдать текст, она его читала маме вслух. Она отшлифовывала каждую фразу. Думала над каждой формулировкой. Для человека, пишущего и размышляющего постоянно, это было свидетельством необыкновенной научной ответственности и скромности. Они долго и оживленно обсуждали и сам текст, и многое другое. Даже в последние годы... “Она очень серьезно, трепетно и ответственно относилась к своей работе. Интеллектуальная, творческая сторона ее жизни полностью поглощала ее”, – вспоминает мама.

Одно из моих первых воспоминаний – поездка в Коктебель в сентябре 1989 года. Тетя Нина обожала Коктебель и ожидала тех же чувств от нас всех. Все, что она делала, прославляло жизнь вообще, жизнь на отдыхе и, особенно, жизнь в отпуске – в Коктебеле. Она великолепно плавала, заплывала далеко и надолго. Она танцевала на пляже, она радовалась буквально каждой детали – в природе, в людях. Это были моменты счастья, и она была готова поделиться ими со всеми, кто оказывался рядом. Благодаря ее дружбе с Ольгой Северцевой (тетя Нина ее называла по фамилии Александра Габричевского) – Габричевской, мы с мамой несколько раз оказывались в их доме, который, конечно, не мог не произвести впечатления совершенно особого и очень обаятельного места.

В это же время, только зимой, мои родители и их друзья вместе с тетей Ниной ездили отдыхать на Истру. Это были замечательные, опять же необыкновенно веселые времена.

В Москве все последующие годы мы общались по телефону, ходили друг к другу в гости – причем, чем дальше, тем чаще, и в раз-

ные – “культурные места” – театр, консерваторию, даже на рок-концерт (американского певца Билли Джоэла в далеком 1987 году). Тетя Нина любила вместе с подругами – двумя И. С. – Ингой Сергеевной Трахтенберг и Ириной Сергеевной Пичугиной слушать внука давнего друга наших семей – пианиста Якова Кацнельсона. Она останавливала взгляды своей красотой и привлекательностью...

Я вообще ловлю себя на том, что часто “хвасталась знакомством с тетей Ниной” и ею самой – настолько она была блистательна. Внешне, внутренне: изысканная, обаятельная, с чувством собственного достоинства и теплотой.

У нее была исключительно приятная манера говорить – иногда быстро, тихо, иногда медленно, с особыми интонациями (иногда, для усиления, она повторяла слова), с только ей присущими движениями рук, которые, по счастью остались запечатленными на фотографиях и на видеосъемке. Академическая, всегда выверенная, очень четкая и ясная речь при обычном общении становилась чуть иной – такой же живой, но еще и колоритной, с ее неизменным: “Это ужасно” или “чёрти-что”. Или “глехО”.

Она так вкусно рассказывала о своих путешествиях в Армению, Францию. Запомнилась история про маленького теленка в Армении, который все никак не хотел уходить, привязался к ней и ее спутникам – а все это происходило в заповеднике, недалеко от Гарни – изумительной красоты старого монастыря. Я слушала и представляла это раннее утро и маленького теленка. В итоге, по словам тети Нины, местные “бандитского вида охранники уговорили его оставить посетителей”.

Казалось, что она всегда была готова путешествовать еще и еще и что-то смотреть, узнавать. Она очень любила поездки и буквально прошлым летом мечтала о том, чтобы куда-нибудь съездить...

Будучи необыкновенно трудолюбивой, дома она, в основном, работала: страстно, с упоением, сердилась на себя за то, что не все успевала, но читала и писала иногда все дни напролет, отдыхая только вечером. Смотрела телевизор, любила политические передачи, которые обсуждала или, напротив, категорически не обсуждала с друзьями – у нее были свои взгляды, и она их отстаивала.

Она – человек, очень серьезно относившийся к правилам и правам как основе общества, видевший во всем систему, причем систему логическую, выверенную и выстраданную веками, тем не менее, всегда понимала, что жизнь гораздо сложнее и интереснее схем.

Мы говорили с ней на самые разные темы – она никак не хотела отказываться от той системы координат, в которой работала годами, которую не просто знала изнутри, а фактически и создавала сама. Так, обсуждая подвижность этических конструкций применительно к Средневековью, она была готова признать это, говоря о временах более современных, но не о сюжетах давних. И это был ее мир, который она умела и любила объяснять. При этом она все время читала что-то новое, иногда с юмором (ругалась на постмодернистов, труды которых знала великолепно), иногда совершенно серьезно (о них же...) комментировала прочитанное...

Ее смелость распространялась не только на научные изыскания (она все время следила за новой литературой) – она вообще стремилась жить, ни в чем не отставая – человек, который готов был освоить зум, айфон в 88 лет. Немыслимо! Но это так.

Готовить не любила, подсмеивалась над этим – когда что-то удавалось, искренне радовалась и с энтузиазмом угощала. Но она ценила вкусную еду – или даже просто посидеть – попить чайку. Это был человек, в присутствии которого (и в доме которого) невозможно было не ощущать красоту жизни.

Как-то мы зашли к ней после похода в театр и просидели полночи. Это было чудесно! Смотрели “Идеального мужа” в МХТ. К каждому выходу в свет она относилась как к событию. Спектакль не понравился, но это не были поверхностные впечатления, ее оценка представлялась глубокой и вдумчивой.

Нина Александровна обожала собак – относилась к ним с нежностью и каким-то необыкновенным пониманием. Я никогда не видела ее любимого дога, но почему-то легко представляю их рядом. Мама говорит, что они были величественны и прекрасны. Много лет тому назад – как раз в конце 1980-х годов мы попросили ее взять на время отъезда нашего кокер-спаниеля Снупи. Отсутствовали недолго. Но, в тот же самый день, когда мы забрали Снупи домой, он немедленно сбежал – он хотел вернуться к Нине. И каждый раз, что тетя Нина оказывалась у нас дома, Снупи стелился по полу. Это было безусловное обожание. Нынешняя наша собака воспринимала ее так же...

Тетя Нина очень любила делать подарки – изящные, с крошечными открытками, обязательно с неким дополнительным смыслом и милой надписью.

Она умела мягко давать советы, исключительно деликатно, но было точно понятно, что это совет неравнодушного человека и что она всегда учитывает “свои представления о жизни и твои”. А это редкое качество – то, что сейчас принято называть эмпатией...

В последние месяцы, я не могу сказать, чтобы мы звонили друг другу часто. Увы, бывали и перерывы – потом все мы сожалели об этом, она сетовала на страшную загруженность, на то, что очень устала и просто нет сил. Так не хватает не только самих звонков и разговоров, но и совсем другой тишины – когда ты знаешь, что вчера, сегодня не говорили, но что все еще возможно...

Она уехала в больницу вместо того, чтобы поехать на дачу под Москву – снять рядом с нами крошечный домик. Уезжать дальше от Москвы она опасалась. Подсмеивалась над простотой быта и предвкушала долгие прогулки и разговоры.

Отчасти из-за этих планов именно в этот момент мы перезванивались почти каждый день. Хотя такие периоды, конечно, бывали и раньше... В это же время мы постоянно переговаривались с ее близкой подругой и соседкой – Светланой Шмовель. Она вспоминает:

В память о Нине Александровне.

Мы познакомились более 35 лет тому назад. Я восхищалась ее красотой, человеколюбием и одержимостью в своей профессии. В последние годы мы сблизились, часами могли говорить на разные темы. Даже разница в возрасте не мешала нам тесно общаться. Для меня общение с Ниной было большой радостью и удачей, чему-то я училась у нее, иногда она прислушивалась ко мне. Мы стали родственными душами! Я могла бы много писать о независимости, таланте и красоте ее души. “Нинон” навсегда останется в моей памяти светлым человеком.

В среду, 8 июля, она собиралась приехать посмотреть на дачу. Одним из ее планов было закончить свои воспоминания о детстве и юности для публикации, которые она начала наговаривать на диктофон....

Вместо этого позвонила и сказала, что очень плохо себя чувствует, вызвала скорую. Вечером ее госпитализировали. Она поехала в больницу, взяв бумаги и собираясь работать – она была очень воодушевлена продлением контракта в МГУ и тем, что выходила долгожданная статья в ЭНОЖ.

На следующий день ее не стало...

Вот то немного, что удалось записать из ее воспоминаний о детстве:

[Когда началась война], мы почему-то уехали на юго-запад, куда-то в район Калуги. Странное решение. У меня была собака – королевский черный пудель. С ним связано военное предательство, которое я не могла простить. Я предупреждала взрослых, что [с ним] будет плохо: собаку оставили, когда немцы подступали, и мы стали возвращаться в Москву. Наша машина была единственная, которая ехала в сторону города. Все остальные двигались назад – это был массовый исход из Москвы.

В Москве никого не осталось. Я помню эту жуткую эвакуацию – все игрушки были оставлены. Опустевший город. Мама работала в наркомате. Она не стала заниматься эвакуацией. Возможно, потому что она не хотела оставлять отца – он, скорее всего, уехать не мог, был военнообязанным или, во всяком случае, должен был остаться в Москве. Она просто не занималась этим вопросом. Мы остались, а потом был арест отца (это и есть главное впечатление детства), и началась совершенно другая жизнь....

Я все время ощущала недостаток [его присутствия в жизни]...

Отца арестовали в декабре 1942. Его не забрали на фронт – возможно, потому что он не подошел по возрасту – он воевал еще в Первую мировую. Или потому, что у него был залеченный туберкулез, рана на ноге, она была больная. Он не был военным, работал чиновником.

Я помню сам арест. Отца уводили у меня на глазах, часов в 10 вечера, я еще не спала – я спала на кухне, было очень холодно. Я начала плакать и кричать от испуга. Они были в военной одежде. Никакой грубости не было, каждого из нас уводили для разговора. Я кричала, страшно кричала. Я не понимала, что происходит, но я поняла, что в дом пришло зло. При том, что ни отца, ни меня с мамой не били, арестовывали сотрудники, которые были очень вежливыми. Произвели обыск. Все равно было очень страшно. Я, по-моему, даже бросилась [на них]. Мама закрывала [мне] рот.

Мама все время боялась. В подъезде оставалось всего 3–4 семьи, дом в 8 этажей, она всегда слушала, как поднимается лифт. Если бы на третьем – то к нам...

От наркомата, где работал отец, ничего не осталась, мама была вынуждена искать работу – нужно же было что-то “получать”. Она стала шить, шила белье, брала надомную работу. Я год не училась, потому что школы в Москве во время войны были закрыты и целый год не работали, да и детей в Москве совершенно не осталось. Страшное время. Мы сами стали топить печку. Отапливать всю квартиру было невозможно. Хватало на одну комнату, на кухню. В другую комнату мама одевала меня в пальто и водила гулять...

Трудно сказать, что послужило причиной. Арестов тогда было много. Когда отца отправляли в лагерь, был полный вагон. Во время войны постоянно искали врагов, всех, кто мог бы представлять опасность для тыла, дезорганизовывать тыл. Возможно, на него донесли. Возможно, кто-то завидовал. Это же было нормально, доносы поощрялись. Никто этому не препятствовал. Возможно, были разговоры... Какой-то донос, вменялось «за политические разговоры, не выражающие политическую благонадежность».

К нему даже обвинение придумать не могли. В итоге его арестовали по 58 статье – дали 10 лет. Отец был в пересыльной тюрьме в Матросской тишине, потом в Бутырке – они были совсем рядом с нами. Мы жили на Ярославской. Его отправили в лагерь, он валил лес. Его отправили по этапу, мама дважды ездила в лагерь.

Один раз мы к нему ездили вместе – в район Горького, доехали на поезде, потом нас ждала телега с мужичком, зима стояла такая суровая. Ехали, ехали, мне казалось безумного далеко, дорога плыла как сонная муха. Доехали почти ночью. Стояли особые северные дома с большой подклетью, окна комнат располагались очень высоко, внизу пахло скотиной, от дома, который топился, шло тепло. Все шуришало, двигалось, Нас встретила очень приветливая женщина, может быть, потому что мама останавливалась [у нее] второй раз. Уложила спать. Первый и последний раз я спала на перине, кровать была с таким чистым бельем, свежим, что когда я легла, и было очень пушистое одеяло, я “утонула”...

Утром нас рано разбудили, опять какой-то заскорузлый мужичок – “некачественный”, не очень молодой, снова нас посадил, опять поехали до лагеря. Было светло, мне казалось, что деревья были безумно высокие – может быть, ощущения ребенка.

Они были на лесоповале, на лесозаготовках. Возможно, лес был очень высокий. Мы подъехали к большому забору, и вне этого забора

стоял домик, гостеприимный домик, нас провели туда. Мама оформляла свидание. И в какой-то момент пришел отец. Разговора я не помню. Все это было уродливо, неловко, я его забыла, он ужасно выглядел – в немыслимой телогрейке. Я помню его блестящим “мужиком”. Теперь он сгорбился, сник, болел. Печать этой среды – всё это на нем лежало. Он все время меня заклинал, если и выходить, то только из домика, ни на шаг, никуда – наверное, боялся шпаны. Потом я еще раз его видела. И всё...

Мы из книг вырезали всех врагов народа. Он не был политическим деятелем, не был коммунистом. У него был туберкулез, он сгинул...

Вышел из тюрьмы в 1953 г. Еще когда он был в лагере, родители развелись. У него был рак головного мозга. Он умер в Средней Азии, в г. Джамбул.

Вспоминать это очень тяжело. Я всю жизнь боялась, что будет известно об аресте отца. Я всегда скрывала. Когда я поступала в университет, все время старалась скрывать. Страх сохранился на всю жизнь, вплоть до того момента, когда была первая загранпоездка. Особенно боялась, когда шла речь о поездке за границу. Тогда это и могло возникнуть. Всю жизнь бежала парткомов. И в 1960-е годы сажали. Вообще, границей стала оттепель 1962 года. Но все равно боялись...

После того, что случилось с отцом, мама ждала ареста – вздрагивала, когда дверь хлопала. Квартира, в которой мы жили, была получена отцом. Мы ничего особенного не обсуждали «по обоюдному пониманию». Мои воспоминания об отце – компанейский, блестящий, жуир, любил цыганину, был знаком с Лялей Черной, играл на гитаре. Жил, работал, красиво одевался.

Его отец – крупный реставратор, считался и художником, и реставратором, имел частный дом с великолепной обстановкой. У меня был письменный стол, ломберный столик, какие-то лампы. Хороший средний класс, изысканный. Дед, в частности, расписывал магазин Мюр и Мерилиз – внутренние украшения в здании, модерн – он был один из тех, кто организовывал, то есть, был причастен к этим работам. Дома висел Маковский. Дом горел, “Маковского” выбрасывали со второго этажа...

Семья мамы – бабушка – мадам в мехах. Меха – не сталь, но изыск, пошив. Бабушка по линии мамы – меховица. Было огромное меховое дело, бабушка имела салон на Петровке. Происхождение было доста-

точно скрыто (третье зажиточное сословие) – из бывших, мама не могла поступить в вуз. Дома играли на пианино, наверное, закончили гимназию. [Мамина молодость] была потеряна. Она училась музыке. Потом занималась секретарской работой.

Когда умер мамин отец и грянула революция, у бабушки был удар. Бабушка (бабуня) не могла справиться, и она отправила маму и Клаву к сестре отца, которая была казначейшей крупного монастыря (Голутвинского, послушницей). Клава, постарше, и мама, жили в этом монастыре. И вот мама с сестрой оказались там – пичужки... Сохранилась потрясающая фотография – огромный женский монастырь. Сидят с краю две детульки, в первом ряду, на голове беленькие платочки – мама – кнопочка...

У бабушки осталась дача, в Кунцево, которую потом разорили. Дачу вспоминаю с болью – дядя Сережа, мамин брат, только смог продать ценное дерево внутри, какие-то важные породы дерева – была изумительная мебель, буфеты с цветным стеклом, их некуда было поставить, многого не понимали, за дачу мог получить деньги только дядя Сережа. Вопрос стоял – или квартира, или дача. Мы не получили ничего.

Все, что сохранилось от дореволюционного периода – семь рублей. Об этом не вспоминали. Бабушка – гранд-дама, которая все потеряла, но на самом деле это была средней руки мелкобуржуазная семья. Лишенцы. Во время новой эпохи мы не соответствовали – не рабочие. Дед был художником, но вышел “из внимания...”

Дядя Сережа стал наследником мехового дела. Даже в советские времена он возглавлял ателье. Я ходила в каракулевых манти – он сшил мне пальто из коричневого кляма.

С нами постоянно жила няня Фрося. Родители были для меня непререкаемым авторитетом. Заботились о чтении, о репутации. У них были иные представления о жизни. Всем обязана им. Мы были другими.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ НИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ ХАЧАТУРЯН

1961

1. Афон // Советская историческая энциклопедия / глав. ред. Е. М. Жуков. М.: Государственное научное издательство «Советская энциклопедия», 1961. Т. 1. С. 967–968 (под фамилией Н. А. Денисова).

2. Из истории политической борьбы во Франции в начале XIV в. (трактаты легиста Дюбуа об уничтожении Ордена тамплиеров) // Средние века. 1961. Вып. 20. С. 208–224 (под фамилией Н. А. Денисова).

1962

3. Большие французские хроники // Советская историческая энциклопедия / глав. ред. Е. М. Жуков. М.: Государственное научное издательство «Советская энциклопедия», 1962. Т. 2. С. 604–605 (под фамилией Н. А. Денисова).

4. Боссюэ Жак Бенинь // Там же. С. 647 (под фамилией Н. А. Денисова).

1963

5. Галликанство // Советская историческая энциклопедия / глав. ред. Е. М. Жуков. М.: Государственное научное издательство «Советская энциклопедия», 1963. Т. 4. С. 63–64.

6. Рецензия на кн.: Лекции Т. Н. Грановского по истории средневековья. М., 1961 // История СССР. 1963. № 1. С. 201–202 (под фамилией Н. А. Денисова). (В соавторстве с В. И. Бугановым).

1966

7. Духовенство и дворянство на Генеральных штатах 1302–1308 гг. // Средние века. 1966. Вып. 29. С. 90–113 (под фамилией Н. А. Денисова).

8. К вопросу о политической роли горожан в истории Генеральных штатов во Франции // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1966. № 3. С. 56–68 (под фамилией Н. А. Денисова).

1967

9. Нотабли // Советская историческая энциклопедия / глав. ред. Е. М. Жуков. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1967. Т. 10. С. 353.

10. Орлеан // Там же. С. 614 (под фамилией Н. А. Денисова).

11. Парламенты во Франции 13–18 вв. // Там же. С. 864 (под фамилией Н. А. Денисова).

1968

12. Возникновение сословного представительства во Франции в начале XIV в.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.00: История и археология. Московский государственный университет. Москва, 1968. 322 с.

13. Провинциальные штаты во Франции // Советская историческая энциклопедия / глав. ред. Е. М. Жуков. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1968. Т. 11. С. 575–576 (под фамилией Н. А. Денисова).

1971

14. Генеральные штаты // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. / глав. ред. А. М. Прохоров. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1971. Т. 6. С. 221–222 (под фамилией Н. А. Денисова).

1972

15. Социально-политические аспекты начальной истории Генеральных штатов во Франции // Европа в средние века. Экономика, политика, культура. К 80-летию академика С. Д. Сказкина / отв. ред. З. В. Удальцова. М.: Наука, 1972. С. 161–174 (под фамилией Н. А. Денисова-Хачатурян).

1973

16. Карл Смелый // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. / глав. ред. А. М. Прохоров. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1973. Т. 11. С. 436 (под фамилией Н. А. Денисова-Хачатурян).

1974

17. Нотабли // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. / глав. ред. А. М. Прохоров. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1974. Т. 18. С. 140 (под фамилией Н. А. Денисова-Хачатурян).

18. Филипп IV Красивый // Советская историческая энциклопедия / глав. ред. Е. М. Жуков. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1974. Т. 15. С. 82–83 (под фамилией Н. А. Денисова-Хачатурян).

1975

19. Du rôle restrictif des ordres dans les États généraux de France au début du XIVe siècle // Études présentées à la Commission internationale pour l'histoire des Assemblées d'états (XIII Congrès international des sciences historiques, Moscou, 1970). Varsovie, 1975. Т. LII. P. 111–120 (под фамилией N. A. Denissova-Chačaturjan).

1976

20. Возникновение Генеральных штатов во Франции / под ред. С. Д. Сказкина. М.: Издательство Московского университета, 1976. 210 с.

1977

21. Organisation et structure sociales des premiers États Généraux en France // Album François Dumont. Études présentées à la Commission internationale pour l'histoire des Assemblées d'états. Bruxelles: Editions de la Librairie encyclopédique, 1977. Т. LX. P. 69–98 (под фамилией Nina Denissova-Khatchaturian).

1978

22. К вопросу о природе французской сословной монархии // Средние века. 1978. Вып. 42. С. 27–48.

1981

23. Обзор спецкурса С. Д. Сказкина «История средневековой культуры» // Из истории социально-политической и духовной жизни Запад-

ной Европы в средние века: Материалы научного наследия / Сказкин С. Д. / отв. ред. Е. В. Гутнова. М.: Наука, 1981. С. 264–289.

24. Проблемный принцип построения курса истории средних веков для неисторических факультетов университетов // Методика преподавания истории средних веков по опыту Московского Университета / отв. ред. Ю. М. Сапрыкин. М.: Издательство Московского университета, 1981. С. 62–74.

1982

25. Проблемы преподавания и научной специализации на кафедре истории средних веков исторического факультета МГУ (конец 60-х–1980 гг.) // Средние века. 1982. Вып. 45. С. 243–264.

1983

26. Город в системе феодальной формации // Вопросы истории. 1983. № 1. С. 69–84 (вошла в монографию № 87. С. 46–61).

1984

27. Кафедра истории средних веков // Историческая наука в Московском университете (1934–1984) / отв. ред. Ю. С. Кукушкин. М.: Издательство Московского университета, 1984. С. 206–233. (В соавторстве с Е. В. Гутновой).

28. Крестьянский вопрос на Генеральных штатах 1484 г. во Франции // Идеино-политическая борьба в средневековом обществе: сборник статей / отв. ред. Е. В. Гутнова. М.: Институт всеобщей истории АН СССР, 1984. С. 141–164 (вошла в монографию № 87. С. 117–131).

1985

29. Социальная организация французского крестьянства в XIII–XIV вв. (по материалам Парижского парламента) // Феодальная рента и крестьянские движения в Западной Европе XIII–XV вв. / под ред. Е. В. Гутновой. М.: Наука, 1985. С. 222–253 (вошла в монографию № 87. С. 92–108).

30. Рецензия на кн.: Басовская Н. И. Столетняя война 1337–1453 гг. М., 1985 // Вопросы истории. 1985. № 11. С. 130–132.

1986

31. Парламент и Генеральные штаты // Книга для чтения по истории средних веков / под ред. А. А. Сванидзе. М.: Просвещение, 1986. С. 116–124.

32. Рецензия на кн.: История крестьянства в Европе. М., 1985. Т. 1 // Вопросы истории. 1986. № 9. С. 143–148.

1987

33. Социальная природа сословной монархии во Франции XIV–XV вв.: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.03: Всеобщая история (соответствующего периода) (ист. науки). Московский государственный университет. М., 1987. 355 с. + Прил. (184 с.).

34. Налоговая политика Французской сословной монархии в XIV–XV вв. // Средние века. 1987. Вып. 50. С. 113–137.

35. О научном сотрудничестве историков СССР и Португалии // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1987. № 4. С. 76–87. (В соавторстве с В. А. Федоровым).

1988

36. Французское крестьянство в системе сословной монархии // Классы и сословия средневекового общества / под ред. З. В. Удальцовой. М.: Издательство Московского университета, 1988. С. 103–111 (вошла в монографию № 87. С. 109–116).

1989

37. Сословная монархия во Франции XIII–XV вв.: учебное пособие для вузов. М.: Издательство «Высшая школа», 1989. 272 с.

38. . Le dualisme de la structure politique en France aux XIVe et XVe ss. // Actes du XIème colloque des historiens français et soviétiques (Paris, 18–21 septembre 1989). Tome I. L'administration locale et le pouvoir central en France et en Russie (XIIIe–XVe siècle). P.: Comité français des sciences historiques, 1989. P. 165–176 (под фамилией N. Khatchatourian)

1990

39. От редколлегии // Средние века. 1990. Вып. 53. С. 5–20. (Соавторы: Барг М. А., Басовская Н. И., Варьяш О. И., Володарский В. М.,

Гутнова Е. В., Карпов С. П., Мажуга В. И., Мельникова Е. А., Репина Л. П., Уваров П. Ю., Флоря Б. Н., Сванидзе А. А.)

40. Франция в XI–XV вв. // История средних веков: учебник для университетов / под ред. З. В. Удальцовой, С. П. Карпова. М.: Издательство «Высшая школа», 1990. Т. 1. Гл. IX. С. 225–261.

1991

41. Иносказания Ромена Гари // Вопросы литературы. 1991. Ноябрь – декабрь. № 12. С. 206–214.

42. Политическая и государственная история западного Средневековья в контексте структурного анализа // Средние века. 1991. Вып. 54. С. 5–22 (вошла в монографию № 87. С. 8–13).

1992

43. Авторитарный и коллективный принципы в политической эволюции средневековой государственности // Власть и политическая культура в средневековой Европе / под ред. Е. В. Гутновой. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1992. С. 14–23.

44. Феномен корпоративизма // Общность и человек в средневековом мире / отв. ред. А. А. Сванидзе. М.; Саратов: Издательство Саратовского университета, 1992. С. 17–23.

45. Эволюция государства в средневековой Европе до конца XV в. // История Европы / отв. ред. З. В. Удальцова. М.: Наука, 1992. Т. II. С. 487–508.

46. Рецензия на кн.: Кудрявцев П. Н. Лекции. Сочинения. Избранное. М., 1991 // Вопросы истории. 1992. № 8–9. С. 178–180.

1993

47. Анналы и проблемы политической истории // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг школы «Анналов» / отв. ред. Ю. Л. Бессмертный. М.: Наука, 1993. С. 161–162.

1995

48. Политическая история Западной Европы в отечественной медиавистике: достижения и потери // Бюллетень Всероссийской Ассо-

циации медиевистов и историков раннего Нового времени. 1995. № 6. С. 5–10.

49. Современная историография по проблеме королевской власти в средневековом обществе (Харизма королевской власти. Материалы круглого стола) // Средние века. 1995. Вып. 58. С. 144–149.

50. Средневековая культура России и Западной Европы: идентичность и расхождения // Цивилизации / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Наука, 1995. Вып. 3. С. 62–80. (В соавторстве с В. М. Хачатурян).

1997

51. Первый опыт изучения гуманизма и Реформации в отечественной медиевистике: (Лекционный курс П. Н. Кудрявцева) // Средние века. 1997. Вып. 60. С. 339–345.

52. Статус западноевропейского дворянства, его внутренняя стратификация и социальные потенции // Бюллетень Всероссийской Ассоциации медиевистов и историков раннего Нового времени. 1997. № 8. С. 10–14 (вошла в монографию № 87. С. 132–138).

53. Сущность понятий «средние века» и «феодализм» // История Средних веков: В. 2 т. Т. 1.: Учебник / под ред. С. П. Карпова. 1-4 изд. М.: Издательство Московского университета, 1997-2003. Гл. I. С. 7–29.

54. Франция в XI–XV вв. // Там же. Гл. X. С. 288–329.

1999

55. Выступление в дискуссии по проблеме «Индивидуальное и универсальное в истории»²⁴⁸ // Казус. 1999. Вып. 2. С. 48–53.

56. Политическая организация средневекового города // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Феномен средневекового урбанизма / отв. ред. А. А. Сванидзе. М.: Наука, 1999. Т. 1. С. 313–340 (вошла в монографию № 87. С. 62–91).

57. Бомануар Ф. Кутюмы Бовези: перевод и комментарии // Антология мировой правовой мысли в пяти томах / отв. ред. Н. А. Краше-

²⁴⁸ Дискуссия по статье М. А. Бойцова «Вперед, к Геродоту!» состоялась 1 марта 1998 г. в ИВИ РАН на семинаре «Индивид и частная жизнь в Европе и Азии до начала Нового времени». В публикации также содержатся выступления И. С. Свенцицкой, С. А. Экштута, О. И. Тогоевой, М. Л. Абрамсон, Л. П. Репиной, А. А. Котоминой, О. Е. Кошелевой, П. Ю. Уварова, Ю. Л. Бессмертного.

нинникова. М.: Мысль, 1999. Т. 2. С. 452–463. (Перевод в соавторстве с Е. Тушиной).

58. Боден Ж. Шесть книг о государстве: перевод и комментарии // Там же. С. 688–695.

59. Публикация, комментарии, вступительные статьи к средневековым памятникам (хартия Страсбурга, Великий мартовский ордонанс, Иоанн Солсберийский, Марсилиус Падуанский, Николай Орезм) // Там же. С. 334–342, 463–470, 596–597, 604–605, 610–611.

2000

60. А. А. Сванидзе: личность, труды, поколение // Средние века. 2000. Вып. 61. С. 3–26.

61. Неопубликованная рукопись книги А. Л. Пастернака по теории истории градостроительства // Там же. С. 333–346.

2001

62. Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда / отв. ред. Н. А. Хачатурян. М.; СПб.: Алетейя, 2001. 352 с.

63. Запретный плод... или Новая жизнь темы монаршего двора в отечественной медиевистике // Там же. С. 7–30.

64. Бургундский двор и его властные функции в трактате Оливье де Ля Марша // Там же. С. 121–136 (вошла в монографию № 87. С. 239–249).

65. Обет Фазана: Банкет при дворе герцога Бургундского // Мир истории: Прошлое далекое и близкое: Научно-популярный журнал. 2001. № 2. С. 34–38.

66. Современная медиевистика России в контексте мировой исторической науки // Средние века. 2001. Вып. 62. С. 195–212 (вошла в монографию № 87. С. 268–284).

67. Подготовка к изданию и публикация: Пастернак А. Л. Общие центры городов античного мира, Средних веков и классицизма (Главы из неопубликованной рукописи) // Там же. С. 275–300.

2002

68. Подготовка к изданию и публикация: Пастернак А. Л. Общие центры городов античного мира, Средних веков и класси-

цизма: Фрагмент неопубликованной рукописи (окончание) // Средние века. 2002. Вып. 63. С. 328–358.

2003

69. Аристотелевское понятие «гражданин» в комментариях Николая Орезма и социальная реальность Франции XIII–XIV вв. // От Средних веков к Возрождению: сборник в честь профессора Л. М. Брагиной. СПб: Алетейя, 2003. С. 19–35 (вошла в монографию № 87. С. 139–155).

2004

70. Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория. Символика. Церемониал / отв. ред. Н. А. Хачатурян. М.: Наука, 2004. 540 с.

71. Колесо Фортуны. Праздники и будни монаршей власти // Там же. С. 5–12.

72. Светские и религиозные мотивы в придворном банкете «Обет Фазана» герцога Бургундского в XV в. // Там же. С. 177–199 (вошла в монографию № 87. С. 250–267).

73. Вспоминая С. Д. Сказкина. Оценить и понять // Средние века. 2004. Вып. 65. С. 281–288.

74. Медиевистика. Византиноведение // Историческая наука в Московском университете (1755–2004) / под ред. С. П. Карпова. М.: Издательство Московского университета, 2004. С. 328–364. (В соавторстве с С. П. Карповым).

75. Кафедра истории средних веков // Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет / под общ. ред. С. П. Карпова. М.: Издательство Московского университета; Издательство РОССПЭН, 2004. С. 187–195.

76. Политический театр власти: личности, свершения, иллюзии // «Индивидуальное и коллективное в истории». Материалы международной конференции 24–27 сентября 2001 / отв. ред. В. С. Мирзеханов. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2004. С. 125–136.

77. Тема королевского двора в исследованиях отечественных медиевистов // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2004. № 3/36. С. 106–118.

2005

78. Сущность понятий «Средние века» и «феодализм» // История Средних веков: В. 2 т. Т. 1.: Учебник / под ред. С. П. Карпова. 5-7 изд. М.: Издательство Московского университета, 2005–2010. Гл. I. С. 11–32.

79. Франция в XI–XV вв. // Там же. Гл. X. С. 320–361

80. Рецензия на кн.: Цатурова С. К. Офицеры власти. М., 2002 // Средние века. 2005. Вып. 66. С. 314–318.

2006

81. Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти / отв. ред. Н. А. Хачатурян. М.: Наука, 2006. 484 с.

82. Сакральное в человеческом сознании. Загадки и поиски реальности // Там же. С. 5–16 (вошла в монографию № 87. С. 23–30).

83. Король-sacré в пространстве взаимоотношений духовной и светской власти в средневековой Европе (морфология понятия власти) // Там же. С. 19–28 (вошла в монографию № 87).

84. Рецензия на кн.: Уваров П. Ю. Франция XVI века: опыт реконструкции по нотариальным актам. М., 2004 // Средние века. 2006. Вып. 67. С. 358–364.

2007

85. Боден Жан // Энциклопедия «Культура Возрождения» / отв. ред. Н. В. Ревякина. М.: РОССПЭН, 2007. Т. 1. С. 197–200.

86. Общественная система и принцип относительности. К вопросу о содержании концепт-явления «феодализм» // Средние века. 2007. Вып. 68 (1). С. 6–35 (вошла в монографию № 87. С. 285–309).

2008

87. Власть и общество в Западной Европе в Средние века / отв. ред. Л. П. Репина. М.: Наука, 2008. 313 с. [в монографию вошли № 42 (с. 8–13), 83 (с. 14–22), 82 (с. 23–30), 26 (с. 46–61), 56 (с. 62–91), 29 (с. 92–108), 36 (с. 109–116), 28 (с. 117–131), 52 (с. 132–138), № 69 (с. 139–155), 64 (с. 239–249), 72 (с. 250–267), 66 (с. 268–284), 86 (с. 285–309)]

88. Средневековый корпоративизм и процессы самоорганизации в обществе. Взгляд историка-медиевиста на проблему коллективного субъекта // Там же. С. 31–45. (Тезисы доклада).

89. Европейский феномен сословного представительства. К вопросу о предыстории «гражданского общества» // Там же. С. 156–227.

90. Проблемы и перспективы в изучении темы Королевского двора // Там же. С. 228–238.

91. Власть, общество, индивид в средневековой Европе / отв. ред. Н. А. Хачатурян. М.: Наука, 2008. 600 с.

92. Введение. Суверенитет, закон и «вся община»: взаимодействие и дихотомия власти и общества // Там же. С. 5–8.

93. Феномен сословного представительства в контексте проблемы *État moderne* // Там же. С. 34–43.

94. Система и принцип относительности // Феодализм: понятие и реалии. Материалы круглого стола. Москва, 25 апреля 2005 г. / под общ. ред. А. Я. Гуревича, С. И. Лучицкой, П. Ю. Уварова. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2008. С. 109–114.

2009

95. Эпистемология истории исторического знания (к постановке вопроса) // Средние века. 2009. Вып. 70 (3). С. 11–31.

96. Рецензия на кн.: Лебедева Г. Е., Якубовский В. А. *Cathedra medii aevi*: Материалы к истории ленинградской медиевистики 1930–1950-х годов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007 // Там же. С. 196–199.

2011

97. Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / отв. ред. Н. А. Хачатурян. М.: Наука, 2011. 503 с.

98. Горизонты темы: типичность, преемственность и креатив политических форм в истории западноевропейского Средневековья // Там же. С. 5–16.

99. «Король – император в своем королевстве»... Политический универсализм и централизованные монархии // Там же. С. 66–88.

100. Ла Марш Оливье де // Энциклопедия «Культура Возрождения» / отв. ред. О. Ф. Кудрявцев. М.: РОССПЭН, 2011. Т. 2. Кн. 1. С. 17–18.

101. Орезм Николай // Там же. С. 427–428.
102. Придворная культура // Там же. С. 639–642.
103. Честь и достоинство историка. Неоконченное интервью с Бернардом Гене // Средние века. 2011. Вып. 72 (1-2). С. 390–398.

2012

104. Медиевистика // Большая Российская энциклопедия / пред. науч.-ред. совета Ю. С. Осипов; отв. ред. С. Л. Кравец. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2012. Т. 19. С. 481–487. (В соавторстве с С. П. Карповым и П. Ю. Уваровым; при участии С. Ю. Агишева, М. А. Бойцова, О. С. Воскобойникова, Т. П. Гусаровой, О. В. Дмитриевой, И. С. Филиппова, И. И. Шиловой-Варьяш).
105. Проблема достоверности исторического знания, или неверная история // Может ли история быть объективной? Материалы международной научной конференции, г. Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 2 декабря 2011 / отв. ред. С. П. Карпов. М.: Издательство Московского университета, 2012. С. 189–192. (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 54. Сер. «Исторические исследования»: 19).

2013

106. Европейский средневековый парламентаризм: опыт сравнительного анализа // Сословное представительство в России в контексте европейской истории (вторая половина XVI–середина XVII вв.) Международная научная конференция 7–10 октября 2013 г.: тезисы докладов / отв. ред. А. В. Доронин, В. Д. Назаров. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2013. С. 181–183.

2014

107. Тема королевского двора в российской медиевистике: рефлексии и эксперимент // Французский ежегодник 2014: Жизнь двора Франции от Карла Великого до Людовика XIV. 2014. С. 8–26. URL: <https://annuaire-fr.igh.ru/issues/2014/articles/s1339?locale=ru>
108. Творчество Е. В. Гутновой (1914–1992) в контексте потенциала отечественной медиевистики // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Т. 5. Вып. 6 (29): Политические структу-

ры и социальные процессы в Европе: позднее Средневековье и раннее Новое время. URL: <https://history.jes.su/s207987840000801-0-1/>

109. Придворная культура: параметры явления // Придворная культура эпохи Возрождения / отв. редакторы Л. М. Брагина, В. М. Володарский. М.: РОССПЭН, 2014. С. 5–17.

110. «Юбилейная рецензия» или *hommage* отечественных медиевистов Аде Анатольевне Сванидзе // Средние века. 2014. Вып. 75 (3-4). С. 134–139.

2015

111. Этносы и «нации» в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / отв. ред. Н. А. Хачатурян. СПб.: Алетейя, 2015. 397 с.

112. Этносы и нации: преемственность явлений и проблема «актуального средневековья» // Там же. С. 5–16.

113. Проблема этносов и протонаций в контексте социально-экономической и политической эволюции средневекового общества в Западной Европе // Там же. С. 19–37.

114. Памяти Рената Меулетовича Асейнова (19.09.1982–22.04.2015) // Средние века. 2015. Вып. 76 (3-4). С. 420–422.

115. Сословно-представительная монархия // Большая российская энциклопедия / пред. науч.-ред. совета Ю. С. Осипов; отв. ред. С. Л. Кравец. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2015. Т. 30. С. 721–722.

116. Тема королевского двора в российской медиевистике: рефлексии и эксперимент // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Т. 6. Вып. 4 (37): Французский ежегодник: Жизнь двора Франции от Карла Великого до Людовика XIV. URL: <https://history.jes.su/s207987840001025-6-1/>

117. Творчество Е. В. Гутновой (1914–1992) в контексте потенциала отечественной медиевистики // Средние века. 2015. Вып. 76 (1-2). С. 291–307.

2016

118. Великая Хартия Вольностей. Документ и знаки времени в контексте историописания // Средние века. 2016. Вып. 77 (1-2). С. 49–61.

119. Ещё раз о «неверной истории»: принципы историописания // *Universitas historiae*. Сборник статей в честь Павла Юрьевича Уварова

/ отв. Ред. А. О. Чубарьян. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2016. С. 535–541.

120. Ю. П. Малинин. Творчество в параметрах пространства и времени // *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и Раннего Нового времени*. 2016. Т. 2. С. 9–30.

2017

121. Введение. Собственность в западноевропейском Средневековье: вариации явления // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2017. Т. 8. Выпуск 8 (62): Собственность в средневековой Западной Европе (земля – власть – право). URL: <https://history.jes.su/s207987840002064-9-1/>

122. Явление собственности в параметрах метафизики исторического процесса и средневековой реальности // Там же. URL: <https://history.jes.su/s207987840002002-1-1/>

123. Европейский средневековый парламентаризм: опыт сравнительного анализа // *Представительные институты в России в контексте европейской истории, XV – середина XVII в.* / отв. ред. В. Д. Назаров. М.: Древлехранилище, 2017. С. 7–17.

124. Средневековый парламентаризм: к вопросу о предыстории европейского гражданского общества // *Новая и новейшая история*. 2017. № 4. С. 16–23.

2019

125. Научное творчество Р. М. Асейнова (19.09.1982–22.04.2015) в контексте отечественной медиевистики // Асейнов Р. М. При дворе герцогов Бургундских. История, политика, культура XV века. М.: Издательство Университета Дмитрия Пожарского, 2019. С. 11–14.

2020

126. Концепт-явление «собственность» в общественной структуре западноевропейского Средневековья / отв. ред. Н. А. Хачатурян. СПб.: Алетей, 2020. 398 с. (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 162. Сер. II: Исторические исследования, 101).

127. Введение. Проблема собственности в комплексном пространстве западноевропейского средневекового социума // Там же. С. 5–13.

128. Проблема «материального соблазна» в историческом знании конца XIX–начала XXI столетий (лимиты и достижения) // Там же. С. 30–59.

129. Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Выпуск 10 (96): От патримониальной монархии к публично-правовому государству в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / отв. ред. Н. А. Хачатурян. URL: <https://history.jes.su/issue.2020.4.10.10-96/>

130. Королевский Двор в институциональной истории западноевропейской средневековой государственности (к вопросу о преемственности в процессе развития) // Там же. URL: <https://history.jes.su/s207987840011669-4-1/>

Составитель Е. С. Титова

*За помощь в работе выражаю благодарность
А. Е. Якименко, С. Г. Мереминскому, О. В. Савельер.*

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

1. Поздравляем Нину Александровну Хачатурян // Средние века. 2006. Вып. 67. С. 247–250.
2. Список научных трудов Нины Александровны Хачатурян // Средние века. 2006. Вып. 67. С. 439–444.
3. Искусство власти. Сборник в честь профессора Н. А. Хачатурян / отв. ред. О. В. Дмитриева. СПб.: Алетейя, 2007.
4. Цатурова С. К. Нина Александровна Хачатурян: портрет ученого в зрелости // Искусство власти. Сборник в честь профессора Н. А. Хачатурян / отв. ред. О. В. Дмитриева. СПб.: Алетейя, 2007. С. 6–38.
5. Интервью с Ниной Александровной Хачатурян // Средние века. 2012. Вып. 73 (1-2). С. 10–16.
6. Цатурова С. К. Наследие Нины Александровны Хачатурян в «Средних веках» // Средние века. 2020. Вып. 81 (3). С. 10–18.
7. Профиль Н. А. Хачатурян в системе ИСТИНА. URL: <https://istina.msu.ru/profile/HachaturyanN.A./>
8. Диссертации, подготовленные на кафедре [истории Средних веков, МГУ] с 1977 г. URL: <http://hist.msu.ru/departments/8823/research/dissertations/> *
9. Дипломы, подготовленные на кафедре в 1940–2015 гг. URL: <https://web.archive.org/web/20160410173344/http://hist.msu.ru/Departments/Medieval/index.html> *

* к списку учеников Н. А. Хачатурян.

СПИСОК УЧЕНИКОВ НИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ ХАЧАТУРЯН:

Специалисты:

1970 – Макарова Л. М. «Источники о союзе королевской власти и городов во Франции XI–начала XIV вв.»

1973 – Колесник В. И. «Жан Сир де Жуанвиль как историк своего времени».

1976 – Коршенбаум И. Ф. «Человек и его время по произведению Жана де Мена «Роман о розе»».

1981 – Цатурова С. К. «Парижское восстание 1356–1358 гг. (к вопросу о формировании городского сословия во Франции)».

– Злобин В. П. «Крестьяне в парижском Парламенте (вторая половина XIII–начало XIV в.)»

1982 – Лучицкая С. И. «Торговое предприятие Бони (из истории купеческого капитала во Франции в XIV в.)»

1983 – Бойцов М. А. «Имперские межсословные собрания в конце XIV в.» (Научное руководство совместно с Бернхардом Тёпфером [ГДР]).

1984 – Тушина Е. А. «Политическая организация и социальная структура французского общества XIII в. в представлении Филиппа де Бомануара».

1986 – Кузьмина М. В. ««Дневник буржуа Парижа» как источник по истории Франции (некоторые аспекты развития городского сословия в XV в.)»

1987 – Амбарцумян Г. Р. «Социально-политические взгляды Т. Базена».

1990 – Максимова А. Е. «Тулузский парламент и проблема централизации Франции (конец XIII–конец XV вв.)»

1991 – Воронина Е. В. «Парижская Рифмованная хроника начала XV в. и ее автор».

1992 – Тогоева О. И. «Криминальная палата Парижского парламента в первой половине XIV в. (право и практика)».

1993 – Кириллова Е. Н. «Формула устава и некоторые направления ее развития по «Книге ремесел» Этьена Буало».

1997 – Ларин С. В. «Внешняя политика герцога Бургундского Карла Смелого».

1998 – Куркин Н. А. «Социально-психологический портрет Людовика XI по его эпистолярному наследию».

1999 – Евсеева Е. В. «Антверпен в исторических произведениях Карла Скрибания: прошлое и современность».

2001 – Трифонов М. Д. «Северофранцузский город XIV в. (на материалах Амьена)».

2003 – Боброва А. Г. «Социально-политические идеи в антианглийской пропагандистской литературе в первой половине XV в.»

– Овчинникова Н. Н. «Враги и герои Столетней войны в общественном сознании Франции XIV в.»

2004 – Айнабеков Б. М. «Скандинавские вторжения и Империя Каролингов в IX в.: предпосылки возникновения Нормандии».

– Асейнов Р. М. «Оливье де Ла Марш: политик и историк (по материалам «Мемуаров»)».

– Диева О. А. «Политико-административная история графства Прованс в составе владений Карла I Анжуйского».

2009 – Гришина Е. А. «Образы «безупречного рыцаря» и Франции конца XV – начала XVI века по произведению Жана Буше «Панегирик Луи де Ла Тремуя»».

– Захарова Е. А. «Человек перед лицом власти: жизнь и творчество Тома Базена».

2010 – Минеева Ю. В. «Проблема политического сознания во Франции в конце XIV – начале XV веков (по материалам «Книги о деяниях и добронравии Карла V Мудрого» Кристины Пизанской)».

2012 – Кравец О. С. «Политическая судьба Бонифация VIII: механизмы и факторы власти «нелегитимного» папы римского».

2013 – Чернышова А. С. «Дипломатическая практика XVII века в сочинении А. де Викфора «Посол и его функции».

2014 – Хуциева Н. Г. «Политическая мысль в творчестве Алена Шартье».

– Якименко А. Е. «Язык ордонансов и проблема формирования королевского суверенитета во Франции (1275–1380)».

Бакалавры:

2015 – Мотева А. И. «Исторические взгляды Тома Базена».

2016 – Денисов А. О. «Конфликты в Парижском парламенте в середине XIII в.»

2018 – Титова Е. С. «Образы упадка Церкви и размышления о ней в памфлете Николя де Кламанжи «Об упадке и обновлении Церкви»».

Магистры:

2017 – Мотева А. И. «Тома Базен: прелат, советник короля, историк».

2018 – Денисов А. О. «Конфликты в Парижском Парламенте при Людовике IX».

2020 – Титова Е. С. «Великая западная схизма и Французское королевство в трудах Николя де Кламанжа».

Кандидаты исторических наук:

1983 – Радзиховская Елена Александровна «Торговые отношения между королевством Арагон и Францией во второй половине XIII – начале XIV веков».

1987 – Колесник Владимир Иванович «Сельские коммуны во Франции в XI–XIII вв.: по материалам пикардийских хартий».

1990 – Цатурова Сусанна Карленовна «Парижский парламент в первой трети XV в. (по «Дневникам» секретарей суда)».

1992 – Санжаров Валерий Анатольевич «Государство и церковь во Франции в последней трети XIV–XV вв.»

1993 – Бессилин Николай Анатольевич «Жан Жувеналь дез Юрсен – историк и политический деятель Франции XV века».

1996 – Стукалова Татьяна Юрьевна «Сеньоры Шартрэна и Берри в X – начале XIV в. (историко-нумизматическое исследование)» (научное руководство совместно с д.и.н. А. С. Мельниковой).

1996 – Тогоева Ольга Игоревна «Понятия «преступление» и «наказание» в уголовном праве и судопроизводстве Франции конца XIII–начала XV в.»

1999 – Польская Светлана Анатольевна «Сакральность королевской власти во Франции середины VIII–XV вв.: церемониальный и символический аспекты проблемы».

2000 – Кириллова Екатерина Николаевна «Ремесленные уставы средневековой Франции и методика их количественного анализа».

2008 – Асейнов Ренат Меулетович «Историческая и общественно-политическая мысль в Бургундии XV в.»

Составитель Е. С. Титова, совместно с И. Д. Вавочкиной

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕДИЕВИСТИКИ

<i>Хачатурян Н. А.</i> Явление «публичность» в высшей форме политической организации – государстве в средневековой Западной Европе	9
<i>Хачатурян Н. А.</i> Проблема «Материального соблазна» в историческом знании конца XIX – начала XXI столетий (лимиты и достижения)	19
<i>Хачатурян Н. А.</i> Явление собственности в параметрах метафизики исторического процесса и средневековой реальности	48
<i>Хачатурян Н. А.</i> Проблема этносов и протонаций в контексте социально-экономической и политической эволюции средневекового общества в Западной Европе	63

КОРОЛЬ, ДВОР, ГОСУДАРСТВО

<i>Хачатурян Н. А.</i> К вопросу о природе французской сословной монархии	83
<i>Хачатурян Н. А.</i> Королевский двор в институциональной истории западноевропейской средневековой государственности (к вопросу о преемственности в процессе развития)	108
<i>Хачатурян Н. А.</i> Тема королевского двора в российской медиевистике: рефлексии и эксперимент.	124
<i>Хачатурян Н. А.</i> «Король – император в своем королевстве»... Политический универсализм и централизованные монархии .	140
<i>Хачатурян Н. А.</i> Король-sacré в пространстве взаимоотношений духовной и светской власти в средневековой Европе (морфология понятия власти)	164

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

<i>Хачатурян Н. А.</i> Великая хартия вольностей. Документ и знаки времени в контексте историописания.	177
<i>Хачатурян Н. А.</i> Средневековый парламентаризм: к вопросу о предыстории европейского гражданского общества.	189

<i>Хачатурян Н. А.</i> Феномен сословного представительства в контексте проблемы <i>État moderne</i>	203
--	-----

ИСТОРИОГРАФИЯ: ЛЮДИ И ИДЕИ

<i>Хачатурян Н. А.</i> Эпистемология истории исторического знания (к постановке вопроса)	215
<i>Хачатурян Н. А.</i> Оценить и понять.	236
<i>Хачатурян Н. А.</i> Честь и достоинство историка. Неоконченное интервью с Бернаром Гене.	244
<i>Хачатурян Н. А.</i> А. А. Сванидзе – личность, труды, поколение . . .	254
<i>Хачатурян Н. А.</i> Творчество Е. В. Гутновой (1914–1992) в контексте потенциала отечественной медиевистики	281

О НАСЛЕДИИ Н. А. ХАЧАТУРЯН

<i>А. О. Чубарьян, С. Е. Федоров.</i> За пределами «материального соблазна»	301
<i>С. К. Цатурова.</i> Европейский феномен сословного представительства в творческом наследии Нины Александровны Хачатурян	319
<i>А. А. Паламарчук.</i> Взгляд на корпоративизм с разных берегов Ла-Манша, или уроки Н. А. Хачатурян для англоведа	341
<i>О. В. Дмитриева.</i> Двор европейского монарха в трудах Н. А. Хачатурян.	356
<i>М. В. Винокурова.</i> Нина Александровна Хачатурян о содержании понятия «феодализм».	367
<i>Е. Н. Кириллова.</i> Проблемы истории средневекового города в творчестве Н. А. Хачатурян	394
<i>Т. П. Гусарова.</i> История длиною в четверть века: Власть и общество средневековой Европы и их жизнь в проекте Н. А. Хачатурян.	411
<i>О. В. Савельер.</i> О том, как карлики взбирались на плечи гигантов	425
<i>И. С. Пичугина, М. В. Золотухина.</i> Памяти Нины Александровны Хачатурян	436
Список трудов Н. А. Хачатурян (<i>Составитель Е. С. Титова</i>)	445
Список учеников Н.А. Хачатурян (<i>Составитель Е. С. Титова совместно с И. Д. Вавочкиной</i>)	461

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛЕТЕЙЯ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ

в Санкт-Петербурге:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Санкт-Петербург, Литейный пр., 57 8 (812) 273 50 53	«ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ» (с 10:00 до 22:00) www.podpisnie.ru
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Санкт-Петербург, ул. Некрасова, 23 8 (911) 977 40 47	«ВСЕ СВОБОДНЫ» (с 12:00 до 22:00) www.vse-svobodny.com
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Санкт-Петербург, Невский пр., 66 8 (812) 640 44 06	«КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ» (с 10:00 до 22:00) www.lavkapisateley.spb.ru
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Санкт-Петербург, ул. Малая Конюшенная, 9 8 (812) 571 20 75, 8 (812) 312 52 00	«СЛОВО» (с 11:00 до 20:00) www.slovo.net.ru
ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ	
Санкт-Петербург, Невский пр., 177 8 (812) 643 77 43	«НЕВСКИЙ, 177» (с 10:00 до 20:00) www.vk.com/dpcspbe

в Москве:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Москва, ул. Тверская, д. 8, стр. 1 8 (495) 629 64 83, 8 (495) 797 87 17	«МОСКВА» (с 09:00 до 24:00) www.moscowbooks.ru
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Москва, Малый Гнездниковский пер., 12/27 8 (495) 749 57 21, 8 (495) 629 88 21	«ФАЛАНСТЕР» (с 11:00 до 20:00) www.falanster.ru
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Москва, Пятницкий пер., 8 8 (495) 951 19 02	«ЦИОЛКОВСКИЙ» (с 11:00 до 22:00) www.primuzee.ru
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Москва, ул. Мясницкая, 20 8 (495) 621 49 66, 8 (495) 628 29 60	«БУКВЫШКА» (пн. – пт. с 10:00 до 20:00, сб. с 10:00 до 19:00) www.bookshop.hse.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Москва, Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 1	«БИБЛИО-ГЛОБУС» (пн.–пт. с 9:00 до 22:00, сб.–вс. с 10:00 до 21:00) www.biblio-globus.ru
---	---

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Москва, ул. Чайнова, 15 8 (495) 250-65-46	«У КЕНТАВРА» (пн.–пт. с 10:00 до 19:30, сб. с 10:00 до 17:00) www.rsuh.ru/kentavr
--	---

в Минске, Киеве, Варшаве, Риге:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Минск, ул. Казинца, 123, оф. 4 +375 17 338 95 23	«ЭПОСЕРВИС» www.tregross.com
---	--

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Киев, Вербовая ул., 8 +38 067 273-50-10	«КНИЖНЫЙ БУМ» (вт.–вс. с 11:00 до 17:30) www.academbook.com.ua
--	--

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Ptasia 4, 00-138 Warszawa +48 22 826 17 36	при «Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego w Warszawie» www.jezykrosyjski.com.pl
---	---

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Kr. Barona iela 45/47, Rīga +371 67315727	«Intelektuāla grāmata» (пн.–пт. с 10:30 до 19:00, сб. с 11:00 до 18:00) www.merion.lv
--	---

Электронные книги:

ДИРЕКТ-МЕДИА ЛИТРЕС	www.directmedia.ru www.litres.ru
--------------------------------------	--

Интернет-магазины:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА»	www.moscowbooks.ru
OZON	www.ozon.ru
NATASHA KOZMENKO BOOKSELLERS	www.nkbooksellers.com
ESTERUM	www.esterum.com
БУКВОЕД	www.bookvoed.ru
ЧИТАЙ ГОРОД	www.chitai-gorod.ru
MY-SHOP.RU	www.my-shop.ru
КНИЖНЫЙ БУМ	www.academbook.com.ua

Научное издание

ИСТОРИК И ОБЩЕСТВО СРЕДНЕВЕКОВОГО ЗАПАДА
Памяти профессора Нины Александровны Хачатурян

Главный редактор издательства
Игорь Александрович Савкин

Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Оригинал-макет *Л. Г. Иванова*
Корректор *Д. Ю. Былинкина*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»

Заказ книг: тел. +7 (921) 951-98-99,
e-mail: fempro@yandex.ru, Савкина Татьяна Михайловна
192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 86 А, оф. 536, 532

Редакция:
e-mail: aletheia92@mail.ru

www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:*

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
«Фаланстер», М. Гнезниковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16
Книжная лавка «У Кентавра». Миусская площадь, д. 6, корп. 6
Тел. (495) 250-65-46, +7-901-729-43-40, kentavr@kpole.ru
«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97

в Киеве:

«Книжный бум». Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru

в Минске:

«Трэгросс-Бук», ул. Казинца, д. 123, оф. 4.
Тел. +37 517 338 95 23, www.tregross.com

в Варшаве:

«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,
ul. Ptasia 4. Тел. +48 (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl

в Риге:

«Intelektuāla grāmata»
Rīga, Kļ. Barona iela 45/47. Тел. +371 67315727, info@merion.lv

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60х90 1/16. Усл. печ. л. 29,3. Печать офсетная. Тираж 500 экз.
Заказ №